

FILOZOFICKÁ FAKULTA UNIVERZITY KARLOVY
ÚSTAV BOHEMISTICKÝCH STUDIÍ

DIPLOMOVÁ PRÁCE

Hodnocení českých překladů románu
Michaila Bulgakova *Mistr a Markétka*

The evaluation of Czech translations of
novel *The Master and Margarita* by
Mikhail Bulgakov

Studentka: Anastasiia Borkoun

E-mail: a.borkunova@seznam.cz

Vedoucí diplomové práce: PhDr. Olga Uličná, CSc.

Praha, prosinec 2007

Za obětavé vedení práce a cenné rady vřele děkuji PhDr. Olze Uličné, CSc. Jsem vděčná také UČNK a kolegyni Mgr. Naděždě Runštukové za technickou podporu a pomoc při tvoření korpusu.

Prohlašuji, že jsem diplomovou práci vypracovala samostatně a že jsem uvedla všechny použité prameny a literaturu.

V Praze dne 28.12.2007

OBSAH

Úvod.....	4
1. Román Michaila Bulgakova <i>Mistr a Markétka</i>	6
1.1 Literárněvědný úvod.....	6
1.2 Lingvostylistická analýza románu <i>Mistr a Markétka</i>	12
1.2.1 Úvod.....	12
1.2.2 Lingvostylistická analýza řečových pásem vybraných postav.....	13
01. Воланд.....	13
02. Коровьев (Фагот).....	24
03. Понтий Пилат.....	34
04. Мастер.....	41
05. Иван Николаевич Поньрев/Бездомный.....	48
06. Vypravěč.....	55
1.2.3 Závěr.....	77
2. Hodnocení českých překladů románu <i>Mistr a Markétka</i>	78
2.1 Úvod.....	78
2.2 Překlad Aleny Morávkové (1969).....	80
01. Woland.....	80
02. Korovjev (Fagot).....	93
04. Mistr.....	108
05. Ivan Nikolajevič Potápka (Bezprizorný).....	116
06. Vypravěč.....	125
2.3 Překlad Libora Dvořáka (2005).....	149
01. Woland.....	149
02. Kravinkin (Fagot).....	162
03. Pilát Pontský.....	174
04. Mistr.....	179
05. Ivan Nikolajevič Ponyrjov (Bezdomovec).....	187
06. Vypravěč.....	198
2.4 Srovnání překladů.....	222
Závěr.....	223

Seznam literatury

Resumé

Úvod

Román Michaila Bulgakova *Mistr a Markétka* patří mezi klíčová díla světové literatury 20. století. Je dílem strukturně i sémanticky velmi náročným a stále vzbuzuje velký zájem nejen čtenářů, ale i literárních vědců z celého světa, „má mnoho výkladů a vykladačů“ (Morávková, 1996, s.162). Mezi ruskými studiemi věnovanými tomuto románu lze v první řadě zmínit následující práce: B. M. Gasparov *Iz nabljudenij nad motivnoj strukturoj romana M. A. Bulgakova Mastěr i Margarita* (1994), V. V. Chimič *Strannyj realizm M. Bulgakova* (1995), V. J. Lakšin *Roman M. Bulgakova Mastěr i Margarita* (1968), V. I. Němcev *Michail Bulgakov: stanovlenije romanista* (1991), K. Simonov *Michail Bulgakov. Romany* (1987), B. V. Sokolov

Roman M. Bulgakova *Mastěr i Margarita* (1991), A. Z. Vulis Roman M. Bulgakova *Mastěr i Margarita* (1991) ad. Pro tuto diplomovou práci je velmi důležitým pramenem rovněž česká studie A. Morávkové *Křížová cesta Michaila Bulgakova* (1996).

Román *Mistr a Markétka* byl přeložen do mnoha jazyků. Ztotožňujeme se s názorem J. Vilikovského (2002, s. 90): „Úkolem překladatele je reprodukovat literární dílo v jiném jazyku tak, aby zachoval jeho estetický charakter a působení na čtenáře v odlišném literárním a kulturním kontextu.“ Ačkoliv, jak upozorňuje M. Hrdlička (2003, s. 25) kritika překladu je „dnes nejslabší součást vědy o překladu“ s nedostatečně propracovaným pojmovým aparátem, pokládáme problematiku překladu základních děl světové literatury do národních jazyků za velmi zajímavou a hodnou pozornosti. Tím je podmíněna volba tématu dané práce, jejímž cílem je kritický pohled na české překlady románu Michaila Bulgakova *Mistr a Markétka*.

V *Databázi českého uměleckého překladu po roce 1945* nalzáme bibliografické údaje o dvou českých překladech *Mistra a Markétky*:

- 1) Bulgakov, Michail Afanasjevič: *Mistr a Markétka* (Master a Margarita; R, Praha, Odeon 1969) - přel. Alena Morávková
- 2) Bulgakov, Michail Afanasjevič: *Mistr a Markétka* (Mastěr i Margarita; R, Praha, 1997) - přel. Libor Dvořák

V *Malém slovníku rusko-českých literárních vztahů (osobnosti ruské literatury v českém kontextu)* (1986, s. 20) je zmíněno další vydání překladu pořízeného A. Morávkovou, a to z roku 1980.

Výše uvedené překlady můžeme považovat za základní materiál naší práce. Při jeho zpracování se pokusíme využít nejnovějších metod korpusové lingvistiky. Především převedeme knižní verzi románu do elektronické podoby pomocí skenování a následného rozpoznání textu, jako předloha slouží následující vydání:

- 1) Bulgakov, M. *Mastěr i Margarita: Roman. Rassказы*. Moskva: Eksmo-press, 2000. 672 s. Russkaja klasika. XX věk. ISBN 5-04-001952-1.
- 2) Bulgakov, M. *Mistr a Markétka: Mastěr i Margarita*. Přeložil Libor Dvořák. Praha: Euromedia Group k. s., 2005. 400 s. ISBN 80-86938-08-05. Edice deníku Lidové noviny.

Překlad A. Morávkové byl nalezen v elektronické podobě: Bulgakov, M. *Mistr a Markétka: Mastěr i Margarita*. Přeložila Alena Morávková. [online]. Praha: Atheneum [cit. 2005]. Dostupná z WWW: < <http://atheneum.zde.cz> >.

Všechny texty konvertujeme do textového formátu a zarovnáme po větách v alignneru *HunAlign*. Výstupní soubory představují přehledně seřazený text románu v editovatelném textovém souboru: při práci s ním můžeme snadno dohledat například opakující se výrazy, potřebné údaje nebo dokonce vyznačit mluvu jednotlivých postav.

Jelikož „poznávanie prekladateľského procesu sa tesne viaže na poznávanie originálu...“ (Popovič, 1983, s. 37), nejdříve se pokusíme o literárněvědnou a stylistickou charakteristiku románu v originálu, vytyčíme podstatné rysy tohoto díla, potom se zaměříme na popis vybraných postav, budeme sledovat jejich řečové pásmo a vyličíme specifické rysy jejich mluvy; dále porovnáme české překlady románu s originálem na rovině řečových pásem vybraných postav a zhodnotíme individuální přístup překladatelů.

1. Román Michaila Bulgakova *Mistr a Markétka*

1.1 Literárněvědný úvod

Michail Bulgakov je ruský prozaik, dramatik a novinář. Román *Mistr a Markétka* je mnohdy pokládán za jeho vrcholné dílo. Sám Bulgakov ho považoval za svůj „последний закатный роман“ (Němcev, 1991, s. 6). Autor dokončoval román již na smrtelném loži, kumuloval a rozvinul v něm některé motivy a postupy naznačené v jeho dosavadní tvorbě: „Словно автор, заранее чувствуя, что это его последнее произведение, хотел вложить в него без остатка всю остроту своего сатирического глаза, безудержность фантазии, силу психологической наблюдательности“ (Simonov, 1987, s. 7).

M. Bulgakov pracoval na svém „románu o ďáblovi“ dvanáct let (1928 —1940). Podle některých badatelů existovalo osm verzí románu (Morávková, 1996, s. 160), v jiných zdrojích se popisují pouze tři redakce. (Sokolov, 2007).

Název románu se měnil v návaznosti na to, jak se prohlubovaly jednotlivé vrstvy díla. V první verzi román podle *Булгаковской энциклопедии* (Sokolov, 2007) měl následující názvy: *Черный маг*, *Копыто инженера*, *Жонглер с копытом*, *Сын В(елиара?)*, *Гастроль (Воланда?)*. První redakci Bulgakov zničil 18. března 1930 poté, co se dozvěděl o zákazu dramatu *Кабала святош*. O zničení rukopisu se Bulgakov zmínil v dopise 28. března 1930: "И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе..."

Spisovatel se vrátil k práci na románu v roce 1931. Do děje byla nově zapojena postava Markéty a jejího nejmenovaného milence – budoucího Mistra. 2. srpna r. 1933 Bulgakov napsal V. Veresajevovi (1867-1945): "В меня... вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету! Впрочем, я, наверное, скоро брошу это". Přesto Bulgakov psaní nenechal a druhá redakce Mistra a Markétky měla podtitul *Фантастический роман* a pracovní názvy *Великий канцлер*, *Сатана*, *Вот и я*, *Шляпа с пером*, *Черный богослов*, *Он появился*, *Подкова иностранца*, *Он явился*, *Пришествие*, *Черный маг* i *Копыто консультанта*.

Třetí verze románu, na níž autor začal pracovat v r. 1936, měla název *Князь тьмы*, ale již ve druhé polovině r. 1937 vznikl definitivní název *Мастер и Маргарита (Mistr a Markétka)*, který nejspíše souvisí s Bulgakovovou oblíbenou operou Ch. Gounoda *Faust a Markétka*. (Morávková, 1996, s. 160). Nebylo by ovšem správné považovat toto dílo za další parafrázi faustovského mýtu. Souhlasíme s názorem, že každý román je výrazem své epochy a není tomu jinak ani v případě *Mistra a Markétky*. Podle M. Mikuláška román *Mistr a Markétka* „/.../ představoval výron koncentrované duchovní energie tragické epochy konce 20. a průběhu 30. let 20. století. Byl svébytnou humanitní eticko-estetickou reakcí literatury na dobu hlubinných mravních otřesů a duchovních krizí, které osudově poznamenaly tvář jednoho z nejkrutějších století v dějinách lidstva.“ (Mikulášek, 1993, s. 69)

Děj románu je umístěn do Moskvy konce dvacátých a začátku třicátých let, kde se na své věčné cestě zastavuje ďábel se svou suitou, a tím začíná kolotoč nevidaných událostí. Postava ďábla je však pojata netradičně, není jen pouhým ohlasem Goethova Mefistofela. Ďábel totiž nevystupuje v *Mistrovi a Markétce* jako ztělesnění zla, protiklad k dobru zosobněnému Ješouo Ha-Nocrim. Klíčem k takovému výkladu je motto k románu převzaté Bulgakovem paradoxně z Goethova *Fausta*:

...Так кто ж ты, наконец?

- Я - часть той силы,

что вечно хочет

зла и вечно совершает благо.

Гете. "Фауст"

Úlohu Wolanda dle našeho názoru precizně vystihují následující charakteristiky: „...skeptik, unavený filozof a soudce, svědek vesmírného putování člověka; přichází do Moskvy zkoušet, zkoumat lidi („změnili se Moskvané uvnitř?“), zda v nich v podmínkách materiálního světa a ochlokracie zůstal duchovní princip, lidskost — svědomí, slitování, milosrdenství — či nikoliv. V románě má však Woland ještě vyšší postavení: zosobňuje kosmickou sílu, je to božská bytost, gnostický Demiurg pozemské materiální sféry podřízený Božství, Spasiteli...“ (Mikulášek, 1993, s. 73-74) V souladu s tím se Bulgakovův ďábel nejeví jako ztělesnění zla, ale jako soudce, který trestá a odměňuje dle zásluh, nepřichází lidi pokoušet, ale zkoušet, chce zjistit, zda zachovávají morální hodnoty jako je lidskost, milosrdenství, poctivost. A naráží na malichernost, touhu po penězích, závist. Lásku Mistra a Markéty je jejich vykoupením, a proto jsou Wolandem štědře odměněni.

Sepsáním románu o Ješuuvi Ha-Nocri a Pilátovi Pontském Mistr dochází vyššího poznání, jasnozřivě líčí skutečnost Ješuoovy popravu a je odměněn samotným Ješuu:

v 29. kapitole Matouš Lévi přináší Wolandovi zprávu o Mistrově osudu:

- Он прочитал сочинение мастера, - заговорил Левий Матвей, - и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?

- Мне ничего не трудно сделать, - ответил Воланд, - и тебе это хорошо известно. - Он помолчал и добавил: - А что же вы не берете его к себе, в свет?

- Он не заслужил света, он заслужил покой, - печальным голосом проговорил Левий.

Капитола 29.

Mistr a Markétka („ta, která ho milovala a trpěla kvůli němu“) unikají „chaosu“ – procházejí smrtí a následným vzkříšením. Jsou spaseni a konečně nalézají věčné útočiště.

Z hlediska kompozice je román *Mistr a Markétka* dílem nesmírně složitým, představuje v podstatě román v románě: ačkoliv jeho hlavním dějištěm je (pro autora stále aktuální) Moskva 20. - 30. let, v podobě vyprávění nebo snu se do děje harmonicky začleňuje apokryfní příběh Ješuu, který se odehrává někdy před dvěma tisíci lety („Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит...“) v Jeruzalémě. Autor propojuje tato pásma pomocí opakování celých úseků textu: „...стилистически-композиционный прием сцепления глав "coblas carfinidas" Булгаков применяет в местах наиболее сложных "стыковок" текста — при соединении

мифологических глав с современными и при переходе от первой части романа ко второй" (Galinskaja, 1986, s. 56).

Dalším neobvyklým a příznačným dějištěm je jakýsi čtvrtý prostor – místo, kde probíhá Satanův ples:

Как ни мало давала свету Коровьевская лампадка, Маргарита поняла, что она находится в совершенно необъятном зале, да еще с колоннадой, темной и по первому впечатлению бесконечной. Возле какого-то диванчика Коровьев остановился, поставил свою лампадку на какую-то тумбу, жестом предложил Маргарите сесть, а сам поместился подле в живописной позе - облокотившись на тумбу.

- Разрешите мне представиться вам, - закрипел Коровьев, - Коровьев. Вас удивляет, что нет света? Экономия, как вы, конечно, подумали? Ни-ни-ни. Пусть первый попавшийся палач, хотя бы один из тех, которые сегодня, немного позже, будут иметь честь приложиться к вашему колену, на этой же тумбе оттяпает мне голову, если это так. Просто мессир не любит электрического света, и мы дадим его в самый последний момент. И тогда, поверьте, недостатка в нем не будет. Даже, пожалуй, хорошо было бы, если б его было поменьше.

Коровьев понравился Маргарите, и трескучая его болтовня подействовала на нее успокоительно.

- Нет, - ответила Маргарита, - более всего меня поражает, где все это помещается. - Она повела рукой, подчеркивая при этом необъятность зала.

Коровьев сладко ухмыльнулся, отчего тени шевельнулись в складках у его носа.

- Самое несложное из всего! - ответил он. - Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, до черт знает каких пределов!

Капитола 22.

Identifikace místa v moskevském pásmu je velmi jednoznačná: Woland se svojí suitou se poprvé objevuje na Patriarchových rybnících, pak se zabydlí v bytě č. 50 v domě číslo 302b v Sadové ulici; pokoje na klinice, kde se setkají Ivan Bezdomnyj a Mistr, jsou rovněž očíslovány: Mistr (pokoj 118) a Ivan Bezdomnyj (pokoj 117) jsou sousedé, do pokoje Ivana Bezdomného se Mistr dostává přes balkon:

- Как же вы сюда попали? - повинувшись сухому грозящему пальцу, шепотом спросил Иван, - ведь балконные-то решетки на замках?

- Решетки-то на замках, - подтвердил гость, - но Прасковья Федоровна - милейший, но, увы, рассеянный человек. Я стащил у нее месяц тому назад связку ключей и, таким образом, получил возможность выходить на общий балкон, а он тянется вокруг всего этажа, и, таким образом, иногда навестить соседа.

Капитола 11.

V pokojích č. 119 a 120 jsou Žorž Bengalskij a Nikanor Bosoj, kteří byli Wolandovou suitou potrestáni mezi prvními. Otázkou je, zda tato čísla mají nějaký symbolický význam, anebo jsou klamným vodítkem, které má vyvolat dojem, že všechny popsané události jsou skutečné.

Zdánlivě neurčité časové zakotvení románu je relativně průhledné, obsahuje totiž četné odkazy a narážky. Události v Moskvě se vyvíjejí v průběhu čtyř květnových dnů nejmenovaného roku:

Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера.

Капитола 1.

Бор на противоположном берегу реки, еще час назад освещенный майским солнцем, помутнел, размазался и растворился.

Капитола 11.

Все смешалось в глазах у Поплавского. Длинная искра пронеслась у него перед глазами, затем сменилась какой-то траурной змеей, погасившей на мгновенье майский день, - и Поплавский полетел вниз по лестнице, держа в руке паспорт.

Капитола 18.

Shodou okolností i první setkání Mistra a Markétky se odehrálo v květnu rok před příchodem Wolanda do Moskvy:

И вот тогда-то, прошлою весной, случилось нечто гораздо более восхитительное, чем получение ста тысяч рублей. А это, согласитесь, громадная сумма денег!

Капитола 13.

Мы разговаривали так, как будто расстались вчера, как будто знали друг друга много лет. На другой день мы сговорились встретиться там же, на Москве-реке, и встретились. Майское солнце светило нам. И скоро, скоро стала эта женщина моею тайною женой.

Капитола 13.

Zvláštní je, že domnělá paralela mezi moskevským a jeruzalémským pásmem se z hlediska časového porušuje: podle *Булгаковской энциклопедии* Michail Bulgakov jako syn profesora Kyjevské duchovní akademie věděl, že měsíc nísán ve starožidovském kalendáři odpovídá různým jarním měsícům křesťanského kalendáře, nikoliv však květnu (Sokolov, 2007). Na to, že moskevské a jeruzalémské události neprobíhají paralelně v čase poukazuje už i to, že se Woland objevuje na Patriarchových rybnících večer („час небывало жаркого заката...“), jeho vyprávění o Pilátovi končí však slovy: „Было около десяти часов утра“. Čili každé pásmo vyprávění probíhá ve svém specifickém čase: moskevské události – v průběhu čtyř májových dnů,

jeruzalémské – během jednoho dne s odkazy do minulosti a předpoklady ohledně budoucnosti, magický prostor, kde se koná Satanův ples, je mimo čas:

- А вот чего я не понимаю... Что же, это все полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро?

- Праздничную полночь приятно немного и задержать, - ответил Воланд. - Ну, желаю вам счастья.

Kapitola 24.

Žánrové zařazení románu *Mistr a Markétka* je velmi problematičké. Filozofická rovina se v tomto díle proplétá s groteskní satirou, parodií, mystifikací. „Роман Булгакова для русской литературы, действительно, в высшей степени новаторский, а потому и нелегко дающийся в руки. Только критик приближается к нему со старой стандартной системой мер, как оказывается, что кое-что так, а кое-что совсем не так... критерии волшебной сказки приложимы лишь к отдельным, по удельному весу весьма скромным, событиям, оставляя почти весь роман и его основных героев за бортом. Фантастика наталкивается на сугубый реализм, миф на скрупулезную историческую достоверность, теософия на демонизм, романтика на клоунаду“ (Креps, 1984, s. 81) .

M. Bulgakov ve svém románu docílil harmonického spojení epických, filozofických a satirických prvků. „*Mistr a Markétka* je dílo sémanticky i morfologicky nezvykle strukturované. Představuje myšlenkově i dějově posunutou parafrázi a travestaci faustovské legendy, motivů biblických, resp. apokryfních, kontaminovaných s bufonádou, groteskně satirickou perzifláž nedokonalosti člověka 20. století; současně je i nadčasovou parabolou podávající na mnohovrstevnatém příběhu zneuznaného Mistra, tvůrce díla nesoucího poselství věků, univerzální výpověď a mučivou úvahu o strastiplném údělu člověka a smyslu lidského bytí v koloběhu odcizeného světa.“ (Mikulášek, 1993, s. 69)

Lze konstatovat, že román *Mistr a Markétka* je dílem s gigantickým vnitřním obsahem, a je právem považován za jedno z nejvýznamnějších děl světové literatury 20. století. Byl otištěn až 26 let po autorově smrti, tj. v roce 1966 v zestručněné verzi v 11. čísle časopisu Moskva. Ve své době však pochopen nebyl: L. T. Skorino (1968), A. Metčenko (1971) vyčítali Bulgakovovi „abstraktní humanismus“ a pesimismus. G. Makarovskaja a A. Žuk (1968) vyložili *Mistra a Markétku* jako satirický román, kritizující všední život a vnitřní svět současných Moskvanů. Vzápětí „Борьба против автора сменилась борьбой за него, и поразительно быстро пришло признание“ (Kazarkin 1988: 23), ale přesto diskuze okolo románu pokračuje už více než půl století.

1.2 Lingvostylistická analýza románu *Mistr a Markétka*

1.2.1 Úvod

Jazyk románu *Mistr a Markétka* je velmi bohatý a stylově rozmanitý. Souhlasíme s názorem M. Červenky: „V uměleckém díle styl přesahuje hranice jazykové výstavby a zahrnuje i složky obsahové.“ (Červenka 1991: 246-247), a tedy počítáme s tím, že pro správný výklad literárního díla je nezbytná i analýza stylistické roviny. Vzhledem k rozsahu zkoumaného díla však musíme vymezit hranice naší analýzy a jako nejvhodnější měřítko volíme jazykové pásmo postav. Individuální mluva každé jednotlivé postavy je snadno zachytitelná, vypovídá nejen o povaze dotyčné postavy, ale v první řadě odhaluje mistrovskou práci spisovatele – tvůrce fiktivního světa. „Autor píše narativní text za tím účelem, aby vytvořil fikční svět; čtenář prostřednictvím narativního textu tento svět objevuje. V narativní komunikaci - která je osobitým druhem literární komunikace - se tedy narativní text uplatňuje jako prostředek konstrukce a rekonstrukce fikčního světa. Narativní fikční svět je mnohorozměrová významová struktura, jejímiž hlavními složkami jsou děj, postavy a prostředí (přírodní a kulturní)“. (Doležel 1993: 10)

V následující fázi této práce se budeme snažit o zachycení charakteristické mluvy postav a pokusíme se vylíčit dominantní rysy jejich projevu jak z hlediska lexikálního, tak i sémantického. V první řadě však určíme a charakterizujeme soubor postav románu vcelku (viz Příloha na CD). Na základě tohoto rozboru dospíváme k názoru, že všechny postavy románu jsou autorem precizně vymezeny. Každá postava má explicitně definovaný soubor vlastností, určitým způsobem vypadá a jedná v souladu se svou povahou. Za předpokladu, že se tématický plán postav promítá do jejich projevů, pro účely této práce jsou relevantní především postavy, které by zastupovaly různé sociotypy a zároveň ilustrovaly stylový princip kontrastu, který Bulgakov dodržuje. Za nejvhodnější objekty analýzy tedy považujeme následující postavy:

- 1) **Воланд** (v č. překladech: **Woland** – A. Morávková, L. Dvořák): ústřední postava, jednání ďábla se smrtelníky a jeho suitou je jednáním osoby absolutně nadřizené;
- 2) **Коровьев/Фагот** (v č. překladech: **Korovjev/Fagot** – A. Morávková, **Kravinkin/Fagot** – L. Dvořák): žertuje a vysmívá se smrtelníkům, s ďáblem jedná s patrnou úctou a je v přátelském vztahu s dalšími Wolandovými společníky, zejména s kocourem;
- 3) **Понтий Пилат** (v č. překladech: **Pilát Pontský** – A. Morávková, L. Dvořák): člověk, v jehož ruce je soustředěna velká moc, bývalý voják, který je zvyklý poroučet a není připraven ohrozit své postavení ani za výjimečných okolností, je přirozeně krutý a velmi pragmaticky založený, zásadním zlomem pro něj je uvědomění si chyby, které se dopustil;

- 4) **Мастер** (v č. překladech: **Mistr** – A. Morávková, L. Dvořák): bezbranný vůči režimu, intelektuál, spíše pasivní účastník děje;
- 5) **Иван Николаевич Понырев/ Бездомный** (v č. překladech: **Ivan Nikolajevič Potápka/Bezprizorný** – A. Morávková, **Ivan Nikolajevič Ponyrjov/Bezdomovec** - L. Dvořák): aktivní a zapálený sovětský básník, člověk arogantní a nevzdělaný; Ivan projde zásadní duchovní změnou, jejíž průběh je snadno zachytitelný v řečovém pásmu dané postavy;
- 6) **Выправчѐ**: zprostředkovatel děje, který komentuje a hodnotí jednání jednotlivých postav a dotváří celkový obraz literárního díla.

1.2.2 Lingvostylistická analýza řečových pásem vybraných postav

01. Воланд

Postava d'ábla se v evropské literární tradici objevuje relativně často, přesto se můžeme domnívat, že Bulgakovovo pojetí je v tomto směru zcela unikátní (viz *1.1 Literárněvědný úvod*). Samotné jméno Woland pochází z německého prostředí, ačkoliv se v Goethově *Faustu* objevuje pouze jednou: Mefistofeles si takto říká v druhém dějství při událostech Valpuržiny noci. L. M. Jankovskaja tvrdí, že „фактически ни на кого из своих литературных предшественников булгаковский Воланд не похож“ (Jankovskaja 1983: 277) a při výkladu jména Woland se přiklání k názoru, že hlavním důvodem jeho volby bylo nikoliv odkazování k dramatu *Faust*, ale především jeho význam: pojmenování Woland se pravděpodobně vztahuje ke středověkému slovu „foland“ - „обманщик, лукавый“ (tamtéž: 272).

Podstatu Wolandovy povahy vysvětluje autor jejími vlastními ústy, v rozhovoru s Matoušem Woland pronáší:

„Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получают от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп.“

Kapitola 29.

Nekonvenční Bulgakovova interpretace však nijak výrazně nemodifikuje funkci postavy, podle slov V. V. Novikova její dominantou je charakteristika „властитель ада“. (Novikov 1996: 214). V některých literárněvědných pracích je Wolandova úloha interpretována jako úloha „беспристрастного наблюдателя“. (Mjagkov 1993: 102; Němcev 1991: 115). Nemůžeme s tím

souhlasit, jelikož vztah Wolanda k Mistrovi a Markétce se evidentně liší od jeho vztahu k ostatním Moskvanům.

Všechny popsané aspekty ďáblových postav se promítají také do jeho mluvy. Jakožto mluva nadpřirozené bytosti, „владельца ада“ (viz výše Novikov 1996: 214), Wolandovo řečové pásmo se vyznačuje velkou frekvencí lexikálních prostředků knižních. Avšak jisté rozdíly můžeme pozorovat v ďáblově jednání s jeho suitou a „obyčejnými Moskvaný“. Se svojí suitou Woland mluví otevřeně a někdy dokonce vtipkuje, občas, i když spíše vzácně, používá dokonce prostředků hovorových. Uvedme zde pro ilustraci příklady Wolandových rozkazů:

- Мне этот Никанор Иванович не понравился. Он выжига и плут. Нельзя ли сделать так, чтобы он больше не приходил?

Капитола 9.

- Кресло мне ...

Капитола 12.

Азazelло! Табурет господину заведующему буфетом!

Капитола 18.

- Вылезай! Партия отменяется. Прибыла гостья.

- Долго будет продолжаться этот балаган под кроватью? Вылезай, окаянный ганс!

Оставь эти дешевые фокусы для Варьете. Если ты сейчас же не появишься, мы будем считать, что ты сдался, проклятый дезертир.

Капитола 22.

Да перестаньте, - крикнул Воланд, - до чего нервозны современные люди.

Капитола 22.

- Смело пейте, - сказал Воланд, и Маргарита тотчас взяла стакан в руки. - Гелла, садись, - приказал Воланд и объяснил Маргарите ...

Капитола 23.

S obyčejnými smrtelníky ďábel mluví především nápadně zdvořile a dostatečně emotivně, často se omlouvá, naslouchá a pokládá otázky (viz například Kapitola 1.). Z takového jednání lze odtušit ironii, která plyne z protikladu Wolanda jako postavy v podstatě všemohoucí oproti postavám smrtelníků s jejich malichernými starostmi a zájmy.

Způsob Wolandova jazykového jednání s Markétou a později i s Mistrem se blíží tomu, jak mluví se suitou, a tedy je poněkud neformální, a to zejména ve srovnání s výše popsaným jednáním s ostatními Moskvaný. Jako důkaz této skutečnosti může rovněž sloužit ďáblovo prohlášení z Kapitoly 22., když Woland nabízí Markétě být „без церемоний“.

- Ну, уж если вы так очаровательно любезны, - проговорил он, - а я другого ничего и не ожидал, так будем без церемоний, - он опять наклонился к краю кровати и крикнул: - Долго будет продолжаться этот балаган под кроватью? Вылезай, окаянный ганс!

Подивејме се даље подробнјеи на једнотливе јазыкове ровины млувы тѣто поставы.

Lexikální rovina

За главні характеристы Wolandova řečového pásma považujeme knižnost a archaičnost zvolených lexikálních prostředků.

- **Пříklady hovorových výrazů:**

Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно;

... точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок;

Родные вам начинают лгать, вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам;

... уж кто-кто, а вы-то должны знать;

...пустяковое, казалось бы, дело...;

...не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?

...это было бы еще полбеды;

...ему там самое место

Капитола 1.

Ну, уж это положительно интересно, - трясясь от хохота проговорил профессор, - что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!

Капитола 3.

О, какой вздор!

Капитола 7.

Он выжига и плут.

Капитола 9.

Дурак!

Капитола 11.

- Голубчик, это вздор!

...удивительные подлецы...

Капитола 18.

Долго будет продолжаться этот балаган под кроватью?

...прекрати эту словесную пачкотню.

Ах ты подлец...

Ничего не пейте, кроме воды, а то вы разомлеете и вам будет трудно.

Этот валяющий дурака - кот Бегемот.

Капитола 22.

Более того, злые языки уже уронили слово - наушник и шпион.

...вы напросились ко мне в гости именно с целью подсмотреть и подслушать все, что можно.

Никакой прелести в нем нет и размаха тоже, а эти дурацкие медведи...

И интереснее всего в этом вранье то, - сказал Воланд, - что оно - вранье от первого до последнего слова.

Уж одно присутствие при сцене убийства этого отпетого негодяя-барона стоит того, чтобы человека наградили, в особенности если этот человек - женщина.

возможность получения вами взятки от этой дуры Фриды совершенно, конечно, исключена

Ну что ж, Бегемот, - заговорил Воланд, - не будем наживать на поступке непрактичного человека в праздничную ночь, - он повернулся к Маргарите, - итак, это не в счет, я ведь ничего не делал.

Это что еще за бред? - спросил, морща лицо, Воланд. - Какой такой Римский? Что это еще за чепуха?

Капитола 23.

- Příklady výrazů hovorových nespisovných (просторечных):

Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!

Само собой разумеется, что, если на Бронной мне свалится на голову кирпич...;

Капитола 1.

... стало быть, так-таки и нету...

Капитола 3.

Он выжига и плут.

Капитола 9.

Совсем худо...

Капитола 18.

... поганая старушка, моя бабушка!

Капитола 22.

Пошел вон.

Да, - заговорил после молчания Воланд, - его хорошо отделали.

Куда прикажете, моя дорогая донна, девать вашу свиту?

Капитола 23.

... не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость ...

Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?

Капитола 29.

- Příklady vulgarizmů: сволочь, склочник, приспособленец и подхалим (Капитола 7.)
- Příklady zdrobnělin: простенькое (Капитола 12.), вещица (Капитола 22.), узьенькие щелки (Капитола 23.), в подвальчике (Капитола 32.)
- Příklady výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů:

...предмет вашей ученой беседы... (Archaismus)

...вы изволили говорить... (Archaismus)

... как же быть с доказательствами бытия божия... (Archaismus)

Над вами потешаться будут. (Zastaralý výraz hovorový)

Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? (Zastaralý výraz hovorový)

... рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского... (Historismus)

Капитола 1.

Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич... (Archaismus)

А я только что сию минуту приехал в Москву ... (Archaismus)

Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев? (Knižní výraz)

Капитола 3.

Благодарствуйте, я не закусываю никогда ... (Archaismus)

Капитола 7.

Скажи мне, любезный Фагот ... (Knižní výraz)

Капитола 12.

Если память не изменяет мне, из лиц, близких вам по профессии, я знался только с одной маркитанткой, но и то давно, когда вас еще не было на свете. (Historismus)

Да вот, не угодно ли отведать... (Archaismus)

Чашу вина? (Archaismus)

Так не прикажете ли партию в кости? (Archaismus, historismus)

Среди лиц, садившихся со мною за пиршественный стол, попадались иногда удивительные подлецы! (Archaismus)

Я? - воскликнул в изумлении маг, - помилосердствуйте. (Archaismus)

Гм... - задумался артист, - ну, тогда приходите к нам опять. Милости просим! (Archaický výraz)

Капитола 18.

Приветствую вас, королева, и прошу меня извинить за мой домашний наряд. (Archaismus)

Итак, - обратился к Маргарите Воланд, - рекомендую вам, донна, мою свиту. (Archaický výraz)

Капитола 22.

... избавить вас от этого томительного ожидания... (Knižní výraz)

- Держу пари, - сказал Воланд, улыбаясь Маргарите, - что он проделал эту штуку нарочно. (Archaický výraz)

Каждое ведомство должно заниматься своими делами. (Historismus)

А мечтания, вдохновение? (Knižní výraz)

Капитола 23.

Пришлось мне вас побеспокоить, Маргарита Николаевна и мастер, - заговорил Воланд после некоторого молчания, - но вы не будьте на меня в претензии. (Archaismus)

Капитола 31.

Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, как видите, его терзает бессонница (Knižní výraz)

Ну что ж, тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит. (Knižní výraz)

Тот, кого так жаждет видеть выдуманный вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочел ваш роман. (Knižní výraz)

Капитола 32.

- Příklady srovnání: Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?

Капитола 32.

- Příklady frazémů:

...от всей души..., ...воля ваша..., ни с того ни с сего (Капитола 1.); лечить подобное подобным (Капитола 7.); люди как люди (Капитола 12.); не к лицу (Капитола 18.); на кой черт, заговаривать зубы, черт вас возьми (Капитола 22.); злые языки, вот тебе раз! черт тебя возьми! это другое дело (Капитола 23.); это дело вкуса (Капитола 27.); все счета оплачены (Капитола 31.); сегодня такая ночь, когда сводятся счета (Капитола 32.); что же подделаешь (Капитола 32.)

- Cíťoslovce:

... вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого...

Ах, как интересно!

Ох, какая прелесть!

О, с удовольствием!

О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков, - ответил профессор.

И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать, так что прошу вас - никому ни слова и полный секрет!.. Тсс!

Капитола 1.

О, конечно, конечно!

О, какой вздор!

Капитола 7.

Ай! Не ушиблись ли вы?

Ай-яй-яй!

Гм... - задумался артист, - ну, тогда приходите к нам опять.

Ах, ну да, ну да!

Капитола 18.

Ах, мошенник, мошенник ...

Капитола 22.

А, - сказал Воланд, - это понятно.

Капитола 23.

Ах, вы вернулись? - сказал Воланд, - ну, конечно, тогда здание сгорело дотла.

Капитола 25.

Ба! - воскликнул Воланд

Капитола 29.

Зачем? - продолжал Воланд убедительно и мягко, - о, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями ...

Капитола 32.

- **Knížní a archaické spojky:**

... как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?

Капитола 1.

И ровно час, как я дожидаясь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять.

Капитола 7.

И теперь уж говорите без стеснения: ибо предложил я.

Капитола 23.

- **Образная vyjádření:**

...переселиться <в другой мир> под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями

Капитола 18.

- Да, прав Коровьев! Как причудливо тасуется колода! Кровь!

Капитола 22.

- Ну, что же, смелее! - поощрял Воланд, - будите свою фантазию, прищипывайте ее!

- Я о милосердии говорю, - объяснил свои слова Воланд, не спуская с Маргариты огненного глаза. - Иногда совершенно неожиданно и коварно оно проникает в самые узенькие щелки. Вот я и говорю о тряпках.

Капитола 23.

Syntaktická rovina

Na syntaktické rovině se mluva Wolanda vyznačuje především velkým množstvím modálních vět a hojným použitím kontaktních prostředků. Vyjadřování je obrazné, často se používá složitých souvětí.

- **Пříklady vět s elipsami:**

Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?

А не надо никаких точек зрения! - ответил странный профессор, - просто он существовал, и больше ничего.

Капитола 1.

Я? Нигде, - ответил полоумный немец, тоскливо и дико блуждая зеленым глазом по Патриаршим прудам.

Капитола 3.

Чашу вина? Белое, красное?

Капитола 18.

Да, прав Коровьев! Как причудливо тасуется колода! Кровь!

Ну, оставит при госпоже. А борова к поварам!

Капитола 22.

- **Kontaktové prostředky:**

Позвольте же вас спросить..., уверяю вас..., вообразите..., вы сами понимаете..., не правильнее ли думать, что...; прошу и меня извинить; мне хотелось бы спросить вас ...

Капитола 1.

помилуйте; имейте в виду

Капитола 3.

Не могу же, согласитесь, я его пустить в бальный зал!

Капитола 22.

Все сбылось, не правда ли?

Капитола 23.

Какой интересный город, не правда ли?

Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?

Капитола 29.

Oslovení: *дорогой Степан Богданович* (Капитола 7.); *любезный Фагот; дорогой Фагот* (Капитола 12.); *драгоценный мой; голубчик; голубчик мой; дорогой мой;* (Капитола 18.); *гордая женщина; моя донна; дорогая королева; моя дорогая донна* (Капитола 23.); *романтический мастер; о, трижды романтический мастер* (Капитола 32.)

Oslovení s komparativem adjektiv: *симпатичнейший Степан Богданович, дражайший Степан Богданович* (Капитола 7.), *почтеннейший, милейший,* (Капитола 18.), *милейший барон Майгель, почтеннейшего барона Майгеля* (Капитола 23.)

- **Příklady neúplných vět:**

- Извините меня, пожалуйста, - заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, - что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что... И, в самом деле, - тут неизвестный повернулся к Берлиозу, - вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входит во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого...

Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть - несчастье... вечер - семь...

Капитола 1.

- Помилуйте, - снисходительно усмехнувшись, отозвался профессор, - уж кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда, и если мы начнем ссылаться на евангелия как на исторический источник...

Капитола 3.

- Не понимай... русский говорить...

Капитола 4.

О костюмах нечего уж и говорить, но появились эти... как их... трамваи, автомобили...

Но меня, конечно, не столько интересуют автобусы, телефоны и прочая...

Капитола 12.

- Это низко! - возмутился Воланд, - вы человек бедный... ведь вы - человек бедный?

Капитола 18.

- Но усы?..

Капитола 22.

- **Пříklady modálních vět:**

Ах, как интересно!

Изумительно!

Ох, какая прелесть!

Позвольте вас поблагодарить от всей души!

Браво! - вскричал иностранец, - браво!

Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает?

О, с удовольствием!

А не надо никаких точек зрения!

Капитола 1.

Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует!

Капитола 3.

Вот и я!

Ни слова больше!

О, какой вздор!

Капитола 7.

Разве я выразил восхищение?

Капитола 12.

Ну-с, чем я вам могу быть полезен?

Нет, нет, нет! Ни слова больше! Ни в каком случае и никогда!

Голубчик, это вздор!

Капитола 18.

Да перестаньте, - крикнул Воланд, - до чего нервозны современные люди.

Капитола 22.

Да сбудется же это!

Я пью ваше здоровье, господа

Ну что, вас очень измучили?

Ты смотри!

Верно! Вы совершенно правы! - гулко и страшно прокричал Воланд, - так и надо!

Ну, что же, смелее!

Молчи, черт тебя возьми!

Капитола 23.

- **Пříklady vět s příznakovým slovosledem:**

Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали!

Над вами потешаться будут.

Извините меня, что я в пылу нашего спора забыл представить себя вам.

И мне жаль! - подтвердил неизвестный, сверкая глазом, и продолжал: - Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?

Капитола 1.

Помилуйте, - снисходительно усмехнувшись, отозвался профессор, - уж кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда, и если мы начнем ссылаться на евангелия как на исторический источник...

Капитола 3.

Не беспокойтесь, Степан Богданович, - отозвался голос, но не Грунин, а гостя из спальни, -- кот этот мой

Как? Вы и фамилию мою забыли?

Благодарствуйте, я не закусываю никогда

И ровно час, как я дожидаясь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять

Не беспокойтесь, Степан Богданович, - отозвался голос, но не Грунин, а гостя из спальни, - кот этот мой. Не нервничайте. А Груни нет, я уснул ее в Воронеж, на родину, так как она жаловалась, что вы давно уже не даёте ей отпуска.

Капитола 7.

Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...

Капитола 12.

А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!

Так не прикажете ли партию в кости? Или вы предпочитаете другие какие-нибудь игры? Домино, карты?

У вас сколько имеется сбережений?

Вы когда умрете?

Капитола 18.

Странно ведут себя красавицы, - заметил Воланд.

Капитола 22.

Итак, как чувствуете вы себя?

Каритола 23.

Надо полагать, что это неразлучная парочка, Коровьев и Бегемот, побывала там?

Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей?

Каритола 29.

Единственно, чего боялся храбрый пес, это грозы.

Каритола 32.

- **Пříklady opakování:**

Именно, именно, - закричал он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, засверкал, - ему там самое место!

Бывал, бывал и не раз! - вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта, - где я только не бывал!

Каритола 1.

Один, один, я всегда один, - горько ответил профессор.

Каритола 3.

О, конечно, конечно!

Пожалуйста, пожалуйста

Каритола 7.

Свежесть, свежесть и свежесть, вот что должно быть девизом всякого буфетчика.

Ах, ну да, ну да!

Каритола 18.

Как угодно, как угодно, - ответил Воланд, а Азazelло сел на свое место.

Мы вас испытывали, - продолжал Воланд, - никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас.

Потребовать, потребовать, моя донна, - отвечал Воланд, понимающе улыбаясь, - потребовать одной вещи!

О чем, о чем? О ком?

Каритола 23.

Но ты смотри, смотри, - послышался суровый голос Воланда с коня, - без членовредительских штук!

Каритола 31.

По этой дороге, мастер, по этой.

Каритола 32.

- **Пříklady výčtů a kumulace:**

Как первое и второе, так и третье - совершенно бессмысленно, вы сами понимаете.

Каритола 1.

Вчера в кабинете у вас видел этого индивидуума мельком, но достаточно одного беглого взгляда на его лицо, чтобы понять, что он - сволочь, склочник, приспособленец и подхалим.

Каритола 7.

Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота.

Капитола 12.

Нет, нет, нет! Ни слова больше! Ни в каком случае и никогда!

Капитола 18.

...о, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда. Там ждет уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет. По этой дороге, мастер, по этой.

Капитола 32.

Uvedené příklady potvrzují naši domněnku, že jazykové pásmo Wolanda se vyznačuje velkým množstvím knižních a archaických, případně zastarávajících slov a slovních obrátů, které vytvářejí dojem vznešenosti a dotvářejí kontrast k „řeči smrtelníků“. Wolandovo vyjadřování je dostatečně emocionální, o čemž vypovídá velké množství modálních vět a relativně vysoká frekvence citoslovců. S návštěvníky bytu č. 50 a dalšími Moskvany ďábel hovoří nápadně zdvořile, své suitě a později i Markétě poroučí, což odpovídá jeho postavení a moci.

02. Корольев (Фазот)

„Маг, регент, чародей, переводчик или черт его знает кто на самом деле...“ (Капитола 22.), hlava Wolandovy suity, „черт“, který se v románu objevuje jako první ze všech mystických postav:

И тут знойный воздух сгустился перед ним, и сооткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ невероятно, и физиономия, прощу заметить, глумливая.

Капитола 1.

O nadřazenosti Korovjeva vůči ostatním členům suity vypovídá samotný děj: Korovjev řídí představení ve Varieté; Woland se k němu obrací, když potřebuje zjistit bližší okolnosti bufetářova osudu; Korovjev provází Markétu na plese. V epilogu se o Korovjevovi mluví jako o předpokládaném vůdci „bandy“.

Представители следствия и опытные психиатры установили, что члены преступной шайки или, по крайней мере, один из них (преимущественно подозрение в этом падало на Корольева) являлись

невиданной силы гипнотизерами, могущими показывать себя не в том месте, где они на самом деле находились, а на позициях мнимых, смещенных. Помимо этого, они свободно внушали столкнувшимся с ними, что некие вещи или люди находятся там, где на самом деле их не было, и наоборот, удаляли из поля зрения те вещи или людей, которые действительно в этом поле зрения имелись.

Epilog.

Korovjevův vzhled, vystupování, ale také i jeho jméno má mnoho podob. Dvakrát se tato postava zjevuje v podobě přízraku (M. Berliozovi v Kapitole 1. a N. Bosému v Kapitole 15.). To, jak Korovjev vypadá a jedná, nejlépe charakterizuje dojem N. Bosého z Kapitoly 9.: „/.../ что-то удивительно несолидное было и в манере переводчика говорить, и в его одежде, и в этом омерзительном, никуда не годном пенсне.“ Террге v závěru románu, když „/.../ все обманы исчезли /.../“ (Kapitola 32.) se odhalila skutečná podoba Korovjeva:

Вряд ли теперь узнали бы Коровьева-Фагота, самозванного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в том, кто теперь летел непосредственно рядом с Воландом по правую руку подруги мастера. На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотой цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачайшим и никогда не улыбающимся лицом. Он уперся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землею под собою, он думал о чем-то своем, летя рядом с Воландом.

- Почему он так изменился? - спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда.

- Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, - ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, - его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счеты. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!

Kapitola 32.

Co se týče funkce postavy, zcela souhlasíme s názorem V. I. Němcova: „/.../ С помощью игры Воландовы помощники вскрывают изъяны действительности в их самом существенном плане - нравственном.“ (Němcev 1991: 125) Ať už jako cizincův tlumočník, kouzelník nebo regenschori, Korovjev se chová jako klaun, ale následky jeho činů jsou vesměs dramatické: Korovjev ukazuje Berliozovi cestu k tramvaji, tropí si žerty z Ivana Bezdomného, udává N. Bosého, přinutí celou pobočku městské estrádní komise zpívat, předpovídá bufetářovu smrt, nechává vyhořet gastronom a Gribojedovův dům a nakonec na rozloučenou hvízdá:

Этого свиста Маргарита не услышала, но она его увидела в то время, как ее вместе с горячим конем бросило саженой на десять в сторону. Рядом с нею с корнем вырвало дубовое дерево, и земля покрылась трещинами до самой реки. Огромный пласт берега, вместе с пристанью и рестораном, высадил в реку. Вода в ней вскипела, взметнулась, и на противоположный берег, зеленый и низменный, выплеснуло целый

речной трамвай с совершенно невредимыми пассажирами. К ногам храпящего коня Маргариты швырнуло убитую свистом Фагота галку.

Капитола 31.

Jazykové jednání této postavy je v souladu s její úlohou: k Wolandovi jako svému pánovi se Korovjev chová s velkým respektem, s kocourem mluví velmi důvěrně, Helle poroučí, s Markétou je upovídáný a jen někdy utrousí legrační poznámku, ve vztahu k Mistrovi je především starostlivý, ale ve všech ostatních situacích, zejména s návštěvníky bytu č. 50, Korovjev vystupuje v roli šaška: jeho výrazně nespisovná mluva bohatě osazená vtipy je až zarážející.

Lexikální rovina

Z hlediska volby lexikálních prostředků mluva Korovjeva je především nespisovná: velmi vysokou frekvenci mají hovorové nespisovné výrazy (просторечные), naopak knižní prostředky jsou velmi vzácné. Na rozdíl od Wolandova řečového pásma zde můžeme pozorovat několik terminologických výrazů (zejm. z oblasti medicíny) a také výrazy cizojazyčné, které se pronášejí s ruskou výslovností (vznik komického efektu). Objevuje se také několik vět obsahujících výrazy ryze administrativního rázu – vševědoucí Korovjev se evidentně snadno přizpůsobuje prostředí Moskvy 30. let. Frekvence nespisovných lexémů zřetelně klesá, když Korovjev mluví s Wolandem, ale i s Markétou (viz např. Kapitola 22.)

- Příklady hovorových výrazů:

Ежели он преступник, то первым делом следует кричать: "Караул!"

Капитола 4.

Без церемоний!

Капитола 9.

От этого они захиреют...

Ничего не может быть гаже, чем когда приехавший первым гость мыкается, не зная, что ему предпринять, а его законная мегера шепотом пилит его за то, что они приехали раньше всех.

Капитола 22.

- Příklady výrazů hovorových nespisovných (просторечных):

Прямо, и выйдете куда надо.

С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту!

Капитола 3.

Они не понимают! (řečeno ve vztahu k Wolandovi, onikání)

Ежели он преступник, то первым делом следует кричать: "Караул!"

Каритола 4.

Они, они! - козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, - вообще они в последнее время жутко свинячат. (o Lichodějevovi, onikáni)

Каритола 7.

А вы поройтесь у себя в портфеле, Никанор Иванович, - сладко предложил Коровьев.

Я сам рассеян до ужаса. Как-нибудь за рюмкой я вам расскажу несколько фактов из моей биографии, вы обхохочетесь!

- Да он уже уехал, уехал! - закричал переводчик, - он, знаете ли, уж катит!

Кота, ежели угодно, могу показать, - предложил Коровьев.

Вот они где у меня сидят, эти интуристы!

... верите ли, всю душу вымотали!

Я понимаю, - вскричал Коровьев, - как же без увязки, обязательно. Вот вам телефон, Никанор Иванович, и немедленно увязывайте.

Каритола 9.

Они заняты, - ответила трубка дребезжащим голосом, - а кто спрашивает? (řečeno ve vztahu k Wolandovi, onikáni)

Иван Савельевич? - радостно вскричала трубка, - страшно рад слышать ваш голос!

Поздравляю вас, гражданин, соврашци!

Колода эта таперича, уважаемые граждане, находится в седьмом ряду у гражданина Парчевского, как раз между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу об уплате алиментов гражданке Зельковой.

Ты будешь в дальнейшем молоть всякую чушь?

Катитесь отсюда! Без вас веселей.

Таперича, когда этого надоедалу сплавили, давайте откроем дамский магазин!

Каритола 10.

Пусть первый попавшийся палач, хотя бы один из тех, которые сегодня, немного позже, будут иметь честь приложиться к вашему колену, на этой же тумбе оттяпает мне голову, если это так.

Ничего не может быть гаже, чем когда приехавший первым гость мыкается, не зная, что ему предпринять, а его законная мегера шепотом пилит его за то, что они приехали раньше всех.

Каритола 22.

Все кусается, - вздохнув, заметил Коровьев, - эх, эх...

Но, клянусь вам, в следующий же раз, и уж никак не позже понедельника, отдадим все чистоганом.

... бедный человек целый день починяет примуса; он проголодался... а откуда же ему взять валюту?

Каритола 28.

А дай-кось я попробую по старой памяти ...

Каритола 31.

- Příklady výrazů typických pro administrativní styl:

Считаю долгом сообщить, что наш председатель жилтоварищества дома номер триста два-бис по Садовой, Никанор Иванович Босой, спекулирует валютой. В данный момент в его квартире номер

тридцать пять в вентиляции, в уборной, в газетной бумаге четыреста долларов. Говорит жилец означенного дома из квартиры номер одиннадцать Тимофей Квасцов. Но заклинаю держать в тайне мое имя. Опасаюсь мести вышеизложенного председателя.

Капитола 9.

... между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу об уплате алиментов гражданке Зельковой.

Зрительская масса, - перебил Семплеярова наглый гаер, - как будто ничего не заявляла?

Капитола 10.

- Cizojazyčné výrazy: Эйн, цвей, дрей! (Капитола 9., 10.); авек плезир; Уй, мадам! (ve smyslu Oui – fr. Ano) (Капитола 10.)

- Terminologické výrazy:

То ли бывает, то ли бывает, Никанор Иванович! - затрещал Коровьев, - рассеянность, рассеянность, и переутомление, и повышенное кровяное давление, дорогой наш друг Никанор Иванович!

Капитола 9.

Нет, не могу больше! Пойду приму триста капель эфирной валерьянки!

Ну да, неизвестно, - слышался все тот же дрянной голос из кабинета, - подумаешь, бином Ньютона!

Капитола 18.

В сердце он попадает, - Коровьев вытянул свой длинный палец по направлению Азazelло, - по выбору, в любое предсердие сердца или в любой из желудочков.

Капитола 23.

Если на эти нежные тепличные растения не нападет какой-нибудь микрорганйзм, не подточит их в корне, если они не загниют!

Капитола 28.

- Příklady zdrobnělin: с синей каемочкой платок; новенький (Капитола 22.); документик (Капитола 23.); Вы... э... дайте нам вообще закусочку... э... (Капитола 28.)

- Příklady výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů:

Я, изволите ли видеть, состою переводчиком при особе иностранца, имеющего резиденцию в этой квартире... (Книžní a archaické výrazy)

А вашему товариществу, Никанор Иванович, полнейшая выгода и очевидный профит. (Historismus, zastaralý výraz)

Капитола 9.

Да, это важнейший вопрос, сударь. (Archaismus)

Капитола 10.

Пойду лягу в постель, забудусь сном, - и тут он исчез из передней. (Книžní výraz)

Капитола 18.

И если бы расспросить некоторых прабабушек и в особенности тех из них, что пользовались репутацией смирениц, удивительнейшие тайны открылись бы, уважаемая Маргарита Николаевна. (Archaismus)

Сторицей будет вознаграждена за это хозяйка бала! (Archaismus)

Сию секунду, мессир, - сказал Коровьев, заметив вопросительный взгляд Воланда, - он предстанет перед вами. (Archaismy)

Капитола 22.

Я сам было принял его за рассеянного приват-доцента или влюбленного, томящегося на лестнице, но нет, нет! (Historismus)

Капитола 23.

Никогда не делайте этого, драгоценнейший страж! (Archaismus)

Он истомлен голодом и жаждой! (Archaismus)

Да, - продолжал Коровьев, - удивительных вещей можно ожидать в парниках этого дома, объединившего под своею кровлей несколько тысяч подвижников, решивших отдать беззаветно свою жизнь на служение Мельпомене, Полигимнии и Талии. (Archaismy a knižní výrazy)

Капитола 28.

Оно будет построено, мессир, - отозвался Коровьев, - смею уверить вас в этом. (Knižní výraz)

Капитола 29.

- **Пříklady přirovnání:**

Правда, через несколько часов ему начинало очень сильно хотеться пить, затем он ложился в постель, и через день прекрасная неаполитанка, накормившая своего мужа супом, была свободна, как весенний ветер.

Капитола 22.

И вот они уж свистят, как соловьи весной в лесу, тревожат милицию, отрывают ее от дела.

Капитола 28.

- **Пříklady zkratek:** *интурист* (Капитола 4.); *госбанк* (Капитола 18.)

- **Пříklady frazémů:**

...ни черта не делают...; начальству втирают очки... (Капитола 7.); ... черт знает где; капризен, как черт знает что; Вот они где у меня сидят, эти интуристы! всю душу вымотали; ... за деньгами он не постоит...; ... денежка счет любит ...; ... свой глазок – смотрок... (Капитола 9.); Нет, не в силах, нет мочи ... (Капитола 18.); ... чует сердце ...; В этом-то вся и соль!; (Капитола 23.); ... на самый худой конец ...; ... в конце концов ... (Капитола 28.)

- **Citoslovce:**

Ба!, Эх, Никанор Иванович! (Капитола 9.); Правая нога - хрусть, пополам! Левая - хрусть, пополам! (Капитола 18.); Среди гостей будут различные, ох, очень различные, но никому, королева Марго, никакого

преимущества; Госпожа Минкина, ах, как хороша! (Kapitola 22.); Ах, как приятно ужинать вот так, при камельке, запросто ...; Ах! (Kapitola 23.); эх, эх...; Ба! Вы... э... дайте нам вообще закусочку... э... (Kapitola 28.); И вдруг - трах, трах! - подхватил Коровьев, - выстрелы! (Kapitola 29.)

- Образная выжádření:

... сейчас волна начнет спадать... (o hostech na plese); Я слышу в этой гробовой тишине, как скрипят его лакированные туфли и как звенит бокал ... (Kapitola 22.); Что-то сосало мое сердце! А то ведь фортуна может и ускользнуть. (Kapitola 23.); Если на эти нежные тепличные растения не нападет какой-нибудь микроорганизм, не подточит их в корне, если они не загниют! Почем вы знаете, какие замыслы роятся у меня в голове? (Kapitola 28.)

Syntaktická rovina

Řečové pásmo Korovjeva obsahuje velké množství jednoduchých, popř. parcelovaných vět. Výrazná proměna nastává v dialogu s Markétou, když mnohomluvný Korovjev doprovází královnu na plese. V tomto úseku textu se vyskytují především složitá souvětí. Po skončení plesu se postava vrací ke svému obvyklému způsobu vyjadřování.

- Příklady vět s elipsami:

С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту!

Kapitola 3.

Где твой преступник? Где он? Иностраннный преступник?

Kapitola 4.

А бывает и наоборот, Никанор Иванович. И еще как бывает!

Говорю вам, капризен, как черт знает что! - зашептал Коровьев, - ну не желает!

А вашему товариществу, Никанор Иванович, полнейшая выгода и очевидный профит.

А за деньгами он не постоит, - Коровьев оглянулся, а затем шепнул на ухо председателю: - Миллионер!

Да разве это сумма! Просите пять, он даст.

Прописью, прописью, Никанор Иванович!.. Тысяч рублей, - и со словами, как-то не идущими к серьезному делу: - Эй, цвей, дрей! - выложил председателю пять новеньких банковских пачек.

Kapitola 9.

Ваши часики? Прошу получить ...

А он попросту соврал!

Kapitola 10.

Начисто, - крикнул Коровьев, и слезы побежали у него из-под пенсне потоками, - начисто! Я был свидетелем. Верите - раз! Голова - прочь! Правая нога - хрусть, пополам! Левая - хрусть, пополам!

Kapitola 18.

Самое несложное из всего! - ответил он.

Ну да, это они. Два пьяных вампира... Все? Ах нет, вот еще один. Нет, двое!

Капитола 22.

Еще стаканчик, и я с вами за компанию.

Капитола 23.

Мы здесь недалеко, на Садовой, где пожар.

Капитола 28.

- **Пříklady neúplných vět:**

Вы трудились...

Капитола 9.

Нет, не в силах, нет мочи, - шмыгая носом, продолжал Коровьев, - как вспомню: колесо по ноге... одно колесо пудов десять весит...

Капитола 18.

Среди гостей будут различные, ох, очень различные, но никому, королева Марго, никакого преимущества! Если кто-нибудь и не понравится...

Я понимаю, что вы, конечно, не выразите этого на своем лице...

Московская портниха, мы все ее любим за неистощимую фантазию, держала ателье и придумала страшно смешную штуку: повертела две круглые дырочки в стене...

Капитола 22.

Мессир, поверьте, - отозвался Коровьев и приложил руку к сердцу, - пошутить, исключительно пошутить...

Капитола 31.

- **Пříklady modálních vět:**

С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту!

Капитола 3.

Они не понимают!

А ну, давайте вместе! Разом!

Капитола 4.

Что такое официальное лицо или неофициальное?

Да не хотите ли закусить, Никанор Иванович? Без церемоний! А?

Если б вы видели, какая у него вилла в Ницце!

Да разве это сумма!

А где же свидетели? - шепнул в другое ухо Коровьев, - я вас спрашиваю, где они?

Капитола 9.

Так что же, граждане, простить его, что ли?

Катитесь отсюда!

Капитола 12.

Что вы изволите делать, королева?!

Королева в восхищении!

Мы в восхищении!

Госпожа Минкина, ах, как хороша!

Капитола 22.

Мессир! Суббота. Солнце склоняется. Нам пора.

Капитола 27.

А где же вы видите кота?

Прекрасный магазин! Очень, очень хороший магазин!

Коровьев подпустил дрожжи в свой голос и указал на Бегемота, немедленно скривившего плаксивую физиономию, - бедный человек целый день починяет примуса; он проголодался... а откуда же ему взять валюту?

Капитола 28.

- **Пříklady vět s příznakovým slovosledem:**

Турникет ищите, гражданин? - треснувшим тенором осведомился клетчатый тип, - сюда пожалуйста!

Капитола 3.

Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено.

Капитола 7.

Фамилия моя, - ничуть не смущаясь суровостью, отозвался гражданин, - ну, скажем, Коровьев.

Уж он черт знает где!

Кота, ежели угодно, могу показать, - предложил Коровьев.

Ведь ему безразлично, покойнику, - шепотом шепел Коровьев, - ему теперь, сами согласитесь, Никанор Иванович, квартира эта ни к чему?

Капитола 9.

Умрет он через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени в клинике Первого МГУ, в четвертой палате.

Капитола 18.

К ней камеристка приставлена, - пояснил Коровьев, - и тридцать лет кладет ей на ночь на столик носовой платок.

С синей каемочкой платок.

Капитола 22.

- **Пříklady opakování:**

То ли бывает, то ли бывает, Никанор Иванович! - затрещал Коровьев, - рассеянность, рассеянность, и переутомление, и повышенное кровяное давление, дорогой наш друг Никанор Иванович!

Да он уже уехал, уехал!

Капитола 9.

Помощник, помощник его и переводчик Коровьев, - трещала трубка, - весь к вашим услугам, милейший Иван Савельевич!

Слушаюсь, слушаюсь.

Капитола 10.

Как же, как же, - перебил Коровьев, отнимая платок от лица.

Капитола 18.

Ничего, ничего, ничего! - бормотал Коровьев у дверей комнаты с бассейном, - ничего не поделаешь, надо, надо, надо.

Нет, нет, нельзя подумать об этом! Заметит, заметит в то же мгновение. Нужно полюбить его, полюбить, королева.

Нет, мало, мало, - зашептал Коровьев, - он не будет спать всю ночь.

Мало, мало, - шептал Коровьев, - глядите налево, на первые скрипки, и кивните так, чтобы каждый думал, что вы его узнали в отдельности.

Будут, королева, сейчас будут.

Капитола 22.

Верно, верно! - кричал Коровьев, - верно, дорогая Маргарита Николаевна!

К счастью! К счастью! - зашептал Коровьев Маргарите, - смотрите, он уже приходит в себя.

Ничего, ничего, ничего, - шептал Коровьев, извиваясь возле мастера, - ничего, ничего...

Капитола 23.

Горько мне! Горько! Горько!

Ну, почем знать, почем знать, - ответил тот.

Капитола 28.

Свистнуто, не спорю, - снисходительно заметил Коровьев, - действительно свистнуто, но, если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне!

Капитола 31.

- Příklady výčtů a kumulace:

Слушаю. Как же. Непременно. Срочно. Всеобязательно. Передам ...

Капитола 9.

Потрясающе! - затрепал Коровьев, - *все очарованы, влюблены, раздавлены, сколько такта, сколько умения, обаяния и шарма!*

Непременно придут, очаровательная королева, непременно! – отвечал Коровьев, - *чувет сердце, что придут, не сейчас, конечно, но в свое время обязательно придут.*

Капитола 23.

Mluva Korovjeva působí komicky – to je zcela v souladu s povahou této postavy. Podle toho, nakolik se mění styl jeho vyjadřování v závislosti na osobě, s níž komunikuje, lze usuzovat, že hojně využití nespisovných prostředků je pouze součástí jeho groteskního vystupování a nikoliv důsledkem neznalosti řečové kultury. Korovjevův výsměšný tón a jeho neohrabaná familiárnost je jen hrou, za kterou se ukrývá smutná povaha skutečného rytíře.

03. Понтий Пилат

S postavou Piláta Pontského se seznamujeme v jeruzalémském pásmu vyprávění. Pilát Pontský je osamělý vladař unavený životem, mocný a krutý, přesto velmi citlivý a rozporuplný člověk. „Мы все время чувствуем, как Пилат захлестывается, тонет в своих страстях.” (Pjetělin 1989: 464).

- Беда в том, - продолжал никем не останавливаемый связанный, - что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей. Ведь нельзя же, согласись, поместить всю свою привязанность в собаку. Твоя жизнь скудна, игемон, - и тут говорящий позволил себе улыбнуться.

Капитола 2.

И, заручившись во сне кивком идущего рядом с ним нищего из Эн-Сарида, жестокий прокуратор Иудеи от радости плакал и смеялся во сне.

Капитола 26.

Prokurátor má posoudit případ vyšetřovaného jménem Ješua Ha-Nocri, který je obviněn z pobuřování lidu v Jeruzalémě a odsouzen k popravě. V moci prokurátora je potvrdit, nebo zamítnout rozsudek smrti. Pilát Pontský je trýzněn záchvatem nemoci zvané hemikranie, hlava ho bolí tak, že dokonce pomýšlí na jed. Výslech je pro něj především utrpením, a proto se chová netečně a krutě. První známkou změny vztahu obviňovatele a obviněného je Pilátovo překvapení, když se dozvídá, že vězeň umí řecky („Вспухшее веко приподнялось, подернутый дымкой страдания глаз уставился на арестованного.“, Kapitola 2.), později „.../ духовное и интеллектуальное превосходство арестанта и инициатива разговора легко переходит к нему.“ (Němcev 1991: 116). Bodem zlomu je bezpochyby zázračné vyléčení Pilátovy bolesti. „.../ Всемогущий Пилат признал Иешуа равным себе. И заинтересовался его учением.“ (Němcev 1991: 117) Mocný prokurátor dospívá k rozhodnutí zachránit Ješuu:

В течение ее полета в светлой теперь и легкой голове прокуратора сложилась формула. Она была такова: игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нем не нашел. В частности, не нашел ни малейшей связи между действиями Иешуа и беспорядками, происшедшими в Ершалаиме недавно. Бродячий философ оказался душевнобольным. Вследствие этого смертный приговор Га-Ноцри, вынесенный Малым Синедрионом, прокуратор не утверждает. Но ввиду того, что безумные, утопические речи Га-Ноцри могут быть причиною волнений в Ершалаиме, прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает его заключению в Кесарии Стратоновой на Средиземном море, то есть именно там, где резиденция прокуратора.

Капитола 2.

Ale i přes všechny prokurátorovy nářky mířené na vyšetřovaného, že má označit obvinění z kritiky současné vlády za lež, Ješua prohlašuje, že „Правду говорить легко и приятно.“ a vykládá své politické názory. Pilát se neodvážil ohrozit svou kariéru a potvrdil rozsudek smrti.

Motivy Pilátova jednání jsou v literárněvědných pracích vyloženy různě. V. V. Novikov se domnívá, že tragédie prokurátora je v tom, že při své zdánlivě velké moci se vladař musí podřítit okolnostem: „Всесильный римский прокуратор Понтий Пилат вынужден подчиниться обстоятельствам, согласиться с решением иудейского первосвященника, послать на казнь Иешуа.“ (Novikov 1996: 227). Zcela jinak Pilátovo rozhodnutí chápe T. M. Vachitova: „Понтий озабочен лишь тем, что после казни Иешуа не найдется человека, который смог бы с такой легкостью снять приступ головной боли и с кем можно было бы с такой свободой и взаимопониманием беседовать о вопросах философских и отвлеченных.“ (Vachitova 1991: 71). Ztotožňujeme se spíše s názorem V. V. Novikova, protože si Pilát uvědomuje svou chybu a snaží se ji napravit alespoň pomstou zrádci Jidášovi. Tato skutečnost vypovídá o tom, že Pilát nepochopil Ješuovo učení, ale hořce lituje svého činu, přesněji řečeno své nečinnosti.

Ему ясно было, что сегодня днем он что-то безвозвратно упустил, и теперь он упущенное хочет исправить какими-то мелкими и ничтожными, а главное, запоздавшими действиями. Обман же самого себя заключался в том, что прокуратор старался внушить себе, что действия эти, теперешие, вечерние, не менее важны, чем утренний приговор. Но это очень плохо удавалось прокуратору.

Капитола 26.

Свободного времени было столько, сколько надобно, а гроза будет только к вечеру, и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцири. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок.

Вот, например, не трусил же тепереший прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в долине дев, когда яростные германцы чуть не загрызли Крысобоя-великана. Но, помилуйте меня, философ! Неужели вы, при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудеи?

- Да, да, - стонал и всхлипывал во сне Пилат.

Разумеется, погубит. Утром бы еще не погубил, а теперь, ночью, взвесив все, согласен погубить. Он пойдет на все, чтобы спасти от казни решительно ни в чем не виноватого безумного мечтателя и врача!

Капитола 26.

Prokurátor byl krutě potrestán za svou zbabělost, ale nakonec mu bylo odpuštěno:

Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, как видите,

его терзает бессонница. Она мучает не только его, но и его верного сторожа, собаку. Если верно, что трусость - самый тяжкий порок, то, пожалуй, собака в нем не виновата. Единственно, чего боялся храбрый пес, это грозы. Ну что ж, тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит.

Капитола 32.

Кто-то отпустил на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушел в бездну, ушел безвозвратно, прощенный в ночь на воскресенье сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат.

Капитола 32.

V řečovém pásmu postavy pozorujeme velmi vysokou frekvenci historismů. V souladu se svou povahou postava používá spíše jednoduché věty, krátké a výstižné. Často se v mluvě prokurátora objevuje zvolání: „O, богу!“

Lexikální rovina

Prokurátorovo řečové pásmo nemá ani náznak hovorovosti; pro mluvu vlivného vladaře autor volí především výrazy knižní. Vzhledem k místu a času děje je lze předpokládat výskyt velkého množství historismů. Na začátku své kariéry byl Pilát vojákem, a proto se dobře vyzná ve vojenské terminologii a často ji používá.

- Příklady hovorových výrazů:

Верите ли, это бредовое сооружение Ирода, - прокуратор махнул рукою вдоль колоннады, так что стало ясно, что он говорит о дворце, - положительно сводит меня с ума.

Сведения же заключаются в том, что кто-то из тайных друзей Га-Ноцири, возмущенный чудовищным предательством этого менялы, сговаривается со своими сообщниками убить его сегодня ночью, а деньги, полученные за предательство, подбросить первосвященнику с запиской: "Возвращаю проклятые деньги!"

Капитола 25.

- Příklady výrazů hovorových nespisovných (просторечных):

Вот, например, не струсил же теперешний прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в долине дев, когда яростные германцы чуть не загрызли Крысобоя-великана.

Капитола 26.

- Příklady výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů:

К тетрарху дело посылали? (Historismus)

Капитола 2.

В Еришалаиме все шепчут про меня, что я свиренное чудовище, и это совершенно верно, - и так же монотонно прибавил: - Кентуриона Крысобоя ко мне. (Knižní výraz)

Сборщик податей, вы слышите, бросил деньги на дорогу! (Historismus)

О да, ты не похож на слабоумного, - тихо ответил прокуратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой, - так поклянись, что этого не было. (Zastarávající výraz)

Так, так, - улыбнувшись, сказал Пилат, - теперь я не сомневаюсь в том, что праздные зеваки в Еришалаиме ходили за тобою по пятам. (Zastarávající výraz)

Кстати, скажи: верно ли, что ты явился в Еришалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебе приветствия как бы некоему пророку? (Archaismus)

Пехотный манипул попал в мешок, и если бы не врубилась с фланга кавалерийская турма, а командовал ею я, - тебе, философ, не пришлось бы разговаривать с Крысобоем. (Historismus, vojenská terminologie)

Я полагаю, - отозвался Пилат, - что мало радости ты доставил бы легату легиона, если бы вздумал разговаривать с кем-нибудь из его офицеров или солдат. (Historismus, vojenská terminologie)

Итак, - говорил он, - отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа, и что именно ты говорил ему, если говорил, о кесаре? (Historismus)

Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? (Historismus)

Последние же, Вар-равван и Га-Ноцири, схвачены местной властью и осуждены Синедрионом. (Historismus)

Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Еришалаиме и других некоторых местах, то первый отягощен гораздо значительно. (Knižní výraz)

Разве я похож на юного бродячего юродивого, которого сегодня казнят? (Historismus)

Так знай же, что не будет тебе, первосвященник, отныне покоя! (Knižní)

Теперь полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору, весть о том, как вы заведомых мятежников в Еришалаиме прячете от смерти. (Knižní výraz)

Капитола 2.

Очень хорошая мысль, - одобрил прокуратор, - послезавтра я ее отпущу и сам уеду, и - клянусь вам пиром двенадцати богов, ларами клянусь - я отдал бы многое, чтобы сделать это сегодня. (Historismus)

Помилосердствуйте, - улыбаясь, воскликнул прокуратор, - нет более безнадежного места на земле. (Knižní výraz)

Капитола 25.

Вот, например, не струсил же теперешний прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в долине дев, когда яростные германцы чуть не загрызли Крысобоя-великана. (Historismus)

Да, уж ты не забудь, помяни меня, сына звездочета, - просил во сне Пилат. (Historismus)

А теперь мне нужно второе: покажи хартшу, которую ты носишь с собой и где записаны слова Иешуа. (Historismus)

Ты, как я вижу, книжный человек, и незачем тебе, одинокому, ходить в нищей одежде без пристанища. (Archaismus)

Капитола 26.

- **Пříklady přirovnání:**

Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя. (Kapitola 2.)

- **Пříklady frazémů:**

... она [жизнь] висит на волоске ...; ... праздные зеваки в Ершалаиме ходили за тобою по пятам ...; ... настал теперь мой час ... (Kapitola 2.); ... на вас нет сухой нитки ...; ... чтобы о них больше не было ни слуху ни духу ... (Kapitola 25.)

- **Citoslovce:**

... О боги, боги, за что вы наказываете меня? О, город Ершалаим! О, боги мои! О да, ты не похож на слабоумного ...; О, боги, боги! О нет! (Kapitola 2.); О, если бы не императорская служба!.. (Kapitola 25.); О, боги! (Kapitola 26.)

- **Образная выжádření:**

Оцеплен сад, оцеплен дворец, так что и мышь не проникнет ни в какую щель! Теперь полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору ... (Kapitola 2.); Я готов спорить, что через самое короткое время слухи об этом поползут по всему городу. (Kapitola 26.)

Syntaktická rovina

Pilátovo řečové pásmo se z velké části skládá z rozkazů, které prokurátor dává svým podřízeným, sluhům a vyslychaným Ješuvovi a Matoušovi. V souladu s tím autor volí stručné, ale výstižné výpovědi. Pilátův styl vyjadřování je stále mluvou starého vojáka, který má v době běhu těchto událostí velkou politickou moc a spolu s tím i zodpovědnost za své skutky.

- **Пříklady vět s elipsami:**

Мое - мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твое.

Kapitola 2.

Почему в лицо не смотришь, когда подаешь?

"Цекуба", тридцатилетнее, - любезно отозвался прокуратор.

Kapitola 25.

Разумеется, погубит.

Kapitola 26.

- **Пříklady neúplných vět:**

Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде... Мой ум не служит мне больше...

*Светильники зажег... - сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали.
Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу...*

Капитола 2.

Но эти праздники - маги, чародеи, волшебники, эти стаи богомольцев...

Но, во всяком случае, - озабоченно заметил прокуратор, и тонкий, длинный палец с черным камнем перстня поднялся вверх, - надо будет...

Капитола 25.

- **Příklady modálních vět:**

Да, нет сомнений!

О, город Ершалаим! Чего только не услышишь в нем. Сборщик податей, вы слышите, бросил деньги на дорогу!

Что такое истина?

Сознайся, - тихо по-гречески спросил Пилат, - ты великий врач?

Впервые слышу об этом, - сказал Пилат, усмехнувшись, - но, может быть, я мало знаю жизнь!

Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: "Погиб!", потом: "Погибли!.."

Так много лет тому назад в долине дев кричал Пилат своим всадникам слова: "Руби их! Руби их!"

Великан Крысобой попался!" Он еще повысил сорванный командами голос, выкликая слова так, чтобы их слышали в саду: - Преступник! Преступник! Преступник!

Так помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем, - тут голос Пилата сел, - это не поможет. Жены нет? - почему-то тоскливо спросил Пилат, не понимая, что с ним происходит.

Молчать! - вскричал Пилат и бешеным взором проводил ласточку, опять впорхнувшую на балкон. - Ко мне! - крикнул Пилат.

Что ты, первосвященник! Кто же может услышать нас сейчас здесь?

Увидишь ты не одну когорту в Ершалаиме, нет!

Придет под стены города полностью легион Фульмината, подойдет арабская конница, тогда услышишь ты горький плач и стенания. Вспомнишь ты тогда спасенного Вар-раввана и пожалеешь, что послал на смерть философа с его мирною проповедью! (Knižní výrazy)

Именем кесаря императора!

Капитола 2.

Боги! - воскликнул Пилат, - да ведь на вас нет сухой нитки! Каков ураган? А?

О, если бы не императорская служба!..

Безумец! - сказал Пилат, почему-то гримасничая. Под левым глазом у него задергалась жилка, - умирать от ожогов солнца!

Капитола 25.

Но ты мне, пожалуйста, скажи, - тут лицо из надменного превращается в умоляющее, - ведь ее не было! Молю тебя, скажи, не было?

Капитола 32.

- **Příklady vět s příznakovým slovosledem:**

К тетрарху дело посылали?

Это меня ты называешь добрым человеком?

Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной.

Ну, хотя бы жизнью твоею, - ответил прокуратор, - ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?

Капитола 2.

Солдат вы калечите...

Марк! - крикнул прокуратор, и кентурион вступил под колонны. – Нож его мне дайте.

Капитола 26.

- **Пříklady opakování:**

О боги, боги, за что вы наказываете меня?

Яду мне, яду!

Он еще повысил сорванный командами голос, выкликаая слова так, чтобы их слышали в саду: -

Преступник! Преступник! Преступник!

О, боги, боги!

Тесно мне, - вымолвил Пилат, - тесно мне!

Капитола 2.

Фанатики, фанатики!

Ах так, так, так, так

Капитола 25.

Это интересно, интересно...

Капитола 26.

Боги, боги, - говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще, - какая пошлая казнь!

Капитола 32.

- **Пříklady výčtů a kumulace:**

Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания, при которой болит полголовы.

Германцы вцепились ему в шею, в руки, в ноги.

Капитола 1.

Позвольте мне пока этого не говорить, тем более что они случайны, темны и недостоверны.

Капитола 25.

Způsob vyjadřování Piláta Pontského je v souladu především s jeho povoláním a postavením: prokurátor dává stručné a jasné pokyny svým podřízeným, popřípadě vyjednává (viz rozhovor s Kaifášem, Kapitola 2.). Je velmi vzdělaný, šetří slovy a umí získat potřebnou informaci. Umístění a doba děje se do mluvy této postavy promítá velkým počtem historismů.

04. Мастер

Postava Mistra se v románu objevuje teprve v 13. kapitole: „/.../ уходят за кулисы отыгравшие свою роль. И постепенно открисстализовывается до полной, рассветной отчетливости фигура Мастера - создателя романа о Христе занимает первый план прежде всего своим творением..“ (Vulis 1991: 135).

Mistr je intelektuál a geniální spisovatel, kterému se nedostává pochopení a uznání v době, v níž žije: „его можно легко переместить в любой век и в любое время.“ (Sokolov 1991: 143). Současní spisovatelé se sdružují kolem literárních organizací, které výstižně charakterizuje ironický dialog vševědoucího Korovjeva a kocoura:

- Ба! Да ведь это писательский дом. Знаешь, Бегемот, я очень много хорошего и лестного слышал про этот дом. Обрати внимание, мой друг, на этот дом! Приятно думать о том, что под этой крышей скрывается и вызревает целая бездна талантов.

- Как ананасы в апельсинах, - сказал Бегемот и, чтобы получше полюбоваться на кремовый дом с колоннами, влез на бетонное основание чугунной решетки.

- Совершенно верно, - согласился со своим неразлучным спутником Коровьев, - и сладкая жуть подкатывает к сердцу, когда думаешь о том, что в этом доме сейчас попевает будущий автор "Дон Кихота", или "Фауста", или, черт меня побери, "Мертвых душ"! А?

- Страшно подумать, - подтвердил Бегемот.

- Да, - продолжал Коровьев, - удивительных вещей можно ожидать в парниках этого дома, объединившего под своєю кровлей несколько тысяч подвижников, решивших отдать беззаветно свою жизнь на служение Мельпомене, Полигимнии и Талии. Ты представляешь себе, какой поднимется шум, когда кто-нибудь из них для начала преподнесет читающей публике "Ревизора" или, на самый худой конец, "Евгения Онегина"!

- И очень просто, - опять-таки подтвердил Бегемот.

- Да, - продолжал Коровьев и озабоченно поднял палец, - но! Но, говорю я и повторяю это - но! Если на эти нежные тепличные растения не нападет какой-нибудь микроорганизм, не подточит их в корне, если они не загниют! А это бывает с ананасами! Ой-ой-ой, как бывает!

Капитола 28.

Proto Mistr konfrontuje slovo „spisovatel“ s označením „mistr“:

- Вы - писатель? - с интересом спросил поэт.

Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал:

- Я - мастер, - он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой "М". Он надел эту шапочку и показался Ивану в профиль и в фас, чтобы доказать, что он - мастер. - Она своими руками сшила ее мне, - таинственно добавил он.

Mistrova postava má nepochybně hodně autobiografických rysů, jeho osud souzní s osudem samotného Michaila Bulgakova (M. Čudakova 1988; V. Lakšin 1968). Bulgakov byl ve své době ostře odsuzován kvůli románu „Белая гвардия” a dramatu „Дни Турбиных” (Morávková 1996). Srovn.

Статьи не прекращались. Над первыми из них я смеялся. Но чем больше их появлялось, тем более менялось мое отношение к ним. Второй стадией была стадия удивления. Что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей, несмотря на их грозный и уверенный тон.

Na rozdíl od své postavy se spisovatel pokoušel bojovat s režimem – zejm. máme na mysli jeho dopisy Stalinovi: „По мере того, как я выпускал в свет свои произведения, критика СССР обращала на меня все большее внимание, причем ни одно из моих произведений ... не только никогда и нигде не получила ни одного одобрителного отзыва, но напротив, чем большую известность приобретало мое имя в СССР и за границей тем яростнее становились отзывы прессы, принявшие, наконец, характер неистовой брани” (dopis z r. 1929) (Lakšin 1991: 52). V dalším dopise z května r. 1930 Bulgakov napsal: „./.../ Я обнаружил в прессе СССР за 10 лет моей работы (литературной) 301 отзыв обо мне. Из них похвальных - было 3, враждебно-ругательных – 298.” (Lakšin 1991: 55).

Autobiografický nádech má rovněž motiv lásky: do života M. Bulgakova v té době vstoupila Jelena Sergeevna, která se jako Markéta vzdala finančních jistot v manželství a zasvětila svůj život spisovateli (Morávková 1996).

Zřejmou paralelu k obrazu Mistra tvoří také Ješua: obě postavy se nepřizpůsobují požadavkům současného světa a trpí, oba mají žáky, kteří zcela nepochopí jejich učení (Matouše a Ivana Bezdomného). B. M. Gasparov (1994, 91) se domnívá, že Mistr není spřízněn pouze s Ješou, ale i s prokurátorem: Mistr se vzdává svého díla a spolu s tím i Ješuy, a zřejmě tím se dá vysvětlit to, že Mistr „./.../ не заслужил света, он заслужил покой.” (Kapitola 29.).

Lexikální rovina

Mistrovo vyjadřování je velmi obrazné, jeho slovní zásoba je evidentně velmi široká. V jeho řečovém pásmu pozorujeme velké množství hovorových výrazů (zejména v dialogu s Ivanem

Bezdomným). Relativně často Mistr užívá deminutiv, a to obzvláště, když mluví o „zlatých časech“ tvorby románu.

- Příklady hovorových výrazů:

Я стащил у нее месяц тому назад связку ключей и, таким образом, получил возможность выходить на общий балкон ...

Нет, - твердо ответил гость, - я не могу удрать отсюда не потому, что высоко, а потому, что мне удирать некуда.

Безобразие, - осудил гость Ивана ...

Ужасно не нравятся.

Но вы сами, голубчик, во всем виноваты.

Вызова врача, уколов и прочей возни не будет?

Сидите, как сами понимаете, в психиатрической лечебнице, а все толкуете о том, что его нет.

И вы и я - сумасшедшие, что отпираться!

Уу, проклятая дыра!

Он смотрел на меня так, как будто у меня щека была раздута флюсом, как-то косился в угол и даже сконфуженно хихикнул. (Hovorový zastarávající výraz)

Он без нужды мямл манускрипт и крякал.

Тут он засуетился, начал что-то мямлить и заявил, что самолічно решить этот вопрос он не может, что с моим произведением должны ознакомиться другие члены редакционной коллегии, именно критики Латунский и Ариман и литератор Мстислав Лаврович.

У меня неожиданно завелся друг.

Да, да, представьте себе, я в общем не склонен сходить с людьми, обладаю чертовой странностью: схожусь с людьми туго, недоверчив, подозрителен.

Так вот в то проклятое время открылась калиточка нашего садика, денек еще, помню, был такой приятный, осенний.

Он прошел в дом по какому-то делу к моему застройщику, потом сошел в садик и как-то очень быстро свел со мной знакомство.

Это страшно трудно делать, потому что исписанная бумага горит неохотно.

Каритola 13.

Знаю, - ответил мастер, - моим соседом в сумасшедшем доме был этот мальчик, Иван Бездомный.

Каритola 24.

- Příklady výrazů hovorových nespisovných (просторечных):

Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо.

Видите ли, он вас потряс - и вы свихнулись, так как у вас, очевидно, подходящая для этого почва.

Да, так на чем, бишь, я остановился?

Каритola 13.

Однако, это будет, пожалуй, почище того, что рассказывал Иван!

Капитола 24.

- Příklady vulgarizmů:

Не говоря ничего по существу романа, он спрашивал меня о том, кто я таков и откуда я взялся, давно ли пишу и почему обо мне ничего не было слышно раньше, и даже задал, с моей точки зрения, совсем идиотский вопрос: кто это меня надоумил сочинить роман на такую странную тему?

Капитола 13.

- Příklady zdrobnělin: оконца, протуарчик, малюсенькая комната, столлик, коврик, калиточка, денек, дворик, слабенько освещенные ... оконца, страх владел каждой клеточкой моего тела (Капитола 13.)

- Příklady výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů

Нет, уж это вы оставьте, и навсегда. (Книžní výraz)

Помилуйте! (Книžní výraz)

И, право, я удивляюсь Берлиозу! (Книžní výraz)

Вы знаете, что такое - застройщики? (Historismus)

Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. (Книžní výraz)

Он без нужды мял манускрипт и крякал. (Книžní výraz)

Холод и страх, ставший моим постоянным спутником, доводили меня до исступления. (Книžní výraz)

Капитола 13.

Не плачь, Марго, не терзай меня. Я тяжко болен. (Книžní výразу)

Из дома скорби. (Archaismus)

Капитола 24.

Конечно, передо мной сидит посланник дьявола. (Книžní výраз)

Капитола 30.

- Příklady přirovnání:

Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!

Он смотрел на меня так, как будто у меня щека была раздута флюсом, как-то косился в угол и даже сконфуженно хихикнул.

Капитола 13.

- Příklady frazémů:

... принять на веру ...; ... глядеть правде в глаза ...; Черт их знает, как их зовут...; Вот так штука, а? ... внешне-то черт знает на что похожий ... (Капитола 13.); ... бог с ними ...; Фу ты черт ...; Нет, это черт знает что такое, черт, черт, черт! Какие тут к черту гипнотизеры! (Капитола 30.)

- Citoslovce:

Тсс! милейший, но, увь, рассеянный человек; Ох, как мне не везет! Эх, эх... Ну, ну! О, как я угадал! О, как я все угадал! Ах, ах! Уу, проклятая дыра! Ах, ах, ах! Ах, какая у меня была обстановка! Да, он чрезвычайно поразил меня, ах, как поразил! Ах нет, нет ... (Kapitola 13.); О боги, боги... (Kapitola 24.); Ах, как это умно! (Kapitola 30.)

- Obrazná vyjádření:

Воланд может запорошить глаза и человеку похитрее ... ; Хоть все и перегорело и угли затянулись пеплом ...; ... одевающиеся в зелень кусты сирени ...; И голова моя становилась легкой от утомления, и Пилат летел к концу. Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулочек и пошел по ее следам. ... прозвучал ее голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо, показалось, что это ударило в переулочек и отразилось от желтой грязной стены. ... затем продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою ...; Да, любовь поразила нас мгновенно. Глаза ее источали огонь, руки дрожали и были холодны. Дело в том, что вообще человек без сюрприза внутри, в своем ящике, неинтересен. Мне вдруг показалось, что осенняя тьма выдавит стекла, вольется в комнату и я захлебнусь в ней, как в чернилах. В печке ревел огонь, в окна хлестал дождь. В нем играла метель. ... страх владел каждой клеточкой моего тела ... (Kapitola 13.)

Syntaktická rovina

Mistrova mluva je emocionální, nelze říci, že souvětí převažují nad jednoduchými větami – jejich poměr je vyvážený a neutrální. Často se objevují věty s nepravidelným slovosledem.

- Příklady vět s elipsami:

Основание? - строго спросил гость.

И, пожалуй, ведь все-таки лицо.

Ох, как мне не везет!

Ну вот... ведь даже лицо, которое вы описывали... разные глаза, брови!

Ах, какая у меня была обстановка!

Kapitola 13.

Ну, хорошо, - ответил мастер, - ведьма так ведьма.

Жалею тебя, потому это и говорю.

Kapitola 30.

Мне туда, за ним? - спросил беспокойно мастер, тронув поводья.

Kapitola 32.

- Příklady neúplných vět:

Так что, знаете ли, кулаками...

Мы все здесь люди ненадежные...

Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга, никогда не видя, и что она жила с другим человеком, и я там тогда... с этой, как ее...

С этой... ну... этой, ну...

Каритола 13.

- **Příklady modálních vět:**

Можно присесть?

Итак, сидим?

Успокойте меня, скажите, вы не буйный?

Не пишите больше!

Право, это странно!

Его нельзя не узнать, мой друг!

Ну, Тверскую вы знаете?

Да, он чрезвычайно поразил меня, ах, как поразил!

Разве можно посылать письма, имея такой адрес? Душевнобольной? Вы шутите, мой друг!

Каритола 13.

Опомнись! Зачем тебе ломать свою жизнь с больным и нищим?

Ах, как это умно! Как это вовремя!

Каритола 30.

- **Příklady vět s příznakovým slovosledem:**

В особенности ненавистен мне людской крик, будь то крик страдания, ярости или иной какой-нибудь крик.

Никаких я ваших стихов не читал!

Облигацию, - пояснил он, - мне в музее дали.

И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто.

Глаза ее источали огонь, руки дрожали и были холодны.

Мне, впрочем, ее не очень жаль, так как она мне не пригодится больше.

Ах нет, нет, - болезненно дернувшись, ответил гость, - я вспомнить не могу без дрожи мой роман.

Каритола 13.

И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня?

Каритола 24.

Вы о нем продолжение напишите!

Каритола 30.

- **Příklady opakování:**

Умоляю, умоляю, расскажите!

О, как я угадал! О, как я все угадал!

Да редактор, я же говорю, редактор.

Приди, приди, приди!

И голос, ее голос, ответил мне: - Это я.

Бедная моя, бедная, - сказал я ей, - я не допущу, чтобы ты это сделала.

Капитола 13.

Бедная, бедная...

Охотно, охотно, - ответил мастер, притянул к себе Маргариту, обнял ее за плечи и прибавил: - Она образумится, уйдет от меня...

Капитола 24.

Конечно, конечно, - иронически заметил мастер, - теперь, стало быть, налицо вместо одного сумасшедшего двое!

Нет, это черт знает что такое, черт, черт, черт!

Ну, и ладно, ладно ...

А вот это хорошо, это хорошо.

Капитола 30.

- **Пříklady výčtů a kumulace:**

Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы.

И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!

И вот, последнее, что я помню в моей жизни, это - полоску света из моей передней, и в этой полосе света развившюся прядь, ее берет и ее полные решимости глаза.

Капитола 13.

У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, - ответил мастер, - ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, - он опять положил руку на голову Маргариты, - меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.

Капитола 24.

Все это хорошо и мило, - отвечал мастер, курая и разбивая рукой дым, - и эти идолы, бог с ними, но что дальше получится, уж решительно непонятно!

Я не уверен, что эта еда не провалится сейчас сквозь землю или не улетит в окно, - ответил тот, совершенно успокоившись.

Капитола 30.

Vyjadřování Mistra je typické pro velmi vzdělaného člověka, jeho slovní zásoba je velmi široká. Bez závislosti na tom, s kým postava mluví - volba jazykových prostředků zůstává spíše stejná: Mistr se nesnaží přizpůsobit okolnostem. Obecně je jeho mluva úměrně emocionální.

05. Иван Николаевич Поньрев/Бездомный

Postava Ivana Nikolajeviče Bezdorného na začátku románu tvoří jakýsi protipól k postavě Mistra. Bezdornyj je členem jedné z největších moskevských literárních organizací, je zapálený sovětský básník, a tedy je ve své době uznávaný a úspěšný:

Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? - здесь иностранец вытащил из кармана вчерашний номер "Литературной газеты", и Иван Николаевич увидел на первой же странице свое изображение, а под ним свои собственные стихи. Но вчера еще радовавшее доказательство славы и популярности на этот раз ничуть не обрадовало поэта.

Kapitola 1.

V prvních kapitolách je povaha této postavy prudká a vznětlivá: Bezdornyj stále odmlouvá a chová se velmi drze dokonce ve vztahu k Wolandovi.

Несчастный поэт! Но вы сами, голубчик, во всем виноваты. Нельзя было держать себя с ним столь развязно и даже нагло. Вот вы и заплатились.

Капитола 13.

V průběhu děje však postava prochází procesem lidského vývoje a myšlenkového dospívání: z charakterního a ctižádostivého mladého muže se stává muž zralých a dospělých názorů, dokonce Mistrův žák. Přestože je jeho mluva velice pestrá, Bezdornyj užívá především lexika, které přísluší úzkému okruhu lidí, v němž se pohybuje. Lze konstatovat, že se jedná o člověka s nedostatečným vzděláním:

Впрочем, вы... вы меня опять-таки извините, ведь, я не ошибаюсь, вы человек невежественный? Бесспорно, - согласился неузнаваемый Иван.

Капитола 13.

První známky proměny Ivanova chování pozorujeme, když básník mluví s profesorem Stravinským a později s Mistrem. V epilogu po uplynutí několika let se Ivan objevuje v roli mladého vědce, zásadně se mění dokonce vzhled postavy, nemluvě o jejím jazykovém projevu:

Второй - плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке - был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках.

Капитола 1.

Рыжеватый, зеленоглазый, скромно одетый человек. Это - сотрудник института истории и философии, профессор Иван Николаевич Поньрев.

Epilog

Lexikální rovina

V lexikální rovině této postavy se objevuje velké množství stylově příznakových lexikálních prostředků. Vysokou frekvenci mají zejména v prvních kapitolách hovorové a vulgární výrazy, často se objevují rovněž frazémy: různé varianty výrazů „какого черта“, např. „какого черта ему надо?“, „черт его возьми!“, „черт ее знает“, „черт знает чего“. V souvislosti s jejím vývojem, jak bylo naznačeno výše, dochází u postavy ke změnám v jazykovém projevu. Nespisovné výrazy jsou nahrazeny spisovnými, vulgarizmy z řečového pásma postavy v podstatě mizí.

- Příklady hovorových výrazů:

Где это он так наловчился говорить по-русски, вот что интересно!

Капитола 1.

... он, будем говорить прямо... с нечистой силой знается...

Он его нарочно под трамвай пристроил.

Не ври ты, чего не знаешь! - рассердился на Рюхина Иван, - я, а не ты был при этом!

Капитола 6.

Я, например, вчера с таким познакомился, что любо-дорого!

С места выходила какая-то безлевица: как это так - пришел с покойным?

Действительно, чего доброго, за сумасшедшего примут!

Пока я по квартирам буду разъезжать, он улизнет!

Капитола 8.

Если как следует провентилировать этот вопрос, выходит, что я, в сущности, даже и не знал как следует покойника.

Капитола 11.

Как-нибудь его надо изловить?

Раз вы можете выходить на балкон, то вы можете удрать.

Хороши ваши стихи, скажите сами? - Чудовищны!

Капитола 13.

Вы думаете, я бушевать стану?

Капитола 30.

Ах, дорого бы я дал, чтобы проникнуть в его тайну, чтобы знать, какую такую Венеру он утратил и теперь бесплодно шарит руками в воздухе, ловит ее?

Епilog

- Příklady výrazů hovorových nespisovných (просторечных):

Уж ты мне верь, - засипел ему в ухо поэт, - он дурачком прикидывается, чтобы выпросить кое-что.

Вы по-русски здорово говорите, - заметил Бездомный.

Вот прицепился, заграничный гусь!

Капитола 1.

Как же это я не заметил, что он успел сплести целый рассказ?..

Перестаньте вы психовать.

Капитола 3.

Ты нарочно под ногами путаешься?

Капитола 4.

Здорово, други!

Дважды хотели задержать, в скатертном и здесь, на Бронной, да я махнул через забор и, видите, щеку изорвал!

А ты лезешь ко мне со своими глупостями!

Капитола 5.

... пошел я купаться на Москва-реку, ну и попятчили мою одежду, а эту дрянь оставили! На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом!

Нашелся наконец хоть один нормальный среди идиотов, из которых первый - балбес и бездарность Сашка!

Да черт их возьми, олухов!

Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовике!

Капитола 6.

Целое дело сшили!

... так вот, этот страшный тип, а он врет, что он консультант, обладает какою-то необыкновенной силой...

А между тем меня силою задержали здесь, тычут в глаза лампой, в ванне купают, про дядю Федю чего-то расспрашивают!

Капитола 8.

К чему вся нелепая погоня за ним в подштанниках и со свечкой в руках, а затем и дикая Петрушка в ресторане?

Капитола 11.

- Příklady vulgarizmů:

Дура! - прокричал он, ища глазами крикнущую.

Кретин!

Сволочь!

Капитола 5.

А на тебя в особенности, гнида!

Посмотрите на его постную физиономию и сличите с теми звучными стихами, который он сочинил к первому числу!

Капитола 6.

Просто дура какая-то с Садовой.

Капитола 8.

Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил.

Капитола 13.

- Příklady zdrobnělin:

... он дурачком прикидывается ... (Капитола 1.); Типичный кулачок по своей психологии ...; Взял я на кухне свечечку...; Ну да, иконка...; Так вот вы какие стеклышки у себя завели! (Капитола 6); Я ведь слово свое сдержу, стишков больше писать не буду. (Капитола 30.)

- Příklady výrazů výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů:

И, будьте любезны, оно не состоится! (Книžní výraz)

... ты что же это, длумишься надо мной? (Archaismus)

Капитола 4.

... чтобы выслали пять мотоциклетов с пулеметами ... (Historismus)

Капитола 5.

Заточили все-таки ... (Книžní výraz)

Капитола 6.

При чем здесь кальсоны? (Historismus)

... прошу выдать мне бумагу и перо. (Historismus)

Капитола 8.

Ах, дорого бы я дал, чтобы проникнуть в его тайну, чтобы знать, какую такую Венеру он утратил и теперь бесплодно шарит руками в воздухе, ловит ее? (Книžní výraz)

Epilog

- Příklady frazémů:

А какого черта ему надо? Вот черт его возьми! На все сто! (Капитола 1.); Да черт их возьми, олухов! Слава те господи! (Капитола 6.); ... черт ее знает, кто она такая ... (Капитола 8.); В конечном счете, ну его в болото! (Капитола 11.); Он личность незаурядная и таинственная на все сто. Ну, царство небесное ему! (Капитола 11.); Да ведь он тут черт знает чего натворит! (Капитола 13.)

- Citoslovce:

... ишь, и не жарко ему в перчатках. (Капитола 1.); Э, нет! (Капитола 4.); То-то фамилия! (Капитола 5.); Эге-ге! (Капитола 6.); Гм... Угу. (Капитола 8.); Ай-яй-яй, вот так штука! Ишь ты! (Капитола 13.); Ах да... (Капитола 30.)

- Příznakové částice:

Уж ты мне верь. А у вас разные, что ли, есть? (Капитола 1.); Уж не подстроил ли он это сам?! (Капитола 4.); ... кабы я знал фамилию! (Капитола 5.); ... про то, что голову Берлиозу-то отрежет, ведь он все-таки знал заранее? (Капитола 11.); ведь балконные-то решетки на замках? (Капитола 13.); ... вишь ты, как у вас все хорошо вышло. (Капитола 30.)

- **Пříklady zkratek:**

Вот что, Миша, - зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, - он никакой не интурист, а шпион.
(Kapitola 1.)

- **Образная vyjádření:**

... и теперь бесплодно шарит руками в воздухе, ловит ее? ... вовсе не воздух влечет его в сад, он что-то видит (Epilog)

Syntaktická rovina

V syntaktické rovině této postavy autor používá spíše jednoduché věty, než složitá souvětí. Vzhledem k emocionalitě básnickova projevu převládají modální věty, častá jsou opakování.

- **Пříklady vět s elipsami:**

*Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!
Сам человек и управляет.*

Kapitola 1.

Посмотрите на его постную физиономию и сличите с теми звучными стихами, который он сочинил к первому числу!

Kapitola 6.

- **Пříklady neúplných vět:**

Ты слышишь, как он по-русски говорит, - поэт говорил и косился, следя, чтобы неизвестный не удрал, - идем, задержим его, а то уйдет...

Kapitola 1.

И дьявола...

Kapitola 3.

Взял я на кухне свечечку...

Эту самую, и...

Kapitola 6.

И по-латыни, как Пилат, говорит...

Вот же именно его вчера при мне и зарезало трамваем на Патриарших, причем этот самый загадочный гражданин...

Kapitola 8.

- **Пříklady modálních vět:**

Нету никакого дьявола! - растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание!

Капитола 3.

Этого мало: он прямо сказал, что Берлиозу отрежет голову женищина?! Да, да, да! Ведь возжатая была женищина?! Что же это такое? А?

Капитола 4.

Здорово, други!

Слушайте меня все! Он появился! Ловите же его немедленно, иначе он натворит неописуемых бед!

Капитола 5.

"Взвейтесь!" да "развейтесь!"...

Капитола 6.

Он уйдет!

Капитола 8.

- **Пříklady vět s příznakovým slovosledem:**

Перестаньте вы психовать.

Капитола 3.

Не разглядел я фамилию на визитной карточке...

Капитола 5.

Консультанта я ловлю.

Капитола 6.

А вам, что же, мои стихи не нравятся?

Капитола 13.

Он развалившись сидел.

Капитола 27.

Вы встретили его?

Это хорошо, что вы сюда залетели. Я ведь слово свое сдержу, стихиков больше писать не буду. Меня другое теперь интересует ...

Капитола 30.

- **Пříklady opakování:**

Аннушка... Аннушка?... - забормотал поэт, тревожно озираясь, - позвольте, позвольте...

Да, да, да! Ведь возжатая была женищина?!

Капитола 4.

Типичный кулачок по своей психологии, - заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина, - и притом кулачок, тщательно маскирующийся под пролетария.

Ну да, иконка... - иконка-то больше всего и испугала, - он опять ткнул пальцем в сторону Рюхина, - но дело в том, что он, консультант, он, будем говорить прямо... с нечистой силой знается... и так его не поймашь.

Пусти! Пусти, говорю!

Меня же сейчас более всего интересует Понтий Пилат... Пилат...

Капитола 6.

А важно то, что он заранее, понимаете ли, заранее знал о подсолнечном масле!

А с ним еще парочка, и тоже хороша, но в своем роде: какой-то длинный в битых стеклах и, кроме того, невероятных размеров кот, самостоятельно ездящий в трамвае. Кроме того (...) он лично был на балконе у Понтия Пилата, в чем нет никакого сомнения.

Нет, нет, сегодня же, непременно сегодня ...

Капитола 8.

Понимаю, понимаю. У него буква "В" была на визитной карточке.

А, помню, помню!

Капитола 13.

А, это вы! А я все жду, жду вас.

Капитола 30.

Боги, боги! - начнет шептать Иван Николаевич

Лжет он, лжет!

Epilog

- **Пříklady výčtů a kumulace:**

Вы не немец и не профессор! Вы - убийца и шпион!

Капитола 3.

Какая же это фамилия на "Ве"? - схватившись рукою за лоб, сам у себя спросил Иван и вдруг забормотал: - Ве, ве, ве! Ва... Во... Ваинер? Вагнер? Вайнер? Вегнер? Винтер?

Капитола 5.

Типичный кулачок по своей психологии, и притом кулачок, тщательно маскирующийся под пролетария.

Капитола 6.

Postava básníka Ivana Bezdorného je zřejmě nejdynamičtější postavou celého románu vůbec. Z arogantního nevzdělance se proměňuje v milého a zdvořilého vědce. Bezdornyj se stává Mistrovým žákem, otázkou však zůstává, nakolik Mistrovi dokázal porozumět (odkazujeme k paralele Matouš – Bezdornyj, která je velmi průhledná). Tato proměna se významně odráží v jeho řečovém pásmu. Na začátku románu se zbrklá Ivanova mluva hemží slovy nespisovnostmi a vulgárními, v epilogu zasněný mladý profesor dokonce pronáší zvolání, které odkazuje k jeho učiteli a rovněž k Pilátovi Pontskému: „*О, боги, как он лжет!*“. Tato věta je nepředstavitelná v řečovém pásmu „dřívějšího“ Ivana.

06. Vypravěč

„Postava“ vypravěče je při jazykovědné analýze literárního díla mimořádně důležitá. Vypravěč zprostředkovává děj románu v souladu s uměleckým záměrem autora díla. „Vypravěč je nositelem funkce konstrukční, je nutným prostředníkem autora tvůrčího aktu. Fikční svět narativu se formuje především z té informace, která je dána ve vypravěčské promluvě. Druhou svou funkcí, funkcí kontrolní, vypravěč řídí celkovou výstavbu narativního textu.“ (Doležel 1993: 10).

Otázka vymezení vypravěče románu *Mistr a Markétka* je nejednoznačná, ojedinele se objevují názory, že v románu působí nikoliv jeden, ale tři vypravěči. (Němcev 1991: 31). V této práci budeme k „postavě“ vypravěče přistupovat jako k jednotné.

Z literárněvědného hlediska způsob vyprávění románu můžeme v souladu s teorií narativních způsobů L. Doležela (1993) označit za „rétorickou Ich-formu“: „V tomto vypravěčském způsobu zůstává subjekt akčně pasivní, avšak zachovává si funkci interpretační. To znamená, že fikční svět, který konstruuje, je zároveň předmětem jeho víceméně soustavného hodnocení, kladného nebo záporného.“ (Doležel 1993: 47-48).

Vypravěč *Mistra a Markétky* konstruuje systém postav, kompozici a děj románu a navíc otevřeně hodnotí nejen postavy, ale i sebe samého: „Даже у меня, правдивого повествователя, но постороннего человека, сжимается сердце при мысли о том, что испытала Маргарита, когда пришла на другой день в домик мастера, по счастью, не успев переговорить с мужем, который не вернулся в назначенный срок, и узнала, что мастера уже нет.“ (Kapitola 19.). Vypravěč mluví o událostech, které se odehrávají v románu, s platností „vševědoucího vypravěče“, proniká do vědomí postav, někdy však jeho vyprávění zní tak, jako by se jednalo o jeho osobní vzpomínky.

Поэтому нет ничего удивительного в таком хотя бы разговоре, который однажды слышал автор этих правдивейших строк у чугунной решетки Грибоедова: - Ты где сегодня ужинаешь, Амвросий?

Капитола 5. |

Пишущий эти правдивые строки сам лично, направляясь в Феодосию, слышал в поезде рассказ о том, как в Москве две тысячи человек вышли из театра нагишом в буквальном смысле слова и в таком виде разъехались по домам в таксомоторах.

Epilog

Daná skutečnost není v rozporu s výše zmíněnou teorií L. Doležela: „Řekli jsme, že vypravěč objektivní a rétorická Ich-forma nevykonávají akční funkci. To však neznamená, že si může dovolit naprostou pasivitu. Jeho vypravěčské funkce vyžadují, aby se nějakým způsobem dostal do styku s vyprávěnými událostmi: přesunout se na místo příběhu, seznámit se s jeho

protagonisty, stát se příjemcem informací apod. Zavedení těchto akčních motivů a jejich doplňků (charakter vyprávějí postavy, prostředí a okolnosti vyprávění) vytvářejí vypravěčskou situaci, která není součástí (epizodou) vyprávěného příběhu.“ (Doležel 1993: 48).

Způsob mluvy vypravěče Bulgakovova románu se vyznačuje juxtapozicí lexémů s různou stylistickou platností a z různých oblastí slovní zásoby.

Lexikální rovina

Řečové pásmo vypravěče je lexikálně velmi pestré: hovorové a zejména hovorové nespisovné výrazy, které v jeho mluvě mají velmi vysokou frekvenci, se střídají s výrazy knižními a archaickými, čímž vzniká charakteristický „posměvačný“ tón vypravěče. Nastolený vysoký styl se najednou boří zapojením nespisovných výrazů.

Vyjadřování vypravěče je velmi obrazné a bohaté na přirovnání. Nádherné obrazy přírody doplňují děj a prolínají se s ním.

Při popisu všedního života Moskvy současné autorovi se používá několika historismů, v době psaní románu však tato pojmenování nejspíše byla běžná.

- Příklady hovorových výrazů:

Вот что, Миша, - зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону ...

Капитола 1.

Так вот, необходимо принять меры, а то получается какая-то неприятная чепуха.

Хорошо, хорошо, - фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроенному поэту, которому вовсе не улыбалась мысль караулить сумасшедшего немца, устремился к тому выходу с Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка.

Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулок с покосившимися тротуарами, где Иван Николаевич грохнулся и разбил колено.

Берлиоз не стал слушать попрошайку и ломаку регента, подбежал к турникету и взялся за него рукой.

Капитола 3.

Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из "Горя от ума" этой самой тетке, раскинувшейся на софе, а впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!

Кругом гудела толпа, обсуждая невиданное происшествие; словом, был гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский скандал, который кончился лишь тогда, когда грузовик унес на себе от ворот Грибоедова несчастного Ивана Николаевича, милиционера, Пантелея и Рюхина.

Капитола 5.

Произнеся всю эту ахинею, Бенгальский сцетил обе руки ладонь к ладони и приветственно замахал ими в прорез занавеса, от чего тот, тихо шумя, и разошелся в стороны.

Кот, прицелившись поаккуратнее, нахлобучил голову на шею, и она точно села на свое место, как будто никуда и не отлучалась.

Капитола 12.

Скромный и тихий Василий Степанович только моргал глазами, слушая рассказы обо всех этих чудесах ...

Начиналась какая-то чепуха.

Среди служащих Варьете тотчас разнеслось шущуканье о том, что пес - не кто другой, как знаменитый Тузбубен.

Капитола 17.

В то самое время, как старательный бухгалтер неся в таксомоторе, чтобы нарваться на самопищущий костюм ...

Издалека доносились всхлипывания Коровьева, вся передняя наполнилась запахом эфира, валерьянки и еще какой-то мерзости.

Хамил, как умел, поглядывая на профессора нагло.

Капитола 18.

А те, изредка оборачиваясь с опаской, не слышит ли кто, перешептывались о какой-то ерунде.

Капитола 19.

Коньяк подвел его вторично: высаживаясь, он все-таки угодил в воду.

Капитола 21.

Маргарита, хоть и не толковала вовсе про пятое измерение, а толковал о нем сам Коровьев, весело рассмеялась, прослушав рассказ о похождениях квартирного пронеры.

Капитола 22.

Фрида протянула обе руки к Маргарите, но Коровьев и Бегемот очень ловко подхватили ее под руки, и ее затерло в толпе.

Какой-то шорох, как бы крыльев по стенам, доносился теперь сзади из зала, и было понятно, что там танцуют неслыханные полчища гостей, и Маргарите казалось, что даже массивные мраморные, мозаичные и хрустальные полы в этом диковинном зале ритмично пульсируют.

Капитола 23.

Третий, без бородки, с круглым бритым лицом, в толстовке, выбежал сверху через короткое время и точно так же упорхнул в окно.

Капитола 24.

Повинуясь насилью, вынужден был подчиниться, - рассказывал Николай Иванович и закончил свои рассказы просьбой ни словом не сообщать об этом его супруге.

Капитола 27.

Но факт все-таки остается фактом, и отмахнуться от него без объяснений никак нельзя: кто-то побывал в столице.

Epilog

- Příklady výrazů hovorových nespisovných (просторечных):

Тут иностранец отколол такую штуку ...

Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! - совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич.

Простите, - после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, - при чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?

Капитола 1.

Нету никакого дьявола! - растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание! Перестаньте вы психовать.

Капитола 3.

Омерзительный переулочек был совершенно пуст.

Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ невероятно, и физиономия, прошу заметить, глумливая.

Растерявшийся Иван послушался шуткаря-регента и крикнул "караул!", а регент его надул, ничего не крикнул.

Отставной втируща-регент сидел на том самом месте, где сидел еще недавно сам Иван Николаевич.

От этого клетчатый гражданин стал еще гаже, чем был тогда, когда указывал Берлиозу путь на рельсы.

.. этот странный кот подошел к подножке моторного вагона "А", стоящего на остановке, нагло отсадил взвизгнувшую женщину, уцепился за поручень и даже сделал попытку всучить кондукторше гривенник через открытое по случаю духоты окно.

Капитола 4.

Типичный кулачок по своей психологии, - заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина ...

Капитола 6.

Тогда Степа отколол такую штуку: стал на колени перед неизвестным курильщиком и произнес ...

Капитола 7.

И эту контрамарочку переводчик левой рукой ловко всучил Никанору Ивановичу, а правой вложил в другую руку председателя толстую хрустнувшую пачку.

И сейчас же проклятый переводчик оказался в передней, навертел там номер и начал почему-то очень плаксиво говорить в трубку ...

А еще через час неизвестный гражданин явился в квартиру номер одиннадцать, как раз в то время, когда Тимофей Кондратьевич рассказывал другим жильцам, захлебываясь от удовольствия, о том, как замели председателя, пальцем выманил из кухни Тимофея Кондратьевича в переднюю, что-то ему сказал и вместе с ним пропал.(Argot)

Капитола 9.

И маг этот смылся, и никто его не видел, кроме самого Степы. (Argot)

Римский вынул часы, увидел, что они показывают уже пять минут третьего, и совершенно остервенился.

Капитола 10.

Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица в вечернем черном туалете, всем хорошая девица, кабы не портил ее причудливый шрам на шее, заулыбалась у витрин хозяйской улыбкой.

Но наконец какая-то брюнетка вышла из десятого ряда партера и, улыбаясь так, что ей, мол, решительно все равно и в общем наплевать, прошла и по боковому трапу поднялась на сцену.

И вот тут прорвало начисто, и со всех сторон на сцену пошли женщины.

Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и овладела первым, что подвернулось, - шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два футляра духов.

Общее изумление вызвал мужчина, затесавшийся на сцену.

Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш.

И видно было, что сцена внезапно опустела и что надувало Фагот, равно как и наглый котяра Бегемот, растаяли в воздухе, исчезли, как раньше исчез маг в кресле с полинявшей обивкой.

Но кот отмочил штуку почище номера с чужими часами.

Капитола 12.

Словом, темный ужас.

Делая вид, что не замечает уверток администратора и фокусов его с газетой, финдиректор рассматривал его лицо, почти уже не слушая того, что плел Варенуха.

Капитола 14.

Кровь отлила от лица Никанора Ивановича, он, дрожа, крестил воздух, метался к двери и обратно, запел какую-то молитву и, наконец, понес полную околесицу.

Капитола 15.

Я полез в кошелек, а оттуда пчела - тяп за палец! Ах ты!.. - шофер опять вклеил непечатные слова, - а червонца нету.

И, трах, я не успела вскрикнуть, смотрю: нету этого с кошачьей мордой и си... сидит... костюм... Геее! - распялив совершенно потерявший всякие очертания рот, завывала Анна Ричардовна.

Увидев их, красавица зарыдала еще пуще, тыча рукою в дверь кабинета.

Капитола 17.

Воробушек же тем временем сел на подаренную чернильницу, нагадил в нее (я не шучу), затем взлетел вверх, повис в воздухе, потом с размаху будто стальным клювом ткнул в стекло фотографии, изображающей полный университетский выпуск 94-го года, разбил стекло вдребезги и затем уже улетел в окно.

Капитола 18.

Наконец Маргарите Николаевне надоело слушать эту таинственную трепотню про украденную из гроба голову, и она обрадовалась, что ей пора выходить.

Как ни была занята своим Маргарита Николаевна, ее все же поразили странные враки неизвестного гражданина.

Ба! - вдруг заорал Аззелло и, вылупив глаза на решетку сада, стал указывать куда-то пальцем.

Капитола 19.

Совершенно неизвестно, какую темной и гнусной уголовицей ознаменовался бы этот вечер, - по возвращении из кухни Маргариты в руках у нее оказался тяжелый молоток.

И неожиданно дикий разгром прекратился.

Капитола 21.

За странно одетой дамочкой следовала совершенно голая дамочка с чемоданчиком в руке, а возле чемоданчика мыкался черный громадный кот.

Капитола 24.

Кот вскочил живой и бодрый, ухватив примус под мышку, сиганул с ним обратно на камин ...

Капитола 27.

У меня, может быть, полный примус валюты, - запальчиво встрял в разговор и котообразный толстяк, так и прущий в магазин.

Капитола 28.

А тем временем старушка, узнавшая от соседей, что ее кота замели, кинулась бежать в отделение и поспела вовремя. (Argot)

Epilog

- **Пříklady vulgarizmů:**

Ежели он преступник, то первым долгом следует кричать: "Караул!" А то он уйдет. А ну, давайте вместе! Разом! – и тут регент разинул пасть.

Занявшись паскудным котом, Иван едва не потерял самого главного из трех - профессора.

Капитола 4.

Всякий посетитель, если он, конечно, был не вовсе тупицей...

Капитола 5.

Этот второй, будучи, очевидно, левшой съездил администратору по другому уху.

Капитола 10.

Любая женщина в мире, могу вас уверить, мечтала бы об этом, - рожу Азazelло перекосило смешком, - но я разочарую вас, этого не будет.

Капитола 19.

Швейцар вытучил глаза, и было отчего: никакого кота у ног гражданина уже не оказалось, а из-за плеча его вместо этого уже высовывался и порывался в магазин толстяк в рваной кепке, действительно, немного смахивающий рожей на кота.

Толстяк взял свой примус под мышку, овладел верхним мандарином в пирамиде и, тут же со шкуркой сожравши его, принялся за второй.

Капитола 28.

- **Пříklady zdrobnělin:**

шуточка, книжечка (Капитола 1.); иконка (Капитола 4.); огонечек; стерлядка (Капитола 5.); тарелочка; графинчик (Капитола 7.); шкафик; уголок; столик (Капитола 8.); ... пять новеньких банковских пачек ...; шуточка; контрамарочка; селедочка; лафитничек (Капитола 9.); столик (Капитола 10.); шажки (Капитола 11.); перышки; камушки; шляпочка (Капитола 12.); шапочка; особнячок; ночка (Капитола 13.); кончик; легонькая странность; желтеньким светом (Капитола 14.); подносик; ветерок (Капитола 15.); чемоданчик; диванчик; шажки; помещеньице; мордочка; блюдечко; гвоздик; флигелек; воробушек; лапка (Капитола 18.);

огонечек; мостик; речонка; зданьице; часики; коробочка; мазочек; желтенькие тени у висков; две чуть заметные сеточки у наружных углов глаз (Kapitola 19.); копытица; веселенькая музыка (Kapitola 21.); ушички (Kapitola 22.); стаканчик (Kapitola 24.); ландшафтик (Kapitola 29.)

- **Пříklady výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů:**

Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая. (Historismus)

Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. (Книžní výraz)

Капитола 1.

Нету никакого дьявола! - растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание! Перестаньте вы психовать. (Книžní výraz)

Так вот, необходимо принять меры, а то получается какая-то неприятная чепуха.

Хорошо, хорошо, - фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроенному поэту, которому вовсе не улыбалась мысль караулить сумасшедшего немца, устремился к тому выходу с Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка. (Книžní výraz)

Берлиоз упал навзничь, несильно ударившись затылком о булыжник, и успел увидеть в высоте, но справа или слева - он уже не сообразил, - позлащенную луну ... (Archaismus)

Капитола 3.

Иван сосредоточил свое внимание на коте и видел, как этот странный кот подошел к подножке моторного вагона "А", стоящего на остановке, нагло отсадил взвизгнувшую женщину, уцепился за поручень и даже сделал попытку всучить кондукторше гривенник через открытое по случаю духоты окно. (Historismy)

Но лишь кондукторша рванула веревку и трамвай тронулся, кот поступил как всякий, кого изгоняют из трамвая, но которому все-таки ехать-то надо. (Книžní výraz)

Недоразумение было налицо, и повинен в нем был, конечно, Иван Николаевич. Но признаться в этом он не пожелал и, воскликнув укоризненно: "Ах, развратница!.." (Книžní výrazу)

Никому не известно, какая тут мысль овладела Иваном, но только, прежде чем выбежать на черный ход, он присвоил одну из этих свечей, а также и бумажную иконку. (Книžní výraz)

В пустынном безотрадном переулке поэт оглянулся, ища беглеца, но того нигде не было. (Книžní výrazу)

Погрозив в бессильной злобе кому-то вдаль кулаком, Иван облачился в то, что было оставлено. (Книžní archaiský výraz)

Капитола 4.

Далее следовали, повинуясь прихотливым изгибам, подъемам и спускам Грибоедовского дома, - "Правление МАССОЛИТа", "Кассы N 2, 3, 4, 5", "Редакционная коллегия", "Председатель МАССОЛИТа", "Бильярдная", различные подсобные учреждения, наконец, тот самый зал с колоннадой, где тетка наслаждалась комедией гениального племянника.

Далее следовали, повинуясь прихотливым изгибам, подъемам и спускам Грибоедовского дома, - "Правление МАССОЛИТа", "Кассы N 2, 3, 4, 5", "Редакционная коллегия", "Председатель МАССОЛИТа", "Бильярдная", различные подсобные учреждения, наконец, тот самый зал с колоннадой, где тетка наслаждалась комедией гениального племянника. (Книžní výraz)

И немедленно же он обращал к небу горькие укоризны за то, что оно не наградило его при рождении литературным талантом, без чего, естественно, нечего было и мечтать овладеть членским МАССОЛИТским билетом, коричневым, пахнущим дорогой кожей, с золотой широкой каймой, - известным всей Москве билетом. (Knižní výraz)

Да, взметнулась волна горя при страшном известии о Михаиле Александровиче. (Knižní výraz)

Первыми заволновались лихачи, дежурившие у ворот Грибоедовского дома. Слышно было, как один из них, приподнявшись на козлах прокричал ... (Historismy)

Сидящие за столиками стали приподниматься и всматриваться и увидели, что вместе с огонечком шестьдесят к ресторану белое привидение. (Knižní výraz)

Но тут флибустьер сжалился над ним и погасил свой острый взор. (Knižní výraz)

Капитола 5.

Степа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на коем имеется нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объемистом ювелиришном графинчике. (Knižní spojka)

Капитола 7.

- Гм... - молвил Иван, не зная, что делать с этим цилиндром дальше. (Knižní archaický výraz)

Капитола 8.

Растерянно ухмыльнувшись, Никанор Иванович и сам не заметил, как оказался у письменного стола, где Коровьев с величайшей быстротой и ловкостью начертил в двух экземплярах контракт. (Archaismus)

Никанор Иванович налил лафитничек, выпил, налил второй, выпил, подхватил на вилку три куса селедки... и в это время позвонили ... (Historismus, dřív hovorový výraz)

И пришедшие немедленно устремилась в коридор. (Knižní výraz)

Капитола 9.

Убранство кабинета, помимо письменного стола, заключалось в пачке старых афиш, висевших на стене, маленьком столике с графином воды, четырех креслах и в подставке в углу, на которой стоял запыленный давний макет какого-то обозрения. (Knižní výraz)

Он и по кабинету пробежался, и дважды вздымал руки, как распятый, и выпил целый стакан желтоватой воды из графина, и восклицал ... (Knižní archaický výraz)

Капитола 10.

Голова и предсказание консультанта привели его к мысли о Понтии Пилате, и для вящей убедительности Иван решил весь рассказ о прокураторе изложить полностью с того самого момента, как тот в белом плаще с кровавым подбоем вышел в колоннаду иродова дворца.

Капитола 11.

Весьма принужденно и сухо Григорий Данилович осведомился у свалившегося ему на голову клетчатого о том, где аппаратура артиста. (Knižní výraz)

Через минуту в зрительном зале погасли шары, вспыхнула и дала красноватый отблеск на низ занавеса рампа, и в освещенной щели занавеса предстал перед публикой полный, веселый как дитя человек с бритым лицом, в помятом фраке и несвежем белье. (Knižní výraz)

... осведомился Воланд у клетчатого гаера, носившего, по-видимому, и другое наименование, кроме "Коровьев" ... (Archaismus)

Пришлось вызывать карету. (Historismus)

Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и овладела первым, что подвернулось, - шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два футляра духов. (Knižní výraz)

Капитола 12.

Как же вы сюда попали? - повинуясь сухому грозящему пальцу, шепотом спросил Иван, - ведь балконные-то решетки на замках? (Knižní výraz)

Да, признаться, без основания, - skonфузившись, ответил Иван. (Novogový zastarávající výraz)

Кот, плативший кондукторше, чрезвычайно развеселил гостя, и он давился от тихого смеха, глядя, как взволнованный успехом своего повествования Иван тихо прыгал на корточках, изображая кота с гривенником возле усов. (Historismus)

Капитола 13.

Он сидел за столом и воспаленными глазами глядел на лежащие перед ним магические червонцы. (Historismus)

Набрав воздуха в грудь, он улыбнулся как бы заискивающей улыбкой и тихо молвил ... (Knižní archaický výraz)

И сознание опасности, неизвестной, но грозной опасности, начало томить душу финдиректора. (Knižní výraz)

Римского окатило ледяной волной, но, к счастью для себя, он превозмог себя и не упал. (Knižní výraz)

Капитола 14.

Тогда Никанора Ивановича посетило сновидение, в основе которого, несомненно, были его сегодняшние переживания. (Knižní výraz)

Но врач быстро успокоил всех встревоженных, скорбных главою, и они стали засыпать. (Archaismus)

Капитола 15.

В голове этой очереди стояло примерно два десятка хорошо известных в театральной Москве барышников. (Archaismus)

Аккуратный и исполнительный Василий Степанович упаковал деньги в газетную бумагу, бечевкой перекрестил пакет, уложил его в портфель и, прекрасно зная инструкцию, направился, конечно, не к автобусу или трамваю, а к таксомоторной стоянке. (Historismus)

Капитола 17.

Нарыдавшись вдоволь, Коровьев отлепился наконец от стенки и вымолвил ... (Knižní archaický výraz)

Артист вытянул вперед руку, на пальцах которой сверкали камни, как бы заграждая уста буфетчику, и заговорил с большим жаром ... (Archaismu)

Подозрение пало на старушку с язвой желудка. (Knižní výraz)

Капитола 18.

Два примуса ревели на плите, возле них стояли две женщины с ложками в руках и переругивались. (Historismus)

Свет надо тушить за собой в уборной, вот что я вам скажу, Пелагея Петровна, - говорила та женщина, перед которой была кастрюля с какой-то снедью, от которой валил пар, - а то мы на выселение на вас подадим! (Archaismus)

Совершенно неизвестно, какую темной и гнусной уголовщиной ознаменовался бы этот вечер, - по возвращении из кухни Маргариты в руках у нее оказался тяжелый молоток. (Кnižní výraz)

В то время, как Наташа, хохоча от радости, упивалась перед зеркалом своею волшебною красой, дверь открылась, и перед Наташей явился Николай Иванович. (Кnižní výrazу)

Короткое пребывание Маргариты под вербами ознаменовалось одним эпизодом. (Кnižní výraz)

Правда, внешность Коровьева весьма изменилась. (Кnižní výraz)

Капитола 21.

Разрешите подумать, - смиренно ответил кот, положил локти на стол, уткнул уши в лапы и стал думать. (Кnižní, archaický výraz)

Капитола 22.

Маргариту бросили на хрустальное ложе и до блеска стали растирать какими-то большими зелеными листьями. (Archaismus)

Но тут вдруг что-то грохнуло внизу в громадном камине, и из него выскочила виселица с болтающимся на ней полурассыпавшимся прахом. (Кnižní, archaický výraz)

Капитола 23.

Кот возвел глаза к небу и шумно вздохнул, но ничего не сказал, очевидно, помня накрученное на балу ухо. (Кnižní výraz)

Услышав, что шаги стихают, Аннушка, как змея, выскользнула из-за двери, бидон поставила к стенке, пала животом на площадку и стала шарить. (Archaismus)

Капитола 24.

Сию секунду... сейчас... сию минуту... - пролетела обычно очень надменная супруга председателя акустической комиссии и как стрела полетела в спальню подымать Аркадия Аполлоновича с ложка, на котором тот лежал, испытывая адские терзания при воспоминании о вчерашнем сеансе и ночном скандале, сопровождавшем изгнание из квартиры саратовской его племянницы. (Archaismy)

Этого гражданина уже ждали, и через некоторое время незабвенный директор Варьете, Степан Богданович Лиходеев, предстал перед следствием. (Archaismy)

В полном молчании вошедшие в гостиную созерцали этого кота в течение довольно долгого времени. (Кnižní výraz)

Капитола 27.

Из стены ее вышел оборванный, выпачканный в глине мрачный человек в хитоне, в самодельных сандалиях, чернородый. (Historismus)

Очень хорошо, мессир, - ответили оба гаера и скрылись где-то за круглой центральной башней, расположенной в середине террасы. (Archaismus)

Капитола 29.

Откуда взялись все эти яства и напитки, было неизвестно и Маргарите и мастеру. Проснувшись, они все это застали уже на столе. (Archaismus)

Он воздел руки к небу и закричал: - Нет, это черт знает что такое, черт, черт, черт! (Кnižní výraz)

Капитола 30.

Именующий себя Воландом со всеми своими присными исчез и ни в Москву более не возвращался и нигде вообще не появился и ничем себя не проявил. (Archaismus)

Epilog

- **Пříklady přirovnání:**

Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался шить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: "Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть - несчастье... вечер - семь..." - и громко и радостно объявил: - Вам отрежут голову!

Каритола 1.

Поэт провел рукою по лицу, как человек, только что очнувшийся, и увидел, что на Патриарших вечер...
... нога неудержимо, как по льду, поехала по бульжнику ...

Каритола 3.

Но это еще не все: третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся кот, громадный, как боров, черный, как сажка или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами.

Каритола 4.

... из ворот Грибоедова Пантелей, швейцар, милиционер, официант и поэт Рюхин выносили спеленатого, как куклу, молодого человека ...

Каритола 5.

Груней, отчетливо увидел какого-то странного субъекта - длинного, как жердь, и в пенсне (ах, если бы здесь был Иван Николаевич! Он узнал бы этого субъекта сразу!).

Каритола 7.

... переводчик замахал руками, как мельничными крыльями.

Некоторое время председатель, как баран, смотрел на ступеньки лестницы, но потом решил плюнуть на это и не мучить себя замысловатым вопросом.

Проглотив слюну, Никанор Иванович заворчал, как пес ...

Каритола 9.

... Варенуха отозвался, как эхо ...

Он и по кабинету пробежался, и дважды вздымал руки, как распятый, и выпил целый стакан желтоватой воды из графина, и восклицал ...

Каритола 10.

Атласная змея фыркнула, Фагот раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал.

Затем сжался в комок и, как пантера, махнул прямо на грудь Бенгальскому, а оттуда перескочил на голову.

Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и овладела первым, что подвернулось, - шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два футляра духов.

Каритола 12.

Тотчас же отшатнулся от нее и стал белее бумаги.

Ну, то, что я и говорил, - причмокнув, как будто его беспокоил больной зуб, ответил администратор, - нашли его в трактире в Пушкине.

Рука ее стала удлиняться, как резиновая, и покрылась трупной зеленью.

Римский слабо вскрикнул, прислонился к стене и портфель выставил вперед, как щит.

И вслед за нею, подпрыгнув и вытянувшись горизонтально в воздухе, напоминая летящего купидона, выплыл медленно в окно через письменный стол Варенуха.

Седой как снег, без единого черного волоса старик, который недавно еще был Римским, подбежал к двери, отстегнул пуговку, открыл дверь и кинулся бежать по темному коридору.

Через несколько мгновений дребезжащая машина, как вихрь, летела по кольцу Садовой.

Капитола 14.

Тело его облегчилось, а голову обдувала теплым ветерком дрема.

Капитола 15.

Нет, не могу видеть этого, нет, не могу! - закричала Анна Ричардовна и выбежала в секретарскую, а за нею как пуля вылетел и бухгалтер.

В голове у него был какой-то сквозняк, гудело, как в трубе, и в этом гудении слышались клочки капельдинерских рассказов о вчерашнем коте, который принимал участие в сеансе.

Капитола 17.

Однако в то же время неприятное облачко набежало на его душу, и тут же мелькнула змейкой мысль о том, что не прописался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного, ибо и такие примеры в жизни бывали.

Буфетчик протиснулся в дверь, пискнул "до свиданья" и пошел, как пьяный.

Буфетчик вынул тридцать рублей и выложил их на сверж стол, а затем неожиданно мягко, как будто бы кошачьей лапкой оперируя, положил червонцев звякнувший столбик в газетной бумажке.

Паскудный воробушек припадал на левую лапку, явно кривлялся, волоча ее, работал синкопами, одним словом, - приплясывал фокстрот под звуки патефона, как пьяный у стойки.

Воробушек же тем временем сел на подаренную чернильницу, нагадил в нее (я не шучу), затем взлетел вверх, повис в воздухе, потом с размаху будто стальным клювом ткнул в стекло фотографии, изображающей полный университетский выпуск 94-го года, разбил стекло вдребезги и затем уже улетел в окно.

Капитола 18.

Но они двигались, хотя и очень медленно, как будто прилипая, и наконец <длинная стрелка упала на двадцать девятую минуту десятого>.

Николай Иванович, видный в луне до последней пуговки на серой жилетке, до последнего волоска в светлой бороде клинышком, вдруг усмехнулся дикой усмешкой, поднялся со скамейки и, очевидно, не помня себя от смущения, вместо того, чтобы снять шляпу, махнул портфелем в сторону и ноги согнул, как будто собирался пуститься вприсядку.

Капитола 19.

Со звуком револьверного выстрела лопнула под ударом молотка верхняя полированная дека.

И это скольжение, как на воздушных салазках, вниз принесло ей наибольшее наслаждение.

Под Маргаритой хором пели лягушки, а где-то вдали, почему-то очень волнуя сердце, шумел поезд.

Маргарита вскоре увидела его. Он полз медленно, как гусеница, сыпя в воздух искры.

Постепенно к этому шуму чего-то летящего, как снаряд, присоединился слышимый на много верст женский хохот.

Капитола 21.

Ничего не было видно, как в подземелье, и Маргарита невольно уцепилась за плащ Азазелло, опасаясь споткнуться.

Воланд положил свою тяжелую, как будто каменную, и в то же время горячую, как огонь, руку на плечо Маргариты, дернул ее к себе и посадил на кровать рядом с собою.

И кот от обиды так раздулся, что казалось, еще секунда, и он лопнет.

Он умолк и стал поворачивать перед собою свой глобус, сделанный столь искусно, что синие океаны на нем шевелились, а шапка на полюсе лежала, как настоящая, ледяная и снежная.

Горячая, как лава, жижа обжигала руки, но Маргарита, не морщась, стараясь не причинять боли, втирала ее в колено.

Домик, который был размером в горошину, разросся и стал как спичечная коробка.

Капитола 22.

Он уселся на корточки у ног Маргариты и стал натирать ей ступни с таким видом, как будто чистил сапоги на улице.

Острая боль, как от иглы, вдруг пронзила правую руку Маргариты, и, стиснув зубы, она положила локоть на тумбу.

Какой-то шорох, как бы крыльев по стенам, доносился теперь сзади из залы ...

Капитола 23.

Оставалось предположить, что сонная и странная личность улетела из дому, как птица, не оставив по себе никакого следа.

Услышав, что шаги стихают, Аннушка, как змея, выскользнула из-за двери, бидон поставила к стенке, пала животом на площадку и стала шарить

Белогрудый твердыми, как поручни автобуса, и столь же холодными пальцами, ничего более не говоря, сжал Аннушкино горло так, что совершенно прекратил всякий доступ воздуха в ее грудь.

Она гладила рукопись ласково, как гладят любимую кошку, и поворачивала ее в руках ...

Капитола 24.

Двенадцать человек осуществляли следствие, собирая, как на спицу, окаянные петли этого сложного дела, разбросавшиеся по всей Москве.

Кот прицелился и, летая, как маятник, над головами пришедших, открыл по ним стрельбу.

Капитола 27.

Горько мне! Горько! Горько! - завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе.

Немедленно исчезла со стола старая скатерть в желтых пятнах, в воздухе, хрустя крахмалом, взметнулась белейшая, как бедуинский бурнус, другая, а Арчибальд Арчибальдович уже шептал тихо, но очень выразительно, склоняясь к самому уху Коровьева ...

Как бы зияющая пасть с черными краями появилась в тенге и стала расползаться во все стороны.

Заблаговременно вышедший через боковой ход, никуда не убегая и никуда не спеша, как капитан, который обязан покинуть горящий бриг последним, стоял спокойный Арчибальд Арчибальдович в летнем пальто на шелковой подкладке, с двумя балыковыми бревнами под мышкой.

Капитола 28.

Глаз Воланда горел так же, как одно из таких окон, хотя Воланд был спиной к закату.

Капитола 29.

Азazelло повернул ее как куклу, лицом к себе и взгляделся в нее.

Мастер и Маргарита соскочили с седел и полетели, мелькая, как водяные тени, через клинический сад.

Капитола 30.

Ах нет, нет, мессир, - отозвалась Маргарита, сидящая в седле, как амазонка, подбоченившись и свесив до земли острый шлейф, - разрешите ему, пусть он свистнет.

Капитола 31.

- Příklady frazémů:

... ни к селу ни к городу ... (Капитола 1.); ... черт знает почему ... (Капитола 3.); Регент как сквозь землю провалился. (Капитола 4.); ... черт его знает ...; ... откуда ни возьмись ... (Капитола 5.); ... как сквозь землю провалился. (Капитола 7.); ... отбившись от тех, что следовали за ним по пятам ... (Капитола 9.); Варенуха выдал всякие виды ... (Капитола 10.); Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица ... (Капитола 12.); Ум финдиректора заходил за разум. ... пить горькую чашу ответственности ... (Капитола 14.); ... черт знает что ... (Капитола 19.); ... по гроб жизни ...; Под счастливой звездой родился критик Латунский. ... во весь мах Маргарита понеслась вниз ... (Капитола 21.); ... черт его знает кто на самом деле (Капитола 21.); ... ни свет ни заря ... (Капитола 24.); ... черт знает что ...; ... бог знает какое ...; ... ко всем чертям ...; ... в чем мать родила ...; ... черт знает почему ... (Капитола 27.)

- Citoslovce:

Ах, кричали они напрасно ...; О боги, боги мои, яду мне, яду!.. (Капитола 5.); Но, увы, и то и другое было непродолжительно. ... ах, если бы здесь был Иван Николаевич! (Капитола 7.); Нагая ведьма, та самая Гелла, что так смущала почтенного буфетчика Варьете, и, увы, та самая, которую, к великому счастью, вспугнул петух ... (Капитола 22.); Ах, как ловко и отчетливо Воланд подчеркнул, повторяя слова самой Маргариты - "одной вещи"! (Капитола 24.); О, как торжествовал бы Иван, если бы следователь явился к нему пораньше ...; Но, увы, Иванушка совершенно изменился за то время, что прошло с момента гибели Берлиоза. (Капитола 27.); Ах, умен был Арчибальд Арчибальдович! (Капитола 28.); О, нет! (Epilog)

- Obrazná vyjádření:

... тупая игла выскочила из сердца ...; ... но в глазах его еще прыгала тревога ...; ... ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы ...; Подсолнечное масло здесь вот при чем, - вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить нежданному собеседнику войну... (Капитола 1.); ... в лицо ему брызнул красный и белый свет ...; Еще раз, и в последний раз, мелькнула луна, но уже разваливаясь на куски, и затем стало темно. (Капитола 3.); ... в расстроенный мозг Ивана Николаевича вцепилось одно слово: "Аннушка"...; Иван Николаевич начал плавать в пахнущей нефтью черной воде меж изломанных зигзагов береговых фонарей. Город уже жил вечерней жизнью. (Капитола 4.); Дело в том, что в этом вчерашнем дне зияла преогромная черная дыра. (Капитола 7.); Администратор протер глаза и увидел, что над Москвой низко ползет желтобрюхая грозовая туча. (Капитола 10.); В небе то и дело вспыхивали нити, небо лопалось,

комнату больного заливало трепетным пугающим светом. К тому времени, как появилась издалека пугающая туча с дымящимися краями и накрыла бор и дунул ветер ...; ... и он даже не заметил, как радуга растаяла и как загрустило и полиняло небо ... (Kapitola 11.); С галерки плеснуло смеешком, а Бенгальский вздрогнул и выпучил глаза. Атласная змея фыркнула. Фагот раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал. (Kapitola 12.); В глазах его плавал и метался страх и ярость. (Kapitola 13.); Милиционер устремлялся к несчастной, буря вь воздух свистом ...; Высунулся хоть один кончик в этом запутанном деле. Колючие глаза Римского через стол врезались в лицо администратора ...; Римского окатило ледяной волной ... (Kapitola 14.); Ниточка то и дело рвалась в руках. (Kapitola 17.); Липы и акации разрисовали землю в саду сложным узором пятен. Лунный свет лизнул ее с правого бока. (Kapitola 19.) Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов, автобусов и легковых машин, а по тротуарам, как казалось сверху Маргарите, плыли реки кепок. От этих рек отделялись ручейки и вливались в огненные пасти ночных магазинов. По прошествии нескольких секунд далеко внизу, в земной черноте, вспыхнуло новое озеро электрического света и подвалилось под ноги летящей, но тут же завертелось винтом и провалилось в землю. Душенька! - будя своими воплями заснувший сосновый лес, отвечала Наташа, - королева моя французская, ведь я и ему намазала лысину, и ему! (Kapitola 21.); Бал упал на нее сразу в виде света, вместе с ним - звука и запаха. С последним ударом неизвестно откуда слышавшихся часов молчание упало на толпы гостей. (Kapitola 23.); Слышно было, как во дворике в ветвях ветлы и липы вели веселый, возбужденный утренний разговор воробьи. (Kapitola 27.); Воланд, Коровьев и Бегемот сидели на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни девичьего монастыря. Воланд указал рукою в черной перчатке с раструбом туда, где бесчисленные солнца плавил стекло за рекою, где над этими солнцами стоял туман, дым, пар раскаленного за день города. (Kapitola 31.); Ночь начала закрывать черным платком леса и дуга, ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, чужие огоньки. Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в загрустившем небе белые пятнышки звезд. Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек. (Kapitola 32.); Тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны. Луна властвует и играет, луна танцует и шалит. (Epilog)

Syntaktická rovina

V syntaktické rovině se vyjadřování vypravěče vyznačuje velkým podílem složitých souvětí, často s nepravidelným slovosledem. Při popisu rozličných situací autor hojně používá výčtů. Někdy dochází až k rytimizaci prózy, např.:

Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. Среди знакомых ее мужа попадались интересные люди. Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире.
Kapitola 19.

Mluva vypravěče se nedá označit jako emocionální, ale jeho vyprávění často odkazuje k samotnému čtenáři.

- **Пříklady vět s elipsami:**

Пониже - пальмы и балкон, на балконе - сидящий молодой человек с хохолком, глядящий куда-то ввысь очень-очень бойкими глазами и держащий в руке самопишущее перо.

На первом - обнаженное, в засохшей крови, тело с перебитой рукой и раздавленной грудной клеткой, на другом - голова с выбитыми передними зубами, с помутневшими открытыми глазами, которые не пугал резчайший свет, а на третьем - груды заскорузлых тряпок.

Словом, ад.

Капитола 5.

И при этом еще огненно-рыжий.

Капитола 7.

Верхняя уже была открыта.

Капитола 14.

На этот раз пришлось ждать недолго. Звуки двери. Шажки. Шажки стихли. Отчаянный крик. Мяуканье кошки. Шажки быстрые, дробные, вниз, вниз, вниз!

Капитола 18.

А тут приснился.

Капитола 19.

Еще несколько секунд - такое же точно явление.

Капитола 21.

Это – та почтительность, с которой стали относиться к ней Коровьев и Бегемот.

Капитола 23.

- **Пříklady neúplných vět:**

- Извините меня, пожалуйста, - заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, - что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...

Капитола 1.

Про сумасшедшего немца он, конечно, забыл и старался понять только одно, как это может быть, что вот только что он говорил с Берлиозом, а через минуту - голова...

Капитола 3.

Все-таки в кальсонах...

Капитола 4.

Иван почему-то страшнейшим образом сконфузился и с пылающим лицом что-то начал бормотать про какую-то поездку в санаторий в Ялту...

Капитола 13.

Войти в милицию и сказать, что вот, мол, сейчас кот в очках читал мой паспорт, а потом человек в трико, с ножом...

Капитола 18.

Потом она видела белых медведей, игравших на гармониках и пляшущих камаринского на эстраде. Фокусника-саламандру, не сгоравшего в камине...

Капитола 23.

- **Příklady modálních vět:**

Ну владела или не владела - мы того не знаем.

Кто скажет что-нибудь в защиту зависти?

Но довольно, ты отвлекаешься, читатель! За мной!..

Но нет, нет! Лгут обольстители-мистики, никаких Караибских морей нет на свете, и не плывут в них отчаянные флибустьеры, и не гонится за ними корвет, не стелется над волною пушечный дым. Нет ничего, и ничего и не было!

Но какую телеграмму, спросим мы, и куда? И зачем ее посылать? В самом деле, куда?

Капитола 5.

Да, благодарного слушателя получил Иван Николаевич в лице таинственного похитителя ключей!

Капитола 12.

Освобождение! Долгожданное освобождение финдиректора от этого бедствия в лице Лиходеева!

Капитола 14.

Но об этом, конечно, не могло быть и разговора!

Капитола 17.

Удивительная телеграмма!

В чем же было дело? В одном - в квартире. Квартира в Москве? Это серьезно.

Возникает вопрос, уж не в милицию ли спешил Максимилиан Андреевич жаловаться на разбойников, учинивших над ним дикое насилие среди бела дня?

Нет, граждане, Максимилиан Андреевич был действительно умным человеком!

За мной, читатель!

Капитола 18.

За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!

За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!

Очаровательное место!

Словом... Она была счастлива? Ни одной минуты!

Боги, боги мои!

Что же нужно было этой женщине?!

Разве она спасла бы его? Смешно! - воскликнули бы мы, но мы этого не сделаем перед доведенной до отчаяния женщиной.

Вот адское место для живого человека!

Капитола 19.

Ах, умен был Арчибальд Арчибальдович!

Капитола 28.

Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля!

Капитола 32.

Ведь как-никак, а дело это было чудовищно!

И то и другое очень нетрудно, но чести в этом, уверяю, нет никакой. Да, нет никакой!

Ну, а с теми-то что же случилось? Помилуйте!

Так, может быть, не было и Алоизия Могарыча? О, нет!

Epilog

- **Příklady vět s příznakovým slovosledem:**

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его - поэт Иван Николаевич Понырев, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Капитола 1.

В громадной, до крайности запущенной передней, слабо освещенной малюсенькой угольной лампочкой под высоким, черным от грязи потолком, на стене висел велосипед без шин, стоял громадный ларь, обитый железом, а на полке над вешалкой лежала зимняя шапка, и длинные ее уши свешивались вниз.

Капитола 4.

Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце в глубине чахлого сада, отделенного от тротуара кольца резной чугунной решеткой.

За квартирным вопросом открывался роскошный плакат, на котором изображена была скала, а по гребню ее ехал всадник в бурке и с винтовкой за плечами.

И было в полночь видение в аду.

Капитола 5.

Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица в вечернем черном туалете, всем хорошая девица, кабы не портил ее причудливый шрам на шее, заулыбалась у витрин хозяйской улыбкой.

Капитола 12.

Красавица, улыгнувшись, сверкнула зубами, и мохнатые ее ресницы дрогнули.

Капитола 15.

Сев на каминную полку рядом с часами, птица оказалась совой.

Капитола 18.

Оборван он, не разберешь, во что он одет.

Капитола 19.

Взор ее притягивала постель, на которой сидел тот, кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших прудах убеждал в том, что дьявола не существует.

Капитола 22.

Маргарита смутно видела что-нибудь.

Это – та почтительность, с которою стали относиться к ней Коровьев и Бегемот.

Капитола 23.

Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать.

Капитола 32.

- Příklady opakování:

Говорили, говорили мистики, что было время, когда красавец не носил фрака ...

И плавится лед в вазочке, и видны за соседним столиком налитые кровью чьи-то бычьи глаза, и страшно, страшно... О боги, боги мои, яду мне, яду!..

Да, погиб, погиб...

Капитола 5.

Но все-таки то, что рассказывал администратор про него, даже и для Степы было чересчур. Да, чересчур. Даже очень чересчур...

Капитола 14.

Помещеньеце было старинное, но очень, очень уютное.

Капитола 18.

- Příklady výčtů a kumulace:

Незнакомец не сидел, а стоял возле нее, держа в руках какую-то книжечку в темно-сером переплете, плотный конверт хорошей бумаги и визитную карточку.

Капитола 1.

... и тут только приятели догадались заглянуть ему как следует в глаза и убедились в том, что левый, зеленый, у него совершенно безумен, а правый - пуст, черен и мертв.

Да, действительно, объяснилось все: и страннейший завтрак у покойного философа Канта, и дурацкие речи про подсолнечное масло и Аннушку, и предсказания о том, что голова будет отрублена, и все прочее – профессор был сумасшедший.

Капитола 3.

Иван сосредоточил свое внимание на коте и видел, как этот странный кот подошел к подножке моторного вагона "А", стоящего на остановке, нагло отсадил взвизгнувшую женщину, уцепился за поручень и даже сделал попытку всучить кондукторше гривенник через открытое по случаю духоты окно.

В каждом из этих окон горел огонь под оранжевым абажуром, и из всех окон, из всех дверей, из всех подворотен, с крыши и чердаков, из подвалов и дворов вырывался хриплый рев полонеза из оперы "Евгений Онегин".

Капитола 4.

Далее следовали, повинуюсь прихотливым изгибам, подъемам и спускам Грибоедовского дома, - "Правление МАССОЛИТа", "Кассы N 2, 3, 4, 5", "Редакционная коллегия", "Председатель МАССОЛИТа", "Бильярдная", различные подсобные учреждения, наконец, тот самый зал с колоннадой, где тетка наслаждалась комедией гениального племянника.

Возле обезглавленного стояли: профессор судебной медицины, патологоанатом и его прозектор, представители следствия и вызванный по телефону от больной жены заместитель Михаила Александровича Берлиоза по МАССОЛИТу - литератор Желдыбин.

Заплясал Глухарев с поэтессой Тамарой Полумесяц, заплясал Квант, заплясал Жуколов-романист с какой-то киноактрисой в желтом платье. Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман Джоржем, плясала красавица архитектор Семейкина-Галл, крепко схваченная неизвестным в белых рогожных брюках. Плясали свои и приглашенные гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта, какой-то Витя Куфтик из Ростова, кажется, режиссер, с лиловым лишаем во всю щеку, плясали виднейшие представители поэтического подразделения МАССОЛИТа, то есть Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Буздяк, плясали неизвестной профессии молодые люди в стрижке боксом, с подбитыми ватой плечами, плясал какой-то очень пожилой с бородой, в которой застряло перышко зеленого лука, плясала с ним пожилая, доедаемая малокровием девушка в оранжевом шелковом измятом платье.

Капитола 5.

Были кресла необыкновенно сложного устройства, какие-то пузатые лампы с сияющими колпаками, множество склянок, и газовые горелки, и электрические провода, и совершенно никому не известные приборы.

Капитола 8.

В них заключались мольбы, угрозы, клязвы, доносы, обещания произвести ремонт на свой счет, указания на несносную тесноту и невозможность жить в одной квартире с бандитами.

Капитола 9.

Убранство кабинета, помимо письменного стола, заключалось в пачке старых афиш, висевших на стене, маленьком столике с графином воды, четырех креслах и в подставке в углу, на которой стоял запыленный давний макет какого-то обозрения.

Капитола 10.

Это в одних витринах, а в других появились сотни дамских шляп, и с перышками, и без перышек, и с пряжками, и без них, сотни же туфель - черных, белых, желтых, кожаных, атласных, замшевых, и с ремешками, и с камушками.

Фагот извивался, кот кланялся, девица открывала стеклянные витрины.

Последней исчезла высоченная гора старых платьев и обуви, и стала сцена опять строга, пуста и гола.

Капитола 12.

Иван представлял себе ясно уже и две комнаты в подвале особняка, в которых были всегда сумерки из-за сирени и забора. Красную потертую мебель, бюро, на нем часы, звеневшие каждые полчаса, и книги, книги от крашеного пола до закопченного потолка, и печку.

Капитола 13.

Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. Среди знакомых ее мужа попадались интересные люди. Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире.

Капитола 19.

Кот спружинился, мякнул, перемахнул с зеркала на подоконник и скрылся за ним вместе со своим примусом.

Капитола 27.

Шепот "нечистая сила..." слышался в очередях, стоявших у молочных, в трамваях, в магазинах, в квартирах, в кухнях, в поездах, и дачных и дальнего следования, на станциях и полустанках, на дачах и на пляжах.

Епилог

Jazykové pásmo vypravěče je z jazykového hlediska zřejmě nejzajímavější. Mluva vypravěče je velmi obrazná, téměř lyrizující pasáže vynikají z celého vyprávění barvitostí jazyka:

Ночь начала закрывать черным платком леса и луга, ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, чужие огонечки.
Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в загрустившем небе белые пятнышки звезд. Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек.
Капитола 32.

Vyjadřování vypravěče je mluvou člověka vzdělaného, který nahlíží na popisované události s velkou dávkou humoru. Ironie je patrná v následujících výpovědích, které vznešeně charakterizují všední skutečnost:

И немедленно же он обращал к небу горькие укоризны за то, что оно не наградило его при рождении литературным талантом, без чего, естественно, нечего было и мечтать овладеть членским МАССОЛИТским билетом, коричневым, пахнущим дорогой кожей, с золотой широкой каймой, - известным всей Москве билетом.
Капитола 5.

В числе прочего было потрясающее по своей художественной силе описание похищения пельменей, уложенных непосредственно в карман пиджака, в квартире N 31, два обещания покончить жизнь самоубийством и одно признание в тайной беременности.

Капитола 9.

Подозрение пало на старушку с язвой желудка. (Книžní výraz)

Капитола 18.

Сию секунду... сейчас... сию минуту... - пролетела обычно очень надменная супруга председателя акустической комиссии и как стрела полетела в спальню поднять Аркадия Аполлоновича с ложка, на котором тот лежал, испытывая адские терзания при воспоминании о вчерашнем сеансе и ночном скандале, сопровождавшем изгнание из квартиры саратовской его племянницы.

Капитола 27.

Этого гражданина уже ждали, и через некоторое время незабвенный директор Варьете, Степан Богданович Лиходеев, предстал перед следствием.

Капитола 27.

Styl vyprávění často záměrně snižuje pomocí nespisovných jazykových prostředků. Pro docílení komického efektu autor často mísí slova knižní a nespisovná v rámci jediné výpovědi:

Нету никакого дьявола! - растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание! Перестаньте вы психовать.

Капитола 1.

Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и овладела первым, что подвернулось, - шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два футляра духов.

Капитола 12.

Нарыдавшись вдоволь, Коровьев отлепился наконец от стенки и вымолвил: „Нет, не могу больше! Пойду приму триста капель эфирной валерьянки!“

Капитола 18.

Совершенно неизвестно, какую темной и гнусной уголовицной ознаменовался бы этот вечер, - по возвращении из кухни Маргариты в руках у нее оказался тяжелый молоток.

Капитола 21.

V syntaktickém plánu vyprávěče převládají složitá souvětí. Dynamičnost vyprávění zajišťují věty, které obsahují rozsáhlé kumulace pojmenování a jsou rytmicky náročně uspořádány:

Заплясал Глухарев с поэтессой Тамарой Полумесяц, заплясал Квант, заплясал Жуколов-романист с какой-то киноактрисой в желтом платье. Плясали: Драгунский, Чердачки, маленький Денискин с гигантской Штурман Джоржем, плясала красавица архитектор Семейкина-Галл, крепко схваченная неизвестным в белых рогожных брюках. Плясали свои и приглашенные гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта, какой-то Витя Куфтик из Ростова ...

Капитола 5.

Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. Среди знакомых ее мужа попадались интересные люди. Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире.

Капитола 19.

1.2.3 Závěr

V této kapitole jsme se zaměřili na lingvostylistickou analýzu jazykových pásem jednotlivých postav románu *Mistr a Makétka*. Popsali jsme systém postav románu v celku (viz Příloha na CD). Výzkum potvrdil naši domněnku, že každá postava románu je detailně vykreslena a velmi individuální: jak svým vzhledem a chováním, tak svou mluvou. Potom jsme se zaměřili na analýzu jazykových pásem těch postav, které považujeme za klíčové vzhledem ke kompozici románu. Tento malý průzkum odhalil závažné rozdíly ve volbě lexikálních prostředků, jakož i v syntaktickém plánu každé zkoumané postavy.

Pro jazyk Wolanda je charakteristické používání knižních a archaických lexémů – jeho mluva působí vznešeným dojmem a tím se odlišuje od mluvy běžných smrtelníků. Pouze v rozhovoru se svou suitou ďábel používá několika hovorových výrazů.

V jazykovém pásmu Korovjeva mají vysokou frekvenci především hovorové a nespisovné výrazy. Jeho výsměšný tón a familiární vyjadřování harmonicky doplňují obraz šaška a tvoří kontrast s mluvou jeho pána.

Prokurátorovo řečové pásmo se vyznačuje knižností. Vzhledem k době děje čtenáře nepřekvapí časté historismy. Skutečnost, že Pilát Pontský je bývalým vojenským velitelem, se odráží v jeho mluvě dobrou znalostí příslušného pojmosloví.

Mistrovo mluva je obrazná a emocionální (častá jsou deminutiva). Vysokou frekvenci v jeho jazykovém pásmu mají hovorové výrazy, které jsou ovšem nesrovnatelné s hovorovostí v řečovém pásmu Korovjeva nebo Ivana Bezdomného.

Mluva mladého básníka je výrazně nespisovná. V souvislosti v vývojem postavy se její řečové pásmo proměňuje a příznakové lexémy se ve velké míře neutralizují.

Řečové pásmo vypravěče se svou obrazností přibližuje způsobu vyjadřování Mistra, ale z hlediska frekvence nespisovných výrazů připomíná spíše posměšnou mluvu Korovjevovu.

Míšení knižních prostředků s výrazně nespisovnými a vznešené charakteristiky všedních záležitostí jsou zdrojem komického účinku.

V syntaktické rovině pozorujeme, že jednoduché věty jsou typické pro mluvu Korovjeva (výjimku tvoří jeho rozhovor s Markétou na Wolandově plese) a Ivana Bezdomného. V jazykovém pásmu Piláta Pontského rovněž převládají jednoduché věty, ale z jiného důvodu: osamělý bývalý voják není příliš mnohomluvný a je zvyklý především rozkazovat svým podřízeným. Složitých souvětí často používají Woland a vypravěč. Ve vypravěčově řečovém pásmu se hojně objevují výčty a kumulují se jazykové prostředky, které vystihují tu či onu situaci a udržují čtenáře v napětí.

V jazykových pásmech některých postav se často objevují výrazně emocionální výpovědi. Máme na mysli například mluvu Ivana Bezdomného: jeho chování je zbrklé a zmatené, mladý básník v první kapitole podezívá Wolanda a útočí na něj, v psychiatrické klinice zas útočí na doktory a svého kolegu. Emocionalita Wolandova vyjadřování je zcela jiného rázu: ďábel jedná se smrtelníky velmi zdvořile a v jeho zvoláních je cítit především ironické politování nad tím, že Berlioz nevěří v Boha a bufetář neplní svou práci poctivě atp.

Předpokládáme, že jazykové rysy, které přísluší vyjadřování té či oné postavy, by měly zůstat zachovány i v překladech díla, aby nedocházelo k posunům ve významové rovině románu.

2. Hodnocení českých překladů románu *Mistr a Markétka*

2.1 Úvod

Poprvé do českého kulturního kontextu román *Mistr a Markétka* vstoupil v roce 1968, když byl příběh o Pilátovi otištěn v revue *Světová literatura*. Kompletní vydání románu, a to v překladu A. Morávkové, se objevilo v tisku roku 1969, tedy bezprostředně po první sovětské publikaci v časopise *Novyj mir* v roce 1967.

Ve své knize *Křížová cesta Michaila Bulgakova* Alena Morávková hodnotí toto vydání jako velkou kulturní událost: „Román vychází v Klubu čtenářů a objednáva si ho 130 tisíc čtenářů (tento fakt svědčil o tom, že čtenáři rozlišovali mezi autory a pseudoautory a dovedli ocenit skutečné hodnoty).“ (Morávková 1996: 171).

Na rozdíl od cenzurovaného sovětského vydání z r. 1967, kde byly vynechány veškeré narážky na pobyt Mistra ve vězení a také část snu Bosého, český překlad vyšel v úplnosti. Byl pořízen na základě textu z Bulgakovova archivu.

V letech normalizace se Bulgakov stal nežádoucím autorem a nebyl vydáván. Další reedice románu *Mistr a Markétka* vyšly až v letech 1980 (Odeon), 1983 a 1987 (Lidové nakladatelství).

V roce 1990 nakladatelství Odeon připravilo Bulgakovovy Vybrané spisy ve třech svazcích, kam byly zařazeny romány *Bílá garda*, *Divadelní román* a *Mistr a Markétka*, novely *Osudná vejce*, *Psí srdce*, *Zápisky na manžetách* a některé povídky (Morávková 1996: 171-172).

Po celých 30 let byl překlad A. Morávkové jediným českým překladem Bulgakovova románu. Až v roce 2005 v edici *Světová literatura Lidových novin* vyšel nový překlad pořízený Liborem Dvořákem.

Vydání nového překladu klasického díla světové literatury vyvolalo zájem medií a rozporuplné reakce čtenářů. Pro zajímavost uvedme několik anonymních příspěvků ve fóru <http://www.iliteratura.cz>, kde byly zveřejněny ukázky nového překladu.

[9.8. 2005 17:12] dr Petr Wagner

To je ale maras!!! Autor si nedal nejmenší práci seznámit se ani s českými bulgakologickými prameny, natož s ruskými. Jen akutní ... (novinář) si může dovolit přeložit Ivana Bezdomného jako Bezdomovce, asi budeme muset přepracovat Gorkého Bezdomnou inteligenci. Libor Dvořák, který nectí základy překladatelské práce, nás zcela jistě přinutí přejmenovat NATO na SAOO, CIA na USS, BBC na BV, USA na SSA (raději SAS), nebo třeba Internet na světosiť nebo mezisíť? A mohl bych pokračovat na každé stránce hodně dlouho a hodně zešíroka. Jazyková kultura přenosem do "pražského žargonu" taky dílu neprospěl (нарзану неты = narzan nejni??). Čtěte to raději v originálu. Libor Dvořák se hluboce zesměšnil a doufám, že zase dostane nějakou štěpnou zakázku. Rozhodně bych mu dal uhradit náklad, ale nakladatelství Lidové noviny si takové zjevné zaslouží, konec konců cena 99 Kč na pultě je s bídou o papíru, tisku a obalu. Z textové analýzy dosti pravděpodobně vyplývá, že zdrojový text (běžně dostupný na internetu) zjevně vůbec nečetl, jen jej "po svém polidštil", některé chyby by prostě nemohl spáchat. Jeto vzácný kandidát na anticenu Skřípeč - osobně ho doporučím a divil bych se, kdyby ji nevyhrál. Kde jsou ty časy, když jsme hráli na průkopnické nedostatky, které zanechala paní doc. Morávková... (ve srovnání s tímto byly velmi směšné a podpůrné informace byly zcela nedostupné - první sovětské studie, o které se dalo opřít alespoň biograficky, se začaly objevovat až v 80 letech)! Na závěr této smutně humorné knihy si dovolím bonmot: lze li slovo крысобо́й přeložit jako krysolov - pak Libor Dvořák není bulgakolov, ale bulgakobijec!

[21.7. 2005 13:28] Alice

Prosím, neznásilňujte Bulgakova. O významu některých slov nemáte ani potuchy. Na Patriarších rybnících se neodehraje dnes večer zajímavá historie, maximálně příhoda. Jde o kultovní dílo, takže respektujte předchozí překlady. Ten Váš rve smysly na cucky.

[24.1. 2005 20:09] playwithfire

Na M a M jsem vyrostl a překlad paní Morávkové znám nazpaměť... nicméně novou verzi si taky koupím:)

Libor Dvořák byl v mediích často dotazován na důvody pořízení nového překladu; v rozhovoru poskytnutém *Týdeníku rozhlas* překladatel uvedl: „Na Bulgakova jsem si myslel velmi dlouho. A to i přesto, že dosavadní jediný český překlad Aleny Morávkové, který vznikl už na přelomu šedesátých a sedmdesátých let minulého století, a který v různých reedicích vychází dodnes, považuji za stále funkční a nemyslím, že by trpěl nedostatečnou kvalitou. Postupně ve mně však zvítězilo přesvědčení, že by se z originálu dalo těžít více nebo že se řekněme ledacos dalo přetlumočit jinak. Navíc je přirozené, že i škola českého překladu - a překládání z ruštiny se to týká opravdu významně - se neustále vyvíjí.“ (*Týdeník rozhlas*, č. 19, 2.5.2005, <http://www.radioservis-as.cz/archiv05/1905/19titul.htm>)

L. Dvořák však upozorňuje na to, že jeho překlad alespoň po stránce lexikální není nadčasový: „Především je koncipován tak - kupříkladu po stránce lexikální -, aby nevydržel tak dlouho jako překlad dosavadní, zatím jediný, a tudíž kanonický.“ (*Týdeník rozhlas*, č. 19, 2.5.2005, <http://www.radioservis-as.cz/archiv05/1905/19titul.htm>)

O posouzení překladatelských postupů a koncepcí překladů Aleny Morávkové a Libora Dvořáka se pokusíme dále v této práci. Oba překlady budeme konfrontovat s originálem v rovině jazykových pásem vybraných postav.

2.2 Překlad Aleny Morávkové (1969)

01. Woland

Wolandovo jazykové pásmo se v originále vyznačuje především knižností a archaičností. Dáblova mluva je emocionální: často se užívá modálních vět a citoslovcí. Výrazný kontrast tvoří Wolandovo jednání s Moskvany a se suitou: s cizími lidmi d'ábel hovoří až přehnaně zdvořile.

V lexikální rovině překladatelka usiluje o neutralizaci příznakových a výrazně expresivních prostředků. Vzhledem k tomu, že nalezení všestranně identického ekvivalentu dokonce mezi tak blízkými jazyky, jako je ruština a čeština, je většinou nemožné, při další analýze budeme používat pojmy „zachování“ nebo „odstranění výrazů“ pro hodnocení zachování nebo odstranění expresivity a příznakovosti zkoumaných výrazů.

- **Hovorové výrazy** A. Morávková buď nahrazuje neutrálními, popř. zmírňuje jejich expresivitu, nebo překládá odpovídajícími hovorovými lexémy.

Пříklady neutralizace/zmírnění expresivity hovorových lexémů:

- Виноват, - мягко отозвался неизвестный, - для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, <u>хоть сколько-нибудь приличный срок.</u>	„Promiňte,“ mírně namíтал neznámý, „ale k tomu, aby člověk mohl něco řídit, musí mít přesný plán <u>na určitou minimální dobu.</u>
Родные вам начинают лгать, вы, <u>чуя неладное,</u> бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам.	Vaši nejbližší vám lžou. <u>Vycítíte, že něco není v pořádku, poběžíte k učeným doktorům, potom k šarlatánům, a možná dokonce i ke kartářce.</u>
...не правильнее ли думать, что <u>управился</u> с ним кто-то совсем другой?	Není správnější si pomyslet, že se to stalo z vůle někoho zcela jiného?
...это было бы еще <u>полбеда</u>	... ale to by ještě nebylo tak velké neštěstí.
... <u>пустяковое</u> , казалось бы, дело...	... zdálo by se, že to ani nestojí za řeč ...
Kapitola 1.	
Ну, уж это <u>положительно</u> интересно, - трясясь от хохота проговорил профессор, - что же это у вас, <u>чего нихватишься</u> , ничего нет!	Opravdu <u>neobyčejně</u> zajímavé,“ procedil a rozesmál se na celé kolo. Co to má znamenat ... <u>Ať se člověk zmíní o čemkoli, nic podle vás neexistuje!</u>
Kapitola 3.	
О, какой <u>вздор!</u>	Taková <u>maličkost!</u>
Kapitola 7.	
- <u>Голубчик</u> , это <u>вздор!</u>	<u>To je nesmysl, kamaráde!</u>
Kapitola 18.	
Долго будет продолжаться этот <u>балаган</u> под кроватью?	Jak dlouho ještě hodláš pokračovat v téhle komedii?
Этот <u>валяющийся дурака</u> - кот Бегемот.	Tenhle, co se tak rád <u>pitvoří</u> , je kocour Kňour.
Kapitola 22.	
И интереснее всего в этом <u>вранье</u> то, - сказал Воланд, - что оно - вранье от первого до последнего слова.	„Nejzajímavější na tom je,“ utrousil Woland, „že všechno, od prvního do posledního slova, je <u>vymyšlené.</u> “

Пříklady zachování hovorových lexémů:

... <u>уж кто-кто, а вы-то</u> должны знать nevím jak kdo, ale vy byste měl vědět, že...
Kapitola 1.	
Он <u>выжига</u> и <u>плут</u> .	Je to vykuk a <u>darebák.</u>
Kapitola 9.	
<u>Дурак!</u>	Jako <u>hlupák!</u>
Kapitola 11.	
... <u>удивительные подлецы</u> <u>neuvěřitelní mizerové!</u> ...
Kapitola 18.	
Ах ты <u>подлец</u> ...	Ty <u>sketo</u>
Kapitola 22.	
Никакой прелести в нем нет и размаха тоже, а эти <u>дурацкие</u> медведи...	„Žádný půvab a švih v tom nevidím. Ti <u>pitomí</u> medvědi a tygři v baru mi přivodili málem migrénu,“ prohlásil Woland.
Уж одно присутствие при сцене убийства этого <u>отпетого негодяя-барона</u> стоит того, чтобы человека наградили, в особенности если этот	Už jenom to, že jste přihlížela vraždě toho <u>nenapravitelného padoucha</u> barona, si žádá odměnu, zejména je-li divákem žena.

человек - женичина.	
...вы <u>напросились</u> ко мне в гости именно с целью подсмотреть и подслушать все, что можно	<i>Vetřel jste se mezi mé hosty, abyste špicloval.</i>
возможность получения вами взятки от этой дуры Фриды совершенно, конечно, исключена	<i>V daném případě se dá vyloučit, že byste přijala od té husy jakýkoliv úplatek ...</i>
Это что еще за бред? - спросил, морща лицо, Воланд. - Какой такой Римский? Что это еще за чепуха?	<i>„Co to plácá?“ zeptal se Woland a svažtil obočí. „Jaký Rimský? Co je to za nesmysl?“</i>
Капитола 23.	

- Podobně A. Morávková přistupuje i k překladu výrazů **hovorových nespisovných (просторечных)**: asi ve stejné míře se výrazy neutralizují nebo překládají stylově identickým prostředkem.

Пříklady neutralizace hovorových nespisovných výrazů:

... стало быть, <u>так-таки и нету</u> ...	<i>Tak tedy <u>neexistuje</u>, říkáte?</i>
Капитола 3.	
Совсем худо...	<i>To je zlé</i>
Капитола 18.	
Куда прикажете, моя дорогая донна, <u>девать</u> вашу свиту?	<i>„kam poručíte <u>umístit</u> vaši svitu, pani?“</i>
Капитола 23.	
Не хочешь ли ты <u>ободрать</u> весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?	<i>Nechceš přece <u>vyplenit</u> celou zeměkouli a vymýtít z ní všechny stromy i živé bytosti jen proto, že uznáváš jen světlo beze stínu?</i>
Капитола 29.	

Пříklady zachování hovorových nespisovných výrazů:

Он <u>выжига</u> и плут.	<i>Je to <u>vykuk</u> a darebák.</i>
Капитола 9.	
Поразительные травы оставила в наследство <u>поганая</u> старушка, моя бабушка!	<i>Moje <u>bába, babice, odporná čarodějnice</u> mi odkázala fantastické byliny!</i>
Капитола 22.	
<u>Пошел вон.</u>	<i><u>Táhni</u></i>
Да, - заговорил после молчания Воланд, - его хорошо <u>отделали</u> .	<i>„Hm,“ poznamenal po chvíli Woland, „pěkně ho <u>zřídili</u>.“</i>
Капитола 23.	

- **Vulgarizmy** se překládají pomocí méně expresivních lexémů.

<u>сволочь, склочник, приспособленец и подхалим</u> (Капитола 7.)	<i>podfukář, chameleon, drbna a vrtichvost</i>
--	--

- **Здробněliny** v jazykovém pásmu Wolanda překladatelka vhodně neutralizuje.

<i>Покажи для начала что-нибудь простенькое.</i> (Kapitola 12.)	<i>Předved' nám pro začátek něco jednoduchého.</i>
<i>Хорошая вещьца.</i> (Kapitola 22.)	<i>Pěkná věc.</i>
Иногда совершенно неожиданно и коварно оно проникает в самые узенькие щелки (Kapitola 23.)	<i>Někdy se vetře zcela nečekaně a záłudně <u>seběmenší</u>.</i>
<i>в подвальчике</i> (Kapitola 32.)	<i>co byste si počali ve <u>sklepě</u>?</i>

- V případě výrazů **knižních, zastaralých, archaismů a historismů** nemůžeme považovat případnou neutralizaci za vhodnou. Jelikož tyto výrazy tvoří dominantu Wolandovy mluvy, měly by zůstat zachovány. Přesto, podobně jako je tomu u hovorových výrazů, překladatelka v podobné míře nahrazuje příznakové prostředky stylově neutrálními a překládá stylově ekvivalentními lexémy.

Пříklady neutralizace výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů:

<i>Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает?</i> (Zastaralý výraz hovorový)	<i>Prosím vás, kdo by vás neznal?</i>
Kapitola 1.	
<i>Да, было около десяти часов утра, <u>досточтимый</u> Иван Николаевич...</i> (Archaismus)	<i>Ano, bylo kolem desáté hodiny dopoledne, <u>vážený</u> Ivane Nikolajeviči</i>
<i>А я только что <u>сию минуту</u> приехал в Москву ...</i> (Archaismus)	<i>Před chvílí jsem přijel</i>
<i>Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?</i> (Knižní výraz)	<i>Jestli si přejete, dám okamžitě poslat telegram vašemu strýci do Kyjeva!</i>
Kapitola 3.	
<i>Благодарствуйте, я не закусываю никогда ...</i> (Archaismus)	<i>Díky, já piju bez zajedení</i>
Kapitola 7.	
<i>Скажи мне, <u>любезный</u> Фагот ...</i> (Knižní výraz)	<i>Pověz mně, <u>milý</u> Fagote</i>
Kapitola 12.	
<i>Чашу вина?</i> (Archaismus)	<i>Přejete si víno?</i>
<i>Я? - воскликнул в изумлении маг, - <u>помилосердствуйте.</u></i> (Archaismus)	<i>„Já?“ zvolal překvapeně mág. „Prosím vás!“</i>
Kapitola 18.	
<i>Итак, - обратился к Маргарите Воланд, - <u>рекомендую</u> вам, донна, мою свиту.</i> (Archaický výraz)	<i>„Když dovolíte, madam,“ obrátil se Woland k Markétce, „<u>představím</u> vám svoji svitu.“</i>
Kapitola 22.	
<i>- <u>Держу пари</u>, - сказал Воланд, улыбаясь Маргарите, - что он проделал эту штуку нарочно.</i> (Archaický výraz)	<i>„<u>Sázím se</u>,“ řekl Woland a usmál se na Markétu, „že to udělal naschvál. Strílil docela slušně.“</i>
<i>А мечтания, вдохновение?</i> (Knižní výraz)	<i>А všechna vaše <u>prání</u>, inspirace?</i>
Kapitola 23.	

Пришлось мне вас побеспокоить, Маргарита Николаевна и мастер, - заговорил Воланд после некоторого молчания, - но <u>вы не будьте на меня в претензии.</u> (Archaický výraz)	„Omlouvám se, že jsem vás obtěžoval, Markéto Nikolajevno, i vás, Mistře,“ pronesl mág po krátké přestávce, „ale doufám, že <u>mi to nebudete mít za zlé.</u> “
Kapitola 31.	
Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, как видите, его <u>терзает</u> бессонница Она мучает не только его, но и его верного сторожа, собаку. (Кnižní výraz)	Skoro dva tisíce let už sedí na stejném místě a spí; ale při úplňku <u>trpí</u> nespavostí nejen on, ale i jeho věrný psí strážce.
Kapitola 32.	

Пříklady zachování výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů:

...предмет вашей <u>ученой беседы</u> ... (Archaismus)	Ale předmět vaší učené <u>disputace</u> je natolik zajímavý, že...
...вы <u>изволили</u> говорить... (Archaismus)	Pokud jsem se nepřeslechl, <u>ráčil</u> jste tvrdit, že Ježíš neexistoval?
Kapitola 1.	
Если память не изменяет мне, из лиц, близких вам по профессии, я знал только с одной <u>маркитанткой</u> , но и то давно, когда вас еще не было на свете. (Historismus)	Pokud mě neklame paměť, z lidí vašeho oboru jsem znával pouze jistou <u>markytánku</u> , a to je hezky dávno, vy jste tenkrát ještě nebyl na světě.
Да вот, <u>не угодно ли</u> ответить... (Archaismus)	A vůbec, <u>není libo ochutnat</u> ...
Так <u>не прикажете ли</u> партию в <u>кости</u> ? (Archaismus, historismus)	<u>Není libo zahrát si v kostky?</u>
Среди лиц, садившихся со мною за <u>пиршественный стол</u> , попадались иногда удивительные подлецы! (Archaismus)	Mezi těmi, s kterými jsem si zasedal k <u>hodovnému stolu</u> , byli někdy neuvěřitelní mizerové!...
Kapitola 18.	
Гм... - задумался артист, - ну, тогда приходите к нам опять. <u>Милости просим!</u> (Archaický výraz)	„Hm,“ zamyslel se mág, „ <u>tak přijdete znovu. Jen račte, jsem rád, že jsem vás poznal</u> ...“
Kapitola 18.	
Приветствую вас, королева, и прошу меня извинить за мой <u>домашний наряд</u> . (Archaismus)	Vítám vás, královno, a prosím, omluvte laskavě můj <u>domácí úbor</u> .
Kapitola 22.	
Ну что ж, тот, кто любит, должен <u>разделять</u> <u>участь</u> того, кого он любит. (Кnižní výraz)	Co naplat, tak už to bývá, že ten, kdo miluje, <u>sdílí se svým milovaným jeho úděl</u> .“
Kapitola 32.	

- **Пřiřovnání** A. Morávková neredukuje, ale překládá doslova.

- Ах, мошенник, мошенник, - качая головой, говорил Воланд, - каждый раз, как партия его в безнадежном положении, он начинает заговаривать зубы, <u>подобно самому последнему</u>	„Neuvěřitelný podvodník,“ pokyvoval hlavou Woland, „pokaždé, když prohrává, začne to zamlouvat <u>jako ten poslední šarlatán na mostě</u> . Okamžitě si sedni. Kdo má poslouchat tu tvou slátaninu?“ Doslovný překlad,
--	---

<i>шарлатану на мосту.</i>	nabízí se otázka, jestli je tento výraz srozumitelný pro české čtenáře
Капитола 22. <i>Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?</i>	<i>Netoužíte jako Faust sedět nad křivulí a doufat, že se vám podaří uplácat z hlíny nového homunkula?</i>
Капитола 32.	

- **Frazémy** jsou většinou velmi zdařile přeloženy českými ekvivalenty.

<i>...от всей души...</i>	<i>Dovolte, abych vám z celého srdce poděkoval!</i>
<i>...воля ваша...</i>	<i>Jak myslíte, možná že to je chytré, ale nikdo tomu nebude rozumět.</i>
<i>ни с того ни с сего</i>	<i>„Jenomže cihla,“ přerušil ho přísně neznámý, „jen tak proníc zanic nikdy nikomu na hlavu nespadne.“</i>
Капитола 1. <i>люди как люди</i>	<i>„Nu což,“ odpověděl Woland zamyšleně, „lidé jsou lidé...“</i>
Капитола 12. <i>- Ну что же это такое! - воскликнул Воланд, - зачем ты позолотил усы? И на кой черт тебе нужен галстух, если на тебе нет штанов? каждый раз, как партия его в безнадежном положении, он начинает заговаривать зубы, подобно самому последнему шарлатану на мосту. - А, черт вас возьми с вашими бальными затеями! - буркнул Воланд, не отрываясь от своего глобуса.</i>	<i>„Co to má znamenat?“ hartusil Woland. „Proč sis pozlatil vousy? A k čemu, zatraceně, potřebuješ motýlka, když nemáš kalhoty?“ pokaždé, když prohrává, začne to <u>zamlouvat</u> jako ten poslední šarlatán na mostě „Aby vás čert vzal s těmi vašimi krkolomnými plesovými nápady!“ zabručel Woland a zabýval se dál svým glóbusem.</i>
Капитола 22. <i>Более того, злые языки уже уронили слово - наушник и шпион. - Вот тебе раз! - Молчи, черт тебя возьми! - сказал ему Воланд и продолжал, обращаясь к Маргарите ... - Ну вот, это другое дело, - сказал Воланд, прищуриваясь, - теперь поговорим. Кто вы такой?</i>	<i>Ba co víc, <u>zlé jazyky</u> vám přiřkly nelichotivou přezdívku donašeč a špicl. <u>Podívejme!</u> „Mlč, <u>ksakru!</u>“ okřikl ho mág a pokračoval, obrácen k Markétě ... „<u>To už je lepší,</u>“ řekl mág a přivřel víčka. „<u>Ted' si můžeme klidně pohovořit... kdo jste?</u>“</i>
Капитола 23. <i>- Да, это дело вкуса, - ответил Воланд.</i>	<i>„Hm, <u>to záleží na vkusu,</u>“ odsekl Woland.</i>
Капитола 27. <i>Но сегодня такая ночь, когда сводятся счета. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!</i>	<i>Ale dnešní noci se <u>skládají účty</u>. Rytíř svůj už vyrovnal.</i>
Капитола 32. <i>Тогда, что же поделаешь, приходится разговаривать ему с самим собою.</i>	<i><u>Nezbývá mi, než aby mluvil sám se sebou.</u></i>
Капитола 32.	

Pouze jednou pozorujeme ne zcela vhodnou volbu **frazeologické jednotky**.

<i>лечить подобное подобным</i>	<i>Řiďte se starou moudrou zásadou - <u>vyrážete klín klínem</u>. Ne zcela vhodný překlad: existuje stejné ruské přísloví „клин клином вышибают“, ale má hovorovější ráz, a nejspíš proto ho Bulgakov nepoužil.</i>
Kapitola 7.	

- **Citoslovce** se správně překladatelka snaží zredukovat, jelikož jejich doslovný překlad by v češtině působil nepřirozeně. Přesto pro zachování emocionality Wolandova pásma jsou v některých případech nahrazena více či méně vhodnými českými ekvivalenty.

Příklady odstranění/nahrazení citoslovcí:

<i><u>Ах</u>, как интересно!</i>	<i>Neobyčejně zajímavé!</i>
<i><u>Ох</u>, какая прелесть!</i>	<i>To je báječné!</i>
<i><u>О</u>, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков, - ответил профессор.</i>	<i>„Jsem vůbec polyglot a znám celou řadu jazyků,“ vykládal profesor.</i>
Kapitola 1.	
<i><u>О</u>, конечно, конечно!</i>	<i>Samozřejmě, samozřejmě!</i>
<i><u>О</u>, какой вздор!</i>	<i>Taková maličkost!</i>
Капитола 7.	
<i>- <u>Ах</u>, мошенник, мошенник, - качая головой, говорил Воланд, - каждый раз, как партия его в безнадежном положении, он начинает заговаривать зубы, подобно самому последнему шарлатану на мосту.</i>	<i>„Neuvěřitelný podvodník,“ pokyvoval hlavou Woland, „pokaždé, když prohrává, začne to zamlouvat jako ten poslední šarlatán na mostě.“</i>
Капитола 22.	
<i>Зачем? - продолжал Воланд убедительно и мягко, - <u>о</u>, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта?</i>	<i>„Copak vy, <u>nenapravitelný romantik</u>, se nechcete procházet se svou ženou pod rozkvetlými višněmi a večer poslouchat Schubertovu hudbu?“</i>
Капитола 32.	

Příklady zachování citoslovcí:

<i>... вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого...</i>	<i>... představte si, že kupříkladu vy sám začnete něco řídit, dávat příkazy sobě i jiným a vůbec, abych tak řekl, začnete tomu přicházet na chuť, a najednou... hm... hm... najednou u vás propukne rakovina plic...</i>
<i><u>О</u>, с удовольствием!</i>	<i><u>Ó</u> prosím, s radostí!</i>
<i>И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать, так что</i>	<i>Byl jsem u Piláta v paláci, v zahradě, kde rozmlouval s Kaifášem, a dokonce i na tribuně, jenomže tajně, abych tak řekl, inkognito. Proto vás velmi prosím,</i>

<i>прошу вас - никому ни слова и полный секрет!..</i> <i>Тсс!</i>	<i>abyste si to nechali pro sebe, nikomu ani slovo, <u>psst</u>...</i>
Капитола 1.	
<i>Ай! Не ушиблись ли вы?</i>	<i><u>Ouvej!</u> Neuhodil jste se?</i>
Капитола 18.	
<i>Гм... - задумался артист, - ну, тогда приходите к нам опять.</i>	<i>„<u>Hm</u>,“ zamyslel se mág, „tak přijdete znovu.</i>
<i>Ах, ну да, ну да!</i>	<i><u>Ach</u> tak?</i>
Капитола 18.	
<i>А, - сказал Воланд, - это понятно.</i>	<i>„<u>Hm</u>,“ zabručel Woland, „to je pochopitelné.“</i>
<i>А, милейший барон Майгель ...</i>	<i><u>А</u>, náš drahý baron Maigel</i>
Капитола 23.	
<i>Ах, вы вернулись? - сказал Воланд, - ну, конечно, тогда здание сгорело дотла.</i>	<i>„<u>Ach</u>, vy jste se vrátili?“ řekl Woland. „<u>Hm</u>, a výsledek byl, že budova shořela do základů, ne?“</i>
Капитола 25.	

- **Книžní a archaické spojky** se překládají neutrálními spojками nebo se vynechávají.

<i>... как же быть с доказательствами бытия божия, <u>коих</u>, как известно, существует ровно пять?</i>	<i>... co potom s důkazy o boží existenci, <u>kterých</u> je, jak známo, rovných pět?</i>
Капитола 1.	
<i>И ровно час, как я дожидаюсь вашего пробуждения, <u>ибо</u> вы назначили мне быть у вас в десять.</i>	<i>Přesně hodinu čekám, až se probudíte. Pozval jste mě na deset hodin, tak jsem tu!</i>
Капитола 7.	
<i>И теперь уж говорите без стеснения: <u>ибо</u> предложил я.</i>	<i>Ted' už se nemusíte ostýchat, sám jsem vás vyzval.</i>
Капитола 23.	

- **Образная выжádření** se překládatelka snaží zachovat.

<i>Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, <u>переселиться</u> <в другой мир> под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?</i>	<i>Nebylo by lepší uspořádat za těch sedmadvacet tisíc hostinu, spolknout jed a <u>přesídlit</u> na onen svět za zvuku strun, obklopen rozjařenými kráskami a udatnými přáteli?</i>
Капитола 18.	
<i>- Да, прав Корovieв! Как <u>причудливо</u> тасуется колода! Кровь!</i>	<i>Ano, Korovjev má pravdu. <u>Nikdo</u> neví, jakou kartu si <u>vytáhne</u>. Krev je krev!</i>
Капитола 22.	
<i>- Ну, что же, смелее! - поощрял Воланд, - <u>будите</u> свою фантазию, прищипоривайте ее!</i>	<i>„<u>Jen</u> do toho, nebojte se!“ povzbuzoval ji. „<u>Zburcujte</u> svoji fantazii, <u>osedlejte</u> ji!“</i>
<i>- Я о <u>милосердии</u> говорю, - объяснил свои слова Воланд, не спуская с Маргариты огненного глаза. - Иногда совершенно неожиданно и коварно оно <u>проникает</u> в самые узенькие щелки. Вот я и</i>	<i>Mluvíím o <u>milosrdenství</u>,“ vysvětloval mág a nespouštěl z Markéty planoucí pohled. „<u>Někdy</u> se <u>vetře zcela nečekaně a zálučně</u> <u>sebemenší</u> skulinou. Proto ty <u>klůcky</u>...“</i>

<i>говору о тряпках.</i>	
Капитола 23.	

- В případě **контактových prostředků** se překladatelka často uchyluje k neutralizaci některých knižních výrazů a zdvořilost Wolandova vyjadřování v překladu není tolik nápadná, jako je tomu v originále.

<i>Позвольте же вас спросить..., уверю вас..., вообразите..., вы сами понимаете..., не правильнее ли думать, что...; прошу и меня извинить; мне хотелось бы спросить вас ...</i>	<i>Smím se vás zeptat ... ujišťuji vás představte si, že sám to dobře víte Není správnější si pomyslet, že Já rovněž prosím za odpuštění rád bych se vás zeptal</i>
Капитола 1.	
<i>Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает?</i>	<i>Prosím vás, kdo by vás neznal?</i>
<i>Имейте в виду, что Иисус существовал.</i>	<i>Pamatujte si, že Ježíš existoval.</i>
Капитола 3.	
<i>Не могу же, <u>согласитесь</u>, я его пустить в бальный зал!</i>	<i>Uznejte, nemůžu ho přece pustit do sálu.</i>
Капитола 22.	
<i>Все сбылось, <u>не правда ли?</u></i>	<i>Všecko se splnilo, <u>není-liž pravda?</u></i>
Капитола 23.	
<i>Какой интересный город, <u>не правда ли?</u></i>	<i>Zajímavé město, <u>není-liž pravda?</u></i>
<i>Не будешь ли ты так добр подумать над <u>вопросом</u>: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?</i>	<i>Ale laskavě se nad tímhle problémem zamysli: co by dělalo to tvé dobro, kdyby zlo neexistovalo, a jak by to na zemi vypadalo, kdyby zmizely stíny?</i>
Капитола 29.	

Stejný postup A. Morávková uplatňuje také u **oslovení**.

<i>дорогой Степан Богданович (Капитола 7.)</i>	<i>Drahý Stěpane Bogdanoviči</i>
<i>любезный Фагот;</i>	<i>milý Fagote</i>
<i>дорогой Фагот (Капитола 12.)</i>	<i>drahý Fagote</i>
<i>драгоценный мой;</i>	<i>Můj milý</i>
<i>Голубчик, это вздор!</i>	<i>To je nesmysl, <u>kamaráde!</u></i>
<i>голубчик мой!</i>	<i>---</i>
<i>дорогой мой; (Капитола 18.)</i>	<i>Můj milý</i>
<i>Садитесь, <u>гордая женщина!</u></i>	<i>Sedněte si, <u>vy hrdá ženo.</u></i>
<i>Потребовать, потребовать, <u>моя донна</u> ... дорогая королева;</i>	<i>Neproste, ale žádejte, <u>pani</u> ... drahá královno</i>
<i>Куда прикажете, <u>моя дорогая донна</u>, девать вашу свиту? (Капитола 23.)</i>	<i>... kam poručíte umístit vaši svitu, <u>pani?</u></i>

- Тоже нет, - ответил Воланд, и голос его сгустился и потек над скалами, - <u>романтический мастер!</u> ... о, трижды романтический мастер ... (Kapitola 32.)	„Také ne,“ odpověděl Woland a jeho hlas sílil a nesl se nad skalami. „Romantiku! Copak vy, nenapravitelný romantik ...
<u>симпатичнейший Степан Богданович, дражайший Степан Богданович</u> (Kapitola 7.)	<u>nejmilejší Stěpane Bogdanoviči</u> <u>drahý Stěpane Bogdanoviči</u>
<u>почтеннейший, милейший барон Майгель</u> (Kapitola 18.)	<u>Vážený</u> <u>náš drahý baron Maigel</u>
<u>Милейший барон Майгель, почтеннейшего барона Майгеля</u> (Kapitola 23.)	<u>А, náš drahý baron Maigel</u> <u>váženého barona Maigela</u>

Jak jsme uvedli již výše, v syntaktické rovině se mluva Wolanda vyznačuje především velkým množstvím **modálních vět**, které A. Morávková zcela zachovává. Při překladu **vět s příznakovým slovosledem** se překladatelka často dopouští kalkování ruské větné stavby.

<u>Над вами потешаться будут.</u>	<u>Vysmějou se vám.</u>
<u>И мне жаль! - подтвердил неизвестный, сверкая глазом, и продолжал: - Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?</u> Kapitola 1.	„Také toho velice lituji,“ ujistil ho neznámý, šlehl po něm pohledem a pokračoval: „Znepokojuje mě jedna otázka: jestliže Bůh neexistuje, kdo tedy, ptám se, řídí životy lidí a vůbec koloběh věci pozemských?“
... они - люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...	„lidé jsou lidé... Mají rádi peníze, ale to bylo vždycky... Lidstvo miluje peníze, ať jsou vyrobeny z čehokoliv: z kůže, papíru, z mědi nebo ze zlata. Jsou lehkomyšní... to ano... ale i milosrdenství někdy zaklepe na jejich srdce... Jsou to obyčejní lidé... Mimochodem, připomínají své předky, jenomže je zkazil bytový problém...
Kapitola 12.	
<u>Ни слова больше!</u>	<u>Nechci slyšet ani slovo!</u>
Kapitola 18.	
<u>Странно ведут себя красавицы, - заметил Воланд.</u>	„Podivně si vedou krasavice,“ poznamenal tiše Woland.
<u>Сообщают о них всегда какие-то девушки, невнятно произносящие названия мест.</u> Kapitola 22.	<u>Hlasatelky neuvěřitelně komolí místní jména a pak každá třetí šišlá, jako by schválně vybírali šišlavé.</u>
<u>Единственно, чего боялся храбрый пес, это грозы.</u> Kapitola 32.	<u>Bál se vždycky jen bouřky.</u>

V některých případech překladatelka příznakový slovosled originálu vhodně neutralizuje.

<i>Извините меня, что я в пылу нашего спора забыл представить себя вам.</i>	<i>Promiňte, že jsem se v zápalu naší debaty zapomněl představit</i>
Капитола 3.	
<i>Не беспокойтесь, Степан Богданович, - отозвался голос, но не Грунин, а гостя из спальни, -- кот этот мой</i>	<i>„Uklidněte se, Stěpane Bogdanoviči,“ zaskřehotal místo Gruni hostův hlas z ložnice. „To je můj kocour.</i>
<i>И ровно час, как я дожидаясь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять</i>	<i>Přesně hodinu čekám, až se probudíte. Pozval jste mě na deset hodin, tak jsem tu!</i>
Капитола 7.	
<i>У вас сколько имеется сбережений?</i>	<i>Máte nějaké úspory?</i>
Капитола 18.	
<i>Итак, как чувствуете вы себя?</i>	<i>Jak se cítíte?</i>
Капитола 23.	

Za závažný prohřešek vůči české syntaxi považujeme výpověď.

<i>А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!</i>	<i>Jeseter druhé jakosti znamená, že je zkažený!</i>
Капитола 18.	

- **Оповторение** stejných lexémů za účelem posílení platnosti obsahu výpovědi překladatelka zdařile redukuje nebo nahrazuje.

<i>Бывал, бывал и не раз! - вскричал он, смеясь, но не сводя несмеющегося глаза с поэта, - где я только не бывал!</i>	<i>„Byl, a ne jednou!“ řehotal se nahlas a přitom pokukoval po básníkovi jedním okem, které zůstalo vážné. Kde já všude nebyl!</i>
Капитола 1.	
<i>Пожалуйста, пожалуйста</i>	<i>Prosím, račte!</i>
Капитола 7.	
<i>Ах, ну да, ну да!</i>	<i>Ach tak?</i>
Капитола 18.	
<i>Как угодно, как угодно, - ответил Воланд, а Азazelло сел на свое место.</i>	<i>„Jak si přejete,“ uklidňoval ji Woland a Azazelo usedl na svoje místo.</i>
<i>Потребовать, потребовать, моя донна, - отвечал Воланд, понимающе улыбаясь, - потребовать одной вещи!</i>	<i>„Neproste, ale žádejte, pani,“ ubezpečil ji Woland s chápavým úsměvem, „chci od vás slyšet: Mám to a to přání...“ Nevhodný způsob odstranění opakování, odchylka od originálu</i>
<i>О чем, о чем? О ком?</i>	<i>O čem? O kom?</i>
Капитола 23.	
<i>Но ты смотри, смотри, - слышался суровый голос Воланда с коня, - без членовредительских итук!</i>	<i>„Dej pozor,“ ozval se mág přísně z koně, „ať někomu nezpůsobíš újmu na zdraví.“</i>
Капитола 31.	
<i>По этой дороге, мастер, по этой.</i>	<i>Touto cestou!</i>
Капитола 32.	

Pouze v několika větách případy opakování zůstávají zachovány.

<i>Именно, именно, - закричал он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, засверкал ...</i>	<i>„Správně, správně!“ vykřikl emfaticky a zablýskl levým, zeleným okem, obráceným k Berliozovi.</i>
Капитола 1.	
<i>Один, один, я всегда один, - горько ответил профессор.</i>	<i>„Sám, jsem vždycky sám,“ postěžoval si trpce profesor.</i>
Капитола 3.	
<i>О, конечно, конечно!</i>	<i>Samozřejmě, samozřejmě!</i>
Капитола 7.	
<i>Свежесть, свежесть и свежесть, вот что должно быть девизом всякого буфетчика.</i>	<i>Pamatujte si: jakost, jakost a ještě jednou jakost! To by mělo být heslo každého vedoucího bufetu.</i>
Капитола 18.	

Shrnutí

Většina lexikálních a syntaktických jevů charakteristických pro jazykové pásmo Wolanda byla zachována. Knižní a archaické výrazy byly částečně neutralizovány, ale jejich poměr vůči ojedinelým výrazům hovorovým zůstal stejný. Překladatelka vhodně neutralizovala deminutiva a redukovala citoslovce. Frazémy byly velmi zdařile přeloženy ekvivalentními prostředky.

K nedostatkům tohoto překladu můžeme přiřadit například zmírnění kontrastu mezi Wolandovým jazykovým jednáním s obyčejnými Moskvany a osobami blízkými.

V syntaktické rovině se vhodně zachovává modalita, a proto zkoumané jazykové pásmo neztrácí svou emocionalitu. Za velmi závažný prohřešek považujeme časté kalkování ruské stavby vět.

A. Morávková se snaží držet blízko originálu, a proto v překladu, jak na rovině lexikální, tak i na rovině syntaktické, je častý výskyt ne zcela správných výpovědí patrně ovlivněných ruštinou. Ať už kvůli doslovnému překladu, nebo kvůli nepříliš vhodně zvoleným českým výrazům, v daném jazykovém pásmu relativně často vznikají nesrozumitelné věty nebo dochází k nežádoucí dvojznačnosti:

<i>... <u>рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского...</u> (Historismus)</i>	<i>Ve zdejší státní knihovně byly objeveny původní <u>rukopisy kouzelníka Herberta z Aurillacu z desátého století.</u> Vhodnější překlad „černokněžník“</i>
Капитола 1.	
<i>- И свита эта требует <u>места</u>, - продолжал Воланд, - так что кое-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний - именно вы!</i>	<i>„Svita <u>potřebuje místo,</u>“ pokračoval mág, „a proto někdo z nás v tomto bytě je <u>prebytečný.</u> Podle mého názoru jste to vy.“ Kalkování, kvůli kterému vzniká významový posun</i>
Капитола 7.	
<i>Я? - воскликнул в изумлении маг, -</i>	<i>„<u>Я?</u>“ zvolal překvapeně mág. „<u>Prosím vás! Copak.</u>“</i>

<i>помилосердствуйте. Мне это даже как-то не к лицу!</i>	<i>na to vypadám?" Snížení stylové platnosti</i>
<i>- Ай-яй-яй! - воскликнул артист, - да неужели ж они думали, что это настоящие бумажки?</i>	<i>„Ale ale!" zvolal kouzelník. „Copak si opravdu mysleli, že to jsou peníze? Nesrozumitelný, dvojznačný výklad</i>
<i>- Ну, конечно, это не сумма, - снисходительно сказал Воланд своему гостю, - хотя, впрочем, и она, собственно, вам не нужна. Вы когда умрете?</i>	<i>„To sice nejsou velké peníze," prohodil pohrdavě Woland k svému hostu, „ale když zvážíme, že je vlastně nepotřebujete... Kdy hodláte umřít?" Přiliš doslovným překladem vzniká významový posun</i>
Капитола 18. <i>...прекрати эту словесную пачкотню.</i>	<i>Kdo má poslouchat tu tvou slátaninu?</i> Пřekladatelka zvolila nevhodný lexém, věta je nesrozumitelná
<i>Вот, например, видите этот кусок земли, бок которого моет океан?</i>	<i>Тřeba tuhle, vidíte ten cípek země omývaný z jedné strany mořem? Zanedbatelná záměna pojmů</i>
<i>Он на редкость беспристрастен и равно сочувствует обеим сражающимся сторонам.</i>	<i>Abaddonna je naprosto nestranný a pomáhá stejnou měrou oběma bojujícím táborům. Nesprávný překlad, výpověď dostává zcela jiný význam</i>
<i>- Странно ведут себя красавицы, - заметил Воланд.</i>	<i>„Podivně si vedou krasavice," poznamenal tiše Woland. Významový posun způsobený kalkováním</i>
Капитола 22. <i>Потребовать, потребовать, моя донна, - отвечал Воланд, понимающе улыбаясь, - потребовать одной вещи!</i>	<i>„Neproste, ale žádejte, pani," ubezpečil ji Woland s chápavým úsměvem, „chci od vás slyšet: Mám to a to přání..." Nevhodný způsob odstranění opakování, odchylka od originálu</i>
<i>- Простите, не поверю, - ответил Воланд, - этого быть не может. Рукописи не горят.</i>	<i>„Nezlobte se, ale nevěřím vám," namítl mág, „každý ví, že rukopisy obvykle dobře nehoří." Závažná chyba! Mění se obsah sdělení: jeho trvalá platnost výpovědi se nahrazuje přechodnou</i>
Капитола 24. <i>... не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость ...</i>	<i>„Sotva ses objevil na střeše, už jsi provedl hloupost. Vhodnější překlad: „řekl“</i>
<i>- Распоряжений никаких не будет - вы исполнили все, что могли, и более в ваших услугах я пока не нуждаюсь. Можете отдыхать. Сейчас придет гроза, последняя гроза, она довершит все, что нужно довершить, и мы тронемся в путь.</i>	<i>Žádné příkazy nemám. Splnili jste všechno, co jste mohli. Nepotřebuju víc vašich služeb. Jste volní. Můžete si odpočinout. Brzy se přizene poslední bouře a vydáme se na cestu. Překladatelka vynechává větu, která je vzhledem ke kontextu důležitá</i>
Капитола 29. <i>Пришлось мне вас побеспокоить, Маргарита Николаевна и мастер ...</i>	<i>„Omlouvám se, že jsem vás obtěžoval, Markéto Nikolajevno, i vás, Mistrě ... Nevhodný posun času, mění se význam věty</i>
Капитола 31. <i>- Ну что же, - обратился к нему Воланд с высоты</i>	<i>„Tak co," oslovil ho Woland zvyše svého koně,</i>

<i>своего коня, - все счета оплачены?</i>	<i>„účty jsou v pořádku? Nevhodný výraz – snížení stylové platnosti</i>
Kapitola 31.	

Překlad zkoumaného jazykového pásma i přes zmíněné odchylky subjektivně hodnotíme jako velmi zdařilý, jelikož vcelku vystihuje povahu a jazykové jednání postavy Wolanda.

02. Korovjev (Fagot)

V překladu A. Morávkové zůstává jméno této postavy nepozměněno. Takové řešení se nám jeví jako velice logické, v daném případě nejde o větší významovou zátěž: na otázku Nikonora Ivanoviče „Да вы кто такой будете? Как ваша фамилия?“ Korovjev odpovídá „Фамилия моя, - ничуть не смущаясь суровостью, отозвался гражданин, - ну, скажем, Коровьев.“. Дémon tedy nejspíše volí jméno, které je dost běžné a nenápadné, ale v podstatě první, které ho napadne. Ačkoliv jméno Korovjev v češtině není běžné, vzhledem k jazyku originálu je tato volba zřejmě nejlepší.

Jazykové pásmo Korovjeva obsahuje velké množství nespisovných výrazů a celkový tón této postavy je často familiární. Korovjevovo vyjadřování působí komickým dojmem a pouze s Wolandem a Markétou se démonova mluva mění: frekvence nespisovných prostředků klesá a začínají se objevovat i složitá souvětí.

- **Hovorové výrazy** nepříliš typické pro toto jazykové pásmo překladatelka buď neutralizuje, nebo zachovává, v daném případě není relevantní, kterou cestu si zvolí.

Příklady neutralizace hovorových lexémů:

<i>Ежели он преступник, то <u>первым делом</u> следует кричать: "<u>Карарул!</u>"</i>	<i>Jestli je to zločinec, zavolejte policii, než vám uteče.</i>
Kapitola 4.	
<i><u>Без церемоний!</u></i>	<i><u>Jen žádné formality, jako doma ...</u></i>
Kapitola 9.	

Příklady zachování hovorových lexémů:

<i>Ничего не может быть гаже, чем когда приехавший первым гость мыкается, не зная, что ему предпринять, а его законная <u>мегера</u> шепотом пилит его за то, что они приехали раньше всех.</i>	<i>Není nic trapnějšího, než když první host pobíhá sem tam a neví, co dělat, a <u>jeho zákonná fúrie</u> ho pronásleduje výčitkami za to, že přijeli dřív než ostatní.</i>
Kapitola 22.	

- Вětšinu výrazů **hovorových nespisovných (просторечных)** A. Morávková neutralizuje, tím se celkové vyznění Korovjevova jazykového pásma výrazně proměňuje.

Пříklady neutralizace hovorových nespisovných lexémů:

<i>Прямо, и выйдете куда надо.</i>	<i>Běžte rovně a hned tam jste.</i>
<i>С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту!</i>	<i>Za to bych měl od vás dostat na skleničku ... ať si starý regenschori <u>spraví náladu!</u></i>
Капитола 3.	
<i>Ежели он преступник, то первым делом следует кричать: "Караул!"</i>	<i>Jestli je to zločinec, zavolejte milici, než vám uteče.</i>
Капитола 4.	
<i>А вы <u>поройтесь</u> у себя в портфеле, Никанор Иванович, - сладко предложил Коровьев.</i>	<i>„<u>Prohleďte si</u> aktovku, Nikanore Ivanoviči!“ poradil mu medovým hlasem Korovjev.</i>
<i>Кота, ежели угодно, могу показать, - предложил Коровьев.</i>	<i>„<u>Kdybyste si přál</u>, můžu vám ukázat kocoura,“ navrhol.</i>
<i>Вот вам телефон, Никанор Иванович, и немедленно <u>увязывайте</u>.</i>	<i>Tady je telefon, můžete hned <u>jednat!</u></i>
Капитола 9.	
<i>Иван Савельевич? - радостно вскричала трубка, - страшно <u>рад</u> слышать ваш голос!</i>	<i>„Ivan Saveljevič?“ zvolal radostně hlas ve sluchátku. „<u>Těší mě, že vás slyším.</u>“</i>
<i>Колода эта <u>таперича</u>, уважаемые граждане, находится в седьмом ряду у гражданина Парчевского, как раз между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу <u>об</u> уплате алиментов гражданке Зельковой.</i>	<i>Naše sada karet se v <u>současné chvíli</u>, vážení, nachází v sedmé řadě u občana Parčevského. Leží mezi třírublovkou a soudní obsílkou, <u>vyzývající k</u> urychlenému zaplacení alimentů občance Zelkovové.</i>
<i><u>Катитесь отсюда!</u></i>	<i><u>Jděte ...</u></i>
Капитола 10.	
<i>Пусть первый попавшийся палач, хотя бы один из тех, которые сегодня, немного позже, будут иметь честь приложиться к вашему колену, на этой же тумбе <u>оттяпает</u> мне голову, если это так.</i>	<i>Ať mi první kat, který se tu namane, třeba jeden z těch, kteří dnes o něco později budou mít tu čest líbat vaše koleno, na tomhle stojanu <u>usekne</u> hlavu, <u>jestli lžu!</u></i>
<i>Ничего не может быть <u>гаже</u>, чем когда приехавший первым гость <u>мыкается</u>, не зная, что ему предпринять, а его законная мегера шепотом <u>пилит</u> его за то, что они приехали раньше всех.</i>	<i>Není nic <u>trapnějšího</u>, než když první host <u>pobíhá sem tam</u> a neví, co dělat, a jeho zákonná fúrie ho <u>pronásleduje výčitkami</u> za to, že přijeli dřív než ostatní.</i>
Капитола 22.	
<i>... бедный человек целый день <u>починяет примуса</u>; он проголодался... а откуда же ему взять валюту?</i>	<i>Tady ten ubožák,“ hlas mu přeskakoval a prstem ukázal na Kňoura, který se zatvářil lítostivě, „celý den <u>spravuje vaříče</u>, má hlad... Kdepak vezme chudák dolary?“</i>
Капитола 28.	

Пříklady zachování hovorových nespisovných lexémů:

<i>Они, они! - козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о</i>	<i>„<u>Они, они!</u>“ zamečel kozím hláskem kostkovaný a <u>bůhvíproč</u> Sťopovi onikal. „<u>Vůbec poslední dobou</u>“</i>
--	---

<i>Стене, - вообще они в последнее время жутко свинячат. (o Lichodějevovi, onikání)</i>	<i>pěkně uvádějí.</i>
Kapitola 7.	
<i>Я сам рассеян до ужаса.</i>	<i>Já sám jsem roztržitý až hrůza!</i>
<i>Вот они где у меня сидят, эти интуристы!</i>	<i>Mám už těch cizinců až potad' ...</i>
<i>... верите ли, всю душу вымотали!</i>	<i>Věřte, už jsem z toho celý tumpachový.</i>
Kapitola 9.	
<i>Поздравляю вас, гражданин, соврамиш!</i>	<i>Blahopřeju, pane Prášile!</i>
<i>Ты будешь в дальнейшем молоть всякую чушь?</i>	<i>Budeš ještě takhle nemožně žvanit?</i>
Kapitola 10.	

- **Вýразы typické pro administrativní styl** překladatelka zdařile převádí do češtiny.

<i>Считаю долгом сообщить, что наш председатель жилтоварищества дома номер триста два-бис по Садовой, Никанор Иванович Босой, спекулирует валютой. В данный момент в его квартире номер тридцать пять в вентиляции, в уборной, в газетной бумаге четыреста долларов. Говорит жилец означенного дома из квартиры номер одиннадцать Тимофей Квасцов. Но заклинаю держать в тайне мое имя. Опасаюсь мести вышеизложенного председателя.</i>	<i>Považuji za svou povinnost ohlásit, že náš předseda domovní správy v domě číslo 302b v Sadové ulici Nikanor Ivanovič Bosý spekuluje s cizími valutami. V dané chvíli se nachází v jeho bytě číslo 35 ve světlíku čtyři sta dolarů zabalených v novinovém papíře. U telefonu nájemník zmíněného domu z bytu číslo 11 Timofej Kvascov. Ale zapřísahám vás, abyste mě nejmenovali. Bojím se, že se mi dotyčný bude mstít.</i>
Kapitola 9.	
<i>... между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу об уплате алиментов гражданке Зельковой.</i>	<i>Leží mezi třírublovkou a soudní obsílkou, vyzývající k urychlenému zaplacení alimentů občance Zelkové.</i>
<i>Зрительская масса, - перебил Семплеярова наглый гаер, - как будто ничего не заявляла?</i>	<i>„Divácká masa,“ vskočil mu do řeči drzý šantala, „nic takového, pokud vím, nežádala.“</i>
Kapitola 10.	

- **Сизоязычные вýразы** A. Морávková přepisuje dle pravidel příslušného jazyka.

<i>Эйн, цвей, дрей!</i>	<i>ein, zwei, drei!</i>
Kapitola 9., 10.	
<i>авек плезир;</i>	<i>Avec plaisir!</i>
<i>Уй, мадам! (ve smyslu Oui – fr. Ано)</i>	<i>Oui, madame</i>
Kapitola 10.	

- **Terminologické вýразы** překladatelka zachovává.

<i>То ли бывает, то ли бывает, Никанор Иванович! - затрещал Коровьев, - рассеянность, рассеянность, и</i>	<i>„То se stává, то se stává, Nikanore Ivanoviči!“ drmolil Korovjev. „Roztržitost, vyčerpání, zvýšený</i>
---	---

<i>переутомление, и повышенное кровяное давление, дорогой наш друг Никанор Иванович!</i>	<i>tlak, drahý příteli!</i>
Капитола 9.	
<i>Нет, не могу больше! Пойду приму триста капель эфирной валерьянки!</i>	<i>Ne, já už nemůžu! Půjdu, vezmu si tři sta valeriánských kapek a čichnu si éteru...</i>
<i>Ну да, неизвестно, - слышался все тот же дрянной голос из кабинета, - подумаешь, бином Ньютона!</i>	<i>„Hm, že neví?“ zavřeštěl odporně nakřáplý hlas z pracovny. „Představte si Newtonovu binomickou řadu!“</i>
Капитола 18.	
<i>В сердце он попадает, - Коровьев вытянул свой длинный палец по направлению Азazelло, - по выбору, в любое предсердие сердца или в любой из желудочков.</i>	<i>„Ach ano, u srdce... Což o to, náš Azazelo míří rovnou do srdce,“ a zakýval na něj kostnatým ukazovákem, „kam si přejete - do předsíně, do levé či pravé komory...“</i>
Капитола 23.	
<i>Если на эти нежные тепличные растения не нападет какой-нибудь микроорганизм, не подточит их в корне, если они не загниют!</i>	<i>Jen aby ty něžné skleníkové rostlinky nenapadl nějaký mikroorganismus, nenahlodal jim kořínky a ony neshnily!</i>
Капитола 28.	

- **Zdrobněliny** překladatelka systematicky odstraňuje.

<i>с синей каемочкой платок;</i> <i>Да это кто-то новенький</i>	--- <i>Tohle je někdo nový</i>
Капитола 22.	
<i>документик</i>	<i>Legitimace</i>
Капитола 23.	
<i>Вы... э... дайте нам вообще закусочку... э...</i>	<i>Předkrm</i>
Капитола 28.	

- **Вýразы кни́žní, zastaralé, archaismy a historismy** autorka překladu převážně neutralizuje.

Пříklady neutralizace knižních a archaických lexémů:

<i>А вашему товариществу, Никанор Иванович, полнейшая выгода и очевидный профит. (zastaralý výraz)</i>	<i>Vaše domovní správa na tom může jedině vydělat.</i>
Капитола 9.	
<i>Пойду лягу в постель, забудусь сном, - и тут он исчез из передней. (Кни́žní výraz)</i>	<i>Půjdu, lehnu si a pokusím se usnout, abych na to zapomněl.</i>
Капитола 18.	

<i>Сторицеї</i> будет вознаграждена за это хозяйка бала! (Archaismus)	Čeká vás hojná odměna.
Капитола 22.	
Я сам было принял его за рассеянного <u>приват-доцента</u> или влюбленного, томящегося на лестнице, но нет, нет! (Historismus)	Já jsem ho zpočátku měl za roztržitého <u>soukromého docenta</u> nebo zamilovaného mladíka, který čeká a vyhlíží svou vyvolenou.
Капитола 23.	
Он <u>истомлен</u> голодом и жаждой! (Archaismus)	Je hladový, žíznivý, a navíc je vedro.
Да, - продолжал Коровьев, - удивительных вещей можно ожидать в парниках этого дома, объединившего под своею <u>кровлей</u> несколько тысяч <u>подвижников</u> , решивших <u>отдать беззаветно</u> свою жизнь <u>на служение</u> Мельпомене, Полигимнии и Талии. (Archaismy a knižní výrazy)	„Ано,“ pokračoval Korovjev, „když uvážíte, jaké vzácné výhonky literatury vyraší v pařeništích tohoto domu, který sdružuje pod svou <u>střechou</u> několik tisíc <u>obětavců</u> , kteří se rozhodli prožít svůj život <u>ve službách</u> Melpomeny, Polyhymnie a Thálie.
Капитола 29.	

Пříklady zachování knižních a archaických lexémů:

Я, <u>изволите ли</u> видеть, <u>состою</u> переводчиком при особе иностранца, <u>имеющего резиденцию</u> в этой квартире... (Knižní a archaické výrazy)	<u>Ráčíte-li</u> vědět, <u>působím</u> jako tlumočník cizího státního příslušníka, který <u>má rezidenci</u> v tomhle bytě ...
Капитола 9.	
Никогда не <u>делайте</u> этого, <u>драгоценнейший страж!</u> (Archaismus)	To nikdy <u>nedělejte</u> , <u>vážený kustode</u> .
Капитола 28.	

- **Пřírovnání** А. Морávková překládá velmi přesně.

Правда, через несколько часов ему начинало очень сильно хотеться пить, затем он ложился в постель, и через день прекрасная неаполитанка, накормившая своего мужа супом, была <u>свободна, как весенний ветер</u> .	Pravda, za pár hodin ho popadla hrozná žízeň, ulehл do postele a za dva dny půvabná Neapolitánka, která podala muži takovou polévku, byla <u>volná jako ptáče</u> .
Капитола 22.	

<i>И вот они уж свистят, как соловьи весной в лесу, тревожат милицию, отрывают ее от дела.</i>	<i>A tihle už hned hvízdají jako Slavíci loupežníci, burcuji milici a vytrhují ji z práce.</i>
Kapitola 28.	

- **Frazémy** překladatelka interpretuje velmi správně a výrazy se slovem „čert“ vhodně nahrazuje nefrazeologickými jednotkami.

<i>...ни черта не делают...;</i> <i>начальству <u>втирают очки</u>...</i>	<i>flákají se a <u>nic nedělají</u></i> <i>Nadřízené <u>vodí hezky za nos!</u></i>
Kapitola 7.	
<i>... <u>черт знает где</u>;</i> <i>капризен, как <u>черт знает что</u>;</i> <i><u>Вот они где у меня сидят, эти интуристы!</u> всю</i> <i><u>душу вымотали</u>;</i> <i>... <u>за деньгами он не постоит</u>...;</i> <i>... <u>денежка счет любит</u> ...;</i> <i>... <u>свой глазок – смотрок</u>...</i>	<i>Ted' už si to žene ve vlaku, <u>kdepak je mu konec!</u></i> <i>Říkám vám, <u>je rozmarný až hrůza!</u></i> <i><u>Mám už těch cizinců až potad'</u></i> <i>Věřte, už jsem z toho celý <u>tumpachový</u>.</i> <i><u>Jemu nezáleží na penězích</u></i> <i><u>dobré účty dělají dobré přátele.</u></i> <i><u>nekupuj nikdy zajíce v pytli</u></i>
Kapitola 9.	
<i>Нет, <u>не в силах, нет мочи</u> ...</i>	<i>Ne, <u>nemůžu, nemám sílu</u></i>
Kapitola 18.	
<i>... <u>чует сердце</u> ...;</i> <i><u>В этом-то вся и соль!</u></i>	<i><u>cítím to v zádech</u></i> <i><u>v tom je právě ten vtíp!</u></i>
Kapitola 23.	

- **Citoslovce** jsou většinou přeloženy, překladu lze vytknout snad jen častý výskyt citoslovce „ach“.

Příklady odstranění/nahrazení citoslovcí:

<i>Правая нога - <u>хрусть</u>, пополам! Левая - <u>хрусть</u>, пополам!</i>	<i>Pravá noha - <u>vejpuř</u>, levá taky, jen to křaplo!</i>
Kapitola 18.	
<i>Среди гостей будут различные, <u>ох</u>, очень различные ...</i>	<i>Mezi hosty budou různé, <u>ano</u> nejrůznější veličiny.</i>
Kapitola 22.	
<i>Ах, как приятно ужинать вот этак, при камельке, запросто ...</i>	<i><u>To je rozkoš</u>, večeřet takhle u krbu, v úzkém kroužku ...</i>

Капитола 23.	
--------------	--

Пříklady zachování citoslovcí:

<i>Ба! Никанор Иванович</i>	<i>No ne! Nikanore Ivanoviči!</i>
<i>Эх, Никанор Иванович!</i>	<i>Ach, Nikanore Ivanoviči ...</i>
Капитола 9.	
<i>Госпожа Минкина, ах, как хороша!</i>	<i>Pani Minkinová... Ach, jak je půvabná!</i>
Капитола 22.	
<i>Все кусается, - вздохнув, заметил Коровьев, - эх, эх...</i>	<i>„To je ale drahota,“ posteskl si, „<u>ach jo</u>...“</i>
<i>Ба! Да ведь это писательский дом.</i>	
<i>Вы... э... дайте нам вообще закусочку... э...</i>	<i>Jéje! Tohle je přece dům literátů!</i>
	<i>Hm... ehm... dejte nám nějaký předkrm... ehm...</i>
Капитола 28.	
<i>И вдруг - <u>трах, трах!</u> - подхватил Коровьев, - <u>выстрелы!</u></i>	<i>„A vtom <u>prásk!</u> ozvaly se <u>výstřely,</u>“ pokračoval Korojjev.</i>
Капитола 29.	

- **Образная выјádření** nejsou typická pro Korojjevovo řečové pásmo, a proto způsob jejich přeložení, pokud není chybný, nemá na celkové vyznění mluvy této postavy žádný větší vliv.

<i>... сейчас волна начнет спадать...;</i>	<i>brzy začne vlna opadávat</i>
<i>Я слышу в этой <u>гробовой тишине</u>, как скрипят его лакированные туфли и как звенит бокал ...</i>	<i>Už slyším <u>ve všeobecném tichu</u>, jak mu vrzají lakýrky a jak zazvonila číše šampaňského ...</i>
	Nevhodný výraz
Капитола 22.	
<i>Что-то сосало мое сердце!</i>	<i>Pak mi <u>začal hlodat v srdci červ pochybnosti</u></i>
<i>А то ведь фортуна может и ускользнуть.</i>	<i>Nebo vám <u>štěstí vyklouzne z rukou</u>.</i>
Капитола 23.	
<i>Если на эти нежные тепличные растения не нападет какой-нибудь микроорганизм, не подточит их в корне, если они не загниют! Почем вы знаете, какие замыслы роятся у меня в голове?</i>	<i>Jen aby ty <u>něžné skleníkové rostlinky</u> nenapadl nějaký mikroorganismus, nenahlodal jim kořínky a ony neshnily!</i>
Капитола 28.	

- Řečové pásmo Korojjeva obsahuje velké množství jednoduchých, popř. parcelovaných vět, a to je v překladu zcela dodrženo. Při překladu **vět s příznakovým slovosledem** se překladatelka snaží držet blízko textu originálu, a proto občas kalkuje ruskou větnou stavbu.

<i>Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено.</i>	<i>Chlastají, mají plotky s ženskými a přitom využívají svého postavení, flákají se a nic nedělají, ani nemůžou, protože houby rozumějí tomu, co mají spravovat.</i>
Капитола 7.	
<i>К ней камеристка приставлена, - пояснил Коровьев, - и тридцать лет кладет ей на ночь на столик носовой платок.</i>	<i>„Má komornou,“ vysvětloval Korovjev, „a ta jí třicet let klade před spaním na stolek kapesník.</i>
<i>Я слышу в этой гробовой тишине, как скрипят его лакированные туфли и как звенит бокал, который он поставил на стол, последний раз в этой жизни выпив шампанское.</i>	<i>Už slyším ve všeobecném tichu, jak mu vrzají lakýrky a jak zazvonila číše šampaňského, kterou právě postavil na stůl, poslední v jeho životě.</i>
Капитола 22.	

- **Опакování** jsou v překladu převážně odstraněna nebo nahrazena.

<i>... рассеянность, рассеянность, и переутомление, и повышенное кровяное давление, дорогой наш друг Никанор Иванович!</i>	<i>„Roztržitost, vyčerpání, zvýšený tlak, drahý příteli!</i>
Капитола 9.	
<i>Помощник, помощник его и переводчик Коровьев, - трещала трубка, - весь к вашим услугам, милейший Иван Савельевич!</i>	<i>„U telefonu Wolandův asistent a tlumočnick Korovjev,“ vřeštělo sluchátko. „K službám, drahý Ivane Saveljeviči.</i>
<i>Слушаюсь, слушаюсь.</i>	<i>Jak račte, prosím.</i>
Капитола 10.	
<i>... ничего не поделаешь, надо, надо, надо. Заметит, заметит в то же мгновение. Нужно полюбить его, полюбить, королева.</i>	<i>Nedá se nic dělat, je to nutné... Každý by si toho okamžitě všimil! Je zapotřebí, abyste si je všechny oblíbila, ano, královno!</i>
<i>Нет, мало, мало, - зашептал Коровьев, - он не будет спать всю ночь.</i>	<i>„To nestačí,“ zasykl Korovjev, „takhle celou noc nezamhouří oka.</i>
<i>Мало, мало, - шептал Коровьев, - смотрите налево, на первые скрипки, и кивните так, чтобы каждый думал, что вы его узнали в отдельности.</i>	<i>„To nestačí,“ špital znovu Korovjev, „mrkněte vlevo, na první housle, a kývněte, aby si každý z nich myslel, že zdravíte právě jeho.</i>
<i>Будут, королева, сейчас будут.</i>	<i>Přijdou co nevidět, královno, a bude jich dost.</i>
Капитола 22.	
<i>К счастью! К счастью! - зашептал Коровьев Маргарите, - смотрите, он уже приходит в себя.</i>	<i>„Střepy znamenají štěstí,“ zašeptal Korovjev Markétě. „Podívejte, už přichází k sobě.“</i>

Капитола 23.	
<i>Горько мне! Горько! Горько!</i> - завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе.	Člověk by nad tím brečel!" lamentoval jako družba na starodávné veselce.
Капитола 28.	
<i>Свистнуто</i> , не спору, - снисходительно заметил Коровьев, - действительно <i>свистнуто</i> , но, если говорить беспристрастно, <i>свистнуто</i> очень средне!	„Hvízdnul sis," poznamenal povýšeně Korovjev, „ale mám-li mluvit upřímně, bylo to tak na trojku!"
Капитола 31.	

Пříklady zachování opakování:

<i>То ли бывает, то ли бывает</i> , Никанор Иванович! - затрещал Коровьев, -	„ <i>To se stává, to se stává</i> , Nikanore Ivanoviči!" drmolil Korovjev.
<i>Да он уже уехал, уехал!</i>	<i>Už odjel, už odjel!</i>
Капитола 9.	
<i>Как же, как же ...</i>	<i>Jak by ne, jak by ne!</i>
Капитола 18.	
<i>Ничего, ничего, ничего!</i> - бормотал Коровьев у дверей комнаты с бассейном ...	„ <i>Nevadí, nevadí!</i> " bručel Korovjev u dveří místnosti, kde byl bazén.
<i>Нет, нет</i> , нельзя подумать об этом!	... <i>ne, ne</i> - ani nápad!
Капитола 22.	
<i>Верно, верно!</i> - кричал Коровьев, - <i>верно</i> , дорогая Маргарита Николаевна!	„ <i>Správně</i> ," zavřeštěl Korovjev, „ <i>velmi správně</i> , drahá Markéto Nikolajevno!
<i>Ничего, ничего, ничего</i> , - шептал Коровьев, извиваясь возле мастера, - <i>ничего, ничего...</i>	„ <i>Nevadí, nevadí</i> ," šeptal Korovjev a otáčel se kolem nemocného ...
Капитола 23.	
<i>Ну, почем знать, почем знать</i> , - ответил тот.	„ <i>Kdoví, kdoví</i> ," odpověděl.
Капитола 28.	

- **Вýчты а kumulace** překladatelka interpretuje velmi přesně.

<i>Слушаю. Как же. Непременно. Срочно. Всеобязательно. Передам ...</i>	„Rozkaz. Ovšemže vyřídím. Zajisté. Okamžitě. Můžete se spolehnout," odsekávalo sluchátko.
Капитола 9.	
<i>Потрясающе!</i> - затрещал Коровьев, - все очарованы, влюблены, раздавлены, сколько такта, сколько умения, обаяния и шарма!	„ <i>Báječně!</i> " zavřeštěl Korovjev. „ <i>Všichni byli okouzlení, ohromeni a zamilováni! Tolik taktu, grácie, půvabu a šarmu!</i> "

Shrnutí

V lexikální rovině se překlad oproti originálu vyznačuje mnohem menší expresivitou. Hovorové nespisovné výrazy - tak typické pro Korovjevovo řečové pásmo - A. Morávková vesměs neutralizovala. V důsledku takového překladatelského postupu se šaškův charakteristický výsměšný tón ztrácí a celková koncepce postavy se v překladu proměňuje.

Zkomolené cizojazyčné výrazy, které Korovjev pronáší s ruskou výslovností, překladatelka přepsala dle pravidel výchozího jazyka, čímž odstranila jejich příznakovost.

Neutralizace, příp. odstranění méně frekventovaných jevů v lexikálním pásmu této postavy, jako jsou archaické a knižní lexémy nebo zdobněliny, analyzované jazykové pásmo nedeformuje. Nepříliš časté frazémy překladatelka interpretovala velmi správně a ruské výrazy se slovem „čert“ vhodně nahradila nefrazeologickými jednotkami.

Výrazy typické pro administrativní styl a terminologické výrazy překladatelka do češtiny převedla zdařile.

V daném jazykovém pásmu relativně časté citoslovce zůstaly v překladu zachovány. Ve zkoumaném překladu je patrný nadměru častý výskyt citoslovce „ach“.

Zaznamenali jsme několik případů ne zcela vhodné interpretace některých ruských výrazů, uveďme zde několik příkladů:

<p>- Да он уже уехал, уехал! - закричал переводчик, - он, знаете ли, уж <u>катит</u>! Уж он черт знает где! - и тут переводчик замахал руками, как мельничными крыльями.</p>	<p>„Už odjel, už odjel!“ vykřikoval tlumočník. „Teď už <u>si to žene ve vlaku</u>, kdepak je mu konec!“ a zamával rukama jako křídly větrného mlýnu. Odchyłka od originálu, vlak nikde nebyl zmíněn a logicky nepatří do tohoto kontextu</p>
<p>Капитола 9. Ну да, неизвестно, - слышался все тот же дрянной голос из кабинета, - подумаешь, <u>бином Ньютона!</u></p>	<p>„Hm, že neví?“ zavřeštěl odporně nakřáplý hlas z pracovny. „Představte si <u>Newtonovu binomickou řadu!</u> Špatný výklad: v originálu sdělení znamená, že zjištění okolností smrti dotyčného není nijak složitým úkolem</p>
<p>Капитола 18. Все, что угодно, но только не невнимание. От этого они <u>захиреют</u>...</p>	<p>Všecko, co chcete, jenom ne lhostejnost, jinak nám hosté <u>budou chřadnout</u>... Příliš doslovným překladem vzniká nesrozumitelná věta: vhodnější je překlad <i>To by je zničilo</i>...</p>
<p>Я слышу в этой <u>гробовой тишине</u>, как скрипят его лакированные туфли и как звенит бокал ...</p>	<p>Už slyším <u>ve všeobecném tichu</u>, jak mu vrzají lakýrky a jak zazvonila číše šampaňského ... Nevhodně zvolený výraz</p>
<p>Капитола 22.</p>	

Překladačský zásah do syntaktické roviny jazykového pásma Korovjeva je mnohem méně dramatický: v souladu s originálem zde stále dominují jednoduché věty. Několikrát dochází k nežádoucímu kalkování ruské větné stavby. Četná opakování překladačka odstranila nebo příp. nahradila synonymními prostředky.

Vcelku překlad tohoto jazykového pásma subjektivně hodnotíme jako nevyhovující, a to kvůli výraznému zásahu do sémantické roviny díla.

03. Pilát Pontský

Pátý prokurátor Judeje je postavou, která se objevuje na několika rovinách románu: jednak je ústřední postavou Mistrova díla, jednak je jakoby skutečným účastníkem souběžného vyprávění o Jeruzalémských událostech. Jedná se o historicky doloženou osobnost, která se dopouští osudové chyby a je zmítán pochybnostmi.

Bývalý jezdec je osamělý a málomluvný. Dává stručné a výstižné pokyny svým podřízeným, občas používá výrazů z vojenské terminologie. Jeho vyjadřování vyvolává respekt a vyznačuje se knižností zvolených výrazů. Umístění a doba děje se v jeho řečovém pásmu odráží velkým počtem historismů.

- V tomto jazykovém pásmu vzácné **hovorové výrazy** překladačka zachovává.

<i>Верите ли, это <u>бредовое</u> сооружение Ирода, - прокуратор махнул рукою вдоль колоннады, так что стало ясно, что он говорит о дворце, - положительно сводит меня с ума.</i>	<i>Věř, že to <u>šílené</u> Herodovo monstrum," a mávl rukou podél sloupoví, takže bylo zřejmé, že miní palác, „mě doslova dohání k šílenství!</i>
<i>Сведения же заключаются в том, что кто-то из тайных друзей Га-Ноури, возмущенный <u>чудовищным</u> предательством этого <u>менялы</u>, сговаривается со своими сообщниками убить его сегодня ночью ...</i>	<i>Zmíněná zpráva tvrdí, že kdosi z tajných přátel Ješuových, rozhořčen <u>směnárníkovou obludnou</u> zradou, se smluvil se svými druhy, že ho dnes v noci zabijí.</i>
Капитола 25.	

- Ojedinelé **hovorové nespisovné (просторечных) výrazy** jsou neutralizovány.

<i>Вот, например, не <u>струсил</u> же <u>теперешний</u> прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в долине дев, когда яростные германцы чуть не <u>загрызли</u> Крысобоя-великана.</i>	<i>Dnešní správce Judeje a bývalý tribun legie nebyl například ani chvíli <u>zbabělý</u> tenkrát v Dívčím údolí, kde sveřepí Germáni div <u>neubili</u> obra Krysobijce.</i>
Kapitola 26.	

- **Knížní a archaické** výrazy překladatelka často neutralizuje kvůli absenci stylově identického ekvivalentu.

<i>О да, ты не похож на <u>слабоумного</u>, - тихо ответил прокуратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой, - так поклянись, что этого не было. (Zastarávající výraz)</i>	<i>„Ne, nepodobáš se <u>bláznu</u>,“ odpověděl tiše prokurátor a zlověstně se usmál. „Přísahej, že jsi to neučinil.“</i>
<i>Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Еришалаиме и других некоторых местах, то первый <u>отягощен</u> гораздо значительнее. (Knížní výraz)</i>	<i>Jestliže se Ješua, zcela nesporně pomatený člověk, provinil nejapnými výroky, které pobuřovaly lid v Jeruzalémě a na některých jiných místech, pak Bar-Rabban <u>má na svědomí</u> těžší provinění.</i>
<i>Так знай же, что не будет тебе, первосвященник, <u>отныне</u> покоя! (Knížní)</i>	<i>Abys věděl, velekněže, <u>od této chvíle</u> nebudeš mít klid!</i>
Kapitola 2.	
<i><u>Помилосердствуйте</u>, - улыбаясь, воскликнул прокуратор, - нет более безнадежного места на земле. (Knížní výraz)</i>	<i>„<u>Uznej</u>,“ zvolal s úsměvem prokurátor, „že není na zemi zoufalejší město!“</i>
Kapitola 25.	
<i>Ты, как я вижу, <u>книжный человек</u> ... (Archaismus)</i>	<i>Jsi, jak vidím, <u>vzdělaný člověk</u>.</i>
Kapitola 26.	

Všechny **dobové výrazy** zůstávají zachovány, popř. jsou zdařile interpretovány:

Тетрарх – tetrarch; сборщик податей - výběřčí daní; чернь – chudina; пехотный манипул - pěší manipul; попасть в мешок - radnout do léčky; кавалерийская турма - jezdecký oddíl; легат легиона - velitel legie; кесарь – César; прокуратор – prokurátor; Синедрион – synedrion; юродивый – potulný blázen (Kapitola 2.); ... клянусь вам пиром двенадцати богов, ларами клянусь ... - ... přísahám při hodokvasu dvanácti bohů a při všech penátech ... (Kapitola 25.); звездочет – hvězdopравce; хартия – svitek (Kapitola 26.)

- **Přirovnání** A. Morávková překládá výrazem, který, podle našeho názoru, neodráží popisovanou skutečnost, protože neevokuje představu štvance.

<i>Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя.</i>	<i>Dobří lidé se na něj sesypali jako psi na kořist.</i>
Капитола 2.	

- **Frazémy** jsou přeloženy velmi přesně.

<i>... она [жизнь] висит на волоске ...;</i> <i>... праздные зеваки в Еришалаиме ходили за тобою по пятам ...;</i> <i>... настал теперь мой час ...</i>	<i>Tvůj život beztak visí na vlásku.</i> <i>... zevlouni a zahaleči chodili v patách ...</i> <i>Ted' nadešel můj čas. Kaifáši!</i>
Капитола 2.	
<i>... на вас нет сухой нитки ...;</i> <i>... чтобы о них больше не было ни слуху ни духу</i>	<i>Na tobě není nitka suchá!</i> <i>... byla tajně pohřbena a všechny stopy zahlazeny.</i>
Капитола 25.	

- **Citoslovce** zůstávají v překladu zachovány, typické pro Pilátovo řečové pásmo zvolání „O, богу!“ je přeloženo doslova.

Пříklady odstranění/nahrazení citoslovcí:

<i>Q да, ты не похож на слабоумного ...</i> <i>Ну, хорошо.</i>	<i>Ne, nepodobáš se bláznu</i> <i>Dobrá ...</i>
Капитола 2.	
<i>Q, если бы не императорская служба!..</i>	<i>Kdybych nesloužil velkému císaři...</i>
Капитола 25.	

Пříklady zachování citoslovcí:

<i>... Q боги, боги, за что вы наказываете меня?</i> <i>Q, город Еришалаим!</i> <i>Q, боги мои!</i> <i>Q, боги, боги!</i> <i>Q нет!</i>	<i>Ó bohové, za co mě trestáte?</i> <i>Ó, tohle město Jeruzalém!</i> <i>Ó bohové!</i> <i>Ó bohové!</i> <i>Ó nikoliv!</i>
Капитола 2.	
<i>Q, боги!</i>	<i>Ó bohové!</i>
<i>Ах, в этом городе все вероятно!</i>	<i>Ach, ve zdejších městě je všechno pravděpodobné.</i>
Капитола 26.	

- **Образná vyjádření** jsou přeložena spíše neutrálně.

<i>Оцеплен сад, оцеплен дворец, так что и <u>мышь не проникнет ни в какую щель!</u></i>	<i>Zahrady i palác jsou střeženy, <u>ani myš tudy neproklouzne.</u></i>
<i>Теперь <u>полетит весть</u> от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору ...</i>	<i><u>Вышла зprávu</u>, ale nikoli místodržiteli do Antiochie, ani do Říma, ale přímo na ostrov Capri, samotnému imperátorovi!</i>
Капитола 2.	
<i>Я готов спорить, что через самое короткое время <u>слухи об этом поползут по всему городу.</u></i>	<i>Vsadím se, že za krátký čas <u>se podobná pověst rozšíří po celém městě.</u></i>
Капитола 26.	

Syntaktické jevy, které jsou typické pro Pilátovo řečové pásmo, např. modální věty, elipsy a absence složitých souvětí, zůstávají v překladu zachovány.

- **Пříznakový slovosled** autorka překladu většinou neutralizuje.

<i>Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо <u>разговаривать со мной.</u></i>	<i>Odved' ho a vysvětlí mu, jak se mnou má mluvit.</i>
Капитола 2.	
<i>Марк! - крикнул прокуратор, и кентурион вступил под колонны. – Нож его мне дайте.</i>	<i>„Marku!” zvolal prokurátor a centurio vystoupil na kolonádu. „Dej sem jeho nůž.”</i>
Капитола 26.	

V důsledku mezijazykové interference někdy vznikají chybné konstrukce.

<i>Это меня ты называешь добрым человеком?</i>	<i>„Ty mě oslovuješ „dobrý člověče“? Chyba v aktuálním větěném členění: v originálu důraz spadá na slovo „mě“.</i>
Капитола 2.	

- **Опакování** A. Morávková buď odstraňuje, popř. nahrazuje, nebo zachovává.

Пříklady odstranění/nahrazení opakování:

<i>О, боги, боги!</i>	<i>Ó bohové!</i>
Капитола 2.	
<i>Ах так, так, так, так</i>	<i>„Ach tak ... Hm...”</i>
Капитола 25.	
<i>Это интересно, интересно...</i>	<i>To je zajímavé...</i>
Капитола 26.	
<i>Боги, боги, - говорит, обращая надменное лицо к своему</i>	<i>„Ó bohové!” pronáší muž v bílém plášti a</i>

<i>спутнику, тот человек в плаще, - какая пошлая казнь!</i>	<i>obrací ke světu společníkovi povýšený obličej.</i>
Kapitola 32.	

Пříklady zachování opakování:

<i>Яду мне, яду!</i>	<i>Jed, jed...</i>
<i>Он еще повысил сорванный командами голос, выкликая слова так, чтобы их слышали в саду: - <u>Преступник!</u> <u>Преступник!</u> <u>Преступник!</u></i>	<i>Ted' zvýšil hlas, ztrhaný od povelů, a vykřikoval, aby ho slyšeli v zahradě: „<u>Je vinen!</u> <u>Je vinen!</u> <u>Je vinen!</u>”</i>
<i>Тесно мне, - вымолвил Пилат, - <u>тесно мне!</u></i>	<i>„<u>Je mi úzko,</u>” vypravil ze sebe, „<u>úzko je mi!</u>”</i>
Kapitola 2.	
<i>Фанатики, фанатики!</i>	<i>Fanatici, samí fanatici!</i>
Kapitola 25.	

- **Вýчты a kumulace** zůstávají zcela zachovány.

<i>Германцы <u>вцепились ему в шею, в руки, в ноги.</u></i>	<i>Germáni ho <u>popadli za krk, za ruce a za nohy.</u></i>
Kapitola 1.	
<i>Позвольте мне пока этого не говорить, тем более что <u>они</u> <u>случайны, темны и недостоверны.</u></i>	<i>Prozatím mi dovol, abych neprozradil pramen, tím spíš, že jde o <u>zprávy náhodné, nejasné a nespolehlivé.</u></i>
Kapitola 25.	

Shrnutí

Jak v lexikální, tak i v syntaktické rovině většina relevantních rysů Pilátova jazykového pásma zůstala zachována. Frekventované dobové výrazy překladatelka zdařile interpretovala, knižní a archaické výrazy neutralizovala spíše výjimečně. Citoslovce tolik typická pro vnitřní Pilátův monolog byla přeložena. Zvolání „*O, богу!*“ nebylo vynecháno.

Volba ne zcela vhodného výrazu při překladu přirovnání a volnější překlad obrazných vyjádření podle našeho názoru nezasahuje do celkového vyznění tohoto jazykového pásma.

V překladu jazykového pásma Piláta Pontského se však setkáváme s větším počtem významových odchylek, které ve větší či menší míře mohou vést ke špatné interpretaci postavy. Za největší zásah do významové roviny díla ovšem považujeme podání dialogu Piláta Pontského s Afraniem, viz níže:

<i>Он еще повысил сорванный командами голос, выкликая слова так, чтобы их слышали в саду: - <u>Преступник!</u> <u>Преступник!</u> <u>Преступник!</u></i>	<i>Ted' zvýšil hlas, ztrhaný od povelů, a vykřikoval, aby ho slyšeli v zahradě: „<u>Je vinen!</u> <u>Je vinen!</u> <u>Je vinen!</u>” Odchylka od originálu, vzniká zcela jiný význam</i>
--	---

<p>Капитола 2.</p> <p>Боги! - воскликнул Пилат, - да ведь <u>на вас</u> нет сухой нитки! Каков ураган? А? <u>Прошу вас</u> немедленно пройти ко мне. <u>Переоденьтесь, сделайте мне одолжение.</u></p>	<p>„Bohové!“ zvolal Pilát. „<u>Na tobě</u> není nitka suchá! Takový uragán! Okamžitě <u>běž dál</u> do vnitřních pokojů a <u>převleč se</u>. <u>Udělej mi tu radost.</u>“ Překladatelka zasahuje do významové roviny – v originálu si prokurátor s Afraniem vykaží. Prokurátor stále udržuje odstup, jakožto nadřízený velitele tajné služby, ale je k Afraniovovi velice zdvořilý.</p>
<p>Верите ли, это <u>бредовое</u> сооружение Ирода, - прокуратор махнул рукою вдоль колоннады, так что стало ясно, что он говорит о дворце, - положительно сводит меня с ума.</p>	<p>Věř, že to <u>šílené</u> Herodovo monstrum,” a mávl rukou podél sloupoví, takže bylo zřejmé, že míní palác, „mě doslova dohání k <u>šílenství!</u> V rámci jedné věty se opakuje slovo se stejným kořenem</p>
<p>Но эти праздники - маги, чародеи, волшебники, эти стаи богомольцев...</p>	<p>Ale <u>tyhle</u> svátky! Mágové, kouzelníci, čarodějové a stáda poutníků! Posun do hovorovosti</p>
Капитола 25.	

Syntaktické jevy relevantní pro Pilátovo řečové pásmo, např. modální věty, elipsy a absence složitých souvětí, zůstaly v překladu zachovány. Příznakový slovosled A. Morávková většinou neutralizovala.

Překlad tohoto jazykového pásma by mohl být ohodnocen jako celkem zdařilý, pokud ovšem nebude brán zřetel k výše zmíněným případům významové deformace.

04. Mistr

Mistrovo vyjadřování je velmi obrazné a emocionální. V jeho vyprávění o časech tvorby románu se poměrně často objevují deminutiva. Slovní zásoba této postavy je evidentně velmi široká, přesto lze říct, že dominují výrazy hovorové. V syntaktické rovině pozorujeme větší množství vět s nepravidelným slovosledem.

- **Hovorové výrazy** jsou v překladu často neutralizovány.

<u>Безобразие</u> , - осудил гость Ивана ...	„ <u>To je ale barbarství</u> ,“ odsoudil ho společník ...
<u>Ужасно не нравятся.</u>	<u>Ani trochu.</u>
Вызова врача, уколов и прочей <u>возни</u> не будет?	Nebudeme muset volat doktora, aby vám píchl injekci, a <u>nevzejde z toho zmatek?</u>
Сидите, как сами понимаете, в психиатрической лечебнице, а все <u>толкуете</u> о том, что его нет.	Víte dobře, že sedíte v psychiatrickém ústavu, a přitom <u>ještě tvrdíte</u> , že neexistuje.
И вы и я - сумасшедшие, что <u>отпираться!</u>	Vy i já jsme opravdu blázní, <u>co bychom si</u>

	<i><u>namlouvali.</u></i>
<i>У меня неожиданно завелся друг.</i>	<i><u>Získal jsem přítele.</u></i>
<i>Да, да, представьте себе, я в общем не склонен сходить с людьми, обладаю <u>чертовой</u> странностью: схожусь с людьми туго, недоверчив, подозрителен.</i>	<i>Ano, celkem vzato, jen velmi obtížně se sblížuji s lidmi, mám <u>jednu takovou zvláštnost</u>: jsem <u>nedůvěřivý a podezřivý.</u></i>
<i>Он прошел в дом по какому-то делу к моему застройщику, потом сошел в садик и как-то очень быстро <u>свел со мной знакомство.</u></i>	<i>Nakonec sešel dolů do zahrádky a nenadále rychle <u>jsme se seznámili.</u></i>

Пříklady zachování nebo posílení expresivity hovorových výrazů:

<i>Я <u>стащил</u> у нее месяц тому назад связку ключей и, таким образом, получил возможность выходить на обшій балкон ...</i>	<i>Před měsícem jsem ji <u>šlohl</u> svazek klíčů, a tak jsem pronikl na společný balkón, který se táhne po celé délce poschodí.</i>
<i>Нет, - твердо ответил гость, - я не могу <u>удрять</u> отсюда не потому, что высоко, а потому, что мне <u>удирать</u> некуда.</i>	<i>„Omyl,“ namítl pevně host, „nemůžu <u>upláchnout</u> ne proto, že je to moc vysoko, ale že nemám kam.“</i>
<i>Уу, <u>проклятая дыра!</u></i>	<i>Fuj, to byla <u>hrozná díra!</u></i>
<i>Тут он засуетился, начал что-то <u>мямлить</u> и заявил, что <u>самолічно</u> решить этот вопрос он не может ...</i>	<i>Nato začal <u>blekotat</u>, že to nemůže rozhodnout <u>sám</u> ...</i>
<i>Это <u>страшно трудно</u> делать, потому что исписанная бумага горит неохотно.</i>	<i>Šlo to <u>hrozně těžko</u>, protože popsany papír špatně hoří.</i>
Капитола 13.	
<i>Знаю, - ответил мастер, - моим соседом в <u>сумасшедшем доме</u> был этот мальчик, Иван <u>Бездомный</u>.</i>	<i>„Vím,“ přisvědčil Mistr. „Můj soused v <u>blázinci</u> byl Ivan Bezprizorný.“</i>
Капитола 24.	

- **Вýразы hovorové nespisovné** (просторечные) překladatelka rovněž neutralizovala.

<i>Видите ли, он вас потряс - и вы <u>свихнулись</u>, так как у вас, очевидно, подходящая для этого почва.</i>	<i>Видíte, rozčílil vás a vy jste <u>ztratil hlavu</u> - máte pro to zřejmě předpoklady.</i>
<i>Да, так на чем, <u>бишь</u>, я остановился?</i>	<i>Ale kde jsem to přestal?</i>
Капитола 13.	
<i>Однако, это будет, пожалуй, <u>почище</u> того, что рассказывал Иван!</i>	<i>Tohle je <u>ještě lepší</u>, než co vykládal Ivan!”</i>
Капитола 24.	

- **Vulgarizmy** zůstaly v překladu zachovány.

<i>Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, <u>морда</u> или лицо.</i>	<i>Neví se jistě, co vlastně člověk má: jestli <u>hubu</u>, nebo taky tvář.</i>
---	---

Капитола 13.	
... задал, с моей точки зрения, совсем <u>идиотский</u> вопрос: кто это меня надоумил сочинить роман на такую странную тему?	Nakonec mi položil podle mého názoru úplně <u>idiotskou</u> otázku: kdo prý mi nakukal, abych si zvolil tak podivné téma?
Капитола 13.	

- **Zdrobněliny** byly odstraněny nebo zachovány v závislosti na příslušném kontextu.

<u>оконца</u> , <u>тротуарчик</u> , <u>малюсенькая</u> комната, <u>столик</u> , <u>денек</u> , <u>дворик</u> , <u>слабенько</u> освещенные ... <u>оконца</u> , <u>страх</u> владел каждой <u>клеточкой</u> моего тела	<u>okna</u> <u>cestička</u> ve druhém pokoji, <u>velkém jako dlaň</u> <u>stolek</u> příjemný podzimní den <u>dvorek</u> v mých <u>oknech</u> <u>slabě</u> prosvítalo neprůhlednými záclonami světlo <u>strach</u> ovládl každou <u>buňku</u> mého těla
Капитола 13.	

- **Книžní výrazy** a archaismy A. Morávkova neutralizovala.

<u>Нет</u> , уж это вы <u>оставьте</u> , и навсегда. (Книžní výraz)	<u>Ne</u> , <u>už to nikdy nedělejte</u> .
<u>Помилуйте!</u> (Книžní výraz)	<u>Prosím vás!</u>
<u>И, право</u> , я удивляюсь Берлиозу! (Книžní výraz)	<u>Ale fakticky se divím Berliozovi!</u>
<u>Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно</u> , я по одной стороне, а она по другой. (Книžní výraz)	<u>Šli jsme křivolakou, nudnou uličkou a nikdo z nás nepromluvil.</u>
<u>Он без нужды мял манускрипт</u> и крякал. (Книžní výраз)	<u>Bezdůvodně žmoulal v tlapách můj rukopis a hekal.</u>
<u>Холод и страх</u> , ставший моим постоянным спутником, доводили меня до <u>исступления</u> . (Книžní výраз)	<u>Zima a strach, můj věrný společník, mě přiváděly k šílenství.</u>
Капитола 13.	

<i>Не плачь, Марго, не <u>терзай</u> меня.</i> (Knižní výraz)	<i>Neplač, Margot, <u>netrap</u> mě ...</i>
<i>Из <u>дома скорби</u>.</i> (Archaismus)	<i>Z <u>kliniky</u>.</i>
Капитола 24.	
<i>Конечно, передо мной сидит <u>посланник дьявола</u>.</i> (Knižní výraz)	<i>Přede mnou sedí <u>dáblův posel</u> ...</i>
Капитола 30.	

- **Пřirovnání** jsou v překladu redukována.

<i>Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!</i>	<i>Láska nás přepadla jako zákeřník v odlehlé uličce a zasáhla nás oba jako blesk.</i>
<i>Он смотрел на меня так, как будто у меня щека была раздута флюсом, как-то косился в угол и даже сконфуженно хихикнул.</i>	<i>Přečetl můj román a díval se na mě, jako bych měl zánět okostice, pak zase šilhal do kouta a dokonce se rozpačitě pochechtával.</i>
Капитола 13.	

- **Frazémy** překladatelka poměrně často nahrazuje nefrazeologickými jednotkami.

<i>... <u>принять на веру</u> ...;</i> <i>... <u>глядеть правде в глаза</u> ...;</i> <i><u>Черт их знает, как их зовут</u>...;</i> <i><u>Вот так штука, а?</u></i> <i>... внешне-то <u>черт знает на что похожий</u> ...</i>	<i>Dobrá, <u>jsem ochoten uvěřit</u>.</i> <i><u>Podívejme se pravdě do očí</u></i> <i><u>Čertví jak se jmenují</u></i> <i><u>To je, co?</u></i> <i>na první pohled <u>čertví komu podobného</u>.</i>
Капитола 13.	
<i>... <u>бог с ними</u> ...;</i> <i><u>Фу ты черт</u> ...;</i> <i>Нет, <u>это черт знает что такое</u>, черт, черт, черт!</i> <i>Какие тут <u>к черту гипнотизеры</u>!</i>	<i><u>bůh s nimi</u>...</i> <i><u>Zatraceně!</u></i> <i>Ne, <u>v tomhle aby se čert vyznal, na mou duši</u>...</i> <i><u>Žádní hypnotizéri!</u></i>
Капитола 30.	

- **Citoslovce** jsou v překladu většinou odstraněna, popř. nahrazena částicemi.

Пříklady odstranění/nahrazení citoslovcí:

<i>милейший, но, <u>увь</u>, рассеянный человек;</i>	<i>ale Praskovja Fjodorovna je zlatá, jenomže strašně roztržitá ženská</i>
<i><u>Ох</u>, как мне не везет!</i>	<i><u>Bože</u>, mám já to smůlu!</i>
<i><u>Эх</u>, эх...</i>	<i>Neznámý si povzdechl a zamračil se.</i>
<i><u>Ну</u>, ну!</i>	<i>Jen dál, povídejte ...</i>
<i><u>О</u>, как я угадал! <u>О</u>, как я все угадал!</i>	<i>Já to tušil! Já to všechno tušil!</i>
<i><u>Ах</u>, какая у меня была обстановка!</i>	<i>Kouzelně zařízený byt!</i>
<i><u>Ах</u> нет, нет ...</i>	<i>Ne, ne</i>
Капитола 13.	
<i><u>Ах</u>, как это умно!</i>	<i>To je od vás velice rozumné ...</i>
Капитола 30.	

Пříklady zachování citoslovcí:

<i><u>Тсс!</u></i>	<i><u>Pst!</u></i>
<i><u>Ах</u>, <u>ах!</u></i>	<i><u>Ach</u>, kdybyste věděl, jak mě mrzí, že ...</i>
<i><u>Уу</u>, проклятая дыра!</i>	<i><u>Fuj</u>, to byla hrozná díra!</i>
<i><u>Ах</u>, <u>ах</u>, <u>ах!</u></i>	<i><u>Ach!</u></i>
<i>Да, он чрезвычайно поразил меня, <u>ах</u>, как поразил!</i>	<i><u>Ach</u>, ten mě zničil, dočista zničil!</i>
Капитола 13.	
<i><u>О</u> боги, боги...</i>	<i><u>Ó</u> bohové...</i>
Капитола 24.	

- **Образная выјáдření** А. Морávková дýsledнѐ прѐклáдá, ale v нѐколика прѐпадех прѐклад пýsobí понѐкуд мѐнѐ вýразнѐ а вýстижнѐ нѐж originál.

<i>Воланд может <u>запорошить глаза</u> и человеку похитрее ...</i>	<i>... Woland <u>vytřel zrak</u> daleko chytřejším lidem.</i>
<i>Хоть все и перегорело и угли затянулись пеплом</i>	<i>Аčkoli už <u>všecko tady uvnitř shořelo a jiskry zasypal popel</u> ...</i>
<i>... <u>одевающиеся в зелень кусты сирени</u> ...</i>	<i>... <u>zeleně obalené šeríkové keře</u> ...</i>
<i>И голова моя становилась легкой от утомления, и <u>Пилат летел к концу</u>.</i>	<i>Cítil jsem, že mám hlavu od únavy jako vymetenou. <u>Pilát spěl ke konci</u>...</i>
<i><u>Повинуясь этому желтому знаку</u>, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам.</i>	<i><u>Podřídil jsem se žlutému znamení</u>, zahrnul jsem taky a sledoval neznámou.</i>
<i>... прозвучал ее голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо, показалось, что <u>эхо ударило в переулке и отразилось от желтой грязной стены</u>.</i>	<i>Přesně si vybavuju její hlas, poměrně hluboký, ale chvílemi selhávající. I když je to sebevíc naivní, zdálo se mi, že <u>ulíčkou prolétla ozvěna a odrazila se od špinavé žluté zdi</u>.</i>

... затем <u>продела свою руку в черной перчатке с <u>раструбом в мою</u></u> <u>vsunula svou ruku v černé rukavici se <u>zvonovou manžetou do mé</u> a vykročili jsme společně.</u>
<u>Да, любовь поразила нас мгновенно.</u>	<u>Přiznávám, láska nás zasáhla jako blesk.</u>
<u>Глаза ее источали огонь, руки дрожали и были холодны.</u>	<u>Její oči metaly blesky, ruce se jí chvěly a byly ledové.</u>
<u>Дело в том, что вообще человек без сюрприза внутри, в своем ящичке, неинтересен.</u>	<u>Víte, člověk bez „tajemství“, abych tak řekl, průhledný, bývá nezajímavý.</u>
<u>Мне вдруг показалось, что <u>осенняя тьма выдавит стекла, вольется в комнату и я захлебнусь в ней, как в чернилах.</u></u>	<u>Najednou mi připadalo, že podzimní tma vymáčkne okna, zaplaví pokoj a já se v ní zalknu jako v inkoustu.</u>
<u>В печке <u>ревел огонь, в окна хлестал дождь.</u></u>	<u>V kamnech skučel oheň a do oken pral déšť.</u>
<u>В нем <u>играла метель.</u></u>	<u>Tady řádila metelice.</u>
... <u>страх владел каждой клеточкой моего тела</u> <u>strach ovládl každou buňku mého těla.</u>
Капитола 13.	

V syntaktické rovině, pokud nebudeme počítat nežádoucí doslovný překlad některých konstrukcí, k větším významovým posunům nedochází.

- **Пříznakový slovosled** překladatelka v češtině neutralizuje.

<u>Облигацию, - пояснил он, - мне в музее дали.</u>	<u>Los mi vnutili v muzeu,“ vysvětloval.</u>
<u>Мне, впрочем, ее не очень жаль, так как она мне не пригодится больше.</u>	<u>Nevadí, beztak už ji nebudu potřebovat...</u>
Капитола 13.	
<u>И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня?</u>	<u>„Ani v noci při měsíčku nemám klid... Proč jste mě vyrušili?“</u>
Капитола 24.	
<u>Вы о нем продолжение напишите!</u>	<u>Napište o něm pokračování.</u>
Капитола 30.	

Пříklady slovosledu poznamenaného vlivem ruského originálu:

<u>В особенности ненавистен мне людской крик, будь то крик страдания, ярости или иной какой-нибудь крик.</u>	<u>Zejména nenávidím lidský křik, ať už vyjadřuje bolest, zuřivost nebo cokoliv jiného.</u>
--	---

<i>Глаза ее источали огонь, руки дрожали и были холодны.</i>	<i>Její oči metaly blesky, ruce se jí chvěly a byly ledové.</i>
Kapitola 13.	

- **Оповорání** překládatelka většinou odstraňuje nebo nahrazuje významově blízkým výrazem.

Пříklady odstranění/nahrazení opakování:

<i><u>Умоляю, умоляю</u>, расскажите!</i>	<i>Pro všechno na světě vás prosím, vypravujte!</i>
<i>Да <u>редактор</u>, я же говорю, <u>редактор</u>.</i>	<i>Redaktor přece.</i>
<i><u>Приди, приди, приди!</u></i>	<i>Пřijď ke mně!</i>
<i><u>Бедная моя, бедная</u>, - сказал я ей, - я не допущу, чтобы ты это сделала.</i>	<i>„Ty můj chudáčku,“ domlouval jsem jí. „Nedovolím, abys to udělala.“</i>
Капитола 13.	
<i><u>Охотно, охотно</u>, - ответил мастер, притянул к себе Маргариту ...</i>	<i>„Nevadí,“ odpověděl Mistr, přitáhl k sobě Markétu ...</i>
Капитола 24.	
<i><u>Конечно, конечно</u>, - иронически заметил мастер, - теперь, стало быть, налицо вместо одного сумасшедшего двое!</i>	<i>„No ovšem,“ prohodil ironicky, „zdá se, že místo jednoho pomatence jsme teď dva!“</i>
<i>Нет, это <u>черт</u> знает что такое, <u>черт, черт, черт!</u></i>	<i>„Ne, v tomhle aby se čert vyznal, na mou duši...,“ posteskl si.</i>
<i>А вот это <u>хорошо</u>, это <u>хорошо</u>.</i>	<i>To je výborné.</i>
Капитола 30.	

Пříklady zachování opakování:

<i>О, как я <u>угадал!</u> О, как я все <u>угадал!</u></i>	<i>Жá to <u>tušil!</u> Жá to všechno <u>tušil!</u></i>
<i>И <u>голос, ее голос</u>, ответил мне: - Это я.</i>	<i><u>А hlas, její hlas</u>, odpovídá: „To jsem já...“</i>
Капитола 13.	
<i><u>Бедная, бедная...</u></i>	<i><u>Ty moje chudinko... ty moje chudinko...</u></i>
Капитола 24.	
<i>Ну, и <u>ладно, ладно</u> ...</i>	<i>No <u>dobrá, dobrá</u></i>
Капитола 30.	

- **Вýчты а kumulace** jsou přeloženy téměř doslova.

<i>И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!</i>	<i>Víc než její krása mě upoutal <u>zvláštní, nepostřehnutelný výraz osamělosti v očích.</u></i>
<i>И вот, последнее, что я помню в моей жизни, это - полосу света из моей передней, и в этой полосе света развивающуюся прядь, ее берет и ее полные решимости глаза.</i>	<i><u>Pruh světla z předsínky a v něm pramen rozpuštěných vlasů, její barev a odhodlané oči - to je poslední, na co si vzpomínám.</u></i>
Капитола 13.	
<i>У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, - ответил мастер, - ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, - он опять положил руку на голову Маргариты, - <u>меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.</u></i>	<i>„Nemám už žádná přání ani inspiraci,“ odpověděl Mistr, „nic z okolního světa mě nezajímá, jen ona,“ a znovu položil Markétě ruku na hlavu, „<u>zlomili mě, je mi smutno a chci zpátky do sklepa.</u>“</i>
Капитола 24.	

Shrnutí

A. Morávková usiluje o soustavnou neutralizaci expresivních prostředků tohoto jazykového pásma. Neutralizovány jsou mnohé hovorové a hovorové nespisovné (просторечные), ale i knižní výrazy a archaismy.

Na druhou stranu jsme zaznamenali několik případů, kdy překladatelka zesiluje expresivitu neutrálních lexémů jejich posunutím do jiné stylové roviny nebo přidáním příznakového lexému.

<i>Но вы сами, голубчик, во всем виноваты. Он без нужды мял манускрипт и кричал.</i>	<i>Ale věřte, kamaráde, že jste si to <u>zavařil sám.</u> Bezdůvodně <u>žmoulal v tlapách</u> můj rukopis a hekal.</i>
Капитола 13.	

Obraznost Mistrova jazykového pásma je zmírněna především méně důkladným překladem obrazných vyjádření, ale také redukcí některých přirovnání, nahrazením některých

frazémů nefrazeologickými jednotkami. Emocionalita Mistrovy mluvy klesá kvůli odstranění části zdobnělin a citoslovcí.

K významovému posunu lexikálních jednotek dochází spíše výjimečně a zmíněné odchylky nezasahují do celkové koncepce postavy.

<p><i>Нет, - твердо ответил гость, - я не могу <u>удраться</u> отсюда не потому, что высоко, а потому, что мне <u>удираться</u> некуда. - И после паузы он добавил: - Итак, сидим?</i></p>	<p>„Omyl,“ namítl pevně host, „nemůžu <u>upláchnout</u> ne proto, že je to moc vysoko, ale že nemám kam.“ A po chvíli dodal: „Tak co, <u>ležíme?</u>“ Nevysvětlitelná odchylka od originálu, která se neslučuje s kontextem, obzvláště vzhledem k tomu, že o pár řádků výš Mistr říká: „Можно прусесть?“, v překladu: „Můžu si sednout?“</p>
<p><i>И - представьте себе, при этом обязательно ко мне проникает в душу кто-нибудь непредвиденный, неожиданный и <u>внешне-то черт знает на что похожий</u>, и он-то мне больше всех и понравится.</i></p>	<p>A přitom, považte, nakonec si oblíbím někoho <u>nepředvídaného, nečekaného a na první pohled čertví komu podobného</u>. V češtině tato výpověď působí nepřirozeně a snad i nesrozumitelně</p>
<p><i>И голова моя становилась легкой <u>от утомления</u>, и Пилат летел к концу.</i></p>	<p>Cítil jsem, že mám hlavu <u>od únavy</u> jako vymetenou. Pilát šel ke konci... Rusismus</p>
<p>Kapitola 13.</p>	

V syntaktické rovině se zachovává poměr jednoduchých vět a souvětí, příznakový slovosled se neutralizuje. V několika případech znovu dochází k automatickému přenášení ruských syntaktických konstrukcí do češtiny.

Překlad daného jazykového pásma subjektivně hodnotíme jako zdařilý. Neutralizaci příznakových prostředků v tomto případě považujeme za součást individuální překladatelské interpretace postavy.

05. Ivan Nikolajevič Potápka (Bezprizorný)

A. Morávková zdařile překládá jméno této postavy do češtiny. V původní podobě jméno Ivan Nikolajevič Ponyrjev zní pro českého čtenáře cize a obtížně, jeho česká podoba je mnohem přirozenější. Překlad básníkově uměleckého jména ostatně subjektivně hodnotíme rovněž jako mimořádně povedený.

Vyjadřování mladého básníka se vyznačuje velkou frekvencí hovorových a hovorových nespisovných prostředků. Ve větším množství se zde objevují také vulgarizmy.

- **Hovorové výrazy** v překladu většinou zůstávají zachovány.

Příklady neutralizace hovorových výrazů:

... он, будем говорить прямо... с нечистой силой <u>знается</u> ...	Jde o to, že ten konzultant... budu mluvit na rovinu... <u>má spojení s ďáblem</u> ... a nedá se jen tak lehce chytit.
Не <u>ври</u> ты, чего не знаешь! - рассердился на Рюхина Иван, - я, а не ты был при этом!	„ <u>Nelži</u> , když nic nevíš!” obořil se na něj Ivan. „Já byl u toho, a ne ty, slyšíš?”
Капитола 6.	
Действительно, <u>чего доброго</u> , за сумасшедшего примут!	Vážně, nakonec ho <u>ještě</u> budou považovat za blázna ...
Капитола 8.	

Пříklady zachování hovorových výrazů:

Он его нарочно под трамвай <u>пристроил</u> .	To on všechno schválně <u>nastrojil!</u>
Капитола 6.	
С места выходила какая-то <u>безлевица</u> : как это так - пришел с покойным?	Vycházel totiž <u>holý nesmysl</u> . Jak to, „vyšli jsme si s nebožtíkem”?
Пока я по квартирам буду <u>разъезжать</u> , он <u>улизнет!</u>	Zatímco budu jezdit po bytech, on <u>ufrknne</u> .
Капитола 8.	
Если как следует <u>проветилировать</u> этот вопрос, выходит, что я, в сущности, даже и не знал как следует покойника.	<u>Když to vezmem kolem a kolem</u> , ukáže se, že jsem vlastně nebožtíka ani pořádně neznal.
Капитола 11.	
Раз вы можете выходить на балкон, то вы можете <u>удраться</u> .	Jestliže máte přístup na balkón, to můžete taky <u>upláchnout</u> , ne?
Хороши ваши стихи, скажите сами? - <u>Чудовищны!</u>	Řekněte sám, píšete dobré verše?” „ <u>Příšerné!</u> ”
Капитола 13.	

Пříklady posílení expresivity:

Я, например, вчера с таким познакомился, что <u>любодорого!</u>	Já kupříkladu jsem včera trefil na jednoho... <u>pěknej gauner!</u>
Капитола 8.	

- **Вýразы hovorové nespisovné (просторечные)** jsou velkým dílem neutralizovány, což v daném jazykovém pásmu považujeme za nevhodné řešení.

Пříklady neutralizace hovorových nespisovných výrazů:

<i>Вы по-русски <u>здорово</u> говорите, - заметил Бездомный.</i>	<i>„Umíte <u>dobře</u> rusky,“ poznamenal Bezprizorný.</i>
Капитола 1.	
<i>Дважды хотели задержать, в скатертном и здесь, на Бронной, да я <u>махнул</u> через забор и, видите, <u>щеку</u> изорвал!</i>	<i>Dvakrát mě chtěli zadržet, poprvé v Tkalcovské, podruhé tady v Bronné, ale já to vzal zadem, přes plot, a jak vidíte, poranil jsem si tvář.</i>
Капитола 5.	
<i>... пошел я купаться на Москва-реку, ну и <u>понятели</u> мою одежду, а эту <u>дрянь</u> оставили!</i>	<i>Šel jsem se vykoupat do řeky, někdo mi ukradl šaty a nechal mi tam tyhle <u>cáry</u>!</i>
<i>... так вот, этот страшный тип, а он <u>врет</u>, что он консультант, обладает какою-то необыкновенной силой...</i>	<i>Tenhle děsný typ (tvrdil, že je konzultant, ale určitě <u>lhal</u>) má divnou moc!</i>
<i>А между тем меня силою задержали здесь, <u>тычут</u> в глаза лампой, в ванне купают, про дядю Федю чего-то расспрашивают!</i>	<i>A zatím mě tady násilím zadrželi, <u>svítí mi do očí</u> baterkou, koupají mě a vyptávají se na strýce Fěďu! ...</i>
Капитола 8.	
<i>К чему вся нелепая погоня за ним в подиштанниках и со свечкой в руках, а затем и <u>дикая Петрушка</u> в ресторане?</i>	<i>K čemu byla ta pitomá honička v podvlíkačkách se svíčkou v ruce a ta <u>barbarská komedie</u> v restauraci?</i>
Капитола 11.	

Пříklady zachování hovrových nespisovných výrazů:

<i>Вот <u>прицепился</u>, заграничный гусь!</i>	<i>Ten se na nás <u>přilepil</u>, <u>panák</u> jeden!</i>
Капитола 1.	
<i>Ты нарочно <u>под ногами путаешься</u>?</i>	<i>Schválně <u>se mi pleteš pod nohama</u>, vid'?</i>
Капитола 4.	
<i>На то, что меня, здорового человека, схватили и силой <u>приволокли</u> в сумасшедший дом!</i>	<i>„Na to, že mě, zdravého člověka, svázali a <u>násilím</u> odvlekli do blázince,“ prskal Ivan.</i>
<i>Нашелся наконец хоть один нормальный среди <u>идиотов</u>, из которых первый - <u>балбес</u> и <u>бездарность</u> Сашка!</i>	<i>Konečně se našel jeden normální člověk mezi těmi <u>idioty</u>. Největší z nich je ten <u>flákač</u> a <u>fušér</u> Saška!</i>
<i>Да черт их возьми, <u>олухов</u>!</i>	<i>Aby je všechny čert vzal, <u>pitomce</u>!</i>
<i>Схватили, связали какими-то тряпками и <u>поволокли</u> в грузовике!</i>	<i>Chytili mě, svázali nějakými hadry a <u>šup</u> do náklad'áku!</i>

Капитола 6.	
-------------	--

Пříklady posílení expresivity/změny stylové platnosti:

<i>Как же это я не заметил, что он успел <u>сплести</u> целый рассказ?..</i>	<i>Jak to, že stačil <u>vybájit</u> celý příběh, a já to ani nezpozoroval?</i>
Капитола 3.	
<i>А ты <u>лезешь</u> ко мне <u>со своими глупостями!</u></i>	<i>А ty tady <u>imbecilně žvaníš.</u></i>
Капитола 5.	

- Při překladu **vulgarizmů** překladatelka někdy volí poněkud jemnější ekvivalent, ale většinou se expresivita těchto výrazů zachovává.

<i><u>Дура!</u> - прокричал он, ища глазами крикнувшую.</i>	<i>„<u>Káčo pitomá!</u>“ zařval a hledal neznámou očima.</i>
<i><u>Кретин!</u></i>	<i><u>Kreténe!</u></i>
<i><u>Сволочь!</u></i>	<i><u>Pakáž! Pakáž!</u></i>
Капитола 5.	
<i>А на тебя в особенности, <u>гнида!</u></i>	<i>Na tebe zvlášt, ty <u>hnido!</u>“ oslovil Sviňkova.</i>
Капитола 6.	
<i>Просто <u>дура</u> какая-то с Садовой.</i>	<i>Jednoduše nějaká <u>husa</u> ze Sadové ulice.</i>
Капитола 8.	
<i>Вчера в ресторане я одному туну <u>по морде засветил.</u></i>	<i>Včera v restauraci jsem <u>dal jednomu chlapovi po hubě</u> ...</i>
Капитола 13.	

- **Zdrobněliny** se v překladu neutralizují a tím se zmírňuje expresivita některých výroků v tomto řečovém pásmu.

<i>... он <u>дурачком</u> прикидывается ...</i>	<i>... dělá ze sebe <u>hlupáka</u> ...</i>
Капитола 1.	
<i>Типичный <u>кудачок</u> по своей психологии ...;</i> <i>Взял я на кухне <u>свечечку</u>...;</i> <i>Ну да, <u>иконка</u>... - Иван покраснел, - <u>иконка</u>-то больше всего и испугала ...</i> <i>Так вот вы какие <u>стеклышки</u> у себя завели!</i>	<i>Povahovým založením typický <u>kulak</u> ...</i> <i>... vzal jsem v kuchyni <u>svíčku</u> ...</i> <i>„Víte...,” Ivan se začervenál. „<u>Ikona</u> je nejvíc vyděsila ...</i> <i>Že jste si ale pořídili <u>skla!</u></i>
Капитола 6.	

<i>Я ведь слово свое сдержу, <u>стишков</u> больше писать не буду.</i>	<i>Já splním svůj slib, už nikdy nebudu psát <u>verše</u>.</i>
Капитола 30.	

- Ojedinelé výrazy knižní, zastaralé a archaismy jsou neutralizovány.

Пříklady neutralizace výrazů knižních, zastaralých a archaismů:

<i>И, <u>будьте любезны</u>, оно не состоится! (Книžní výraz)</i>	<i>A <u>taky že</u> odpadne!!</i>
Капитола 4.	
<i><u>Заточили</u> все-таки ... (Книžní výraz)</i>	<i>Пřece jen jste mě <u>dostali</u> ...</i>
Капитола 6.	
<i>Ах, дорого бы я дал, чтобы проникнуть в его тайну, чтобы знать, какую такую Венеру он <u>утратил</u> и теперь <u>бесплодно</u> шарит руками в воздухе, ловит ее? (Книžní výraz)</i>	<i>Co bych za to dal, kdybych dokázal odhalit jeho tajemství! Kdo ví, jakou Venuši <u>ztratil</u>, a teď <u>marně</u> mává rukama ve vzduchu a snaží se ji lapit...</i>
Епilog	

Добové výrazy, které v současnosti pokládáme za historismy A. Morávková, pokud je to možné, překládá: *мотоциклеты* – *motocykly* (Капитола 5.); *кальсоны* – *podvlékačky*; *перо* – *pero* (Капитола 8.).

- Při překladu **frazémů** překladatelka volí několik velmi vhodných ekvivalentů, problematické však je časté použití frazémů se slovem „čert“.

<i>А <u>какого черта</u> ему надо? Вот <u>черт</u> его возьми! <u>На все сто!</u></i>	<i>Co <u>ksakru</u> chce? Čert aby ho vzal! Jsem pro všema <u>desíti!</u></i>
Капитола 1.	
<i>Да <u>черт</u> их возьми, <u>олухов!</u> <u>Слава</u> те господи!</i>	<i>Aby je <u>všecky</u> čert vzal, pitomce! <u>Sláva</u> bohu!</i>
Капитола 6.	
<i>... <u>черт</u> ее знает, кто она такая ...</i>	<i>Čertví, co je to zač.</i>
Капитола 8.	
<i>В конечном счете, ну его в <u>болото!</u></i>	<i>Konec konců, <u>vem</u> ho čert!</i>

Капитола 11.	
<i>Он личность незаурядная и таинственная <u>на все сто</u>. Ну, царство небесное ему!</i>	<i>Konzultant je podivná a tajemná existence, <u>to je na beton</u>. <u>Ať je mu země lehká!</u></i>
Капитола 11.	
<i>Да ведь он тут <u>черт знает чего натворит!</u></i>	<i>Může <u>nadělat pěknou paseku!</u></i>
Капитола 13.	

- Citoslovce jsou v překladu odstraněna, popř. nahrazena částicemi.

Пříklady odstranění/nahrazení citoslovcí:

<i>... <u>ишь</u>, и не жарко ему в перчатках.</i>	<i>... <u>páni</u>, že mu není horko v těch rukavičkách!</i>
Капитола 1.	
<i><u>Э</u>, нет!</i>	<i><u>Ne, ne</u>, tomu se musí přijít na kloub!</i>
Капитола 4.	
<i><u>То-то</u> фамилия!</i>	<i><u>Jméno</u>, jméno!</i>
Капитола 5.	
<i><u>Эге-ге!</u></i>	<i><u>Páni!</u></i>
Капитола 6.	
<i><u>Ай-яй-яй</u>, вот так штука!</i>	<i><u>Páni</u>, to je ale věc!_</i>
<i><u>Ишь ты!</u></i>	<i><u>Heleme se!</u></i>
Капитола 13	
<i><u>Э</u>, Прасковья Федоровна!</i>	<i><u>Podívejte</u>, Praskovjo Fjodorovno...</i>
Капитола 30.	
<i><u>Ах</u>, дорого бы я дал, чтобы проникнуть в его тайну ...</i>	<i><u>Co bych za to dal</u>, kdybych dokázal odhalit jeho tajemství!</i>
Епilog	

Пříklady zachování citoslovcí:

<i><u>Гм...</u></i>	<i><u>Hm...</u></i>
<i><u>Угу.</u></i>	<i><u>Hm...</u></i>
Капитола 8.	
<i><u>Ах да...</u></i>	<i><u>Ach ano</u></i>
Капитола 30.	

- **Пříznakové částice** překladaatelka systematicky odstraňuje a neutralizuje expresivitu výpovědí.

<i>Уж ты мне верь.</i>	<i>Věř mi ...</i>
<i>А у вас разные, что ли, есть?</i>	<i>Vy máte různé značky?</i>
Kapitola 1.	
<i>Уж не подстроил ли он это сам?!</i>	<i>Nenastrojil to všechno sám?</i>
Kapitola 4.	
<i>... про то, что голову Берлиозу-то отрежет, ведь он все-таки знал заранее?</i>	<i>Protože věděl předem, že to Berliozovi uřízne hlavu!</i>
Kapitola 11.	
<i>ведь балконные-то решетки на замках?</i>	<i>Balkónové mříže jsou přece na zámek?</i>
Kapitola 13.	
<i>... вишь ты, как у вас все хорошо вышло.</i>	<i>Vidíte, jak vám to pěkně vyšlo.</i>
Kapitola 30.	

V syntaktické rovině této postavy autor používá jednoduché věty. Básníkův projev je velmi emocionální, a proto jsou pro něj příznačná častá opakování a také se zde setkáme s větším počtem modálních vět.

Modální věty, které se v Ivanově řeči často kumulují, A. Morávková překládá příliš doslovně a tím se ztrácí dynamičnost některých výpovědí.

<i>Нету никакого дьявола! – растерявшись от всей этой муры, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание!</i>	<i>„Žádný d'ábel neexistuje!“ vykřikl básník, zmatený celou tou komedií, a nasadil všemu korunu. „To je hrůza! Přestaňte s tou hysterií!“</i>
Kapitola 3.	
<i>Виноват! Да ведь он же сказал, что заседание не состоится, потому что Аннушка разлила масло. И, будьте любезны, оно не состоится! Этого мало: он прямо сказал, что Берлиозу отрежет голову женицина?! Да, да, да! Ведь вожатая была женицина?! Что же это такое? А?</i>	<i>Počkat! On přece tvrdil, že dnešní zasedání odpadne, protože Anuška rozlila olej. A taky že odpadne! Ba co víc, prohlásil rovnou, že Berliozovi uřízne hlavu ženská?! Ano, ano! A řidička byla přece ženská! Co to má znamenat, hm?!</i>
Kapitola 4.	
<i>Слушайте меня все! Он появился! Ловите же его немедленно, иначе он натворит неописуемых бед!</i>	<i>Vyslechněte mě všichni. Je tu. Okamžitě ho zadržte, nebo natropí nepopsatelné škody!</i>
Kapitola 5.	

- **Пříznakový slovosled** je většinou neutralizován.

<i>Перестаньте вы психовать.</i>	<i>Пřestaňte s tou hysterií!</i>
Kapitola 3.	
<i>Консультанта я ловлю.</i>	<i>Pronásledoval jsem konzultanta</i>
Kapitola 6.	

<i>Он развалившись сидел.</i> Kapitola 27.	<i>Nikam neběžel, seděl rozvalený na lavičce.</i>
---	---

Ve stavbě některých vět je patrný vliv ruštiny, a proto působí v češtině poněkud nepřirozeně.

<i>Например, за ним погонишься, а догнать его нет возможности.</i>	<i>Například <u>se za ním ženeš</u>, a ne a ne ho dohnat.</i> Nečeská konstrukce vzniklá kalkováním
<i>Как-нибудь его надо изловить?_</i>	<i>Měli by ho čapnout, nemyslíte?</i> Nečeská stavba věty
<i>А вам, что же, мои стихи не нравятся?</i>	<i>Copak, nelíbí se vám moje verše?</i> Porušení principů aktuálního větého členění: jádrem výpovědi je slovo „nelíbí“, a proto by mělo být na konci věty
Kapitola 13.	

- Opakování jsou v překladu většinou odstraněna nebo nahrazena významově blízkými prostředky.

Příklady odstranění/nahrazení opakování:

<i>Типичный кулачок по своей психологии, - заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина, - и притом кулачок, тщательно маскирующийся под пролетария.</i>	<i>„Povahovým založením typický <u>kulak</u>,” pokračoval Bezprizorný, kterému se zřejmě zachtělo Sviňkova odhalit, „a přitom se rafinovaně vydává za proletáře.</i>
<i>Ну да, иконка... - иконка-то больше всего и испугала ...</i>	<i>„Víte...,” Ivan se začervenal. „<u>Ikona</u> je nejvíc vyděsila ...</i>
Kapitola 6.	
<i>А важно то, что он <u>заранее</u>, понимаете ли, <u>заранее</u> знал о подсолнечном масле!</i>	<i>Důležité je, že on <u>předem</u> věděl o slunečnicovém oleji i... <u>chápete?</u></i>
<i>Нет, нет, <u>сегодня же</u>, непременно <u>сегодня</u> ...</i>	<i>Ne, musím to napsat ještě <u>dnes!</u></i>
Kapitola 8.	
<i>Понимаю, понимаю. У него буква "В" была на визитной карточке.</i>	<i><u>Už je mi to jasné.</u> Zahlédl jsem na navštívence písmeno „W“.</i>
<i>А, помню, помню!</i>	<i>А, už si vzpomínám!</i>
Kapitola 13.	
<i>А, это вы! А я все <u>жду, жду</u> вас.</i>	<i>А, to jste vy! А já na vás <u>pořád čekám!</u></i>
Kapitola 30.	
<i>Боги, боги! - начнет шептать Иван Николаевич</i>	<i>„<u>Ó bohové!</u>” šeptá Ivan Nikolajevič za plotem ...</i>
<i>Лжет он, лжет!</i>	<i>Ó bohové, ten <u>lže</u>, jako když tiskne!</i>
Epilog	

Пříklady zachování opakování:

<i>Аннушка... Аннушка?.. - забормотал поэт, тревожно озираясь, - позвольте, позвольте...</i>	<i>„Anuška? ... Anuška?“ blekotal a vyplašeně se rozhlížel. „Ale to přece, dovolte...“</i>
<i>Да, да, да! Ведь вожатая была женщина?!</i>	<i>Ano, ano! A řidička byla přece ženská!</i>
Капитола 4.	
<i>Пусти! Пусти, говорю!</i>	<i>Puště mě, puště mě!</i>
<i>Меня же сейчас более всего интересует Понтий</i>	<i>Mě teď ze všeho nejvíc zajímá <u>Pilát</u> Pontský...</i>
<i>Пилат... Пилат...</i>	<i>Pilát...</i>
Капитола 6.	

- **Вýčты** jsou přeloženy doslovně.

<i>Вы не немец и не профессор! Вы - убийца и шпион!</i>	<i>Vy nejste Němec ani profesor! Jste vrah a špión!</i>
Капитола 3.	
<i>Какая же это фамилия на "Ве"? - схватившись рукою за лоб, сам у себя спросил Иван и вдруг забормотал: - Ве, ве, ве! Ва... Во... Ваинер? Вагнер? Вайнер? Вегнер? Винтер?</i>	<i>Jaké může být jméno na W? ptal se sám sebe, mnul si čelo a najednou zablekotal: „We, We, We, Wa... Wo... Waschner? Wagner? Weiner? Wegner? Winter?“</i>
Капитола 5.	

Shrnutí

Podobně jako u výše popsaného Mistrova řečového pásma překladatelka v daném případě často neutralizuje expresivní jazykové prostředky. Ačkoli hovorové a vulgární výrazy převážně zůstávají zachovány, neutralizaci výrazů hovorových nespisových nemůžeme v daném případě hodnotit jako vhodné řešení. A. Morávková nevyužívá širokých možností obecné češtiny: obecněčeské prostředky se v překladu nalézají velmi ojediněle a jejich použití je náhodné:

<i>Если как следует <u>проветилировать</u> этот вопрос, выходит, что я, в сущности, даже и не знал как следует покойника.</i>	<i>Když to <u>vezmem</u> kolem a kolem, ukáže se, že jsem vlastně nebožtíka ani pořádně neznal.</i>
Капитола 11.	
<i>Я, например, вчера с таким познакомился, что <u>любодорого!</u></i>	<i>Já kupříkladu jsem včera trefil na jednoho... <u>pěknej gauner!</u></i>
Капитола 8.	

Odstranění deminutiv, citoslovcí a příznakových částic vede ke ztrátě emotivního vypětí typického pro básníkovu vyjadřování. Při překladu frazémů překladatelka používá několik velmi

vhodných ekvivalentů, ale s překladem frazémů se slovem „čert“ nemůžeme souhlasit, protože výrazy *Čert aby ho vzal!* (Kapitola 1.); *Aby je všechny čert vzal, pitomce!* (Kapitola 6.); *Čertví, co je to zač.* (Kapitola 8.); *Konec konců, vem ho čert!* (Kapitola 11.) působí v češtině poněkud nepřirozeně.

Některé výrazy jsou v překladu špatně interpretovány, ale k závažným významovým posunům v daném jazykovém pásmu nedochází.

<i>Где это он так наловчился говорить по-русски, вот что интересно!</i>	<i>Zajímalo by mě, kde se takhle pocvičil v ruštině!</i> Významový posun, vhodnější varianta překladu je: kde se naučil tak dobře rusky / kde přišel k tak dobré ruštině?
Kapitola 1. <i>Перестаньте вы <u>психовать</u>.</i>	<i>Přestaňte s tou <u>hysterií!</u> Významový posun, odklon od koncepce postavy Wolanda, vhodnější překlad: <u>neříkejte nesmysly</u></i>
Kapitola 3. <i>Вы думаете, я <u>бушевать</u> стану?</i>	<i>Myslíte si, že začnu <u>zuřit?</u> Významový posun, vhodnější je výraz <u>řádit</u>, neutr. <u>dostat záchvat</u></i>
Kapitola 30. <i>Ах, дорого бы я дал, чтобы проникнуть в его тайну, чтобы знать, какую такую Венеру он утратил и теперь бесплодно <u>шарит руками</u> в воздухе, ловит ее?</i>	<i>Co bych za to dal, kdybych dokázal odhalit jeho tajemství! Kdo ví, jakou Venuši ztratil, a teď marně <u>mává rukama</u> ve vzduchu a snaží se ji lapit... Nevhodně zvolený výraz</i>
<i>Лжет он, лжет!</i>	<i>Ó bohové, ten lže, jako když tiskne! V rámci jedné výpovědi se vykytují lexémy, které mají výrazně odlišnou stylovou platnost, a důsledku toho celá věta působí komicky</i>
Epilog	

V syntaktické rovině překladu rovněž dochází k neutralizaci: doslovným překladem kumulovaných modálních vět se ztrácí jejich dynamičnost. Opakování typická pro Ivanův zmatený projev překladatelka odstraňuje. Ve stavbě některých vět je patrný vliv ruštiny.

Domníváme se, že v daném případě překladatelka nevyužila jazykový potenciál originálu a neutralizací příznakových prostředků dospěla k proměně vlastností zkoumané postavy.

06. Vypravěč

Pro řečové pásmo vypravěče jsou typické hovorové a zejména hovorové nespisovné výrazy, které se často střídají s výrazy knižními a archaickými, čímž vzniká neopakovatelný ironický tón. Vyjadřování vypravěče je velmi obrazné.

V syntaktickém plánu převládají složitá souvětí. Kumulace pojmenování při popisu nových skutečností jsou velmi rozsáhlá a dokonce mají specifický rytmus.

- **Hovorové výrazy** jsou v překladu většinou neutralizovány.

Пříklady neutralizace hovorových výrazů:

<i>Вот что, Миша, - зашептал поэт, <u>оттащив</u> Берлиоза в сторону ...</i>	<i>„Podívej, Mišo,“ špítal básník, když <u>odvedl</u> Berlioze stranou...</i>
Капитола 1.	
<i>Так вот, необходимо принять меры, а то получается какая-то неприятная <u>чепуха</u>.</i>	<i>Tudíž by se mělo něco podniknout, aby nedošlo k <u>nepříjemnosti</u>.</i>
<i>Хорошо, хорошо, - фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроеному поэту, которому вовсе не улыбалась мысль <u>караулить</u> сумасшедшего немца, устремился к тому выходу с Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка.</i>	<i>„Dobrá, dobrá,“ uklidňoval ho redaktor s předstíranou laskavostí, zamrkal na rozčileného básníka, kterému <u>se ani trochu nelíbilo, že má hlídat</u> pomateného Němce, a pak zamířil na roh Bronné a Jermolajevské uličky.</i>
Капитола 3.	
<i>Кругом гудела толпа, обсуждая невиданное происшествие; словом, был <u>гадкий, гнусный, соблазнительный, свинский</u> скандал, который кончился лишь тогда, когда грузовик унес на себе от ворот Грибоедова несчастного Ивана Николаевича, милиционера, Пантелея и Рюхина.</i>	<i>Kolem hučel dav a rozebíral tu nevidanou příhodu. Zkrátka a dobře, byl to <u>nemožný, odporný, pohoršlivý</u> skandál, který skončil teprve v okamžiku, kdy nákladák odvázel ze vrat Gribojedovova domu nešťastného Ivana, milicionáře, Pantěleje a Sviňkova.</i>
Капитола 5.	
<i>Произнеся всю эту <u>ахинею</u>, Бенгальский сцепил обе руки ладонь к ладони и приветственно замахал ими в прорез занавеса, от чего тот, тихо шумя, и разошелся в стороны.</i>	<i>Po tomhle <u>výlevu</u> Bengálský sepjatýma rukama přátelsky zamával do skuliny a opona se s tichým šelestem otevřela.</i>
<i>Кот, прицелившись поаккуратнее, <u>нахлобучил</u> голову на шею, и она точно села на свое место, как будто никуда и не отлучалась.</i>	<i>Kocour pečlivě zacílil a hlava <u>dosedla přesně</u> na svoje místo, jako by se nikdy od těla neodloučila.</i>
Капитола 12.	
<i>Скромный и тихий Василий Степанович только моргал глазами, слушая <u>рассказни</u> обо всех этих чудесах ...</i>	<i>Skromný a zakřiknutý Lastočkin jenom překvapeně mrkal, <u>když se dovídal</u> o všech těch divech...</i>
<i>Начиналась какая-то <u>чепуха</u>.</i>	<i>Začalo se dít něco <u>nepochopitelného</u>.</i>
Капитола 17.	
<i>Коньяк подвел его вторично: высаживаясь, он все-таки <u>угодил</u> в воду.</i>	<i>Koňak ho už podruhé vytrestal: jak tlouštík přistával, omylem <u>spadl</u> do vody.</i>

Капитола 21. Маргарита, хоть и не <u>толковала</u> вовсе про пятое измерение, а <u>толковал</u> о нем сам Коровьев, весело рассмеялась, прослушав рассказ о похождениях квартирного <u>проныры</u> .	Přestože Markétka vůbec o čtvrtém rozměru <u>nemluvila</u> a začal s tím sám Korovjev, vesele se zasmála jeho povedené historce o dobrodružstvích bytového <u>podvodníka</u> .
Капитола 22. Фрида протянула обе руки к Маргарите, но Коровьев и Бегемот очень ловко подхватили ее под руки, и ее <u>затерло</u> в толпе.	Frída vztáhla k Markétě ruce, ale Korovjev a Kňour ji zachytili pod paždi a odváděli, až <u>zmizela</u> v davu.
Повинуясь насилью, вынужден был подчиниться, - рассказывал Николай Иванович и закончил свои <u>рассказы</u> просьбой ни словом не сообщать об этом его <u>супруге</u> .	„Poslechl jsem a podřídil jsem se násilí,“ vysvětloval ponuře a zakončil své <u>vyprávění</u> prosbou, aby nic z toho neprozradili jeho ženě.
Капитола 27. Но <u>факт</u> все-таки остается фактом, и <u>отмахнуться</u> от него без объяснений никак нельзя: <u>кто-то</u> побывал в столице.	Ale jak se praví, <u>fakt zůstává faktem</u> a každý <u>musel</u> <u>vzít na vědomí</u> , že ve městě někdo byl.
Epilog	

Пříklady zachování hovorových výrazů:

Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулочек с покосившимися тротуарами, где Иван Николаевич <u>грохнулся</u> и разбил колено.	Za několik dalších vteřin už se před ním klikatila neznámá temná ulička s proláklými chodníky, kde <u>sebou plácl</u> jak široký tak dlouhý a rozbil si koleno.
Капитола 3. Более того, один московский <u>врун</u> рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из "Горя от ума" этой самой тетке, раскинувшейся на софе, а впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!	Ba co víc, jistý moskevský <u>žvanil</u> vykládal, že prý v kruhovitém sloupovém sále v prvním patře slavný spisovatel předčítal vzpomínané tetičce, pohodlně rozvalené na pohovce, úryvky z Hoře z rozumu. Ostatně, čert ví, třeba to byla pravda, ale pro náš příběh to není důležité.
Капитола 5. Среди служащих Варьете тотчас разнеслось <u>шушуканье</u> о том, что пес - не кто другой, как знаменитый Тузбубен.	Mezi zaměstnanci Varieté se okamžitě začalo <u>šuškat</u> , že pes není nikdo jiný než slavný Trumf.
Капитола 17. Издалека доносились всхлипывания Коровьева, вся передняя наполнилась запахом эфира, валерьянки и еще какой-то <u>мерзости</u> .	Z dálky k nim doléhalo Korovjevovo <u>pořňukávání</u> , po celé předsíni se šířil zápach éteru, valeriánských kapek a ještě jakéhosi <u>odporného svinstva</u> .
Капитола 18. А те, изредка оборачиваясь с опаской, не слышит ли кто, <u>перешептывались</u> о какой-то <u>ерунде</u> .	Chvillemi se bázklivě ohlíželi, jestli je někdo neslyší, a o něčem si <u>špitáli</u> , <u>co nemělo hlavu ani patu</u> ...
Капитола 19.	

- **Новорové nespisovné (просторечные) výrazy** překladatelka asi ve stejné míře neutralizuje nebo zachovává.

Пříklady neutralizace hovorových nespisovných výrazů:

Нету никакого дьявола! - растерявшись от всей этой <u>муры</u> , вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание! Перестаньте вы психовать.	„Žádný ďábel neexistuje!“ vykřikl básník, zmatený celou tou <u>komedií</u> , a nasadil všemu korunu. „To je hrůza! Přestaňte s tou hysterií!“
Капитола 3.	
<u>Омерзительный</u> переулочек был совершенно пуст.	<u>Одпуdivá</u> ulička byla liduprázdná.
Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и <u>физиономия</u> , прошу заметить, <u>глумливая</u> .	Neznámý měřil sáh, ale byl úzký v ramenou a neuvěřitelně hubený, a <u>tvářil se - uštěpačně</u> .
От этого клетчатый гражданин стал еще <u>гаже</u> , чем был тогда, когда указывал Берлиозу путь на рельсы.	Působil ještě <u>odpudivějším dojemem</u> , než když ukazoval Berliozovi cestu na koleje.
.. этот странный кот подошел к подножке моторного вагона "А", стоящего на остановке, нагло <u>отсадил</u> взвизгнувшую женщину, <u>уцепился</u> за поручень и даже сделал попытку <u>всучить</u> кондукторше гривенник через открытое по случаю <u>духоты</u> окно.	...jak se to podivné zvíře přitočilo ke stupátku motorového vagónu A, který stál ve stanici, drže <u>odstrčilo</u> jakousi ženu, která leknutím zajechla, <u>chytilo se</u> zábradlí a dokonce se pokoušelo <u>vsunout</u> průvodčí desetník oknem, v tom horku otevřeným.
Капитола 4.	
Типичный кулачок по своей психологии, - заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, <u>приспичило</u> обличать Рюхина ...	„Povahovým založením typický kulak,“ pokračoval Bezprizorný, kterému se zřejmě <u>zachtělo</u> Sviňkova odhalit...
Капитола 6.	
И эту контрамарочку переводчик левой рукой ловко <u>всучил</u> Никанору Ивановичу, а правой вложил в другую руку председателя толстую хрустнувшую пачку.	Pak levou rukou <u>podal</u> elegantně Nikanoru Ivanoviči papírek a pravou mu vsunul do druhé ruky objemný balíček, ve kterém cosi šelestilo.
И сейчас же проклятый переводчик оказался в передней, <u>навертел там номер</u> и начал почему-то очень плаксиво говорить в трубку ...	Vykutálený tlumočník nemeškal, rozběhl se do předsině k telefonu, <u>vytočil nějaké číslo</u> a spustil zase huhňavě...
Капитола 9.	
И маэ этот <u>смылся</u> , и никто его не видел, кроме самого Степы. (Argot)	<u>Mág se ztratil</u> a nikdo kromě Sťopy s ním nejednal.
Римский вынул часы, увидел, что они показывают уже пять минут третьего, и совершенно <u>остервенился</u> .	Rimský vytáhl hodinky, a když zjistil, že ukazují dvě a pět minut, definitivně <u>se rozzuřil</u> .
Капитола 10.	
Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица в вечернем черном туалете, <u>всем хорошая девица</u> , <u>кабы</u> не портил ее причудливый шрам на шее, заулыбалась у витрин хозяйской улыбкой.	Jakoby mávnutím kouzelného proutku stanula na scéně zrzavá dívka v černé toaletě, <u>dokonale krásná</u> , <u>kdyby</u> nebylo ošklivého šrámu na šíji. Přistoupila k vitrinám a pobízivě se usmála.
Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр	Ztumpachovělý dirigent bez rozmýšlení <u>mechanicky</u> mávl taktovkou a hudebníci nezahráli, <u>nespustili ani</u>

не заиграл, и даже не <u>зрянул</u> , и даже не <u>хватил</u> , а именно, по <u>омерзительному</u> выражению кота, <u>урезал</u> какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш.	<u>nezahřměli</u> , ale doslova podle kocourova <u>familiárního</u> výrazu tam „ <u>hodili</u> ” jakýsi fantastický, neuvěřitelně rozpustilý pochod.
Капитола 12.	
Увидев их, красавица зарыдала еще <u>пуще</u> , <u>тыча</u> рукою в дверь кабинета.	Při pohledu na ně se sekretářka ještě <u>zoufaleji</u> rozeřtkala a <u>ukázala</u> rukou na dveře.
Капитола 17.	
Как ни была занята своим Маргарита Николаевна, ее все же поразили странные <u>враки</u> неизвестного <u>гражданина</u> .	Ačkoli byla Markétka plně zaměstnána svými myšlenkami, <u>výlevy</u> neznámého chlapíka ji překvapily.
Ба! - вдруг заорал Азазелло и, <u>выдупив глаза</u> на решетку сада, стал указывать куда-то пальцем.	„Jé!” zavřeštěl náhle Azazelo a ukazoval kamsi do dálky, oči <u>vytřeštěné</u> .
Капитола 19.	

Пříklady zachování hovorových nespisovných výrazů:

Тут иностранец <u>отколол такую шутку</u> ...	Neznámý <u>provedl nečekaný kousek</u> ...
Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! - совершенно неожиданно <u>бухнул</u> Иван Николаевич.	„Toho Kanta bych za takové důkazy posadil na tři roky do Solovek!” <u>plácl</u> nečekaně Ivan.
Простите, - после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на <u>мелющего чепуху</u> иностранца, - при чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?	„Račte prominout,” začal po chvíli Berlioz a pošilhával po neznámém, který <u>pletl páte přes deváté</u> . „co s tím má co dělat slunečnicový olej... a nějaká Anuška?”
Капитола 1.	
Растерявшийся Иван послушался <u>шуткаря</u> -регента и крикнул "караул!", а регент его <u>надуд</u> , ничего не крикнул.	Zpitoměly Ivan poslechl <u>vtípálka</u> a vykřikl: „Milice!” Ale jeho společník ho <u>podfoukl</u> , nevykřikl ani jednou.
Отставной <u>втируша</u> -регент сидел на том самом месте, где сидел еще недавно сам Иван Николаевич.	Vysloužilý <u>dotěra</u> regenschori se uvelebil na místě, kde ještě nedávno seděl on, Ivan.
Капитола 4.	
... Тимофей Кондратьевич рассказывал другим жильцам, захлебываясь от удовольствия, о том, как <u>замелл председателя</u> ... (Argot)	... Timofej Kondraťjevič vykládal ostatním nájemníkům, jak předsedu <u>sbalili</u> ...
Капитола 9.	
Но наконец какая-то брюнетка вышла из десятого ряда партера и, улыбаясь так, что ей, <u>мол</u> , решительно все равно и в общем <u>наплевать</u> , прошла и по боковому трапу поднялась на сцену.	Nakonec jakási brunetka vyšla z desáté řady v přízemí, bohorovným úsměvem dávala najevo, <u>že</u> je jí všechno jedno, že na všechno <u>kašle</u> , a vystoupila postranními schůdky na scénu.
И вот тут <u>прорвало начисто</u> , и со всех сторон на сцену пошли женщины.	<u>Ledy byly prolomeny</u> a ze všech stran se na scénu hrnuly ženy.
Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и овладела первым, что подвернулось, - шелковым, в громадных букетах,	Jedna jako tygřice vtrhla za závěs, shodila kostým a zmocnila se toho, co jí nejdřív přišlo pod ruku - hedvábného květovaného županu. Navíc <u>urvala</u> pro

халатом и, кроме того, успела <u>подцепить</u> два футляра духов.	sebe dva flakóny voňavky.
Общее изумление вызвал мужчина, <u>затесавшийся</u> на сцену.	Všeobecný údiv vzbudil muž, který <u>se vetřel</u> na scénu.
И видно было, что сцена внезапно опустела и что <u>надувало</u> Фагот, равно как и наглый котяра Бегемот, растаяли в воздухе, исчезли, как раньше исчез маг в кресле с полинявшей обивкой.	Scéna se náhle vyprázdnila a <u>podfukář</u> Fagot i drzé <u>kocouřisko</u> jako by se do země propadli, stejně jako předtím mág v křesle s vyrudlým potahem.
Но кот <u>отмолил</u> штуку почище номера с чужими часами.	Kocour <u>předvedl ještě senzačnější kousek</u> , než byl trik s hodinkami.
Капитола 12.	
Словом, <u>темный ужас</u> .	Jedním slovem, <u>hnus!</u>
Делая вид, что не замечает уверток администратора и фокусов его с газетой, финдиректор рассматривал его лицо, почти уже не слушая того, что <u>пел</u> Варенуха.	Tvářil se, že nepozoruje Varenuchovy úhybné pohyby ani triky s novinami, a soustředil se na jeho obličej. Už skoro neposlouchal, co administrátor <u>žvaní</u> .
Капитола 14.	
Кровь отлила от лица Никанора Ивановича, он, дрожа, крестил воздух, метался к двери и обратно, запел какую-то молитву и, наконец, понес полную <u>околесицу</u> .	Krve by se v něm <u>nedořezal</u> , jak byl bledý, a třásl se jako osika. Kreslil ve vzduchu kříže, běhal ke dveřím a zpátky, drmolil nějakou modlitbu a nakonec začal <u>plést páté přes deváté</u> .
Капитола 15.	
Наконец Маргарите Николаевне надоело слушать эту таинственную <u>трепотню</u> про украденную из гроба голову, и она обрадовалась, что ей пора <u>выходить</u> .	Nakonec Markétu omrzelo tajemné <u>klábosení</u> o nebožtíkově ukradené hlavě a byla ráda, že vystupuje.
Капитола 19.	
И неожиданно <u>дикий разгром</u> прекратился.	<u>Divoký pogrom</u> nečekaně ustal.
Капитола 21.	
За странно одетой дамочкой следовала совершенно голая дамочка с чемоданчиком в руке, а возле чемоданчика <u>мыкался</u> черный громадный кот.	Za prapodivně oblečenou paničkou šla další, jen tak, jak ji <u>pánbůh stvořil</u> , a nesla v ruce kufřík. Vedle <u>se plahočil</u> velikánský černý kocour.
Капитола 24.	
Кот вскочил живой и бодрый, ухватив примус под мышку, <u>сиганул</u> с ним обратно на камин ...	Kocour se vesele <u>otřepal</u> , vyskočil, popadl vaříč pod pažďi, <u>vyhoupl se</u> znovu na římsu krbu...
Капитола 27.	
У меня, может быть, полный примус валюты, - запальчиво встрял в разговор и котообразный толстяк, так и <u>прущий</u> в магазин.	„Kdoví, třeba mám vaříč plný dolarů,“ vmísil se popuzeně do hovoru kocourovitý a <u>cpal se</u> do obchodu.
Капитола 28.	
А тем временем старушка, узнавшая от соседей, что ее кот <u>замели</u> , кинулась бежать в отделение и поспела вовремя. (Argot)	Zatím stařenka, která se dozvěděla od sousedů, že ji <u>sbalili</u> kocoura, se vydala na milici a doběhla tam právě včas.
Epilog	

- Vulgarizmy překladatelka většinou neutralizuje, příp. zjemňuje.

Пříklady neutralizace vulgarizmů:

<i>Ежели он преступник, то первым делом следует кричать: "Караул!" А то он уйдет. А ну, давайте вместе! Разом! – и тут регент <u>разинул пасть</u>.</i>	<i>„Jestli je to zločinec, zavolejte milici, než vám uteče. Víte co, budeme křičet společně,” a <u>rozevřel dokořán ústa</u>.</i>
<i>Занявшись <u>паскудным котом</u>, Иван едва не потерял самого главного из трех - профессора.</i>	<i>Ivan pozoroval to <u>zlořečené</u> kocouřisko a přitom div neztratil z dohledu vůdce bandy - profesora.</i>
Капитола 4.	
<i>Толстяк взял свой примус под мышку, овладел верхним мандарином в пирамиде и, тут же со шкурой <u>сожравши</u> его, принялся за второй.</i>	<i>Thust'och schoval vaříč pod paždí, zmocnil se pomeranče, který ležel na vrcholku pyramidy, <u>spolkl</u> ho i se slupkou a pustil se do dalšího.</i>
Капитола 28.	

Пříklady zmírnění expresivity vulgárních výrazů:

<i>Всякий посетитель, если он, конечно, был не вовсе <u>тупицей</u>...</i>	<i>Každý host Gribojedova, který nebyl právě <u>padlý na hlavu</u>...</i>
Капитола 5.	
<i>Этот второй, будучи, очевидно, левшой <u>съездил</u> администратору по другому уху.</i>	<i>Byl nejspíš levák, protože administrátora „<u>opracoval</u>” z druhé strany.</i>
Капитола 10.	
<i>Швейцар выпучил глаза, и было отчего: никакого кота у ног гражданина уже не оказалось, а из-за плеча его вместо этого уже высовывался и порывался в магазин толстяк в рваной кепке, действительно, немного смахивающий <u>рожей</u> на кота.</i>	<i>Vrátný vykulil oči. A nebylo divu: kocour, který se až do této chvíle otíral kostkovanému o kalhoty, zmizel a za dlouhánovými zády vystrkoval hlavu <u>thust'och</u> v roztržené čepici, s <u>kocouři vizáží</u>, a hrnul se rovnou do obchodu.</i>
Капитола 28.	

- **Здробнѣliny** jsou ve velké míře neutralizovány.

<i><u>шуточка</u>,</i>	<i><u>vtíp</u></i>
<i><u>книжечка</u> (Капитола 1.);</i>	<i><u>knížka</u></i>
<i><u>иконка</u> (Капитола 4.);</i>	<i><u>Ikona</u></i>
<i><u>огонечек</u>;</i>	<i><u>světélko</u></i>
<i><u>стерлядка</u> (Капитола 5.);</i>	<i><u>jeseter</u></i>
<i><u>тарелочка</u>;</i>	<i><u>talířek</u></i>
<i><u>графинчик</u> (Капитола 7.);</i>	<i><u>karafa</u></i>
<i><u>шкафик</u>;</i>	<i><u>skříňka</u></i>
<i><u>уголок</u>;</i>	<i><u>kout</u></i>
<i><u>столтик</u> (Капитола 8.);</i>	<i><u>stolek</u></i>
<i>... пять <u>новеньких</u> банковских пачек ...;</i>	<i>... <u>pět balíčků úplně nových</u> bankovek...</i>
<i><u>контрамарочка</u>;</i>	<i><u>potvrzení</u></i>
<i><u>селедочка</u>;</i>	<i><u>slaneček</u></i>
<i><u>лафитничек</u> (Капитола 9.);</i>	<i><u>stopka</u></i>

<u>стол</u> ик (Kapitola 10.);	<u>stolek</u>
<u>ша</u> жки (Kapitola 11.);	<u>kroky</u>
<u>перышки</u> ;	<u>husí brka</u>
<u>камушки</u> ;	<u>kamínky</u>
<u>шляпочка</u> (Kapitola 12.);	<u>klobouky</u>
<u>шапочка</u> ;	<u>čepička</u>
<u>особнячок</u> ;	<u>vilka</u>
<u>ночка</u> (Kapitola 13.);	<u>noc</u>
<u>подносик</u> ;	<u>podnos</u>
<u>ветерок</u> (Kapitola 15.);	<u>vítř</u>
<u>чемоданчик</u> ;	<u>kufřík</u>
<u>диванчик</u> ;	<u>lavice</u>
<u>ша</u> жки;	<u>kroky</u>
<u>помещенье</u> ице;	<u>místnost</u> .
<u>мордочка</u> ;	---
<u>блюдечко</u> ;	<u>miska</u>
<u>гвоздик</u> ;	---
<u>флигелек</u> ;	<u>přístěnek</u>
<u>воробушек</u> ;	<u>vrabčák</u>
<u>лапка</u> (Kapitola 18.);	<u>noha</u>
<u>огонечек</u> ;	<u>jiskérka</u>
<u>мостик</u> ;	<u>můstek</u>
<u>речонка</u> ;	<u>říčka</u>
<u>зданыице</u> ;	<u>stavení</u>
<u>часики</u> ;	<u>hodinky</u>
<u>коробочка</u> ;	<u>krabička</u>
<u>желтенькие тени у висков</u> ;	<u>zažloutlé skvrny na spáncích</u> ,
две чуть заметные <u>сеточки</u> у наружных углов глаз (Kapitola 19.);	<u>a dvě sítky sotva znatelných vrásek u očí</u>
<u>копыта</u> ;	<u>kopýtka</u>
<u>веселенькая музыка</u> (Kapitola 21.);	<u>veselá hudba</u>
<u>ушишки</u> (Kapitola 22.);	<u>kníry</u>
<u>стаканчик</u> (Kapitola 24.);	<u>pohár</u>
<u>ландшафтик</u> (Kapitola 29.)	<u>krajinka</u>

- **В**ыразы **к**нижní, **z**astaralé a **a**rchaismy jsou převážně neutralizovány, stylově identické ekvivalenty překladatelka používá vzácně.

Прїклады **n**eutralizace **a**rchaismů a **k**нижních **v**ыразů:

Тут ужас до того <u>овладел</u> Берлиозом, что он закрыв глаза. (Книжніи výraz)	Berlioz <u>zděšením</u> zavřel oči.
Kapitola 1.	
Нету никакого дьявола! - растерявшись от всеї	„Žádný d'ábel neexistuje!“ <u>vykřikl</u> básník, zmatený

этой <u>муры</u> , <u>вскричал</u> Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание! Перестаньте вы психовать. (Кnižní výraz)	celou tou komedií, a nasadil všemu korunu. „To je hrůza! Přestaňte s tou hysterií!”
Так вот, необходимо принять меры, а то получается какая-то неприятная <u>чепуха</u> .	Tudíž by se mělo něco podniknout, aby nedošlo k <u>nepříjemnosti</u> .
Хорошо, хорошо, - фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроеному поэту, которому вовсе не улыбалась мысль караулить сумасшедшего немца, <u>устремился</u> к тому выходу с Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка. (Кnižní výraz)	„Dobrá, dobrá,” uklidňoval ho redaktor s předstíranou laskavostí, zamrkal na rozčileného básníka, kterému se ani trochu nelíbilo, že má hlídat pomateného Němce, a pak <u>zamířil</u> na roh Bronné a Jermolajevské uličky.
Берлиоз упал навзничь, несильно ударившись затылком о бульжник, и успел увидеть в высоте, но справа или слева - он уже не сообразил, - <u>позлащенную</u> луну ... (Archaismus)	...Berlioz dopadl na koleje. Jak se snažil něčeho zachytit, upadl naznak, lehce se uhodil o dlažební kostky do týla a přitom uviděl vysoko na obloze - nerozeznal už, jestli vpravo nebo vlevo - <u>pozlacený</u> měsíc.
Kapitola 3.	
Но лишь кондукторша рванула веревку и трамвай тронулся, кот поступил как всякий, кого <u>изгоняют</u> из трамвая, но которому все-таки ехать-то надо. (Кnižní výraz)	Sotva průvodčí zatáhla za šňůru a tramvaj se rozjela, počínal si jako každý, koho <u>vyhánějí</u> z tramvaje, ale kdo se přesto potřebuje někam rychle dostat.
Недоразумение было налицо, и <u>повинен</u> в нем был, конечно, Иван Николаевич. Но признаться в этом он не пожелал и, воскликнув <u>укоризненно</u> : "Ах, развратница!.." (Кnižní výrazы)	Šlo pochopitelně o nedorozumění a <u>zavinil</u> je samozřejmě náš Ivan. <u>Nechtěl</u> to však přiznat, jenom <u>káravě</u> vykřikl: „Nemravo jedna!”
Погрозив в бессильной злобе кому-то вдаль кулаком, Иван <u>облачился</u> в то, что было оставлено. (Кnižní archaiský výraz)	Básník v bezmocném vzteku pohrozil pěstí do dálky a <u>navlékl si</u> všechno, co zbylo.
Kapitola 4.	
Степа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на <u>коем</u> имеется нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объемистом ювелиришном графинчике. (Кnižní spojka)	Ředitel vykulil oči a uviděl na malém stolku na podnose nakrájený bílý chléb, černý lisovaný kaviár ve sklenici, talířek s nakládanými hříbký, cosi v kastrůlku a konečně vodku v baňaté karafě - památce po zlatnici.
Капитола 7.	
И пришедшие немедленно <u>устремилась</u> в коридор. (Кnižní výraz)	Příchozí neprodleně <u>zamířili</u> do chodby.
Капитола 9.	
Он и по кабинету пробежался, и дважды <u>вздыхал</u> руки, как распятый, и выпил целый стакан желтоватой воды из графина, и восклицал ... (Кnižní archaiský výraz)	Pobíhal po kanceláři, dvakrát <u>rozhodil</u> ruce jako ukřižovaný, vypil naráz celou sklenici nažloutlé vody z karafy a pokřikoval...
Капитола 10.	
Римского окатило ледяной волной, но, к счастью	Zalil ho ledový pot, ale naštěstí <u>se ovládl</u> natolik, že

для себя, он <u>превозмог себя</u> и не упал. (Кnižní výraz)	<i>neupadl.</i>
Капитола 14.	
Тогда Никанора Ивановича <u>посетило сновидение</u> , в основе которого, несомненно, были его сегодняшние переживания. (Кnižní výraz)	<i>Zdál se mu sen, k němuž nesporně přispěly dojmy z uplynulého dne.</i>
Но врач быстро успокоил всех встревоженных, <u>скорбных главою</u> , и они стали засыпать. (Archaismus)	<i>Ale lékaři brzy uklidnili vyšinuté <u>pacienty</u>, takže všichni postupně usínali.</i>
Капитола 15.	
Нарывавшись вдоволь, Коровьев отлепился наконец от стенки и <u>вымолвил</u> ... (Кnižní archaický výraz)	<i>Když se konečně vyplakal, odlepil se od stěny a řekl...</i>
Капитола 18.	
Правда, внешность Коровьева <u>весьма</u> изменилась. (Кnižní výraz)	<i>Pravda, jeho zevnějšek se <u>radikálně</u> změnil.</i>
Капитола 21.	
Разрешите подумать, - <u>смирено</u> ответил кот, положил локти на стол, уткнул уши в лапы и стал думать. (Кnižní, archaický výraz)	<i>„Rozmyslím si to, jestli dovolíte,“ <u>mírně</u> odpověděl Kňour a přemýšlel, hlavu v tlapách.</i>
Капитола 22.	
Услышав, что шаги стихают, Аннушка, как змея, выскользнула из-за двери, бидон поставила к стенке, <u>пала</u> животом на площадку и стала шарить. (Archaismus)	<i>Když zjistila, že kroky ztichly, Anuška se prosmýkla jako had na chodbu, postavila bandasku ke stěně, <u>lehla si</u> na břicho a začala šátrat kolem sebe.</i>
Капитола 24.	
Этого гражданина уже ждали, и через некоторое время <u>незабвенный</u> директор Варьете, Степан Богданович Лиходеев, <u>предстал</u> перед следствием. (Archaismy)	<i>...už ho zastavili, a zanedlouho se <u>nezapomenutelný</u> ředitel Varieté Stěpan Bogdanovič Lotrov <u>ocitl</u> před vyšetřovateli, kde přisypal další podrobnosti.</i>
В полном молчании вошедшие в гостиную <u>созерцали</u> этого кота в течение довольно долгого времени. (Кnižní výraz)	<i>Vešli dovnitř a chvíli ho <u>pozorovali</u>.</i>
Капитола 27.	
Очень хорошо, мессир, - ответили оба <u>гаера</u> и скрылись где-то за круглой центральной баишей, расположенной в середине террасы. (Archaismus)	<i>„Výborně, pane,“ odpověděli oba <u>komedianti</u> a zmizeli za kulatou hlavní věží, která se vypínala uprostřed terasy.</i>
Капитола 29.	
Откуда взялись все эти <u>яства</u> и напитки, было неизвестно и Маргарите и мастеру. Проснувшись, они все это застали уже на столе. (Archaismus)	<i>Odkud se všechno <u>jídlo</u> a pití vzalo, Markétka ani Mistr nevěděli. Když se probudili, našli stůl plný.</i>
Он <u>воздел</u> руки к небу и закричал: - Нет, это черт знает что такое, черт, черт, черт! (Кnižní výraz)	<i><u>Zvedl</u> ruku k nebi. „Ne, v tomhle aby se čert vyznal, na mou duši...,“ posteskl si.</i>
Капитола 30.	
Именующий себя Воландом со всеми своими <u>присными</u> исчез и ни в Москву более не возвращался и нигде вообще не появился и ничем себя не проявил. (Archaismus)	<i>Řečený Woland se svými <u>kumpány</u> upláchl z Moskvy a víc se neobjevil ani ve městě, ani jinde, aniž o sobě dal vědět.</i>
Epilog	

Пříklady zachování archaismů a knižních výrazů:

Гражданин ростом в <u>сажень</u> , но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая. (Historismus)	Neznámý měřil <u>sáh</u> , ale byl úzký v ramenou a neuvěřitelně hubený, a tvářil se - uštěpačně.
Капитола 1.	
И немедленно же он <u>обращал к небу горькие укорины</u> за то, что оно не наградило его при рождении литературным талантом, без чего, естественно, нечего было и мечтать <u>овладеть</u> членским МАССОЛИТским билетом, коричневым, пахнувшим дорогой кожей, с золотой широкой каймой, - известным всей Москве билетом. (Книžní výrazy)	Vysílal k nebi hořké výčitky, že ho při narození neobdarilo literárním nadáním. Takhle nemohl ani ve snu doufat, že někdy <u>obdrží</u> legitimaci MASOLITU, hnědou knížečku, která voněla drahou kůží, se širokým zlatým okrajem, legitimaci známou po celé Moskvě.
Сидящие за столиками стали <u>приподниматься и всматриваться</u> и увидели, что вместе с огонечком <u>шестьвет</u> к ресторану белое привидение. (Книžní výraz)	Hosté u stolků vstávali, natahovali krky a viděli, že se světlkem <u>kráčí</u> k restauraci bílý přízrak.
Капитола 5.	
Голова и предсказание консультанта привели его к мысли о Понтии Пилате, и для <u>вящей</u> убедительности Иван решил весь рассказ о прокураторе изложить полностью с того самого момента, как тот в белом плаще с кровавым подбоем вышел в колоннаду иродова дворца.	Hlava a konzultantovo proroctví ho přivedly k myšlence na Piláta Pontského a pro <u>větší</u> přesvědčivost se rozhodl vyložit celý příběh o prokurátorovi od okamžiku, kdy Pilát v bílém plášti s purpurovou podšívkou <u>kráčel</u> sloupovým paláce Heroda Velikého.
Капитола 11.	
Через минуту в зрительном зале погасли шары, вспыхнула и дала красноватый отблеск на низ занавеса рампа, и в освещенной щели занавеса <u>предстал</u> перед публикой полный, веселый как дитя человек с бритым лицом, в помятом фраке и несвежем белье. (Книžní výraz)	Brzy nato v hledišti zhasla světla, rozzářila se rampa a vrhla záblesk na spodní okraj opony, a v její osvětlené škvíře <u>se objevil</u> pečlivě vyholený plnoštíhlý muž s dětským úsměvem, v pomáčkaném fraku a ne zrovna nejčistší košili.
... осведомился Воланд у клетчатого <u>гаера</u> , носившего, по-видимому, и другое наименование, кроме "Коровьев" ... (Archaismus)	...otázal se kostkovaného <u>poskoka</u> , který se jmenoval zřejmě ještě jinak než jen Korovjev...
Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и <u>овладела</u> первым, что подвернулось, - шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два <u>футляра духов</u> . (Книžní výraz)	Jedna jako tygřice vtrhla za závěs, shodila kostým a <u>zmocnila se</u> toho, co jí nejdřív přišlo pod ruku - hedvábného květovaného županu. Navíc urvala pro sebe dva flakóny voňavky.
Капитола 12.	
Короткое пребывание Маргариты под вербами <u>ознаменовалось</u> одним эпизодом. (Книžní výraz)	Během Markétčina krátkého pobytu pod vrбами <u>se udála</u> ještě jedna příhoda...
Капитола 21.	

<i>Маргариту бросили на хрустальное <u>ложе</u> и до блеска стали растирать какими-то большими зелеными листьями. (Archaismus)</i>	<i>Pak ji položili na křišťálové <u>lože</u> a třely ji velikánskými zelenými lupeny, až se celá leskla.</i>
Капитола 23.	
<i>Из стены ее вышел оборванный, выпачканный в глине мрачный человек в <u>хитоне</u>, в самодельных сандалиях, чернородый. (Historismus)</i>	<i>Z její stěny vyšel otrhaný zamračený muž v <u>chitónu</u>, s černou bradkou, od hlavy až k patě zmazaný od hlíny, v ručně vyrobených sandálech.</i>
Капитола 29.	

Добové výrazy A. Морávková zachovává pouze v том případě, když ekvivalent je srozumitelný pro současného českého čtenáře, v ostatních případech je nahrazuje.

Моторный вагон - motorový vagón, гривенник – desetník (Капитола 4., 13.); лихач – drožkář, козла – kozlík (Капитола 5.); лафитничек – stopka (Капитола 9.); карета – záchranka (Капитола 12.); червонцы – rubly (Капитола 14.); барышник – šmelinář, таксомоторная стоянка - stanoviště taxíků (Капитола 17.); примус – vařič (Капитола 21.).

- **Пřirovnání** A. Морávková často překládá doslova, přesto k výraznějším významovým posunům zde nedochází.

<i>Он смерил Берлиоза взглядом, <u>как будто собирался сшить ему костюм</u>, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: "Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть - несчастье... вечер - семь..." - и громко и радостно объявил: - Вам отрежут голову!</i>	<i>...změřil si ho pátravým pohledem, <u>jako by se mu chystal šít oblek</u>, procedil mezi zuby něco jako: „Jeden, dva... Merkur v druhém domě... měsíc zapadl... šest... neštěstí... večer... sedm...,” a pak hlasitě a radostně oznámil: „Uříznou vám hlavu!”</i>
Капитола 1.	
<i>Поэт провел рукою по лицу, <u>как человек, только что очнувшийся</u>, и увидел, что на Патриарших вечер.</i>	<i>Básník si přešel rukou po obličej, <u>jako by se právě vzpamatoval</u>, a viděl, že se mezitím na Patriarchovy rybníky snesl večer.</i>
<i>... нога неудержимо, <u>как по льду</u>, поехала по бульжнику ...</i>	<i>Vtom se mu vysmekla ruka a noha nezadržitelně <u>jako po ledu sklouzla po dláždění</u>,</i>
Капитола 3.	
<i>Но это еще не все: третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся кот, <u>громадный, как боров, черный, как сажа или грач</u>, и с отчаянными кавалерийскими усами.</i>	<i>Ale to ještě nebylo všechno. Třetím v téhle společnosti byl obrovitý kocour, <u>velký jako tele a černý jako saze nebo havran</u>, s výbojnými husarskými kníry.</i>
Капитола 4.	
<i>... из ворот Грибоедова Пантелея, швейцар, милиционер, официант и поэт Рюхин выносили <u>спеленатого, как куклу</u>, молодого человека ...</i>	<i>... jak Pantělej, vrátný, milicionář, číšník a básník Sviňkov vynášejí ze vrat Gribojedova jakéhosi mladíka, <u>zabaleného jako loutku</u>...</i>
Капитола 5.	
<i>Груней, отчетливо увидел какого-то странного субъекта - <u>длинного, как жердь</u>, и в пенсне (ах, если бы здесь был Иван Николаевич! Он узнал бы этого</i>	<i>Gruni, podivného chlapíka, <u>vytáhlého jako tyčka</u>, se skřipcem na nose (ach, být tu Ivan, určitě by ho okamžitě poznal!).</i>

субъекта сразу!).	
Капитола 7.	
... переводчик замахал руками, <u>как мельничными крыльями.</u>	...a zamával rukama jako křídly větrného mlýnu
Некоторое время председатель, как баран, смотрел на ступеньки лестницы, но потом решил плюнуть на это и не мучить себя замысловатым вопросом.	Chvilí stál tupě jako beran a pozoroval schody, ale pak se rozhodl mávnout nad tím vším rukou a zbytečně se netrápit podobnými záhadami...
Проглотив слюну, Никанор Иванович заворчал, как <u>пес</u> ...	Bosý polkl slinu a zavrčel jako vzteklý pes...
Капитола 9.	
... Варенуха отозвался, как эхоadministrátor opakoval jako ozvěna...
Он и по кабинету пробежался, и дважды вздымал руки, как <u>распятый</u> , и выпил целый стакан желтоватой воды из графина, и восклицал ...	Pobíhal po kanceláři, dvakrát rozhodil ruce jako ukřižovaný, vypil naráz celou sklenici nažloutlé vody z karafy a pokřikoval...
Капитола 10.	
Атласная змея фыркнула, Фагот раскрыл рот, как <u>птенец</u> , и всю ее, карту за картой, заглотал.	Lesklý had se vymrštil, Fagot otevřel ústa jako píske a celou sadu, kartu za kartou, spolykal.
Затем сжался в комок и, как <u>пантера</u> , махнул прямо на грудь Бенгальскому, а оттуда перескочил на голову.	Pak se stočil do klubíčka a jako panter skočil přímo Bengálskému na prsa a odtud na hlavu.
Одна, как <u>буря</u> , ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и овладела первым, что подвернулось, - шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два <u>футляра духов</u> .	Jedna jako tygřice vtrhla za závěs, shodila kostým a zmocnila se toho, co jí nejdřív přišlo pod ruku - hedvábného květovaného županu. Navíc urvala pro sebe dva flakóny voňavky.
Капитола 12.	
Тотчас же отшатнулся от нее и стал <u>белее бумаги</u> .	Vzápětí se zvrátil do křesla, bílý jako křída.
Ну, то, что я и говорил, - причмокнув, как <u>будто его беспокоил больной зуб</u> , ответил администратор, - <u>нашли его в трактире в Пушкине</u> .	„Dopadlo to tak, jak jsem říkal,“ vykládal administrátor a zamlaskal, jako by ho dráždil bolavý zub. „Našli ho v Puškinu v hospodě.“
Рука ее стала удлиняться, как <u>резиновая</u> , и покрылась трупной зеленью.	Ruka se jí prodloužila, jako by byla z gumy, a pokryla se mrtvolnou plísní.
Римский слабо вскрикнул, прислонился к стене и портфель выставил вперед, как <u>щит</u> .	Ředitel slabě vykřikl, přitiskl se ke zdi a chránil se aktovkou jako štítem.
И вслед за нею, подпрыгнув и вытянувшись горизонтально в воздухе, <u>напоминая летящего купидона</u> , выплыл медленно в окно через письменный стол Варенуха.	Administrátor se vznesl do vzduchu a jako letící amorek plul pomalu nad Rimského psacím stolem k oknu.
<u>Седой как снег</u> , без единого черного волоса старик, который недавно еще был Римским, подбежал к двери, отстегнул пуговку, открыл дверь и кинулся бежать по темному коридору.	Bývalý Rimský, teď stařec s vlasy bílými jako sníh, se rozběhl ke dveřím, odemkl a upaloval po tmavé chodbě.
Через несколько мгновений <u>дребезжащая машина, как вихрь</u> , летела по кольцу Садовой.	Za pár vteřin už taxík letěl jako víchr po okruhu Sadové.
Капитола 14.	
Тело его облегчилось, а голову обдувала <u>теплым</u>	Cítil se lehký jako pírkó a hlava se mu propadala do

<i>ветерком дрема.</i>	<i>slastné dřimoty.</i>
Капитола 15.	
<i>В голове у него был какой-то сквозняк, гудело, как в трубе, и в этом гудении слышались клочки капельдинерских рассказов о вчерашнем коте, который принимал участие в сеансе.</i>	<i>V hlavě jako by mu řádl průvan, hučelo tam jako v komíně a v hukotu si vybavoval útržky z vyprávění uvaděčů o včerejším kocourovi, který vystupoval v představení.</i>
Капитола 17.	
<i>Однако в то же время неприятное облачко набежало на его душу, и тут же мелькнула змейкой мысль о том, что не прописался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного, ибо и такие примеры в жизни бывали.</i>	<i>Zároveň se mu do rozbolestněné duše vplížil stín podezření, jestli se náhodou tenhle útloučtý chlapík mezitím nenastěhoval do nebožtíkova bytu. Podobné případy se stávají.</i>
<i>Буфетчик протиснулся в дверь, пискнул "до свиданья" и пошел, как пьяный.</i>	<i>Šťávin se prosmýkl dveřmi, zapištěl: „Na shledanou,“ a vypotácel se jako opilý.</i>
<i>Буфетчик вынул тридцать рублей и выложил их наверх стол, а затем неожиданно мягко, как будто бы кошачьей лапкой оперируя, положил червонцев звякнувший столбик в газетной бумажке.</i>	<i>Šťávin vysázel na stůl třicet rublů a navrch položil opatrným kočičím pohybem roličku zabalenou v novinovém papíře, která podezřele cinkala.</i>
<i>Паскудный воробушек припал на левую лапку, явно кривлялся, волоча ее, работал синкопами, одним словом, - приплясывал фокстрот под звуки патефона, как пьяный у стойки.</i>	<i>Podezřelé vrabčisko napadalo na levou nohu, nápadně se kroutilo a natřásalo v rytmu synkop, zkrátka tancovalo za zvuku gramofonu foxtrot a vyvádělo jako opilec u výčepu.</i>
<i>Воробушек же тем временем сел на подаренную чернильницу, нагадил в нее (я не шучу), затем взлетел вверх, повис в воздухе, потом с размаху будто стальным клювом ткнул в стекло фотографии, изображающей полный университетский выпуск 94-го года, разбил стекло вдребезги и затем уже улетел в окно.</i>	<i>Vrabčák se zatím usadil na darovaný kalamář, vykálel se do něj (nedělám si legraci) a pak vzlétl do vzduchu. Chvilí se vznášel a pak vši silou klovl v letu tvrdým, jako ocelovým zobanem do zasklené fotografie, kde se usmíval kompletní univerzitní ročník z roku 1894. Sklo se vysypalo a vrabec jako šipka vylétl oknem ven.</i>
Капитола 18.	
<i>Но они двигались, хотя и очень медленно, как будто прилиная, и наконец <длинная стрелка упала на двадцать девятую минуту десятого>.</i>	<i>Ve skutečnosti se ručičky posunovaly hlemýždím tempem, jako by se nemohly odlepit z místa. Konečně se ručička přiblížila k půl desáté.</i>
<i>Николай Иванович, видный в луне до последней пуговки на серой жилетке, до последнего волоска в светлой бородке клинышком, вдруг усмехнулся дикой усмешкой, поднялся со скамейки и, очевидно, не помня себя от смущения, вместо того, чтобы снять шляпу, махнул портфелем в сторону и ноги согнул, как будто собирался пуститься вприсядку.</i>	<i>Soused, ozářený měsíčním světlem do posledního knoflíku na šedé vestě i do posledního chloupku světlé koží bradky, najednou s plachým úsměvem vstal a celý nsvůj rozpaky, místo aby smekl klobouk, odhodil aktovku stranou a dřepł si, jako by se chystal tancovat kozačka.</i>
Капитола 19.	
<i>Со звуком револьверного выстрела лопнула под ударом молотка верхняя полированная дека.</i>	<i>Prásk, zaznělo jako výstřel z revolveru a pod úderem kladiva lupla horní leštěná deska.</i>
<i>И это скольжение, как на воздушных салазках, вниз</i>	<i>Tenhle skluz na vzdušných sáňkách jí způsobil</i>

<i>принесло ей наибольшее наслаждение.</i>	<i>dětskou radost.</i>
<i>Под Маргаритой хором пели лягушки, а где-то вдали, почему-то очень волнуя сердце, шумел поезд. Маргарита вскоре увидела его. Он полз медленно, как гусеница, сыпя в воздух искры.</i>	<i>Dole napínal hlasivky žabí chór a v dálce zahoukal vlak, až ji bůhvíproč bodlo u srdce. Brzy ho uviděla. Plazil se zvolna jako housenka a metal do vzduchu snopy jisker.</i>
<i>Постепенно к этому шуму чего-то летящего, как снаряд, присоединился слышимый на много верст женский хохот.</i>	<i>Vtom za sebou zaslechla cosi jako svištění letícího granátu, který ostře rozrážel vzduch.</i>
<i>Капитола 21.</i>	
<i>Ничего не было видно, как в подземелье, и Маргарита невольно уцепилась за плащ Азазелло, опасаясь споткнуться.</i>	<i>V předsíni bylo tma jako v ranci, takže se bezděčně zachytila Azazela za plášť, aby neklopýtla.</i>
<i>Воланд положил свою тяжелую, как будто каменную, и в то же время горячую, как огонь, руку на плечо Маргариты, дернул ее к себе и посадил на кровать рядом с собою.</i>	<i>Woland jí položil ruku těžkou jako kámen a zároveň žhavou jako oheň na rameno, přitáhl ji k sobě a posadil vedle sebe na postel.</i>
<i>И кот от обиды так раздулся, что казалось, еще секунда, и он лопнет.</i>	<i>A uraženě se nafoukl, až se zdálo, že každou chvíli praskne.</i>
<i>Он умолк и стал поворачивать перед собою свой глобус, сделанный столь искусно, что синие океаны на нем шевелились, а шапка на полюсе лежала, как настоящая, ледяная и снежная.</i>	<i>Odmlčel se a začal otáčet glóbusem, sestrojeným tak důmyslně, že modré oceány se vlnily a na severním pólu ležela ledová sněžná čepice jako pravá.</i>
<i>Горячая, как лава, жижа обжигала руки, но Маргарита, не морщась, стараясь не причинять боли, втирала ее в колено.</i>	<i>Horká kaše páčila do rukou jako rozžhavená láva, ale Markéta se přesto ani trochu nemračila bolestí, pečlivě natírala koleno a snažila se, aby to nebolelo.</i>
<i>Домик, который был размером в горошину, разросся и стал как спичечная коробка.</i>	<i>Domek o velikosti hrachu nabobtnal a připomínal krabičku zápalek.</i>
<i>Капитола 22.</i>	
<i>Он уселся на корточки у ног Маргариты и стал натирать ей ступни с таким видом, как будто чистил сапоги на улице.</i>	<i>Usedl na bobek u Markétiných nohou, masíroval jí chodidla a tvářil se jako čistič bot na ulici.</i>
<i>Острая боль, как от иглы, вдруг пронзила правую руку Маргариты, и, стиснув зубы, она положила локоть на тумбу.</i>	<i>Pocítila ostrou bodavou bolest v pravé ruce a opřela se o sloupek, zuby sevřené.</i>
<i>Какой-то шорох, как бы крыльев по стенам, доносился теперь сзади из залы ...</i>	<i>Ze zadu z plesového sálu sem doléhal šum, připomínající tlukot křídel o stěnu.</i>
<i>Капитола 23.</i>	
<i>Оставалось предположить, что сонная и странная личность улетела из дому, как птица, не оставив по себе никакого следа.</i>	<i>Nezbývalo než předpokládat, že ten podivný mátožný člověk vylétl z domu jako ptáče a nenechal po sobě nejmenší stopu.</i>
<i>Услышав, что шаги стихают, Аннушка, как змея, выскользнула из-за двери, бидон поставила к стенке, пала животом на площадку и стала шарить...</i>	<i>...Anuška se prosmýkla jako had na chodbu, postavila bandasku ke stěně, lehla si na břicho a začala šátrat kolem sebe.</i>

<i>Белорудый твердыми, как поручни автобуса, и столь же холодными пальцами, ничего более не говоря, сжал Аннушкино горло так, что совершенно прекратил всякий доступ воздуха в ее грудь.</i>	<i>Chlapík s bílou náprsenkou jí beze slova sevřel krk studenými železnými prsty, které připomínaly trolejbusová držadla.</i>
<i>Она гладила рукопись ласково, как гладят любимую кошку, и поворачивала ее в руках ...</i>	<i>Láskyplně hladila rukopis, jako se hladívá oblíbená kočka, a obracela ho v ruce...</i>
Капитола 24.	
<i>Двенадцать человек осуществляли следствие, собирая, как на спицу, окаянные петли этого сложного дела, разбросавшиеся по всей Москве.</i>	<i>Dvanáct mužů vedlo vyšetřování a snažilo se zachytit všechny nitky roztroušené po celé Moskvě, které by vedly k rozuzlení toho složitěho případu.</i>
<i>Кот прицелился и, летая, как маятник, над головами пришедших, открыл по ним стрельбу.</i>	<i>Míhal se nad hlavami mužů jako kyvadlo a pak namířil a zahájil palbu po nepříteli.</i>
Капитола 27.	
<i>Горько мне! Горько! Горько! - завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе.</i>	<i>Člověk by nad tím brečel!" lamentoval jako družba na starodávné veselce.</i>
<i>Немедленно исчезла со стола старая скатерть в желтых пятнах, в воздухе, хрустя крахмалом, взметнулась белейшая, как бедуинский бурнус, другая, а Арчибальд Арчибальдович уже шептал тихо, но очень выразительно, склоняясь к самому уху Коровьева ...</i>	<i>Jako kouzlem zmizel ze stolku starý ubrus se zažloutlými skvrnami a ve vzduchu se míhl šelestivý, čerstvě naškrobený a bílý jako beduínský burnus. Archibald Archibaldovič zašeptal významně Korovjevovi do ucha...</i>
<i>Заблаговременно вышедший через боковой ход, никуда не убегая и никуда не спеша, как капитан, который обязан покинуть горящий бриг последним, стоял спокойный Арчибальд Арчибальдович в летнем пальто на шелковой подкладке, с двумя бальковыми бревнами под мышкой.</i>	<i>Uprostřed zkázy stál pevně jako skála duchapřítomný Archibald Archibaldovič, který prozíravě vyklouzl postranním vchodem a připomínal kapitána, který opouští hořící loď jako poslední. Měl na sobě letní plášť s hedvábnou podšívkou a pod pažďí svíral dva lososí hřbety.</i>
Капитола 28.	
<i>Азazelло повернул ее как куклу, лицом к себе и взгляделся в нее.</i>	<i>Azazelo ji zvedl svými železnými prackami lehce jako loutku, otočil ji obličejem k sobě, upřel na ni magický pohled</i>
<i>Мастер и Маргарита соскочили с седел и полетели, мелькая, как водяные тени, через клинический сад.</i>	<i>Mistr a Markétka seskočili z koni a mihli se zahradou kliniky jako vodní přízraky.</i>
Капитола 30.	
<i>Ах нет, нет, мессир, - отозвалась Маргарита, сидящая в седле, как амазонка, подбоченившись и свесив до земли острый шлейф, - разрешите ему, пусть он свистнет.</i>	<i>„Ach ne, pane,“ ozvala se Markétka, která seděla v sedle jako amazonka, s rukama v bok, a dlouhá vlečka ji sahala až na zem.</i>
Капитола 31.	

V několika případech překladatelka příslušný výraz odstraňuje, ale vzhledem k tomu, že k tomu nedochází často, žádný vliv na vyznění zkoumaného řečového pásma to nemá.

<i>Нет, не могу видеть этого, нет, не могу! -</i>	<i>„Ne, nemůžu se na to dívat, prostě nemůžu!“ zvolala</i>
---	--

закричала Анна Ричардовна и выбежала в секретарскую, а за нею как пуля вылетел и бухгалтер.	Anna Richardovna, odběhla do své kanceláře a účetní Lastočkin za ní.
Капитола 17.	
Как бы зияющая пасть с черными краями появилась в тенге и стала расплзаться во все стороны.	V plátně se objevila velká díra s černým okrajem a rozlézala se na všechny strany.
Капитола 28.	

- Frazémy jsou často přeloženy nefrazeologickými lexémy.

... ни к селу ни к городу ... (Капитола 1.);	...dodal záhadně...
... отбившись от тех, что следовали за ним по пятам ... (Капитола 9.);	Unikl stěží dotěravcům, kteří ho pronásledovali, přes asfaltový dvůr
Варенуха видал всякие виды ... (Капитола 10.);	Varenucha už leccos viděl a zažil...
... во весь мах Маргарита понеслась вниз ... (Капитола 21.);	...zamířila prudce dolů a přitom počítala patra.
... черт его знает кто на самом деле (Капитола 21.);	...kdoví, čím vlastně ve skutečnosti byl...
... ни свет ни заря ... (Капитола 24.);	...uprostřed noci...;
... черт знает почему ... (Капитола 27.)	Ale jako naschvál...

Frazémy se slovem „čert“ překladatelka převážně nenahrazuje.

... черт знает почему ... (Капитола 3.);	... čertví proč...
Регент как сквозь землю провалился. (Капитола 4.);	...regenschori zmizel, jako by se do země propadl.
... черт его знает ...;	...čert ví...;
... откуда ни возьмись ... (Капитола 5.);	...kde se vzalo tu se vzalo...
... как сквозь землю провалился. (Капитола 7.);	jako by se do země propadl
Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица ... (Капитола 12.);	Jakoby mávnutím kouzelného proutku stanula na scéně zrzavá dívka...
Ум финдиректора заходил за разум.	Obával se, že mu přeskočilo.
... пить горькую чашу ответственности ... (Капитола 14.);	...hořkou číši odpovědnosti ...
... черт знает что ... (Капитола 19.);	...Čert aby se v tom vyznal...
... по гроб жизни ...;	Až do nejdelší smrti;
Под счастливой звездой родился критик Латунский. (Капитола 21.);	Jen šťastná hvězda zachránila Latunského...
... черт знает что ...;	...v tomhle aby se čert vyznal...;
... бог знает какое ...;	...bůhví kolik...;
... ко всем чертям ...;	...pošlu ho ke všem čertům...;
... в чем мать родила ... (Капитола 27.)	...jak je pánbůh stvořil...

- Citoslovce překladatelka většinou odstraňuje nebo nahrazuje částicemi.

Пříklady odstranění/nahrazení citoslovcí:

<i>Ах, кричали они напрасно ...;</i> <i>Но, <u>увы</u>, и то и другое было непродолжительно.</i> (Kapitola 7.);	<i>Bohužel marně.</i> <i>Ale <u>bohužel</u> netrvaly dlouho.</i>
<i>Ах, как ловко и отчетливо Воланд подчеркнул, повторяя слова самой Маргариты - "одной вещи"!</i> (Kapitola 24.);	<i>Jak obratně zdůraznil, že jde pouze o jediné přání!</i>
<i>О, как торжествовал бы Иван, если бы следователь явился к нему пораньше ...;</i>	<i>Jak by Ivan triumfoval, kdyby se vyšetřovatel objevil dřív...;</i>
<i>Но, <u>увы</u>, Иванушка совершенно изменился за то время, что прошло с момента гибели Берлиоза.</i> (Kapitola 27.);	<i>Але <u>бѣда!</u> Ivan se za dobu, která uplynula od Berliozovy smrti, hodně změnil ...</i>
<i>Ах, <u>умен</u> был Арчибальд Арчибальдович!</i> (Kapitola 28.);	<i>Vedoucí restaurace <u>měl za ušima!</u></i>
<i>О, нет!</i> (Epilog)	<i>Omyl!</i>

Пříklady zachování citoslovcí:

<i>О боги, боги мои, яду мне, яду!..</i> (Kapitola 5.);	<i>Ó bohové, <u>popřejte mi jedu</u>...</i>
<i>... <u>ах</u>, если бы здесь был Иван Николаевич!</i> (Kapitola 7.);	<i><u>ach</u>, být tu Ivan...</i>
<i>Нагая ведьма, та самая Гелла, что так смущала почтенного буфетчика Варьете, и, <u>увы</u>, та самая, которую, к великому счастью, вспугнул петух ...</i> (Kapitola 22.);	<i>Známa Hela, která tolik pohoršovala počestného bufetáře Varieté a kterou - <u>hů!</u> - naštěstí vyplašil kohout v noci po památném představení...</i>

- **Образная выјадření** jsou přeložena většinou velmi přesně a pouze výjimečně jsou neutralizována.

<i>... <u>тупая игла</u> выскочила из сердца ...;</i> <i>... но в глазах его еще прыгала тревога ...;</i> <i>... ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, <u>бесшумно чертили черные птицы</u> ...;</i> <i>Подсолнечное масло здесь вот при чем, - вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив <u>объявить</u> незванному <u>собеседнику</u> <u>войну</u> ...</i> (Kapitola 1.);	<i>... <u>тупá jehla</u> vyklouzla ze srdce...;</i> <i>... <u>ale jeho oči</u> dosud vzrušeně <u>těkaly</u>...;</i> <i>... vysvětloval záhadný společník a přimhouřenýma očima vzhlédl na oblohu, kde <u>nehlučně kroužili černí ptáci</u> ...;</i> <i>„Asi tolik...,” vmísil se náhle do hovoru Bezprizorný, který se zřejmě rozhodl <u>vyhlásit cizinci válku</u>, a dodal...</i>
<i>... в лицо ему <u>брызнул</u> красный и белый свет ...; Еще раз, и в последний раз, мелькнула <u>дуна</u>, но уже <u>разваливаясь на куски</u>, и затем стало темно.</i> (Kapitola 3.);	<i>... když ho <u>oslepilo</u> červené a bílé světlo...;</i> <i>Ještě jednou, naposled se mu před očima kmitl <u>měsíc roztráštěný na kusy</u>, a pak už byla tma.</i>
<i>... в <u>расстроенный мозг</u> Ивана Николаевича <u>вцепилось</u> одно слово: "Аннушка"...;</i> <i>Иван Николаевич начал плавать в пахнувшей нефтью черной воде <u>меж</u> изломанных зигзагов</i>	<i>... <u>utkvělo v rozrušeném básníkově mozku</u> jediné slovo: Anuška.</i> <i>... když plaval v zčernalé vodě <u>načichlé naftou</u>, <u>mezi</u> <u>pokřivenými stíny</u> <u>nábřežních svítilen</u>.</i>

<u>береговых фонарей.</u>	
<u>Город уже жил вечерней жизнью. (Kapitola 4.);</u>	<u>Moskva už žila večerním životem.</u>
<u>Дело в том, что в этом вчерашнем дне зияла</u>	<u>V událostech včerejšího dne totiž zela obrovská</u>
<u>преогромная черная дыра. (Kapitola 7.);</u>	<u>černá mezera.</u>
<u>Администратор протер глаза и увидел, что над</u>	<u>Administrátor si promnul oči a zpozoroval, že nízko</u>
<u>Москвой низко ползет желтобрюхая грозовая туча.</u>	<u>nad Moskvou pluje bouřkový mrak se žlutým</u>
<u>(Kapitola 10.);</u>	<u>břichem.</u>
<u>В небе то и дело вспыхивали нити, небо лопалось,</u>	<u>Na obloze občas vyšlehovala ohnivá vlákna, nebe</u>
<u>комнату больного заливало трепетным пугающим</u>	<u>pukalo a pokoj nemocného se ozářil hrozivým</u>
<u>светом.</u>	<u>rozeklaným světlem.</u>
<u>К тому времени, как появилась издалека пугающая</u>	<u>Ve chvíli, kdy už se přihnál z dálky děsivý mrak s</u>
<u>туча с дымящимися краями и накрыла бор и дунул</u>	<u>kouřovým okrajem, zastínil les a zvedl se vítr...;</u>
<u>ветер ...;</u>	<u>... takže Ivan Bezprizorný ani nezpozoroval, že se</u>
<u>... и он даже не заметил, как радуга растаяла и как</u>	<u>duha rozplynula, obloha posmutněla a vybledla a les</u>
<u>загрустило и полиняло небо, как почернел бор.</u>	<u>zčernal.</u>
<u>(Kapitola 11.);</u>	
<u>С галерки плеснуло смешком, а Бенгальский</u>	<u>Galerie vyprskla smíchem a konferenciér sebou škulil</u>
<u>вздروгнул и выпучил глаза.</u>	<u>a vykulil oči.</u>
<u>Атласная змея фыркнула, Фагот раскрыл рот, как</u>	<u>Lesklý had se vymrštil, Fagot otevřel ústa jako pískle</u>
<u>птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал.</u>	<u>a celou sadu, kartu za kartou, spolykal.</u>
<u>(Kapitola 12.);</u>	
<u>В глазах его плавал и метался страх и ярость.</u>	<u>...v očích se zmítal a tonul strach a úzkost.</u>
<u>(Kapitola 13.);</u>	
<u>Милиционер устремлялся к несчастной, буравя</u>	<u>K nešťastnici už mířil milicionář a vzduch zjizvil</u>
<u>воздух свистом ...;</u>	<u>ostrý hvizd.</u>
<u>Высунулся хоть один кончик в этом запутанном</u>	<u>...klubko se pomalu začalo rozmotávat.</u>
<u>деле.</u>	
<u>Ключие глаза Римского через стол врезались в лицо</u>	<u>Pichlavé oči Rimského se zabodly do</u>
<u>администратора ...;</u>	<u>administrátorova obličeje...;</u>
<u>Римского окатило ледяной волной ... (Kapitola 14.);</u>	<u>Zalil ho ledový pot...</u>
<u>Ниточка то и дело рвалась в руках. (Kapitola 17.);</u>	<u>...nit se každou chvíli přetrhla.</u>
<u>Липы и акации разрисовали землю в саду сложным</u>	<u>V jeho světle lípy a akáty vykroužily v parku na zemi</u>
<u>узором пятен.</u>	<u>složitě vzory.</u>
<u>Лунный свет лизнул ее с правого бока. (Kapitola 19.)</u>	<u>takže ji měsíční světlo ošlehlo z pravé strany.</u>
<u>Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов,</u>	<u>dole pod ni pluly střechy trolejbusů, autobusů i</u>
<u>автобусов и легковых машин, а по тротуарам, как</u>	<u>automobilů a po chodnících, jak se jí shora zdálo,</u>
<u>казалось сверху Маргарите, плыли реки кепок. От</u>	<u>proudily řeky čepic. Občas se oddělovaly jednotlivé</u>
<u>этих рек отделялись ручейки и вливались в огненные</u>	<u>pramínky a vlévaly se do osvětlených tlam nočních</u>
<u>пасти ночных магазинов.</u>	<u>obchodů.</u>
<u>По прошествии нескольких секунд далеко внизу, в</u>	<u>Po několika vteřinách kdesi dole v pozemské tmě</u>
<u>земной черноте, вспыхнуло новое озеро</u>	<u>vyšlehl nový kotouč elektrických světél a připletl se</u>
<u>электрического света и подвалилось под ноги</u>	<u>jezdce pod nohy, ale hned se zatočil jako na</u>
<u>летающей, но тут же завертелось винтом и</u>	<u>obrtlíku a propadl se do země.</u>

<p><u>провалилось в землю.</u> <u>Душенька! - будя своими воплями заснувший сосновый лес, отвечала Наташа, - королева моя французская, ведь я и ему намазала лысину, и ему!</u> (Kapitola 21.);</p>	<p><u>„Drahoušku!!” odpovídala Nataša a <u>probudila svým</u> <u>vřískotem dřímající borový les.</u> „Ty moje královničko, já mu natřela pleš, jemu taky, chápeš?”</u></p>
<p><u>Бал упал на нее сразу в виде света, вместе с ним - звука и запаха.</u> <u>С последним ударом неизвестно откуда слышавшихся часов <u>молчание упало на толпы гостей.</u></u> (Kapitola 23.);</p>	<p><u>Ples ji nečekaně <u>uchvátíl záplavou světél, zvuků a vůní.</u></u> <u>Zároveň s posledním úderem vzdálených hodin <u>v hloučcích hostů zavládlo mlčení.</u></u></p>
<p><u>Слышно было, как во дворике в ветвях ветлы и липы <u>вели веселый, возбужденный утренний разговор воробьи.</u></u> (Kapitola 27.);</p>	<p><u>Bylo slyšet, jak na dvorku v korunách vrby a lípy <u>se po ránu vesele hašteří vrbci.</u></u></p>
<p><u>Воланд, Коровьев и Бегемот сидели на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою <u>город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни девичьего монастыря.</u></u> <u>Воланд указал рукою в черной перчатке с <u>раструбом туда, где бесчисленные солнца плавили стекло за рекою, где над этими солнцами стоял туман, дым, пар раскаленного за день города.</u></u> (Kapitola 31.);</p>	<p><u>Woland, Korojjev a Kňour seděli na černých ořích a pozorovali město rozložené za řekou, kde se v tisíci oknech obrácených k západu, k jakoby <u>marcipánovým věžím Novoděvičího kláštera, <u>oslnivě odráželo tisíce malých sluncí.</u></u></u> <u>...pokynul rukou v černé rukavici se zvonovou manžetou tam, kde se v oknech <u>za řekou taviло tisíce malých slunci</u> a nad nimi se vznášel kouřový opar. Rozžhavené město horce vydechovalo.</u></p>
<p><u>Ночь начала закрывать черным платком леса и дуга, ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, чужие огоньки.</u> <u>Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в загрустившем небе <u>белые пятнышки звезд.</u></u> <u>Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек.</u> (Kapitola 32.);</p>	<p><u>Noc oblékla lesy i louky do smutku a kdesi dole <u>zapálila pohřební světýlka, která Markétce i Mistrovi připadala už vzdálená, zbytečná a nezajímavá.</u></u> <u>Doháněla kavalkádu jezdců, <u>snesla se na jejich hlavy a tu a tam rozstříkla po roztesknělé obloze bílé skvrny hvězd.</u></u> <u>Teskné lesy <u>splynuly s tmou, jež pohltila i matně svítivé čepele řek.</u></u></p>
<p><u>Тогда дунный путь вскипает, из него начинается <u>хлестать лунная река и разливается во все стороны.</u></u> <u>Луна властвует и играет, луна танцует и шалит.</u> (Epilog)</p>	<p><u>Měsíční paprsek se rozvlní a vychrlí <u>vodopády světla na všechny strany.</u></u> <u>Měsíc <u>kraluje, skotačí a dovádívě šálí.</u></u></p>

V syntaktické rovině nedochází k větším odchylkám od originálu. Modální věty překladatelka v plném rozsahu zachovává. **Пříznakový slovosled** je často neutralizován.

<i>В громадной, до крайности запущенной передней, слабо освещенной малюсенькой угольной лампочкой под высоким, черным от грязи потолком, на стене висел велосипед без шин, стоял громадный ларь, обитый железом, а на полке над вешалкой лежала зимняя шапка, и длинные ее уши свешивались вниз.</i>	<i>V prostorné, krajně zpuštělé předsíni, matně osvětlené uhlíkovou žárovkou, pod vysokým začouzeným stropem viselo na zdi kolo bez pláštěů, dále tu stála velká železem pobitá truhla a na polici nad věšákem ležela zimní čepice s dlouhýma svěšenýma ušima.</i>
Kapitola 4.	
<i>И было в полночь видение в аду.</i>	<i>O půlnoci se ukázalo zjevení.</i>
Kapitola 5.	
<i>Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица в вечернем черном туалете, всем хорошая девица, кабы не портил ее причудливый ирам на шее, заулыбалась у витрин хозяйской улыбкой.</i>	<i>Jakoby mávnutím kouzelného proutku stanula na scéně zrzavá dívka v černé toaletě, dokonale krásná, kdyby nebylo ošklivého šrámu na šiji. Přistoupila k vitrínám a pobízivě se usmála.</i>
Kapitola 12.	
<i>Оборван он, не разберешь, во что он одет.</i>	<i>Má na sobě zbytky jakéhosi oděvu.</i>
Kapitola 19.	
<i>Взор ее притягивала постель, на которой сидел тот, кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших прудах убеждал в том, что дьявола не существует.</i>	<i>Její zrak upoutala postel, kde seděl ten, koho ještě nedávno ubohý Ivan na Patriarchových rybnících přesvědčoval, že ďábel neexistuje.</i>
Kapitola 22.	
<i>Маргарита смутно видела что-нибудь.</i>	<i>Markétka jako ve snách sledovala, co se kolem děje.</i>
Kapitola 23.	

Пříklady zachování příznakového slovosledu:

<i>За квартирным вопросом открывался роскошный плакат, на котором изображена была скала, а по гребню ее ехал всадник в бурке и с винтовкой за плечами.</i>	<i>Za Bytovou otázkou vykukoval přepychový plakát s vyobrazenou skálou a po jejím hřebenu jel jezdec v pláštěnce, s puškou přes rameno.</i>
Kapitola 5.	
<i>Сев на каминную полку рядом с часами, птица оказалась совой.</i>	<i>Když dosedl na římsu krbu vedle hodin, ukázalo se, že je to sova.</i>
Kapitola 18.	
<i>Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать.</i>	<i>To všecko pronášela, když kráčeli k věčnému domu, a Mistrovi se zdálo, že její slova plynou jako bublavý potůček za jejich zády. V jeho neklidném, bolestně zraňovaném vědomí se rozhostil smír.</i>
Kapitola 32.	

Slovosled ovlivněný ruským originálem.

<i>Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций,</i>	<i>První nebyl nikdo jiný než Michail Alexandrovič Berlioz, redaktor objemného literárního časopisu a předseda výboru jedné z největších moskevských</i>
---	--

<i>сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его - поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный.</i>	<i>literárních organizací, krátce zvané MASOLIT (Masová organizace literátů), jeho mladý průvodce pak básník Ivan Nikolajevič Potápka, píšící pod pseudonymem Bezprizorný.</i>
Kapitola 1.	

- **Opakování** se v překladu odstraňují.

Příklady odstranění/nahrazení opakování:

<i>Говорили, говорили мистики, что было время, когда красавец не носил фрака ...</i>	<i>Mystici tvrdili, že bývaly doby, kdy krasavec nenosil frak...</i>
<i>И плавится лед в вазочке, и видны за соседним столиком налитые кровью чьи-то бычьи глаза, и страшно, страшно... О боги, боги мои, яду мне, яду!..</i>	<i>Led pluje ve sklenici, u sousedního stolu zahlédneme čísi krvavě podlité býčí oči, až je nám z toho úzko... Ó bohové, popřejte mi jedu...</i>
Kapitola 5.	
<i>Но все-таки то, что рассказывал администратор про него, даже и для Степы было чересчур. Да, чересчур. Даже очень чересчур...</i>	<i>Ale co vykládal administrátor, bylo i na Šťopu trochu moc. Ano, dokonce přespříliš...</i>
Kapitola 14.	
<i>Помещенье было старинное, но очень, очень уютное.</i>	<i>Vešel do starobylé, ale útulně zařízené místnosti.</i>
Kapitola 18.	

Příklady zachování opakování:

<i>Да, погиб, погиб...</i>	<i>Ano, je mrtev, mrtev...</i>
Kapitola 5.	

- Rozsáhlé **výčty** překladatelka důsledně převádí do češtiny. Občas doslovným překladem dochází k tomu, že některé výpovědi působí příliš rozvlekle. Rozsáhlá souvětí jsou často parcelována, což je pro češtinu přirozenější.

Shrnutí

V lexikálním plánu překladu A. Morávková evidentně usiluje o neutralizaci expresivních jazykových prostředků. Hovorové, knižní a archaické výrazy, zdvořiliny a citoslovce jsou v překladu neutralizovány, vulgarizmy jsou většinou zjemněny. Hovorové nespisovné (просторечные) výrazy překladatelka neutralizuje částečně. Frazémy jsou často přeloženy nefrazeologickými lexémy, ale výrazy se slovem „čert“ překladatelka nenahrazuje.

Při překladu dobových výrazů překladatelka volí, podle našeho názoru, vhodnou metodu: dobové výrazy zachovává pouze v tom případě, je-li ekvivalent srozumitelný pro současného českého čtenáře.

Přirovnání a obrazná vyjádření A. Morávková často překládá doslova, ale k významnějším odchylkám od originálu zde nedochází.

Zaznamenali jsme několik případů sémantických nebo stylových posunů:

<i>Далее следовали, <u>повинуясь прихотливому изгибам,</u> подъемам и спускам Грибоедовского дома, - "Правление МАССОЛИТа", "Кассы N 2, 3, 4, 5", "Редакционная коллегия", "Председатель МАССОЛИТа", "Бильярдная", различные подсобные учреждения, наконец, тот самый зал с колоннадой, где тетя наслаждалась комедией гениального племянника.</i>	<i>Дále následovaly, <u>poslušny rozmarných zákrutů,</u> výstupů a sestupů, v Gribojedově domě: Vedení MASOLITu, Pokladny č. 2, 3, 4, 5, Redakční rada, Předseda MASOLITu, Kulečnickový sál, různé pomocné kanceláře a konečně zmíněný sloupový sál, kde teta s <u>požitkem</u> vychutnávala komedii geniálního synovce. Archaický výraz, který je kvůli zapojení do rozsáhlého souvětí matoucí a nesrozumitelný</i>
Капитола 5.	
<i>Набрав воздуха в грудь, он улыбнулся как бы заискивающей улыбкой и тихо <u>молвил</u> ...</i>	<i>Nadechl se a <u>vykoktal</u> s pokrytečným úsměvem... Významový posun, který zaviňuje volba nevhodných výrazů</i>
Капитола 14.	
<i>А те, изредка оборачиваясь с опаской, не слышит ли кто, перешептывались о какой-то <u>ерунде</u>.</i>	<i>Chvillemi se bázlivě ohlíželi, jestli je někdo neslyší, a o <u>něčem</u> si špitали, <u>co</u> nemělo hlavu ani patu... Porušením slovosledu vzniká nesrozumitelná věta</i>
Капитола 19.	

V syntaktické rovině překladu jsou dodrženy všechny relevantní vlastnosti originálu. Modální věty překladatelka v plném rozsahu zachovává. Příznakový slovosled je často neutralizován a opakování jsou odstraněna, ale nedochází k zásahům, které by měly vliv na pochopení povahy vypravěče. Jednou z nejdůležitějších syntaktických zvláštností tohoto pásma - výčty - překladatelka převedla do češtiny celkem vhodně.

Překlad jazykového pásma vypravěče subjektivně hodnotíme jako zdařilý. A. Morávková soustavně neutralizuje příznakové prostředky a v důsledku toho vypravěčovo vyjadřování poněkud ztrácí ironický nádech. Přesto se překladatelka nedopouští větších odchylek, které by měly za následek posun v sémantické rovině díla. V tomto případě neutralizační zásah považujeme za individuální překladatelskou interpretaci postavy.

Výsledky analýzy

Provedli jsme rozbor jednotlivých jazykových jevů v lexikálním a syntaktickém plánu překladu. Dospěli jsme k názoru, že překladatelka usiluje především o překlad doslovný, ale zároveň o neutralizaci expresivních prostředků. Zmíněné faktory se promítají na vyznění jazykových pásem jednotlivých postav.

Při překladu jazykového pásma Wolanda překladatelka ve stejné míře neutralizuje knižní a hovorové prostředky, a tak poměr mezi těmito výrazy zůstává zachován. Neutralizace příznačných kontaktních prostředků negativně ovlivňuje zvláštní zdvořilost v projevech této postavy. I přes zmíněné zásahy do Wolandova jazykového pásma se překlad nedostává do rozporu s originálem.

Strojený projev prokurátora je dotčen neutralizací snad nejméně, knižnost a archaičnost zvolených lexémů zůstává v překladu zcela zachována.

Odstranění příznakových prostředků v případě jazykového pásma Mistra a vypravěče subjektivně hodnotíme jako přípustné. Ačkoliv jde svým způsobem o zásah do sémantické roviny díla, podle našeho názoru jde o překladatelský záměr. Zmenšení frekvence příznakových prostředků pomáhá zachovat kontrast mezi projevem Mistra a nespisovným, až vulgárním vyjadřováním jeho žáka. Zmírnění ostré ironie, která je patrná v komentářích vypravěče, má nepochybně vliv na vyznění díla jako celku: kritický postoj k popisované skutečnosti je najednou pasivnější. Domníváme se však, že i přes své nedostatky je výše popsaná metoda překladu pásma vypravěče přípustná, zejména na pozadí neutralizace dalších pásem.

Identita některých postav je významně zasažena neutralizací expresivních prostředků. Výrazně nespisovný projev démona a šaška Korovjeva ztrácí svůj vtip a originalitu. Nespisovná a velmi emocionální mluva nevzdělaného mladého básníka Bezprizorného v překladu nepůsobí tolik emotivně a neobratně.

V lexikální rovině všech postav sledujeme tendenci k zachování některých prostředků, které by bylo vhodné v češtině odstranit nebo nahradit. Máme na mysli především frazémy se slovem „čert“, které v češtině nepůsobí přirozeně; zdobněliny v rámci některých výrazů a citoslovce, zejm. pak „ach“.

Doslovným překladem některých výrazů místy dochází k mezijazykové interferenci a kalkování. A tak překladatelka relativně často používá výrazů, které v češtině nepůsobí přirozeně nebo vyvolávají u čtenáře poněkud jiné asociace než originál. Dobrým příkladem takového významového posunu může být výpověď z Wolandova řečového pásma, která se v ruštině stala „okřídleným“ výrazem:

<p>- Простите, не поверю, - ответил Воланд, - этого быть не может. Рукописи не горят. Kapitola 24.</p>	<p>„Nezlobte se, ale nevěřím vám,“ namítl mág, „každý ví, že rukopisy <u>obvykle</u> dobře nehoří.“</p>
--	---

V syntaktické rovině se překladatelka snaží o důsledné zachování jevů charakteristických pro jednotlivé postavy. Dochází k redukci opakování i příznakového slovosledu, místy také ke kalkování ruských konstrukcí, ale zmíněné jevy nemají tak závažné důsledky pro sémantický plán díla jako zásahy na rovině lexikální.

Zvolenou metodu doslovného překladu nepovažujeme za optimální pro překlad tak složitého a mnohovrstvého díla jako je *Mistr a Markétka*. Text překladu často působí nepřirozeně a těžkopádně, původní hravost a stylová rozmanitost v překladu není dodržena. Podle našeho názoru překladatelka nerealizuje potenciál, který skrývá originál románu.

2.3 Překlad Libora Dvořáka (2005)

01. Woland

Zprostředkování vznešeného a emocionálního vyjadřování Wolanda není snadným cílem dokonce ani pro velmi zkušeného překladatele. Podívejme se, jak si s tímto úkolem poradil autor nového překladu románu *Mistr a Markétka* L. Dvořák.

- **Hovorové výrazy** překladatel neutralizuje pouze výjimečně, většinou zůstávají zachovány. V některých případech se expresivita daných lexémů dokonce znásobuje.

Příklady neutralizace hovorových výrazů:

- Виноват, - мягко отозвался неизвестный, - для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть <u>сколько-нибудь</u> <u>приличный</u> срок.	„Omlouvám se,“ odvětil měkce neznámý, „ale na to, abychom mohli řídit a ovládat, potřebujeme přesný plán na <u>delší časové období</u> .“
... <u>уж кто-кто, а вы-то</u> должны знать <u>ale kdo jiný než vy</u> by měl vědět, že ...
Капитола 1.	
И интереснее всего в этом <u>вранье</u> то, - сказал Воланд, - что оно - вранье от первого до последнего слова.	„A víte, co je na tom jeho <u>lhání</u> nejzajímavější?“ mnil Woland. „Že je to <u>lež</u> od začátku až do konce.“
Капитола 23.	

Příklady zachování hovorových výrazů:

Родные вам начинают лгать, вы, <u>чуя неладное</u> , бросаетесь к <u>ученым врачам</u> , затем к <u>шарлатанам</u> , а бывает, и к гадалкам.	Příbuzní vám začnou lhát. Vy tušíte něco neblahého, nejdřív <u>se vrhnete</u> k <u>učeným pánům doktorům</u> , potom k <u>šarlatánům</u> , a někdy dokonce k <u>bábám zaříkávačkám</u> .
... это было бы еще <u>полбеда</u>	... <u>ale to by ještě nebyla</u> taková tragédie.
Капитола 1.	

<i>Он выжига и плут.</i> Kapitola 9.	<i>Je to vyžírka a podvodník.</i>
<i>Дурак!</i> Kapitola 11.	<i>Jako na pitomce!</i>
<i>- Голубчик, это вздор!</i> <i>...удивительные подлецы...</i> Kapitola 18.	<i>Ale to je nesmysl, příteli!</i> <i>... ničemové až nevyšlovni!</i>
<i>Долго будет продолжаться этот балаган под кроватью?</i> <i>...прекрати эту словесную пачкотню.</i> <i>Ах ты подлец...</i> <i>Этот валяющийся дурака - кот Бегемот.</i> Kapitola 22.	<i>Jak dlouho ještě potrvá tenhle cirkus?!</i> <i>Okamžitě se posad' a ušetři nás toho slovního průjmu.</i> <i>Ty jsi ale mizera</i> <i>Tenhle milovník kašpařinek je kocour Kocomour.</i>
<i>Более того, злые языки уже уронили слово - наушник и шпион.</i> <i>...вы напросились ко мне в гости именно с целью подсмотреть и подслушать все, что можно</i> Kapitola 23.	<i>Ba co víc, zlí jazykové již dokonce utrousili nepěkná slůvka špicl a vyzvědač.</i> <i>... jste se dnes vloudil do mé přízně i na návštěvu právě s úmyslem špiclovat a vyzvědět, co se jen dá.</i>
<i>Уж одно присутствие при сцене убийства этого отпетого негодяя-барона стоит того, чтобы человека наградили, в особенности если этот человек - женищина.</i> <i>возможность получения вами взятки от этой дуры Фриды совершенно, конечно, исключена</i>	<i>Už jen přítomnost při scéně vraždy toho notorického ničemy barona si zaslouží odměnu, zvláště když přihlížející byla žena.</i> <i>Vzhledem k tomu," ušklíbl se Woland, „že je samozřejmě vyloučeno, abyste od té slepice Fridy vzala nějaký úplatek ...</i>
<i>Ну что ж, Бегемот, - заговорил Воланд, - не будем <u>наживать</u> на поступке непрактичного человека в праздничную ночь ...</i> <i>Это что еще за <u>брэд</u>? - спросил, морща лицо, Воланд. - Какой такой Римский? Что это еще за <u>чепуха</u>?</i> Kapitola 23.	<i>„Ostatně soudím, Kocomoure," poznamenal zamýšleně Woland, „že o sváteční noci bychom neměli <u>cizopasit</u> na skutku nepraktického člověka ...</i> <i>„Co je to za <u>žvásty</u>?" otázal se Woland a trpitelsky svažtil čelo. „Jakého Rimského? Proč já musím poslouchat takové <u>nesmysly</u>?!"</i>

Пříklady posílení expresivity:

<i>О, какой вздор!</i> Kapitola 7.	<i>Ale co vás nemá, takový nesmysl!</i>
<i>Никакой прелести в нем нет и размаха тоже, а эти дурацкие медведи...</i> Kapitola 23.	<i>„Kouzla v něm není ani za mák a řízu jakbysmet, protože z těch idiotských medvědů, jakož i tygrů u baru mě málem rozbolela hlava," poznamenal Woland.</i>

- Podobně v případě výrazů **hovorových nespisovných (просторечных)** překladatel spíše zanechává překlad v příslušném stylu.

Пříklady neutralizace výrazů hovorových nespisovných:

<i>Совсем худо...</i>	<i>Děláte chybu</i>
-----------------------	---------------------

Капитола 18.	
--------------	--

Пříklady zachování výrazů hovorových nespisovných:

<i>Но вот курьез: он <u>начисто</u> разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!</i>	<i>Jenže ono to má jeden zádrhel: Dědoušek <u>od základu</u> zbořil všech pět důkazů, ale pak, jakoby sám sobě na <u>potvoru, zkonstruoval</u> důkaz vlastní, šestý!</i>
Капитола 1.	
<i>Он <u>выжиг</u> и плут.</i>	<i>Je to <u>vyžírka</u> a podvodník.</i>
Капитола 9.	
<i>... не успел ты появиться на крыше, как уже сразу <u>отвесил нелепость</u> ...</i>	<i>Ještě ses tu ani nestačil pořádně rozhlednout, a rovnou <u>žblebtáš nesmysly</u></i>
<i>Не хочешь ли ты <u>ободрать</u> весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?</i>	<i>Přece bys nechtěl <u>oškubat</u> celou zeměkouli, vykácet z ní všechny stromy a zničit všechno živé jen kvůli vlastní <u>pobloudilé touze opájet se nahým světlem?</u></i>
Капитола 29.	

Пříklady znásobení expresivity nebo stylových posunů:

<i>Поразительные травы оставила в наследство <u>поганая</u> старушка, моя бабушка!</i>	<i>To jsou panečku lektvary, co mi zůstaly po té <u>hnusné, babizně</u> - myslím po mé babičce!</i>
Капитола 22.	
<i>Куда прикажете, моя дорогая донна, <u>девать</u> вашу свиту?</i>	<i>„<u>Jaké máte přání stran své svity, má přeúžasná donno?</u> Knížní</i>
Капитола 23.	

- Expresivita **vulgarizmů** se zmírňuje nahrazením mírnějším výrazem.

<i><u>сволочь, склочник, приспособленец</u> и <u>подхалим</u></i> (Капитола 7.)	<i>ničema, pletichář, patolízal a falešník</i>
--	--

- **Zdrobněliny** autor buď neutralizuje, nebo výjimečně zanechává v překladu.

<i><u>простенькое</u></i> (Капитола 12.)	<i>Ukaž panstvu pro začátek nějakou <u>banalitu</u>.</i>
<i><u>вещица</u></i> (Капитола 22.)	<i>Šikovná <u>hračka</u>.</i>
<i><u>узенькие шелки</u></i> (Капитола 23.)	<i>Občas se totiž zcela nečekaně, ba úskočně vkrádá i do těch <u>nejužších škvírek</u>.</i>
<i><u>в подвальчике</u></i> (Капитола 32.)	<i>Co byste si v tom <u>sklepě</u> počali?!</i>

- Neutralizaci **výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů** v daném překladu pozorujeme neúměrně často.

Над вами <u>помешаться</u> будут. (Zastaralý výraz hovorový)	<i>Budete lidem pro smích.</i>
Капитола 1.	
<u>Не прикажете ли, я велю сейчас дать телеграмму вашему дяде в Киев?</u> (Кnižní výraz)	<i>Nepřejete si, abych zatelegrafoval vašemu strýčkovi do Kyjeva?"</i>
Капитола 3.	
<u>Да вот, не угодно ли отведасть...</u> (Archaismus)	<i>Ostatně, mohl bych vám něco nabídnout...?</i>
<u>Чащу вина?</u> (Archaismus)	<i>Dáte si sklenici vína?</i>
Я? - воскликнул в изумлении маг, - <u>помилосердствуйте.</u> (Archaismus)	<i>„Já?" zvolal užasle mág. „To snad nemůžete myslet vážně! Něco takového by mi ani trochu neslušelo!"</i>
Капитола 18.	
Итак, - обратился к Маргарите Воланд, - <u>рекомендую</u> вам, донна, мою свиту. (Archaický výraz)	<i>„Tak tedy, má milá donno," obrátil se Woland k Markétě, „nyní bych vám rád představil svou svitu.</i>
Капитола 22.	
- <u>Держу пари,</u> - сказал Воланд, улыбаясь Маргарите, - что он проделал эту штуку нарочно. (Archaický výraz)	<i>„Vsadím se, že tenhle kousek vyvedl zcela záměrně," usmál se Woland na Markétku. „Je to velice obstojný střelec."</i>
Каждое <u>ведомство</u> должно заниматься своими делами. (Historismus)	<i>Každá instituce by se měla zabývat záležitostmi, jež jí přísluší.</i>
<u>А мечтания, вдохновение?</u> (Кnižní výraz)	<i>Co vaše snění, co inspirace?</i>
Капитола 23.	
<u>Пришлось мне вас побеспокоить,</u> Маргарита Николаевна и мастер, - заговорил Воланд после некоторого молчания, - но вы не будьте на меня в <u>претензии.</u> (Archaický výraz)	<i>„Nezbylo než vás ještě jednou obtěžovat, milá Markéto Nikolajevno a vážený Mistře," pronesl Woland po chvíli ticha, „ale pevně doufám, že se na mě proto zlobit nebudete. CHYBA výkladu</i>
Капитола 31.	
Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, как видите, его <u>терзает</u> бессонница Она мучает не только его, но и его верного сторожа, собаку. (Кnižní výraz)	<i>Už skoro dva tisíce let sedí na této pláni a spí, ale za úplňku trpí nespavostí. Ta trápí nejen jeho samého, ale i jeho věrného psa.</i>
Капитола 32.	

Пříklady zachování výrazů hovorových nespisovných, knižních, zastaralých, archaismů a historismů:

...вы <u>изволили</u> говорить...(Archaismus)	<i>Pokud mě sluch nešálí, ráčil jste poznamenat, pane, že Ježíš nikdy neexistoval?</i>
... рукописи <u>чернокнижника</u> Герберта Аврилакского... (Historismus)	<i>Ve vaší státní knihovně byly objeveny originální rukopisy <u>černokněžníka</u> Herberta z Aurilaccu, desáté století.</i>
Капитола 1.	
Да, было около десяти часов утра, <u>досточтимый</u> Иван Николаевич... (Archaismus)	<i>Ano, bylo kolem desáté hodiny dopolední, <u>velevážený</u> Ivane Nikolajeviči</i>
Капитола 3.	
<u>Благодарствуйте,</u> я не закусываю никогда ...	<i>Jen si poslužte sám, já pítí nikdy nezajídám</i>

(Archaismus)	
Капитола 7.	
Если память не изменяет мне, из лиц, близких вам по профессии, я знался только с одной <u>маркитанткой</u> , но и то давно, когда вас еще не было на свете. (Historismus)	Jestli mě paměť neklame, pak z osob vašeho ražení jsem se kdysi znával toliko s jistou <u>markytánkou</u> , jenže to už je velmi dávno, to jste ještě nebyl na světě.
Среди лиц, садившихся со мною за <u>пиршественный стол</u> , попадались иногда удивительные подлецы!	Mezi lidmi, kteří se mnou usedali k <u>hodovní tabuli</u> , se nejednou našli ničemové až nevýslovní!
(Archaismus)	
Капитола 18.	
Приветствую вас, королева, и прошу меня извинить за мой <u>домашний наряд</u> . (Archaismus)	Vítejte, královno, a omluvte mě prosím za můj <u>domácí úbor</u> .
Капитола 22.	
... избавить вас от этого <u>томительного ожидания</u> ... (Кnižní výraz)	No a abychom vás tohoto <u>trýznivého očekávání</u> ušetřili, rozhodli jsme se přispěchat vám na pomoc ...
Капитола 23.	
Ну что ж, тот, кто любит, должен <u>разделять</u> участь того, кого он любит. (Кnižní výraz)	Inu, ten, kdo miluje, musí s milovanou bytostí <u>sdílet i její úděl</u> .
Тот, кого так <u>жаждет видеть</u> выдуманный вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочел ваш роман. (Кnižní výраз)	Ten, po němž tolik <u>baží</u> hrdina, kterého jste si vymyslel a jehož jste právě laskavě propustil, si váš román už přečetl.
Капитола 32.	

- **Пřirovnání** jsou přeložena kompletně a zdařile.

- Ах, мошенник, мошенник, - качая головой, говорил Воланд, - каждый раз, как партия его в безнадежном положении, он начинает заговаривать зубы, <u>подобно самому последнему шарлатану на мосту</u> .	„To je přece podvodník!“ zakroutil mág hlavou. „Tohle dělá pokaždé, když se ocitne v beznadějně situaci: začne se vytáčet a lhát <u>jako poslední pouliční vykut</u> .“
Капитола 22.	
Неужели вы не хотите, <u>подобно Фаусту</u> , сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?	Netoužíte <u>jako Faust</u> sedět nad křivulí a doufat, že se vám podaří uplácat z hlíny nového homunkula?
Капитола 32.	

- K překladu **frazémů** L. Dvořák přistupuje velmi kreativně a snaží se o redukci výrazů obsahujících slovo „čert“, které jsou pro češtinu nepřirozené.

...от всей души...	<u>Dovolte mi, abych vám vyslovil co nejupřímnější dík!</u>
...воля ваша...	<u>Připouštím, že je to třeba chytré, ale až příliš nesrozumitelné.</u>
Ни с того ни с сего	„Cihla nikomu a nikdy nepadne na hlavu <u>pro nic za nic</u> ,“ přerušil ho nabádavým tónem neznámý.
Капитола 1.	

<i>лечить подобное подобным</i>	<i>Držte se starého moudrého pravidla: čím ses zmařil, tím se naprav.</i>
Kapitola 7.	
<i>люди как люди</i>	<i>„Inu, to je těžké," ozval se mistr zádušně. „Lidi jsou zkrátka lidi.</i>
Kapitola 12.	
<i>Мне это даже как-то не к лицу!</i>	<i>Něco takového by mi ani trochu neslušelo!</i>
Kapitola 18.	
<i>- Ну что же это такое! - воскликнул Воланд, - зачем ты позолотил усы? И на кой черт тебе нужен галстук, если на тебе нет штанов? каждый раз, как партия его в безнадежном положении, он начинает заговаривать зубы, подобно самому последнему шарлатану на мосту.</i>	<i>„Co má zase znamenat tohle?" zvolal Woland. „Proč sis proboha pozlatil fousy? A k čemu je ti u všech všudy motýlek, když ani nemáš kalhoty?"</i>
<i>- А, черт вас возьми с вашими бальными затеями! - буркнул Воланд, не отрываясь от своего глобуса.</i>	<i>„Čert aby vás vzal, i s těmi vašimi plesovými vymyšlenostmi!" broukl Woland a dál se věnoval svému globusu.</i>
Kapitola 22.	
<i>Более того, злые языки уже уронили слово - наушник и шпион.</i>	<i>Ba co víc, zlí jazykové již dokonce utrousili nepěkná slůvka špicl a vyzvědač.</i>
<i>Вот тебе раз!</i>	<i>To je mi novinka!</i>
<i>- Молчи, черт тебя возьми! - сказал ему Воланд и продолжал, обращаясь к Маргарите ...</i>	<i>„Bud' už konečně zticha, krucifix!" obořil se na něj Woland a znovu se obrátil k Markétce.</i>
<i>- Ну вот, это другое дело, - сказал Воланд, прищуриваясь, - теперь поговорим. Кто вы такой?</i>	<i>„No prosím, tohle už je jiná," broukl Woland a spokojeně přimhouřil oči. „A teď si promluvmе. Co jste zač?"</i>
Kapitola 23.	
<i>- Да, это дело вкуса, - ответил Воланд.</i>	<i>„Inu, to bude věc vkusu," minil Woland.</i>
Kapitola 27.	
<i>- Ну что же, - обратился к нему Воланд с высоты своего коня, - все счета оплачены?</i>	<i>„Tak jak?!" zeptal se Woland. „Jsou již všechny účty vyrovnány?"</i>
Kapitola 31.	
<i>Но сегодня такая ночь, когда сводятся счета. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!</i>	<i>Jenže dnešní noc není obyčejná, je to noc zúčtování. A rytíř už svůj účet zaplatil a uzavřel.</i>
Kapitola 32.	
<i>Тогда, что же поделаешь, приходится разговаривать ему с самим собою.</i>	<i>A tak mu zbývá jedno jedině: samomluva.</i>
Kapitola 32.	

- **Citoslovce** se v překladu neodstraňují – buď se zachovávají v podobě vhodného ekvivalentu nebo se nahrazují částicemi:

Příklady zachování citoslovcí:

<i>... вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входит во вкус, и вдруг у</i>	<i>představte si, že například vy začnete vládnout, řídit jiné i sebe, zkrátka a dobře přicházet moci na chuť, a najednou... chacha... se zjistí, že máte plicní sarkom...</i>
---	--

<i>вас... кхе... кхе... саркома легкого...</i>	
<i>О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков, - ответил профессор.</i>	<i>„Ó ano, jsem totiž polyglot a znám obrovský počet jazyků," odpověděl profesor.</i>
<i>И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать, так что прошу вас - никому ни слова и полный секрет!..</i>	<i>Byl jsem i u Piláta Pontského na balkoně, i v zahradě při rozmluvě s Kaifášem, i na tribuně, jenže vždy tajně, inkognito, abych tak řekl, proto vás moc prosím: Nikomu ani slovo, zůstane to jen mezi námi. Pššššt...!</i>
<i>Тсс!</i>	
Капитола 1.	
<i>Ай! Не ушиблись ли вы?</i>	<i>Ach bože! Neuhodil jste se?</i>
<i>Гм... - задумался артист, - ну, тогда приходите к нам опять.</i>	<i>„Aha...," zamyslel se umělec. „Inu, to k nám budete muset přijít ještě jednou.</i>
<i>Ах, ну да, ну да!</i>	<i>Ach tak, no ano, to prosím!</i>
Капитола 18.	
<i>А, - сказал Воланд, - это понятно.</i>	<i>„Inu ano, chápu," přikývl Woland.</i>
<i>А, милейший барон Майгель ...</i>	<i>Vida vida, náš milý baron Maigel</i>
Капитола 23.	
<i>Ах, вы вернулись? - сказал Воланд, - ну, конечно, тогда здание сгорело дотла.</i>	<i>„Ach tak, vy jste se vrátili," opakoval po něm posměšně Woland. „A budova pak vyhořela do základů, že?"</i>
Капитола 25.	
<i>Ба! - воскликнул Воланд</i>	<i>„A hrome!" zvolal Holand</i>
Капитола 29.	

Пříklady nahrazení citoslovcí:

<i>Ах, как интересно!</i>	<i>Але то је несми́рне́ зајимавé!</i>
<i>Ох, какая прелесть!</i>	<i>Але то је прѐмо баје́чнé!</i>
<i>О, с удовольствием!</i>	<i>Но самозрѐймѐ, с радостѐ!</i>
Капитола 1.	
<i>О, конечно, конечно!</i>	<i>Але самозрѐймѐ, сполѐhnѐте се!</i>
<i>О, какой вздор!</i>	<i>Але со вас не́мá, таковý несмысл!</i>
Капитола 7.	
<i>- Ах, мошенник, мошенник, - качая головой, говорил Воланд, - каждый раз, как партия его в безнадежном положении, он начинает заговаривать зубы, подобно самому последнему шарлатану на мосту.</i>	<i>„То је прѐце подводник!" zakroutil mág hlavou. „Tohle dělá pokaždé, když se octne v beznadějné situaci: začne se vytáčet a lhát jako poslední pouliční vyukuk.</i>
Капитола 22.	
<i>... о, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта?</i>	<i>Мúј вѐчнѐ романти́кý Мистре - со́зпак вы се не́хчете се svou přítelkyní přes den procházet pod rozkvétajícími višněmi a večer naslouchat hudbě Schubertově?</i>
Капитола 32.	

- **Кни́зні а а́рхаі́ккэ спóјкы** зúста́вajú за́ховáны.

<i>... как же быть с доказательствами бытия</i>	<i>... jak je to potom s důkazy boží existence, jichž - jak</i>
---	---

<i>божия, <u>коих</u>, как известно, существует ровно пять?</i>	<i>známo - máme přesně pět?</i>
Капитола 1.	
<i>И ровно час, как я дожидаюсь вашего пробуждения, <u>ибо</u> вы назначили мне быть у вас в десять.</i>	<i>Na vaše probuzení tu čekám již téměř hodinu, <u>jelikož</u> jste si mě objednal na desátou.</i>
Капитола 7.	
<i>И теперь уж говорите без стеснения: <u>ибо</u> предложил я.</i>	<i>A prosím již bez ostychu, <u>jelikož</u> teď jsem vás vybědl sám.</i>
Капитола 23.	

• **Образная выжádření** jsou přeložena velmi barvitě a působí stejným dojmem jako v originálu.

<i>Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, <u>переселиться <в другой мир></u> под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?</i>	<i>Není ono nakonec lepší uspořádat za těch sedmadvacet tisíc hostinu, požit jed a <u>odejít z tohoto světa</u> za zvuků strun, ve společnosti rozverných krás a veselých přátel?</i>
Капитола 18.	
<i>- Да, прав Коровьев! Как <u>причудливо тасуется колода!</u> Кровь!</i>	<i>Ach ano, Kravinkin má pravdu. Jak <u>podivně jsou zamíchány karty</u>. Hlas krve je zkrátka hlas krve!</i>
Капитола 22.	
<i>- Ну, что же, смелее! - поощрял Воланд, - <u>будите свою фантазию, прищипоривайте ее!</u></i>	<i>„Copak? Jen do toho!“ pobízel ji Woland. „<u>Probudte svou představivost, vsad'te ji do slabin ostruhy!</u>“</i>
<i>- Я о <u>милосердии</u> говорю, - объяснил свои слова Воланд, не спуская с Маргариты огненного глаза. - Иногда совершенно неожиданно и коварно оно <u>проникает в самые узенькие щелки</u>. Вот я и говорю о тряпках.</i>	<i>„Hovořím o milosrdenství,“ vysvětlil svá slova Woland, upírající na Markétku ohnivé zraky. „<u>Občas se totiž zcela nečekaně, ba úskočně vkrádá i do těch nejužších škvírek</u>. Proto ty řeči o hadrech.“</i>
Капитола 23.	

• **Контактové prostředky** zcela vhodným způsobem odrážejí Wolandovu zdvořilost.

<i>Позвольте же вас спросить..., уверяю вас..., вообразите..., вы сами понимаете..., не правильнее ли думать, что...; прошу и меня извинить; мне хотелось бы спросить вас ...</i>	<i>Dovolte mi proto další otázku ... bud'te si jist představte si, že což jistě chápete sám Není správnější si myslet, že Vy se na mě, prosím, taky nezlobte chtěl bych se vás zeptat</i>
Капитола 1.	
<i>Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает?</i>	<i><u>Proboha</u>, Ivane Nikolajeviči, kdo vás by neznal? CHYBA, ďábel neříká výrazy s „bohem“</i>

	<i>Laskavě si uvědomte, že Ježíš existoval.</i>
<i>Имейте в виду, что Иисус существовал.</i>	
Kapitola 3.	
<i>Не могу же, <u>согласитесь</u>, я его пустить в бальный зал!</i>	<i>Jistě chápete, že do plesového sálu ho vpustit nemohu.</i>
Kapitola 22.	
<i>Все сбилось, <u>не правда ли?</u></i>	<i>Vše se seběhlo, jak jsem řekl, <u>není-liž pravda?</u></i>
Kapitola 23.	
<i>Какой интересный город, <u>не правда ли?</u></i>	<i>Že je to ale zajímavé město, <u>není-liž pravda?</u></i>
<i>Не будешь ли ты так добр подумать над <u>вопросом</u>: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?</i>	<i>Nemohl by ses laskavě zamyslet například nad <u>otázkou</u>, co by si asi počalo to tvé dobro, kdyby neexistovalo zlo, a jak by asi vypadala země, kdyby z ní zcela zmizely stíny?</i>
Kapitola 29.	

- **Oslovení** se důsledně dodržují.

<i>дорогой Степан Богданович (Kapitola 7.)</i>	<i>Drahý Stěpane Bogdanoviči</i>
<i>любезный Фагот;</i>	<i>můj milý Fagote</i>
<i>дорогой Фагот (Kapitola 12.)</i>	<i>můj drahý Fagote</i>
<i>драгоценный мой;</i>	<i>Nejvzácnější můj!</i>
<i>Голубчик, это вздор!</i>	<i>Ale to je nesmysl, <u>příteli!</u></i>
<i>голубчик мой;</i>	<i>Podívejte se, milánku.</i>
<i>дорогой мой; (Kapitola 18.)</i>	<i>můj znejmilejší</i>
<i>Садитесь, <u>гордая женищина!</u></i>	<i>Posad'te se, <u>hrdá ženo.</u></i>
<i>Потребовать, потребовать, <u>моя донна</u> ...</i>	<i>Musíte ji požadovat, požadovat, <u>má donno</u> ... CHYBA rusismus</i>
<i>дорогая королева;</i>	<i>drahá královno</i>
<i>Куда прикажете, <u>моя дорогая донна</u>, девать вашу свиту? (Kapitola 23.)</i>	<i>Jaké máte přání stran své svity, <u>má přeúžasná donno?</u></i>
<i>- Тоже нет, - ответил Воланд, и голос его сгустился и потек над скалами, - <u>романтический мастер!</u></i>	<i>„Ani tam ne,“ odvětil Woland, jehož hlas zhoustl a rozléval se daleko nad skály. „<u>Můj romantický Mistře!</u></i>
<i>... о, трижды романтический мастер ... (Kapitola 32.)</i>	<i><u>Můj věčně romantický Mistře</u></i>
<i><u>симпатичнейший</u> Степан Богданович, <u>дражайший</u></i>	<i><u>přelíbezný</u> Stěpane Bogdanoviči</i>
<i>Степан Богданович (Kapitola 7.)</i>	<i><u>můj nejdražší</u> Stěpane Bogdanoviči</i>
<i>почтеннейший,</i>	<i>Vážený</i>
<i>милейший барон Майгель (Kapitola 18.)</i>	<i>náš milý baron Maigel</i>
<i>милейший барон Майгель,</i>	<i>Vida vida, <u>náš milý baron Maigel</u></i>
<i>почтеннейшего барона Майгеля (Kapitola 23.)</i>	<i><u>Veleváženého barona Maigela</u></i>

V syntaktické rovině překladu se L. Dvořák nedopouští větších odchylek: jak modalita výpovědí, tak i frekvence opakování se zachovává téměř v plném rozsahu. Navíc se autor nesnaží o naprostou identitu překladu, a zřejmě proto se relativně vzácně dopouští kalkování ruských vět.

- Příklady vět s **příznakovým slovosledem**.

Příklady neutralizace:

<i>Извините меня, что я в пылу нашего спора забыл представить себя вам.</i>	<i>Promiňte mi, prosím, že jsem se v žáru naší debaty zapomněl představit.</i>
Kapitola 3.	
<i>Итак, как чувствуете вы себя?</i>	<i>Tak tedy, jak se cítíte?</i>
Kapitola 23.	

Příklady zachování nepravidelností:

<i>Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?</i>	<i>Pokoje mi však nedá jiný problém - pokud Bůh skutečně není, pak se táži: Kdo ve skutečnosti řídí lidský život a všechno zemské uspořádání?</i>
Kapitola 1.	
<i>Не беспокойтесь, Степан Богданович, - отозвался голос, но не Грунин, а гостя из спальни, -- кот этот мой</i>	<i>„Klid, hlavně klid, Stěpane Bogdanoviči,“ ozval se vzápětí hlas - ovšem ne Grunin, nýbrž hostův, z ložnice. „Ten kocour je můj.“</i>
<i>Как? Вы и фамилию мою забыли?</i>	<i>Jakže? Vy jste zapomněl i mé jméno?</i>
<i>Благодарствуйте, я не закусываю никогда</i>	<i>Jen si poslužte sám, já pít nikdy nezajídám</i>
<i>И ровно час, как я дожидаясь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять</i>	<i>Na vaše probuzení tu čekám již téměř hodinu, jelikož jste si mě objednal na desátou.</i>
Kapitola 7.	
<i>Странно ведут себя красавицы, - заметил Воланд.</i>	<i>„Mají to ale ty krásné dámy zvláštní zvyky,“ podotkl Woland.</i>
Kapitola 22.	
<i>Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей?</i>	<i>A proč mě tedy alespoň nepozdraviš, bývalý výběrčí daní, když už za mnou přicházíš?</i>
Kapitola 29.	

- **Opakování** se v překladu buď odstraňují, nebo nahrazují, a to přibližně ve stejné míře.

Příklady odstranění nebo nahrazení opakování:

<i>О, конечно, конечно!</i>	<i>Ale samozřejmě, spolehněte se!</i>
<i>Пожалуйста, пожалуйста</i>	<i>Ale samozřejmě, beze všeho...</i>
Kapitola 7.	
<i>Ах, ну да, ну да!</i>	<i>Ach tak, no ano, to prosím!</i>
Kapitola 18.	

<i>Как угодно, как угодно, - ответил Воланд, а Аззелло сел на свое место.</i>	<i>„Jak je ctěná libost," odpověděl Woland a Azazello se znovu usadil.</i>
<i>О чем, о чем? О ком?</i>	<i>O čem že to? Či vlastně o kom?</i>
Капитола 23.	
<i>Но ты смотри, смотри, - слышался суровый голос Воланда с коня, - без членовредительских шуток!</i>	<i>„Ale dávej laskavě pozor, ať někoho nezmrzačíš!" okřikl ho drsně ze sedla Woland.</i>
Капитола 31.	

Пříklady zachování opakování:

<i>Именно, именно, - закричал он, и левый зеленый глаз его, обращенный к Берлиозу, засверкал ...</i>	<i>„Nepochybně, nepochybně!" zvolal a jeho levé zelené oko, obrácené k Berliozovi, doslova zasřelo.</i>
Капитола 1.	
<i>Один, один, я всегда один, - горько ответил профессор.</i>	<i>„Sám, já jsem totiž vždycky sám," odvětil trpce profesor.</i>
Капитола 3.	
<i>Свежесть, свежесть и свежесть, вот что должно быть девизом всякого буфетчика.</i>	<i>Jídlo musí být za první čerstvé, za druhé čerstvé a za třetí čerstvé - to by měl mít každý šenkýř neustále na paměti.</i>
Капитола 18.	
<i>Мы вас испытывали, - продолжал Воланд, - никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас.</i>	<i>„Jen jsme vás chtěli vyzkoušet," řekl Woland. „Nikdy a nikoho o nic neproste! Nikdy a o nic, a už vůbec ne ty, kdo jsou silnější než vy.</i>
<i>Потребовать, потребовать, моя донна, - отвечал Воланд, понимающе улыбаясь, - потребовать одной вещи!</i>	<i>„Musíte ji požadovat, požadovat, má donno," odpověděl Woland s chápavým úsměvem na rtech, „musíte tu jednu věc ode mě požadovat!"</i>
Капитола 23.	

Shrnutí

V lexikální rovině Wolandova řečového pásma Libor Dvořák nejen zachovává většinu hovorových výrazů, ale posouvá některé neutrální výrazy do hovorové roviny. Образ д'ябла tak získává poněkud jiné vyznění – jeho mluva již není tolik vznešená, ale působí mnohem ironičtěji.

Пříklady posunu směrem k hovorovosti, užití deminutiv:

<i>- Но, позвольте вас спросить, - после тревожного раздумья спросил заграничный гость, - как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?</i>	<i>„Pak mi ale dovolte <u>takovouhle</u> otázku," pronesl po chvíli zjitřeného přemítání zahraniční host, „jak je to potom s důkazy boží existence, jichž - jak známo - máme přesně pět?"</i>
Капитола 1.	
<i>Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота.</i>	<i>Lidstvo si na <u>penízky</u> potrpí a je mu jedno, z čeho jsou vyrobeny - zda z kůže, z papíru, z bronzu či ze zlata...</i>
Капитола 12.	
<i>- Ах, ну да, ну да! Дорогой мой! Я открою вам</i>	<i>„Ach tak, no ano, to prosím! Ale teď vám, můj</i>

<i>тайну: я вовсе не артист, а просто мне хотелось повидать москвичей в массе, а удобнее всего это было сделать в театре. Ну вот моя свита, - он кивнул в сторону кота, - и устроила этот сеанс, я же лишь сидел и смотрел на москвичей.</i>	<i>znejmilejší, odhalím jedno tajemství. <u>Já totiž nejsem vůbec žádný herec</u>, jenom se mi zachtělo spatřit Moskvany <u>pěkně</u> pohromadě, a nejpraktičtější pro podobný účel je právě divadlo. To moje svita," kývl směrem ke kocourovi, „uspořádala tu podařenou <u>kašpařici</u>, kdežto já jsem jen seděl a díval se na Moskvanu.</i>
<i>Тот же молодой человек?</i>	<i>Taky <u>mládeneček</u>?</i>
Капитола 18.	
<i>И покинь меня немедленно.</i>	<i>A <u>už rychle běž</u>.</i>
Капитола 29.	

Přirovnání a obrazné výrazy autor překládá s velkou dávkou jazykového citu a fantazie, takže ve výsledku zrcadlí bohatý jazyk Michaila Bulgakova.

Při překladu frazémů se L. Dvořák zcela oprávněně vyhýbá doslovnému překladu výrazů se slovem „čert“, které pro češtinu nejsou přirozené. Přesto se překladatel zrovna v této oblasti dopouští závažné chyby: do d'áblovy mluvy vkládá frazémy, obsahující slovo „bůh“, které se v originálu v tomto řečovém pásmu nevyskytují, a je otázkou, zda nejsou v rozporu s podstatou postavy d'ábla:

Emocionalita Wolandova vyjadřování je zachována v plném rozsahu: odráží se nejen v kompletně zprostředkované modalitě, ale také v široké paletě citoslovcí, která překladatel neodstraňuje, případně je nahrazuje částicemi.

Precizně přeložené kontaktní prostředky a oslovení zrcadlí již několikrát zmiňovanou Wolandovu zdvořilost.

V syntaktické rovině se autor dopouští kalkování ruské stavby vět jen vzácně. Problematické momenty se v překladu objevují především v rovině lexikální.

Překladateli lze vytknout nadměru časté použití lexému „*inu*“:

<i>Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали!</i>	<i>Inu, vaše věc, profesore, jenže tentokrát jste vymyslel něco hodně neohrabaného!</i>
Капитола 1.	
<i>Так, стало быть, так-таки и нету?</i>	<i>Inu, jak je ctěná libost, když neexistuje, tak neexistuje!</i>
Капитола 3.	
<i>Ну что же, - задумчиво отозвался тот, - они - люди как люди.</i>	<i>„Inu, to je těžké,“ ozval se mistr zádušně. „Lidi jsou zkrátka lidi.“</i>
Капитола 12.	
<i>Ну, конечно, это не сумма, - снисходительно сказал Воланд своему гостю, - хотя, впрочем, и она, собственно, вам не нужна. Вы когда умрете?</i>	<i>„Inu, to opravdu nejsou žádné velké peníze!“ poznamenal Woland shovívavě ke svému hostu, „a vy je koneckonců ani nepotřebujete. Kdy vůbec umřete?“</i>
<i>Гм... - задумался артист, - ну, тогда приходите к нам опять.</i>	<i>„Aha...“ zamyslel se umělec. „Inu, to k nám budete muset přijít ještě jednou.“</i>
Капитола 18.	
<i>Ну, уж если вы так очаровательно любезны, - проговорил он, - а я другого ничего и не ожидал, так будем без церемоний ...</i>	<i>Inu, když jste tedy tak nesmírně laskava - nic jiného jsem ostatně ani neočekával - odložme okolky stranou.</i>
Капитола 22.	
<i>А, - сказал Воланд, - это понятно.</i>	<i>„Inu ano, chápu,“ přikývl Woland.</i>
<i>- Да, - заговорил после молчания Воланд, - его хорошо отделили.</i>	<i>„Inu ano,“ pronesl po chvílce mlčení Woland, „ti ho tam zřídili.“</i>
<i>Ну, желаю вам счастья.</i>	<i>Inu, přeji vám hodně štěstí.</i>
Капитола 24.	
<i>Да, это дело вкуса, - ответил Воланд.</i>	<i>„Inu, to bude věc vkusu,“ minil Woland.</i>
Капитола 29.	
<i>Ну что ж, тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит.</i>	<i>Inu, ten, kdo miluje, musí s milovanou bytostí sdílet i její úděl.</i>
Капитола 32.	

Občas překladatel špatně interpretuje obsah výpovědi nebo používá nevhodného ekvivalentu.

<i>- Я - историк, - подтвердил ученый и добавил ни к</i>	<i>„Ано, jsem historik,“ potvrdil vědec a bez zřejmé</i>
--	--

<i>селу ни к городу: - Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!</i>	<i>souvislosti dodal: „Dnes večer se na Patriarchových rybnících odehraje taky jedna zajímavá historie!“</i> Za vhodnější zde považujeme slovo „příhoda“
Капитола 1. <i>Так, стало быть, так-таки и нету?</i>	<i>Inu, jak je ctěná libost, když neexistuje, tak neexistuje!</i> Souhlas místo námitky
Капитола 3. <i>Свежесть, свежесть и свежесть, вот что должно быть девизом всякого буфетчика.</i>	<i>Jídlo musí být za prvé čerstvé, za druhé čerstvé a za třetí čerstvé - to by měl mít každý šenkýř neustále na paměti.</i> Nevhodný výraz
Капитола 18. <i>- Но усы?..</i>	<i>A knír?</i> Woland mluví o vousech kocoura
Капитола 22.	

I přes všechny nesporné výhody tohoto překladu ho považujeme za nevyhovující, protože znásobením expresivity jazykových prostředků, a to zejména knižních, se poněkud mění význam a funkce postavy. Wolandova mluva získává sice ironičtější vyznění, ale d'áblova absolutní nadřazenost, která se promítá do jeho jazykového projevu, se ztrácí.

02. Kravinkin (Fagot)

Na rozdíl od své předchůdkyně L. Dvořák překládá démonovo jméno do češtiny. Jak jsme již výše popsali, s největší pravděpodobností si toto jméno démon volí proto, že je běžné a typické pro prostředí, ve kterém se ocitá. Jméno Kravinkin sice vypovídá o povaze této postavy, ale ztrácí svou anonymitu a bezpříznakovost.

Podívejme se, zda nový překlad odráží familiárnost, nespisovnost a hravost démonovy mluvy.

- Nepříliš časté **hovorové výrazy** překladatel neutralizuje nebo zachovává ve stejném vzájemném poměru.

Příklady neutralizace hovorových výrazů:

<i>Ежели он преступник, то <u>первым</u> долгом следует кричать: "Карарул!"</i>	<i>No tak jesli je to zločinec, tak <u>nejdřív</u> musíme zakřičet: Chyťte ho! Nebo nám uteče.</i>
Капитола 4. <i>Все, что угодно, но только не невнимание. От этого они захиреют...</i>	<i>Cokoli, jenom ne lhostejnost. <u>To by je zničilo...</u></i>
Капитола 22.	

Příklady zachování hovorových výrazů:

<i><u>Без церемоний!</u></i>	<i><u>Hlavně žádný upejpání!</u></i>
Капитола 9. <i>Ничего не может быть гаже, чем когда приехавший первым гость мыкается, не зная, что ему</i>	<i>Neznám na světě příšernější podívanou, než je první host, který se zmítá hrůzou, co si najednou počít, a</i>

<i>предпринять, а его законная мегера шепотом пилят его за то, что они приехали раньше всех.</i>	<i> jeho zákonitá megera ho šeptem peskuje, jak mohl připustit, aby přijeli ze všech nejdřív.</i>
Капитола 22.	

- **Вýразы говорové nespisovné (просторечные)** podobně jako говорové výrazy L. Dvořák překládá stylově identickým prostředkem nebo nahrazuje přibližně ve stejném poměru.

Пříklady neutralizace говорových nespisovných výrazů:

<i>Ежели он преступник, то первым делом следует кричать: "Караул!"</i>	<i>No tak <u>jesli</u> je to zločinec, tak nejdřív musíme zakřičet: Chyťte ho! Nebo nám uteče.</i>
Капитола 4.	
<i>- Да он уже уехал, уехал! - закричал переводчик, - он, знаете ли, уж <u>катит!</u> Уж он черт знает где! - и тут переводчик замахал руками, как мельничными крыльями.</i>	<i>„Ale on přece odjel, <u>už je pryč!</u>“ zaječel tlumočnick. „Ten už bude někde čertví kde!“ a tlumočnick zamával pažemi jako větrný mlýn.</i>
<i>Кота, <u>ежели</u> угодно, могу показать, - предложил Коровьев.</i>	<i>„Kocoura bych vám ukázat moh, <u>pokud</u> si to budete velmi přát,“ navrhl Kravinkin.</i>
<i>Я понимаю, - вскричал Коровьев, - как же без увязки, обязательно. Вот вам телефон, Никанор Иванович, и немедленно <u>увязывайте.</u></i>	<i>Tady máte telefon a okamžitě <u>projednávejte,</u> Nikanore Ivanoviči!</i>
Капитола 9.	
<i>Пусть первый попавшийся палач, хотя бы один из тех, которые сегодня, немного позже, будут иметь честь приложиться к вашему колену, на этой же тумбе <u>оттяпает</u> мне голову, если это так.</i>	<i>Protože <u>pokud</u> by to tak bylo, ať mi hned první kat, co se tu zrovna namane - třeba jeden z těch, co budou mít dnes večer tu čest padnout k vašim nohám - hned tady na tom hrazeníčku hlavu <u>srazí!</u></i>
Капитола 22.	
<i>Но, клянусь вам, в следующий же раз, и уж никак не позже понедельника, отдадим все <u>чистоганом.</u></i>	<i>Ale přísahám vám, že hned příště, což rozhodně nebude později než třeba v pondělí, vám <u>to všechno. do posledního grošíku zaplatíme.</u></i>
<i>... бедный человек целый день <u>починяет примуса</u>; он проголодался... а откуда же ему взять валюту?</i>	<i>Tento nešťastný muž,“ roztrásl se mu hlas ještě víc a Kravinkin ukázal na Kocomoura, který pohotově nasadil ubrečený kukuč, „od rána do večera <u>opravuje primusy</u> - a má hlad... Kde ten by asi podle vás vzal nějaké valuty?“</i>
Капитола 28.	
<i>А <u>дай-кошь</u> я попробую по старой памяти ...</i>	<i><u>Že bychom</u> se zkusili rozpomenout na staré časy?</i>
Капитола 31.	

Пříklady zachování говорových nespisovných výrazů:

<i>С вас бы за указание на четверть литра... <u>поправиться</u>... бывшему регенту!</i>	<i>Možná byste moh za tu informaci přispět na lahvinku..., myslim <u>vyprošťovací</u>..., starýmu regenschorimu!</i>
Капитола 3.	
<i><u>Они не понимают!</u> (řечено ve vztahu k Wolandovi,</i>	<i><u>Von nerozumí!</u></i>

onikání)	
Капитола 4.	
<i>А вы <u>поройтесь</u> у себя в портфеле, Никанор Иванович, - сладко предложил Коровьев.</i>	<i>„Tak schválně <u>prohrabte</u> aktovku, Nikanore Ivanoviči," navrhl roztomile Kravinkin.</i>
<i>Я сам рассеян <u>до ужаса</u>. Как-нибудь за рюмкой я вам расскажу несколько фактов из моей биографии, вы <u>обхохочетесь!</u></i>	<i>Já sám jsem roztržitej <u>až hrůza</u>. Někdy u skleničky vám vyklopím takový detaily z vlastního životopisu, že <u>smíchy prasknete!</u></i>
<i>Поздравляю вас, гражданин, <u>соврамии!</u></i>	<i>Gratuluju, pane <u>Sedmilháři!</u></i>
<i>Колода эта <u>таперича</u>, уважаемые граждане, находится в седьмом ряду у гражданина Парчевского, как раз между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу <u>об</u> уплате алиментов гражданке Зельковой.</i>	<i><u>A nejčkonc</u>, vážený panstvo, jsou všechny ty naše kartičky k nalezení u občana Parčevského v sedmý řadě – přesně mezi tříbrublovkou a předvolánkou k soudu, <u>kerej</u> bude projednávat neplacení alimentů občance Zelkovový.</i>
<i>Ты будешь в дальнейшем <u>молоть</u> всякую чушь?</i>	<i>Budeš eště <u>plácát</u> takový nesmysle?</i>
<i><u>Катитесь</u> отсюда!</i>	<i><u>Vypadněte</u> laskavě!</i>
<i><u>Таперича</u>, когда этого <u>надоедалу</u> сплавили, давайте откроем дамский магазин!</i>	<i>No a <u>nejčkonc</u>, když jsme toho <u>otravu ošklivého vymetli</u>, zařídíme si tu takovej dámskej salon!"</i>
Капитола 10.	
<i>Ничего не может быть <u>гаже</u>, чем когда приехавший первым гость мыкается, не зная, что ему предпринять, а его законная мегера шепотом <u>пилит</u> его за то, что они приехали раньше всех.</i>	<i>Neznám na světě <u>příšernější podívanou</u>, než je první host, který se zmítá hrůzou, co si najednou počít, a jeho zákonitá megera ho šepetem <u>peskuje</u>, jak mohl připustit, aby přijeli ze všech nejdřív.</i>
Капитола 22.	

Пříklady znásobení expresivity:

<i><u>Они, они!</u> - козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, - вообще <u>они</u> в последнее время <u>жутко свинаячат</u>. (o Lichodějevovi, onikání)</i>	<i>„<u>Voni, voni to sou!</u>“ zaonikal kozlím hlasem kostkovaný čahoun. „<u>Řek</u> bych, že poslední dobou se z nich vůbec stal <u>pěknej prasák</u>.“</i>
Капитола 7.	
<i><u>Таперича</u>, когда этого <u>надоедалу</u> сплавили, давайте откроем дамский магазин!</i>	<i>No a <u>nejčkonc</u>, když jsme toho <u>otravu ošklivého vymetli</u>, zařídíme si tu takovej dámskej salon!"</i>
Капитола 10.	

- **Выразы типické pro administrativní styl překladatel zachovává.**

<i><u>Считаю</u> долгом <u>сообщить</u>, что наш председатель жилтоварищества дома номер триста два-бис по Садовой, Никанор Иванович Босой, спекулирует валютой. В данный момент в его квартире номер тридцать пять в вентиляции, в уборной, в газетной бумаге четыреста долларов. Говорит жилец <u>означенного</u> дома из квартиры номер одиннадцать Тимофей Квасцов. Но заклинаю <u>держат</u> в тайне</i>	<i><u>Považuji</u> za svou povinnost vám <u>oznámit</u>, že náš předseda domovní správy v čísle popisném tři sta dva bé na Sadové ulici, Nikanor Ivanovič Bosák, spekuluje s valutami. V tomto okamžiku byste v jeho bytě číslo třicet pět v záchodovém světlíku našli čtyři sta dolarů, zabalených do starých novin. Telefonuje vám obyvatel <u>uvedeného</u> domu z bytu číslo jedenáct, Timofej Kvascov. Ale zapřísahám</i>
---	--

мое имя. Опасаюсь мести <u>вышеизложенного</u> председателя.	vás: mé jméno uchovejte v tajnosti. Obávám se, aby se mi <u>výševedený předseda</u> nemstil.
Капитола 9.	
... между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу об уплате алиментов гражданке Зельковой.	... přesně mezi tříbrublovkou a <u>предволánkou k soudu</u> , kerej bude projednávat <u>neplacení alimentů</u> občance Zelkovový.
<u>Зрительская масса</u> , - перебил Семплеярова наглый гаер, - как будто ничего не заявляла?	„Mám dojem, že vaše <u>diváctvo</u> se ničeho takového nedožadovalo," přerušil neomaleně Semplejarova <u>kostkovaný kašpar</u> .
Капитола 10.	

- **Cizojazyčné výrazy** se v překladu přepisují v souladu s českou výslovností.

Эйн, цвей, дрей!	ajn, cvaj, draj
Капитола 9., 10.	
авек плезир;	Avek plezír!
Уй, мадам! (ve smyslu Oui – fr. Ano)	Taktak, madam
Капитола 10.	

- **Terminologické výrazy** autor překladu převádí do češtiny poněkud volněji.

То ли бывает, то ли бывает, Никанор Иванович! - затрепал Коровьев, - рассеянность, рассеянность, и переутомление, и <u>повышенное кровяное давление</u> , дорогой наш друг Никанор Иванович!	„Ale to se stane, a přihoděj se i horší věci, Nikanore Ivanoviči!" brebentil Kravinkin. „Roztržitost, nesoustředěnost, přepracování a <u>zvýšený krevní tlak</u> , náš drahý příteli Nikanore Ivanoviči!
Капитола 9.	
Нет, не могу больше! Пойду приму триста капель эфирной валерьянки!	Půjdu a dám si tak tři sta <u>kozlíkovejch kapek</u> ...!
Ну да, неизвестно, - слышался все тот же дрянной голос из кабинета, - подумаешь, <u>бином Ньютона!</u>	„Jakýpak neví," zaskřehotal znovu ten ohavný hlas v sousedním pokoji, „to je toho, <u>stačí Newtonův binom</u> .
Капитола 18.	
В сердце он попадает, - Коровьев вытянул свой длинный палец по направлению Азазелло, - по выбору, в любое предсердие сердца или в любой из <u>желудочков</u> .	„Ach ano - u srdce! Srdce dokáže zasáhnout, kam si řeknete," namířil Kravinkin dlouhý ukazovák na Azazella, „ <u>do kterékoli předsíně či komory</u> ."
Капитола 23.	
Если на эти нежные <u>тепличные растения</u> не нападет какой-нибудь <u>микрорганализм</u> , не подточит их в корне, если они не загниют!	Hlavně aby ta útlá <u>skleníková kvítka</u> nenapadl nějaký <u>parazit</u> a nenahlodával je od kořene, hlavně aby neshnila!
Капитола 28.	

- **Zdrobněliny** se v překladu vhodně odstraňují.

<i>с синей <u>каемочкой</u> платок;</i> <i>новенький</i>	<i>Modře lemovaný.</i> <i>Snad k nám nejde někdo úplně <u>nový</u>?</i>
Капитола 22.	
<i>документик</i>	<i>papíry</i>
Капитола 23.	
<i>Вы... э... дайте нам вообще <u>закусочку</u>... э...</i>	<i>něco malého</i>
Капитола 28.	

- Nepříliš typické pro toto jazykové pásmo - **výrazy knižní, zastaralé a archaické** -překladatel zčásti neutralizuje, zčásti převádí do češtiny.

Пříklady neutralizace knižních, zastaralých a archaických výrazů:

<i>А вашему <u>товариществу</u>, Никанор Иванович,</i> <i>полнейшая выгода и очевидный <u>профит</u>.</i> (Historismus, zastaralý výraz)	<i>А vaše <u>domovní správa</u> z toho může <u>mít jenom</u></i> <i><u>prospěch</u>, а jakej!</i>
Капитола 9.	
<i>Пойду лягу в постель, <u>забудусь сном</u>, - и тут он исчез</i> <i>из передней.</i> (Книžní výraz)	<i>Пůjdu si radši <u>lehnout do postele</u>, абыч то <u>celý</u></i> <i><u>заспал!</u></i>
Капитола 18.	
<i><u>Сторицей</u> будет вознаграждена за это хозяйка</i> <i>бала!</i> (Archaismus)	<i>Jako první <u>dámě plesu</u> se vám poté <u>dostane steré</u></i> <i>odměny.</i>
Капитола 22.	
<i>Я сам было принял его за рассеянного <u>приват-</u></i> <i><u>доцента</u> или влюбленного, <u>томящегося</u> на лестнице,</i> <i>но нет, нет!</i> (Historismus)	<i>А přitom jsem ho vlastně i já sám považoval za</i> <i>roztržitého <u>soukromého docenta</u> nebo за</i> <i>zamilovaného, který se <u>souží</u> на <u>setmělém schodišti</u>.</i>
Капитола 23.	
<i>Оно будет построено, мессир, - отозвался Коровьев,</i> <i>- <u>смею уверить вас в этом</u>.</i> (Книžní výraz)	<i>„Ten <u>dům</u> bude postaven, messire,“ opověděl</i> <i>Kravinkin, „<u>o tom není třeba pochybovat</u>.“</i>
Капитола 29.	

Пříklady zachování knižních, zastaralých a archaických výrazů:

<i>Да, это важнейший вопрос, <u>сударь</u>.</i> (Archaismus)	<i>Ó ano, to je <u>veledůležitá věc</u>, <u>vašnosti!</u></i>
Капитола 10.	

<i>Сию секунду, мессир, - сказал Коровьев, заметив вопросительный взгляд Воланда, - он <u>предстанет</u> перед вами. (Archaismy)</i>	<i>„Ještě <u>okamžiček strpení, messire,</u>“ reagoval Kravinkin na tázavý pohled mágův, „<u>a stane přímo před vašimi zraky.</u>“</i>
Kapitola 22.	
<i>Он <u>истомлен</u> голодом и жаждой! (Archaismus)</i>	<i><u>Trýzní ho hlad a žízeň!</u></i>
<i>Да, - продолжал Коровьев, - удивительных вещей можно ожидать в парниках этого дома, объединившего под своєю <u>кровлей</u> несколько тысяч <u>подвижников</u>, решивших <u>отдать беззаветно</u> свою жизнь <u>на служение</u> Мельпомене, Полигимнии и Талии. (Archaismy a knižní výrazy)</i>	<i>„Ano ano,“ pokračoval Kravinkin, „v oranžériích tohoto domu, jenž pod svým <u>krovem</u> nashromáždil několik tisíc <u>moderních řeholníků</u>, kteří se rozhodli <u>obětovat svůj život na oltář</u> služby Melpomené, Polyhymnii či Thálii, lze očekávat ledacos.“</i>
Kapitola 28.	

Пříklady znásobení expresivity:

<i>И если бы расспросить некоторых прабабушек и в особенности тех из них, что пользовались репутацией <u>смирениц</u>, удивительнейшие тайны открылись бы, уважаемая Маргарита Николаевна. (Archaismus)</i>	<i>A kdybychom se řádně vyptali leckterých <u>prababiček</u>, zejména pak těch, co mívaly <u>pověst utápnutých slušinek</u>, otevřela by se nám velice překvapivá tajemství, <u>velevážená moje Markéto Nikolajevno!</u></i>
Kapitola 22.	

- **Пřírovnání** jsou přeložena doslova.

<i>Правда, через несколько часов ему начинало очень сильно хотеться пить, затем он ложился в постель, и через день прекрасная неаполитанка, накормившая своего мужа супом, была <u>свободна, как весенний ветер.</u></i>	<i>Pravda, za pár hodin se dostavila neuhastitelná žízeň, manžel ulehl na lože - a než se den se dnem sešel, byla krásná Neapolitánka, co svému muži <u>dopřála trochu polévky, volná jako jarní vítr.</u></i>
Kapitola 22.	
<i>И вот они уж <u>свистят, как соловьи весной в лесу</u>, тревожат милицию, отрывают ее от дела.</i>	<i>A oni hned <u>pískají na píšťalku jako slavíci v jarním háji</u> a ruší milici od práce.</i>
Kapitola 28.	

- Při překladu **frazémů** se L. Dvořák často snaží o znásobení jejich expresivity, čímž překlad někdy působí zvláštním dojmem.

<i>...ни черта не делают...;</i> <i>начальству <u>втирают очки</u>...</i>	<i>na nic ani nešáhnou</i> <i>Akorát <u>věšej panstvu bulíky na nos!</u></i>
Kapitola 7.	
<i>... <u>черт знает где</u>;</i> <i>капризен, как <u>черт знает что</u>;</i> <i><u>Вот они где у меня сидят, эти интуристы!</u> всю</i> <i><u>душу вымотали</u>;</i> <i>... <u>за деньгами он не постоит</u>...;</i> <i>... <u>денежка счет любит</u> ...;</i> <i>... <u>свой глазок – смотрок</u>...</i>	<i>Ten už bude někde <u>čertví kde!</u></i> <i>... je <u>rozmarnej až hrůza!</u></i> <i>Já už jich <u>mám po krk, těchhle cizinců!</u></i> <i>... ty už mi <u>sežvejkali duši v těle!</u></i> <i>Ten teda <u>na groš nekouká!</u></i> <i><u>vo peníze jde až na prvním místě</u></i> <i><u>důvěřuj, ale prověřuj</u></i>
Kapitola 9.	
<i>Нет, <u>не в силах</u>, <u>нет мочи</u> ...</i>	<i>Já už skutečně <u>nemám sil</u>, skutečně ne</i>
Kapitola 18.	
<i>... <u>чует сердце</u> ...;</i> <i><u>В этом-то вся и соль!</u></i>	<i><u>Mé srdce praví, že přijdou.</u></i> <i><u>V tom je právě šťáva věci!</u></i>
Kapitola 23.	

- **Citoslovce** překladatel většinou převádí do češtiny.

Příklady odstranění/nahrazení citoslovcí:

<i><u>Эх</u>, Никанор Иванович!</i>	<i><u>Můj milý</u> Nikanore Ivanoviči!</i>
Kapitola 9.	
<i>Среди гостей будут различные, <u>ох</u>, очень</i> <i>различные ...</i> <i>Госпожа Минкина, <u>ах</u>, как хороша!</i>	<i>Mezi hosty budou lidé různí, <u>ba</u> velice různí ...</i> <i>A tohle je paní Minkinová... <u>Je vskutku nádherná!</u></i>
Kapitola 22.	
<i>Вы... <u>э...</u> дайте нам вообще закусочку... <u>э...</u></i>	<i><u>Víte co...?</u> Dejte nám něco malého... <u>a... však víte</u></i>
Kapitola 28.	

Příklady zachování citoslovcí:

<i><u>Ба!</u> Никанор Иванович</i>	<i><u>Ale to snad ne!</u> Nikanor Ivanovič!</i>
Kapitola 9.	
<i>Правая нога - <u>хрусть</u>, пополам!</i>	<i><u>Křup</u> - a pravá noha vejřpů! Pak levá - <u>křup</u>, a</i>

<i>Левая - хрусть, пополам!</i>	<i>vejřů!</i>
Капитола 18.	
<i>Ах, как приятно ужинать вот этак, при камельке, запросто ...</i>	<i>„Ó, jak řřijemné je takto povečeřet, u krбу, docela obyčejně," brebentil Kravinkin, „v úzkém kruhu..."</i>
Капитола 23.	
<i>Все кусается, - вздохнув, заметил Коровьев, - эх, эх... Ба! Да ведь это писательский дом.</i>	<i>„А hrome, to není málo...," povzdechl si Kravinkin. А...! То je přece ten spisovatelský dům!</i>
Капитола 28.	
<i>И вдруг - трах, трах! - подхватил Коровьев, - выстрелы!</i>	<i>„А najednou <u>bác, bác!</u>" převzal iniciativu Kravinkin. „<u>Rána za ranou!</u> Výstřely!</i>
Капитола 29.	

- **Образная выжádření** překladatel zdařile interpretuje.

<i>... сейчас волна начнет спадать...; Я слышу в этой <u>гробовой тишине</u>, как скрипят его лакированные туфли и как звенит бокал ...</i>	<i>uvidíte, že za chvíli přival opadne V tomto <u>mrtvolném tichu</u> již slyším, jak skřípějí jeho lakované střevíce a jak zvoní poslední pohár šampaňského v jeho životě ...</i>
Капитола 22.	
<i>Что-то сосало мое сердце! А то ведь фортуна может и ускользнуть.</i>	<i>Vřak ve mně cosi hlodalo! Jinak by vás Štěstěna mohla opustit.</i>
Капитола 23.	
<i>Если на эти нежные тепличные растения не нападет какой-нибудь микроорганизм, не подточит их в корне, если они не загниют! Почем вы знаете, какие замыслы роятся у меня в голове?</i>	<i>Hlavně aby ta útlá skleníková kvítka nenapadl nějaký parazit a nenahlodával je od kořene, hlavně aby neshnila! Jak vy můžete vědět, jaké záměry se rojí v mé hlavě?</i>
Капитола 28.	

V syntaktické rovině překladu se zachovávají hlavní rysy originálu. Při překladu vět s příznakovým slovosledem ke kalkování ruské větne stavby dochází pouze výjimečně, např.:

<i>Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено.</i>	<i>Ožiraj se, zneužívaj svýho postavení a spouštěj se s babama, a přitom na nic ani nešáhnou a šáhnout vlastně nemůžou, protože vo tom, co jim bylo uloženy, nemaj ánunk.</i>
Капитола 7.	

- **Četná opakování** překladatel nahrazuje významově blízkými prostředky.

Пříklady odstranění/nahrazení opakování:

<i>То ли бывает, то ли бывает, Никанор Иванович! - затрепал Коровьев, - <u>рассеянность, рассеянность</u>, и переутомление, и повышенное кровяное давление, дорогой наш друг Никанор Иванович!</i>	<i>„Ale to se stane, a přihoděj se i horší věci, Nikanore Ivanoviči!" brebentil Kravinkin. „Roztržitost, nesoustředěnost, přepracování a zvýšenej krevní tlak, náš drahý příteli Nikanore Ivanoviči!"</i>
<i>Да он уже уехал, уехал!</i>	<i>Ale on přece odjel, už je pryč!</i>
Капитола 9.	
<i>Слушаюсь, слушаюсь.</i>	<i>Spolehněte se, vašnosti.</i>
Капитола 10.	
<i>Как же, как же ...</i>	<i>Ale no jistě, samozřejmě</i>
Капитола 18.	
<i>Ничего, ничего, ничего! - бормотал Коровьев у дверей комнаты с бассейном, - ничего не поделаешь, <u>надо, надо, надо</u>.</i>	<i>„To nic, to se dá vydržet!" mumlal Kravinkin u dveří vedoucích k bazénu. „Nedá se nic dělat, protože tak to musí být..."</i>
<i>Нет, нет, нельзя подумать об этом! <u>Заметит, заметит</u> в то же мгновение. <u>Нужно полюбить его, полюбить</u>, королева.</i>	<i>Nene, na něco takového nelze ani pomyslet. Dotyčný by to <u>zpozoroval</u>, okamžitě by to <u>postřehl!</u> Vy si ho musíte <u>zamilovat</u>, <u>obdařit ho přízní</u>, královno!</i>
<i>Нет, <u>мало, мало</u>, - зашептал Коровьев, - он не будет спать всю ночь.</i>	<i>„Ale ne, to bylo málo," šeptal poplašeně Kravinkin, „ten z toho celou noc nebude spát!"</i>
<i><u>Мало, мало</u>, - шептал Коровьев, - смотрите налево, на первые скрипки, и кивните так, чтобы каждый думал, что вы его узнали в отдельности.</i>	<i>„Ještě pořád je to málo," šeptal Kravinkin, „ted' se podívejte doleva, na první housle, a pokyňte jim tak, aby si každý z nich myslel, že ho poznáváte osobně.</i>
<i><u>Будут</u>, королева, сейчас <u>будут</u>.</i>	<i>Hned jsou tady, Veličenstvo, ještě okamžiček strpení.</i>
Капитола 22.	
<i>Горько мне! Горько! Горько! - завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе.</i>	<i>Je mi z toho zle, přímo šeredně!" úpěl Kravinkin jako družba na starosvětské svatbě.</i>
<i>Ну, <u>почем знать, почем знать</u>, - ответил тот.</i>	<i>"Jak se to vezme, milostivá," opáčil Kravinkin.</i>
Капитола 28.	
<i><u>Свистнуто</u>, не спорю, - снисходительно заметил Коровьев, - действительно <u>свистнуто</u>, но, если говорить беспристрастно, <u>свистнуто</u> очень средне!</i>	<i>„Ne že bys hvízdal špatně," poznamenal shovívavě Kravinkin, „to rozhodně ne, ale máme-li tvůj výkon hodnotit objektivně, byl to chabý průměr."</i>
Капитола 31.	

Пříklady zachování opakování:

<i>Помощник, помощник его и переводчик Коровьев, -</i>	<i>„Tady <u>asistent</u>. Mistrův <u>asistent</u> a tlumočník</i>
--	---

<i>трещала трубка, - весь к вашим услугам, милейший Иван Савельевич!</i>	<i>Kravinkin, " chrlilo opřekot sluchátko, „vždy plně k vašim službám, můj znejmilejší Ivane Saveljeviči!</i>
Капитола 10.	
<i>Верно, верно!</i> - кричал Коровьев, - <i>верно, дорогая Маргарита Николаевна!</i>	<i>„Přesně tak, přesně tak!" zaječel Kravinkin. „Přesně takhle to je, drahá Markéto Nikolajevno!</i>
<i>К счастью! К счастью!</i> - зашептал Коровьев Маргарите, - <i>смотрите, он уже приходит в себя.</i>	<i>„Střepy znamenají štěstí! Štěstí!" zašeptal Kravinkin Markétce. „Podívejte se, už přichází k sobě."</i>
<i>Ничего, ничего, ничего,</i> - шептал Коровьев, <i>извиваясь возле мастера, - ничего, ничего...</i>	<i>"To nic, to nic, to nic." šeptal Kravinkin vinoucí se kolem Mistra, „to opravdu nic není..."</i>
Капитола 23.	

- **Вýčты a kumulace** jsou přeloženy velmi přesně.

<i>Слушаю. Как же. Непременно. Срочно. Всеобязательно. Передам ...</i>	<i>„Spolehněte se. Samozřejmě. Ovšem. Okamžitě. Zaručeně. Vyřídím," chrlilo útržkovitě sluchátko.</i>
Капитола 9.	
<i>Потрясающе!</i> - затрепал Коровьев, - <i>все очарованы, влюблены, раздавлены, сколько такта, сколько умения, обаяния и шарма!</i>	<i>„Oslnivě!" zavřeštěl Kravinkin. „Všichni jsou okouzleni, zamilováni a konsternováni! Kolik taktu, kolik umu, kolik osobního kouzla a šarmu!"</i>
Капитола 23.	

Shrnutí

V lexikálním plánu dochází k částečné neutralizaci hovorových, hovorových nespisovných, knižních a archaických výrazů. Překladatel však uvedenou neutralizaci plně kompenzuje znásobením expresivity některých méně příznakových prostředků a také plně využívá potenciálu obecné češtiny. Frekvence obecněčeských jevů v jazykovém pásmu zkoumané postavy je velmi vysoká, pouze v dialogu Kravinkina a Nikanora Ivanoviče nalézáme následující příklady:

<i>- Они, они!</i> - козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, - <i>вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женищинами, используя свое положение, ни черта не</i>	<i>„Vони, vони to sou!" zaonikal kozlím hlasem kostkovaný čahoun. „Řek bych, že poslední dobou se z nich vůbec stal pěkněj prasák. Ožiraj se, zneužívaj svýho postavení a spouštěj se s babama, a přitom na nic ani nešáhnou a šáhnout vlastně nemůžou,</i>
--	---

делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено. <i>Начальству втирают очки!</i>	<i>protože vo tom, co jim bylo uloženy, nemaj ánunck. Akorát vĚšej panstvu buliky na nos!</i>
Капитола 7.	
... все это, Никанор Иванович, условно и зыбко. <i>Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное!</i>	<i>VĚsechno je rozmazaný a nejasný, Nikanore Ivanoviči. Dneska jsem třeba osoba povýtce neoficiální, ale než se nadějete, třeba už zejtra, budu oficiální.</i>
<i>Я сам рассеян до ужаса.</i>	<i>Já sám jsem roztržitej až hrůza.</i>
- Кота, ежели угодно, могу показать, - предложил Коровьев.	<i>„Kocoura bych vám ukázat mohl, pokud si to budete velmi přát," navrhl Kravinkin.</i>
- Ведь ему безразлично, покойнику, - шепотом сипел Коровьев, - ему теперь, сами согласитесь, Никанор Иванович, квартира эта ни к чему?	<i>„Zesnulýmu to přece bude jedno," šeptal sípavě Kravinkin, „k čemu by ten eště potřeboval bejvák, no uznejte, Nikanore Ivanoviči..."</i>
- Говорю вам, капризен, как черт знает что! - зашептал Коровьев, - ну не желает! Не любит он гостилицы! Вот они где у меня сидят, эти интуристы! - интимно пожаловался Коровьев, тыча пальцем в свою жилистую шею, - верите ли, всю душу вымотали! Приедет... и или наштионит, как последний сукин сын, или же капризами все нервы вымотает: и то ему не так, и это не так!.. А вашему товариществу, Никанор Иванович, полнейшая выгода и очевидный профит.	<i>„Ale dyť vám to povídám, je rozmarněj až hrůza!" zašeptal Kravinkin. „Do hotelu prostě nechce! Nesnáší je. Já už jich mám po krk, těchhle cizinců!" posteskl si důvěrně Kravinkin a přejel si ukazovákem po žilnaté šíji. „Vy mi to možná nebudete věřit, ale ty už mi sežvejkali duši v těle! To si ňákej takovej přijede... a buď tu špiónuje, ničema jeden ničemnej, nebo si furt vymejšlí: tohle se mu nelíbí, a támhleto se mu taky nezamlouvá...! A vaše domovní správa z toho může mít jenom prospěch, a jakej!</i>
За неделю это выходит, стало быть, три с половиной тысячи?	<i>Takže to bysme měli tři a půl tisíce za tejděn?</i>
Да разве это сумма! Просите пять, он даст.	<i>Prosim vás copak to jsou nějaký peníze? Řekněte si klidně vo pět, určitě vám je dá.</i>
- А где же свидетели? - шепнул в другое ухо Коровьев, - я вас спрашиваю, где они? <u>Что вы?</u>	<i>„A kde máte nějaký svědky, když už jsme u toho?" sykl mu Kravinkin do druhého ucha. „No tak kde je máte? Neblázněte, člověče..."</i>
Капитола 9.	

Na jednu stranu použitím obecněčeských prostředků se překladateli podařilo téměř dokonale zrcadlit specifické vyjadřování této postavy, na druhou stranu některé obecněčeské jevy nemusí být tolik vžité a přijatelné pro moravské čtenáře.

Expresivní cizojazyčné výrazy překladatel přepisuje v souladu s českou výslovností, čímž zachovává komický dojem, který vzbuzují i v originálu.

Výrazy typické pro administrativní styl překladatel sice zachovává, ale překládá je poněkud volněji. Zdrobněliny jsou v překladu vhodně odstraněny. Citoslovce překladatel též vhodně převádí do češtiny.

K významových posunům či špatné interpretaci lexémů dochází výjimečně, např.:

<i>Начальству втирают очки!</i>	<i>Akorát všelijak panstvu bulíky na nos! Nevhodně zvolený výraz</i>
Kapitola 7.	
<i>Ну да, неизвестно, - слышался все тот же дрянной голос из кабинета, - подумаешь, <u>бином</u> Ньютона!</i>	<i>„Jakýpak neví,“ zaskřehotal znovu ten ohavný hlas v sousedním pokoji, „to je toho, stačí Newtonův binom. Špatný výklad: v originálu sdělení znamená, že zjištění okolností smrti dotyčného není nijak složitým úkolem</i>
Kapitola 18.	
<i>Ничего не может быть гаже, чем когда приехавший первым гость <u>мыкается</u>, не зная, что ему предпринять, а его законная мегера шепотом пилит его за то, что они приехали раньше всех.</i>	<i>Neznám na světě příšernější podívanou, než je první host, který <u>se zmítá hrůzou</u>, co si najednou počít, a jeho zákonitá megera ho šeptem peskuje, jak mohl připustit, aby přijeli ze všech nejdřív. Šprávně: poflakuje se, potuluje se</i>
Kapitola 22.	
<i>Горько мне! Горько! Горько! - завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе.</i>	<i>Je mi z toho zle, přímo šeredně!“ úpěl Kravinkin jako družba na starosvětské svatbě. Český překlad je nesrozumitelný, v originálu jde o ruskou tradici spojenou s vyvoláváním „hořce“ na svatbách</i>
Kapitola 28.	

Syntaktický plán překladu je převeden do češtiny zcela v souladu s originálem. Je zachován poměr jednoduchých vět a souvětí v různých komunikačních situacích. V originále velmi frekventovaná opakování L. Dvořák zdařile odstranil nebo nahradil sémanticky blízkými prostředky.

Překlad tohoto jazykového pásma místy hodnotíme jako sporný z důvodu přílišného užívání obecněčeských či jiných příznakových prostředků, přesto zvolenou překladatelskou metodu považujeme za vhodnou. Překladatel v plné míře zvládá náročnou interpretaci groteskního vyjadřování postavy démona.

03. Pilát Pontský

Na rozdíl od ostatních zkoumaných jazykových pásem pásmo Piláta Pontského neobsahuje tolik hovorových výrazů. Dominují zde především knižní výrazy, objevují se historismy a jednotlivá slova patřící k vojenské terminologii. V syntaktické rovině převládají jednoduché věty, časté jsou také elipsy.

- Vzácné **hovorové výrazy** překladatel zachovává.

<i>Верите ли, это <u>брედовое</u> сооружение Ирода, - прокуратор махнул рукою вдоль колоннады, так что стало ясно, что он говорит о дворце, - положительно сводит меня с ума.</i>	<i>Vy tomu možná nebudete věřit, ale <u>tahle příšerná Herodova stavba</u>," mávl rukou směrem ke kolonádě, aby bylo jasné, že mluví o paláci, „mě prokazatelně připravuje o rozum.</i>
<i>Сведения же заключаются в том, что кто-то из тайных друзей Га-Ноцри, возмущенный <u>чудовищным</u> предательством этого <u>менялы</u>, сговаривается со своими сообщниками убить его сегодня ночью ...</i>	<i>V zásadě vím tolik, že kdosi z tajných přátel Ha-Nocriho je <u>obludnou</u> zradou toho <u>lichváře</u> natolik pobouřen, že se s několika spřezenci dohodl zabít ho ještě dnes v noci ...</i>
Капитола 25.	

- **Výrazy hovorové nespisovné** (просторечные) jsou neutralizovány.

<i>Вот, например, не <u>струсил</u> же <u>менепешиний</u> прокуратор Иудеи, а бывший трибун в легионе, тогда, в долине дев, когда яростные германцы чуть не <u>загрызли</u> Крысобоя-великана.</i>	<i>Dnešní prokurátor Judeje a bývalý tribun v legii přece nebyl <u>zbabělý</u> tenkrát v Panenském údolí, kdy zuřiví Germáni div <u>nezadávili</u> obra Krysolova.</i>
Капитола 26.	

- **Книžní a zastaralé výrazy** se v překladu neutralizují.

<i>О да, ты не похож на <u>слабоумного</u>, - тихо ответил прокуратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой, - так поклянься, что этого не было. (Zastarávající výraz)</i>	<i>„To ne, na <u>blázna</u> rozhodně nevypadáš," odpověděl tiše prokurátor a v jeho tváři se zrodil úsměv téměř děsivý, „ale pak tedy přísahej, že se nic takového nestalo.“</i>
<i>Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Еришалаиме и других некоторых местах, то первый</i>	<i>Zatímco ten, jehož prokurátor jmenoval jako druhého, je zjevně bloud a provinil se jen veřejným pronášením pošetilých řečí, matoucích lid</i>

<i>отягощен</i> гораздо значительное. (Knižní výraz)	<i>Jeruzaléma a některých dalších míst, Bar-Rabban má na svědomí viny mnohem závažnější.</i>
<i>Так знай же, что не будет тебе, первосвященник, отныне покоя!</i> (Knižní)	<i>Ty ale věz, veleknězi, že od této chvíle nebudeš mít klidu!</i>
Капитола 2.	
<i>Помилосердствуйте,</i> - улыбаясь, воскликнул прокуратор, - нет более безнадежного места на земле. (Knižní výraz)	<i>„Nezlobte se na mě,“ zvolal s úsměvem Pilát, „ale ještě jsem na zemi nezažil beznadějnější místo.“</i>
Капитола 25.	
<i>Ты, как я вижу, книжный человек ...</i> (Archaismus)	<i>Jak vidím, jsi sečtělý muž..</i>
Капитола 26.	

Dobové výrazy většinou zůstávají zachovány, občas je překladatel více či méně zdařile interpreтуje: *Тетрарх* – *tetrarch*; *сборщик податей* - *berník*; *чернь* – *chátra*; *пехотный манипул* - *pěší oddíl*; *попасть в мешок* – *ocitnout se v pasti*; *кавалерийская турма* - *jízda*; *легат легиона* - *legát*; *кесарь* – *cézar*; *прокуратор* – *prokurátor*; *Синедрион* – *synedrion*; *юродивый* – *robloudilý tulák* (Kapitola 2.); */.../ клянусь вам пиром двенадцати богов, ларами клянусь /.../ - /.../* přísahám vám při hostině dvanácti bohů i při svých předcích */.../* (Kapitola 25.); *звездочет* – *hvězdář*; *хартия* – *charta* (Kapitola 26.)

- Při překladu **přírovnání** se překladatel nedopouští významového posunu.

<i>Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя.</i>	<i>Ti tví dobří lidé se na něj <u>vrhali jako ohaři na medvěda.</u></i>
Капитола 2.	

- **Frazémy** jsou přeloženy velmi obratně.

<i>... она [жизнь] висит на волоске ...;</i> <i>... праздные зеваки в Еришалаиме ходили за тобою по пятам ...;</i> <i>... настал теперь мой час ...</i>	<i>... tvůj život <u>visí na vlásku</u> ...</i> <i>... <u>v patách ti neustále táhli</u> zvlouni a povaleči ...</i> <i>.. <u>ted' přišla má chvíle</u>, Kaifáši!</i>
Капитола 2.	
<i>... на вас нет сухой нитки ...;</i> <i>... чтобы о них больше не было ни слуху ни духу</i>	<i>Ale vy na sobě <u>немаёте нитку suchou, чловёче!</u></i> <i>... <u>aby po nich nebylo ani vidu ani slechu.</u></i>
Капитола 25.	

- **Citoslovce** se v překladu převážně zachovávají.

Příklady odstranění/nahrazení citoslovcí:

<i>Q да, ты не похож на слабоумного ...</i> <i>Q нет!</i>	<i>To ne, na blázna rozhodně nevypadáš</i> <i>To ne!</i>
Капитола 2.	
<i>Ах, в этом городе все вероятно!</i>	<i>„Ale běžte - v Jeruzalémě je pravděpodobné cokoli!</i>
Капитола 26.	

Příklady zachování citoslovcí:

<i>... Q боги, боги, за что вы наказываете меня?</i> <i>Q город Ершалаим!</i> <i>Q боги мои!</i> <i>Q боги, боги!</i> <i>Ну, хорошо.</i>	<i>Ó bohové, zač mě trestáte?</i> <i>Ó město Jeruzaléme!</i> <i>Ó bohové!</i> <i>Ó bohové, bohové!</i> <i>Inu dobrá.</i>
Капитола 2.	
<i>Q, если бы не императорская служба!..</i>	<i>Ach, nebyt těch povinností v císařských službách...</i>
Капитола 25.	
<i>O, боги!</i>	<i>Ó bohové!</i>
Капитола 26.	

- **Образная выјádření** překladatel velmi zdařile interpretuje.

<i>Оцеплен сад, оцеплен дворец, так что и <u>мышь не проникнет ни в какую щель!</u></i> <i>Теперь <u>полетит весть</u> от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору ...</i>	<i>Zahradu i palác střeží vojáci tak neprodyšně, že sem sebemenší skulinou neproklouzne ani myš! Ted' <u>poletí zpráva</u> ode mě, ovšem ne k místodržícímu do Antiocheje, ani do Říma, ale přímo na Capri, k samotnému panovníkovi ...</i>
Капитола 2.	
<i>Я готов спорить, что через самое короткое время <u>слухи об этом поползут по всему городу.</u></i>	<i>Jsem ochoten se vsadit, že už za pár hodin <u>se takovéhle fámy roznesou po celém městě.</u></i>
Капитола 26.	

Poměr jednoduchých vět a souvětí L. Dvořák v překladu dodržuje. Elipsy jsou částečně odstraněny. Příznakový slovosled se často neutralizuje, ale opakování překladatel většinou zachovává.

Пříklady zachování příznakového slovosledu:

<i>Это меня ты называешь добрым человеком?</i>	<i>Tos říkal mně, to dobrý muži?</i>
<i>В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?</i>	<i>Snad jsi to nevyčetl v nějaké řecké knize?</i>
Капитола 2.	

Пříklady neutralizace příznakového slovosledu:

<i>Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной.</i>	<i>Odveďte si ho někam stranou a vysvětlete mu, jak se mnou má mluvit.</i>
Капитола 2.	
<i>Марк! - крикнул прокуратор, и кентурион вступил под колонны. – Нож его мне дайте.</i>	<i>„Marku!“ křikl prokurátor a mezi sloupy vyrostl centurio. „Dejte mi jeho nůž.“</i>
Капитола 26.	

Pouze občas se setkáváme s **doslovným překladem** některých souvětí.

<i>Ну, хотя бы жизнью твоею, - ответил прокуратор, - ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!</i>	<i>„Dejte tomu na svůj vlastní život,“ odpověděl prokurátor, „to totiž bude vskutku na místě, jelikož tvůj život visí na vlásku, to si uvědom.“</i>
Капитола 2.	

- **Оповторění** se v překladu většinou neodstraňují.

Пříklady odstranění/nahrazení opakování:

<i>О боги, боги, за что вы наказываете меня?</i>	<i>Ó bohové, zač mě trestáte?</i>
Капитола 2.	

Пříklady zachování opakování:

<i>Яду мне, яду!</i> <i>Он еще повысил сорванный командами голос, выкликая слова так, чтобы их слышали в саду: - Преступник! Преступник! Преступник!</i>	<i>Jed bych potřeboval, jed... Nato hlas ztrhaný někdejšími štěkáním povelů stoupl ještě víc a ječel slova tak, aby je bylo slyšet i v zahradě: „Jsi zločinec! Zločinec! Zločinec!“</i>
<i>О, боги, боги!</i>	<i>Ó bohové, bohové!</i>
<i>Тесно мне, - вымолвил Пилат, - тесно мне!</i>	<i>„Je mi těžko,“ vypravil ze sebe Pilát, „moc těžko.“</i>
Капитола 2.	
<i>Фанатики, фанатики!</i>	<i>Samí fanatici, fanatici!</i>
<i>Ах так, так, так, так</i>	<i>Ach ano.... ano ano ...</i>
Капитола 25.	
<i>Это интересно, интересно...</i>	<i>Ale to je zajímavé, velmi zajímavé...</i>
Капитола 26.	
<i>Боги, боги, - говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще, - какая пошлая казнь!</i>	<i>„Bohové, bohové!“ říká, obrací se s nadutým výrazem ke svému společníkovi, ten v bílém</i>

	<i>pláští.</i>
Kapitola 32.	

- **Výčty** jsou přeloženy velmi vhodně.

<i>Германцы вцепились ему в шею, в руки, в ноги.</i>	<i>Germáni se mu zakousli do krku, rukou i nohou.</i>
Kapitola 1.	
<i>Позвольте мне пока этого не говорить, тем более что они случайны, темны и недостоверны.</i>	<i>To bych si s vaším svolením zatím rád nechal pro sebe, protože ty informace jsou nahodilé, nejasné a nehodnověrné.</i>
Kapitola 25.	

Shrnutí

Při překladu jazykového pásma prokurátora L. Dvořák volí spíše neutrální lexikální prostředky. Historismy překladatel nemodernizuje. Překlad obrazných vyjádření, přirovnání a frazémů považujeme za velmi zdařilý. Citoslovce zůstávají v překladu převážně zachovány.

L. Dvořák však několikrát volí nepříliš vhodné ekvivalenty některých výrazů. K těmto odchylkám většinou nedochází kvůli špatné interpretaci originálu, ale kvůli stylovému posunu: jde především o volbu dle našeho názoru příliš moderních nebo příliš expresivních výrazů:

<i>Где ты живешь постоянно?</i>	<i>Kde <u>normálně</u> žiješ? Volba příliš moderního výrazu</i>
<i>Не знаешь ли ты таких, - продолжал Пилат, не сводя глаз с арестанта, - <u>некоего</u> Дисмаса, <u>другого</u> - Гестаса и <u>третьего</u> - Вар-раввана?</i>	<i>„Neznáš <u>jistého</u> Dismase?“ pokračoval Pilát a nespustil z vězně oka. „A taky <u>jistého</u> Gestase a <u>jistého</u> Bar-Rabbana?“ Redundantní opakování stejného lexému</i>
Kapitola 2.	
<i>Ах, в этом городе все вероятно!</i>	<i>„<u>Ale běžte</u> - v Jeruzalémě je pravděpodobné cokoli! Toto zvolání není na místě v Pilátově strojeném projevu</i>
<i>Я готов спорить, что через самое короткое время слухи об этом поползут по всему городу.</i>	<i>Jsem ochoten se vsadit, že už za pár hodin se <u>takovéhle</u> fámy roznesou po celém městě. Vnesení nespisovného prvku</i>
<i>Ты жесток, а тот жестоким не был.</i>	<i>Ty jsi <u>sveřepý</u>, kdežto on <u>sveřepý</u> nebyl. Pilát zde porovnává Matouše s Ješuu, v překladu je zvolen příliš expresivní výraz, který neodpovídá Matoušově povaze</i>
Kapitola 26.	

Syntaktický plán jazykového pásma Piláta Pontského v překladu zrcadlí všechny relevantní rysy originálu. V daném případě překladatel zachovává dokonce častá opakování

příznačná pro projev prokurátora. Výčty jsou převedeny do češtiny velmi přirozeně, nepůsobí „překladově“ a nedochází ke ztrátě dynamiky výpovědi.

Překlad tohoto jazykového pásma považujeme za přijatelný, přestože nemůžeme souhlasit se zavedením některých hovorových a expresivních výrazů do Pilátova spisovného projevu.

04. Mistr

Jazykové pásmo neuznaného geniálního spisovatele obsahuje větší množství hovorových výrazů a vyznačuje se obrazností a emocionalitou. Volba jazykových prostředků v daném případě není tolik závislá na komunikační situaci. Poměr souvětí a jednoduchých vět je relativně vyvážený, časté jsou věty s nepravidelným slovosledem.

- **Hovorové výrazy** jsou v překladu převážně zachovány.

Příklady neutralizace hovorových výrazů:

<i>Нет, - твердо ответил гость, - я не могу <u>удрпать</u> отсюда не потому, что высоко, а потому, что мне <u>удирпать</u> некуда.</i>	<i>„To není,“ opáčil příkře básníkův host, „nejde o to, že by to bylo moc vysoko - já totiž nemám kam <u>utéct</u>.“</i>
<i><u>Безобразие</u>, - осудил гость Ивана ...</i>	<i>„To je <u>skandál</u>,“ vyplísnil Ivana host a hned pokračoval.</i>
<i><u>Ужасно</u> не нравятся.</i>	<i>Škoda mluvit.</i>
<i>И вы и я - сумасшедшие, что <u>отпираться!</u></i>	<i>Vy i já jsme blázni, <u>nemá smysl si něco nalhávat</u>.</i>
<i>Это <u>страшно трудно</u> делать, потому что исписанная бумага горит неохотно.</i>	<i>Řeknu vám, že se to dělá <u>neobyčejně špatně</u>, protože popsany papír nechce hořet.</i>
Капитола 13.	

Příklady zachování nebo posílení expresivity:

<i>Я <u>стащил</u> у нее месяц тому назад связку ключей и, таким образом, получил возможность выходить на общий балкон ...</i>	<i>Před měsícem jsem jí <u>vyfoukl</u> klíče, takže se teď snadno dostanu na společný balkon kolem celého patra, a můžu tudíž navštívit některého ze sousedů.</i>
<i>Вызова врача, уколов и прочей <u>возни</u> не будет?</i>	<i>Nezačnou sem lítat doktoři, sestřičky s injekcemi <u>a tak dále a tak podobně?</u></i>
<i>Уу, проклятая <u>дыра!</u></i>	<i>Fuj, <u>díra zatracená!</u></i>
<i>Тут он засуетился, начал что-то <u>мямлить</u> и заявил, что <u>самолично</u> решить этот вопрос он не может ...</i>	<i>Začal těkat, cosi <u>nejasně</u> zablábolil a nakonec ze sebe vysoukal, že <u>on osobně</u> takovou věc sám rozhodnout nemůže ...</i>
<i>Знаю, - ответил мастер, - моим соседом в <u>сумасшедшем</u> доме был этот мальчик, Иван <u>Бездомный</u>.</i>	<i>„Mám,“ odpověděl Mistr, „protože <u>mým</u> соседem <u>v blázinci</u> byl ten chlapec, Иван <u>Бездомовец</u>.“</i>
Капитола 24.	

- **Новороvé nespisovné (просторечные) výrazy** překladatel neutralizuje.

<i>Видите ли, он вас потряс - и вы <u>свихнулись</u>, так как у вас, очевидно, подходящая для этого почва.</i>	<i>Je to zkrátka tak, že vás ohromil a vy jste se z toho <u>pomátl</u>, protože na něco podobného jste ta nejlepší živná půda.</i>
<i>Да, так на чем, <u>бишь</u>, я остановился?</i>	<i>Ale kde jsem to vlastně přestal?</i>
Кapитoла 13.	
<i>Однако, это будет, пожалуй, <u>почище</u> того, что рассказывал Иван!</i>	<i>Tohle asi bude <u>ještě šílenější</u>, než vykládal Ivan!</i>
Кapитoла 24.	

- **Vulgarizmy** jsou v překladu zachovány.

<i>Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, <u>морда</u> или лицо.</i>	<i>Ono zatím není jasné, co že to člověk vlastně má - zda <u>tlamu</u>, nebo doopravdy obličej...</i>
Кapитoла 13.	
<i>... задал, с моей точки зрения, совсем <u>идиотский</u> вопрос: кто это меня надоумил сочинить роман на такую странную тему?</i>	<i>... položil otázku, kterou jsem považoval za vyloženě <u>deblní</u>: Prý kdo že mi nasadil do hlavy tak prapodivný námět na román?</i>
Кapитoла 13.	

- **Zdrobněliny** se odstraňují nebo zachovávají v závislosti na kontextu.

<i><u>оконца</u>, <u>тротуарчик</u>, <u>малюсенькая</u> комната, <u>столтик</u>, <u>дворик</u>, <u>слабенько</u> освещенные ... <u>оконца</u>, страх владел каждой <u>клеточкой</u> моего тела</i>	<i><u>okna</u> <u>chodník</u> do druhého, docela <u>maličkého</u> pokojíku <u>stolek</u> <u>dvorek</u> <u>slabounce</u> osvětlená zatažená <u>okna</u> <u>každíčkou</u> buňku mého těla zaplavil strach</i>
Кapитoла 13.	

- **Книžní a archaické výrazy** L. Dvořák nejčastěji převádí do češtiny stylově identickými ekvivalenty.

Пříklady neutralizace knižních a archaických výrazů:

<i>Нет, уж это вы <u>оставьте</u>, и навсегда. (Knižní výraz)</i>	<i>At' už se to nikdy neopakuje!</i>
<i>Он без нужды мял <u>манускрипт</u> и крякал. (Knižní výraz)</i>	<i>Roztržitě <u>rukopis</u> mačkal v rukou a přitom pokašlával.</i>
Капитола 13.	

Пříklady zachování knižních a archaických výrazů:

<i>Холод и страх, ставший моим постоянным спутником, доводили меня до <u>исступления</u>. (Knižní výraz)</i>	<i>Chlad a strach, které se staly mými stálými souputníky, <u>mě</u> přiváděly k nepřičetnosti.</i>
Капитола 13.	
<i>Не плачь, Марго, не <u>терзай</u> меня. (Knižní výraz)</i>	<i>Neplač, Margot, a <u>netrýzni mě</u>.</i>
<i>Из дома скорби. (Archaismus)</i>	<i>Z domu smutku.</i>
Капитола 24.	
<i>Конечно, передо мной сидит <u>посланник дьявола</u>. (Knižní výraz)</i>	<i>Přede mnou nade vši pochybnost sedí <u>vyсланec</u>. <u>d'ábliv!</u></i>
Капитола 30.	

- Pro překlad knižních výrazů překladatel občas používá **hovorových lexémů**.

<i><u>Помилуйте!</u> (Knižní výraz)</i>	<i><u>Ale běžte!</u></i>
<i>И, <u>право</u>, я удивляюсь Берлиозу! (Knižní výraz)</i>	<i><u>Hlavně se ale</u> divím Berliozovi.</i>
Капитола 13.	

- **Пřirovnání** autor překladu interpretuje s patrným uměleckým a jazykovým citem.

<i>Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!</i>	<i>V jediném okamžení nás zasáhla láska -jako když vás někde v odlehlém zákoutí přepadne vrah - a zasáhla nás oba naráz. Takhle dokáže zasáhnout jedině blesk nebo dýka.</i>
Капитола 13.	

- Při překladu **frazémů** se L. Dvořák snaží o použití ekvivalentních výrazů, pouze v některých případech volí nefrazeologické lexémy.

<p>... <u>принять на веру</u> ...;</p> <p>... <u>глядеть правде в глаза</u> ...;</p> <p><u>Черт их знает</u>, как их зовут...;</p> <p><u>Вот так штука</u>, а?</p> <p>... внешне-то <u>черт знает на что похожий</u> ...</p>	<p><i>Dobrá, pak <u>jsem ochoten uvěřit</u>.</i></p> <p><i><u>Nahlédněme pravdě zpříma do očí</u></i></p> <p><i><u>Čertví jak se vlastně jmenují</u></i></p> <p><i><u>To jsou věci, není-liž pravda?</u></i></p>
Капитола 13.	
<p>... <u>бог с ними</u> ...;</p> <p><u>Фу ты черт</u> ...;</p> <p><i>Нет, это черт знает что такое, черт, черт, черт!</i></p> <p><i>Какие тут к <u>черту</u> гипнотизеры!</i></p>	<p><i><u>dej jim pámbu nebe</u></i></p> <p><i><u>Hrom aby to vzal!</u></i></p> <p><i><u>V tomhle aby se opravdu čert vyznal.... jedině čert!</u></i></p> <p><i><u>Jací hypnotizéři?</u></i></p>
Капитола 30.	

- **Citoslovce** překladatel dílem zachovává, dílem odstraňuje, popř. nahrazuje. Překladu snad lze vytknout časté použití citoslovce „*ach*“.

Пříklady vynechání/nahrazení citoslovci:

<p><i>милейший, но, <u>увы</u>, рассеянный человек;</i></p> <p><i><u>Ну, ну!</u></i></p> <p><i><u>Ах</u>, какая у меня была обстановка!</i></p> <p><i><u>Ах нет, нет</u> ...</i></p>	<p><i>naše přemilovaná Praskovja Fjodorovna je neuvěřitelně roztržitá</i></p> <p><i>Čím dál tím líp...</i></p> <p><i>A jak to bylo dál?</i></p> <p><i>Kdybyste jen věděl, jak já to tam měl zařízené!</i></p> <p><i>Ne, to rozhodně ne</i></p>
Капитола 13.	
<i><u>Ах</u>, как это умно!</i>	<i>To bylo neobyčejně moudré!</i>
Капитола 30.	

Пříklady zachování citoslovci:

<p><i><u>Тсс!</u></i></p> <p><i><u>Ох</u>, как мне не везет!</i></p> <p><i><u>О</u>, как я угадал! <u>О</u>, как я все угадал!</i></p> <p><i><u>Ах, ах!</u></i></p> <p><i><u>Уу</u>, проклятая дыра!</i></p> <p><i><u>Ах, ах, ах!</u></i></p> <p><i>Да, он чрезвычайно поразил меня, <u>ах</u>, как поразил!</i></p>	<p><i><u>Psst!</u></i></p> <p><i><u>Panebože</u>, proč zrovna já musím mít takový pech!</i></p> <p><i><u>Ach ano</u>, já to tušil! Jak já jen tohle všechno tušil!</i></p> <p><i><u>Ach bože!</u></i></p> <p><i><u>Fuj</u>, díra zatracená!</i></p> <p><i><u>Achichouvej!</u></i></p> <p><i><u>Ach ano</u>, ohromil mě tehdy, vskutku mě ohromil!</i></p>
--	---

Капитола 13.	
<i>О боги, боги...</i>	<i>Ó bohové, bohové...</i>
Капитола 24.	

- **Образная выјáдрění L.** Dvořák překládá velmi kreativně s velkým citem pro češtinu a s respektem k originálu.

<i>Воланд может запорошить глаза и человеку похитрее ...</i>	<i>... Woland dokáže vytřít zrak i onačejším filutům.</i>
<i>Хоть все и перегорело и угли затянулись пеплом</i>	<i>I když všechno už přebolelo a rány se zacelily...</i>
<i>... одевающиеся в зелень кусты сирени ...</i>	<i>... do zeleně se halící šeríkové keře ...</i>
<i>И голова моя становилась легкой от утомления, и Пилат летел к концу.</i>	<i>Unavená hlava ztrácela tíhu a Pilát hbitě plynul k závěru...</i>
<i>Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулочек и пошел по ее следам.</i>	<i>Podvolil jsem se tomu žlutavému znamení, také jsem zabočil do příčné ulice a kráčet v jejích stopách.</i>
<i>... прозвучал ее голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо, показалось, что эхо ударило в переулочек и отразилось от желтой грязной стены.</i>	<i>Naprosto jasně si vybavuji, jak tehdy zazněl její hlas - takový dost nízký, dramatický - a přestože to možná může znít hloupě, zdálo se, jako by se v uličce rozlehla ozvěna a odrazila se od žluté špinavé zdi.</i>
<i>... затем продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою ...</i>	<i>Potom se do mě zavěsila rukou v černé rukavičce a dál už jsme vykročili jako pár.</i>
<i>Да, любовь поразила нас мгновенно.</i>	<i>Ano, oba nás v okamženi zachvátila láska.</i>
<i>Глаза ее источали огонь, руки дрожали и были холодны.</i>	<i>Z jejich očí sršely blesky, zato prokřehlé ruce se nápadně třásly.</i>
<i>Дело в том, что вообще человек без сюрприза внутри, в своем ящике, неинтересен.</i>	-
<i>Мне вдруг показалось, что осенняя тьма выдавит стекла, вольется в комнату и я захлебнусь в ней, как в чернилах.</i>	<i>Zničehonic se mě zmocnil pocit, že podzimní temnota promáčkne okenní skla, vtrhne do místnosti a já se v ní zalknu jako v inkoustu.</i>
<i>В печке ревел огонь, в окна хлестал дождь.</i>	<i>Jen v kamnech duněl oheň a okna bičoval déšť.</i>
<i>В нем играла метель.</i>	<i>Ulicí se proháněla metelice.</i>
<i>... страх владел каждой клеточкой моего тела ...</i>	<i>... každíčkou buňku mého těla zaplavil strach.</i>
Капитола 13.	

Syntaktická rovina

Poměr souvětí a jednoduchých vět v překladu zůstává vyvážený. Modální věty překladatel často nivelizuje. Při překladu **vět s příznakovým slovosledem** se L. Dvořák snaží o zachování nepravidelností, např.:

<i>И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто.</i>	<i>Na pozadí jejího černého jarního pláště ty květiny skoro křičely.</i>
<i>Мне, впрочем, ее не очень жаль, так как она мне не пригодится больше.</i>	<i>Ostatně, této schopnosti příliš nelituji, protože už ji dál nebudu potřebovat.</i>
Kapitola 13.	
<i>Вы о нем продолжение напишите!</i>	<i>Napište o něm pokračování.</i>
Kapitola 30.	

V některých případech překladatel příznakový slovosled neutralizuje:

<i>В особенности ненавистен мне людской крик, будь то крик страдания, ярости или иной какой-нибудь крик.</i>	<i>Nejvíc mě vyvádí z míry, když někdo křičí, a je jedno, zda za to můžou lidské útrapy, vztek či cokoli jiného.</i>
<i>Ах нет, нет, - болезненно дернувшись, ответил гость, - я вспомнить не могу без дрожи мой роман.</i>	<i>„Ne, to rozhodně ne,“ ošil se host bolestí, „jakmile si na ten román vzpomenu, celý se roztřesu.“</i>
Kapitola 13.	

- **Opakování** většinou zůstávají zachována.

Příklady odstranění/nahrazení opakování:

<i>Да редактор, я же говорю, редактор.</i>	<i>No přece šéfredaktor, to je snad jasné.</i>
<i>Бедная моя, бедная, - сказал я ей, - я не допущу, чтобы ты это сделала.</i>	<i>„Chudinko moje nešťastná,“ řekl jsem jí něžně, „já přece nedovolím, abys udělala něco takového.“</i>
Kapitola 13.	
<i>Ну, и ладно, ладно ...</i>	<i>Jak myslíš</i>
<i>А вот это хорошо, это хорошо.</i>	<i>To vám chválím.</i>
Kapitola 30.	

Příklady zachování opakování:

<i>Умоляю, умоляю, расскажите!</i>	<i>Ale <u>povídejte</u>, člověče, <u>povídejte</u>!</i>
<i>О, как я <u>угадал</u>! О, как я все <u>угадал</u>!</i>	<i>Ach ano, já to <u>tušil</u>! Jak já jen tohle všechno <u>tušil</u>!</i>
<i><u>Приди, приди, приди</u>!</i>	<i><u>Přijď</u>, prosím tě <u>přijď</u>, <u>přijď</u>...</i>
<i>И <u>голос, ее голос</u>, ответил мне: - Это я.</i>	<i>A ten <u>hlas</u>, její <u>hlas</u> - mi odpověděl: „To jsem já...“!</i>
Kapitola 13.	
<i><u>Бедная, бедная</u>...</i>	<i><u>Nebohá moje, nebohá</u>...</i>
<i><u>Охотно, охотно</u>, - ответил мастер, притянул к себе Маргариту ...</i>	<i>„<u>Milerád, milerád</u>,“ odpověděl Mistr, objal Markétu kolem ramen přitáhl ji k sobě ...</i>
Kapitola 24.	
<i><u>Конечно, конечно</u>, - иронически заметил мастер, - теперь, стало быть, налицо вместо одного сумасшедшего двое!</i>	<i>„Ale <u>jistě, jistě</u>,“ přikývl s trpkou ironií Mistr, „<u>takže tu teď místo jednoho šílence máme dva!</u>“</i>
<i>Нет, это <u>черт</u> знает что такое, <u>черт, черт, черт</u>!</i>	<i>„V tomhle aby se opravdu <u>čert</u> vyznal..., jedině <u>čert</u>!“</i>

- **Вýčты a kumulace** překladatel zachovává v plném rozsahu, dynamičnost vyprávění neklesá.

<i>Она несла в руках <u>отвратительные, тревожные желтые</u> цветы.</i>	<i>V náručí svírala <u>znepokojivě odporné žluté</u> květiny.</i>
<i>И меня поразила не столько ее красота, сколько <u>необыкновенное, никем не виданное одиночество</u> в глазах!</i>	<i>A mě víc než její krása ohromil <u>neobyčejný, ba nevidaný</u> výraz osamělosti v očích!</i>
<i>И вот, последнее, что я помню в моей жизни, это - <u>полоску света из моей передней, и в этой полосе света развивающуюся прядь, ее берет и ее полные решимости</u> глаза.</i>	<i>Inu - a poslední, nač si v životě vzpomínám, je <u>proužek světla dopadající z předsíně a v tom proužku neposlušný pramen vlasů, baret a očí překypující odhodláním.</u></i>
Kapitola 13.	
<i>У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, - ответил мастер, - ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, - он опять положил руку на голову Маргариты, - <u>меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.</u></i>	<i>„Už nesním a s inspirací je taky konec,“ pokrčil rameny Mistr, „kromě ní už mě nic na světě nezajímá,“ a opět Markétku pohladil po hlavě, „protože <u>jsm zničený, zlomený člověk a chci jedině do sklepa.</u>“</i>

Kapitola 24.	
--------------	--

Shrnutí

Překlad Mistrova jazykového pásma obsahuje všechny příznačné rysy, které nalzáme v originálu. Na rozdíl od své předchůdkyně se L. Dvořák nesnaží o neutralizaci expresivních jazykových prostředků, dokonce se naopak místy pokouší o znásobení expresivity textu, např.:

<i>Сидите, как сами понимаете, в <u>психиатрической лечебнице</u>, а все толкуете о том, что его нет.</i>	<i>Jistě si sám uvědomujete, že teď <u>trčíte v blázinci</u>, a přitom si pořád vedete svou - že neexistuje!</i>
<i>Тут он засуетился, начал что-то мямлить и <u>заявил</u>, что самолично решить этот вопрос он не может ...</i>	<i>Začal <u>těkat</u>, cosi nejasně <u>zablábolil</u> a nakonec ze sebe <u>vysoukal</u>, že on osobně takovou věc sám rozhodnout nemůže ...</i>
<i>Воланд может запорошить глаза и <u>человеку похитрее</u> ...</i>	<i>... Woland dokáže <u>vytrít zrak i onačejším flutům</u>.</i>
Капитола 13.	

Přesto nejen knižní a archaické, ale i hovorové výrazy zůstávají v překladu zachovány.

Zdrobněliny se částečně odstraňují, protože v některých případech nejsou v českém kontextu vhodné. Citoslovce překladatel dílem zachovává, dílem odstraňuje, avšak dle našeho názoru příliš často používá citoslovce „ach“. Překlad frazémů je zcela vyhovující. Obrazná vyjadřování a přirovnání L. Dvořák překládá s obdivuhodným uměleckým a jazykovým citem.

Několikrát se v překladu analyzovaného jazykového pásma objevují výrazy, které nejsou interpretovány vyhovujícím způsobem:

<i>Она несла в руках <u>отвратительные, тревожные желтые цветы</u>.</i>	<i>V náručí <u>svírala znepokojivě odporné žluté květiny</u>. Vznik dvojznačnosti</i>
Капитола 13.	
<i>Он воздел руки к небу и закричал: - <u>Нет, это черт знает что такое, черт, черт, черт!</u></i>	<i>Vztáhl ruce k nebesům a vykřikl: „<u>V tomhle aby se opravdu čert vyznal..., jedině čert!</u>“ Špatný výklad, dochází k významovému posunu: v originále mistr nadává na zmatek a záhadné události, které se přihodily minulou noc</i>
Капитола 30.	

V syntaktické rovině překladu jsme nespatriili žádné znatelné odchylky od originálu. Poměr souvětí a jednoduchých vět překladatel zachovává. Při překladu vět s nepravidelným slovosledem L. Dvořák usiluje o zachování příznakovosti. Opakování překladatel neodstraňuje a výpovědi s výčty zachovává v plném rozsahu beze ztráty na dynamice vyprávění.

Vzhledem k výše uvedeným skutečnostem považujeme překlad Mistrova jazykového pásma za velmi zdařilý.

05. Ivan Nikolajevič Ponyrjov (Bezdomovec)

L. Dvořák na rozdíl od A. Morávkové nepřekládá jméno postavy do češtiny. Toto řešení nemůžeme označit za nejvhodnější. Jinak by tomu bylo v případě, pokud by příjmení dané postavy bylo přepsáno do češtiny v podobě „Ponyrjov“. Jelikož se v otisknutých ruských textech většinou písmeno „ě“ píše jako „e“, nemůžeme automaticky soudit, zda se toto příjmení čte jako [ponyr'ev] nebo jako [pany r'of]. Subjektivně se domníváme, že varianta [ponyr'ev] v ruštině zní přirozeněji.

Překlad pseudonymu mladého básníka bychom rovněž zpochybnili proto, že se děj románu odehrává v sovětském Rusku. V té době označení „bezdomovec“ nemohlo být rozšířeno, a i když připustíme modernizaci uvedeného kontextu, nemůžeme přehlížet skutečnost, že úspěšný a uznávaný sovětský básník by nemohl mít pejorativní umělecké jméno. Považujeme překlad jména této postavy za nevhodný.

Dále se však podíváme, zda se překladateli podařilo interpretovat nespisovnou a místy i vulgární básníkovu mluvu a zároveň zachovat kontrast mezi jazykovým pásmem Mistra a jeho žáka.

- **Hovorové výrazy** se v překladu většinou zachovávají.

Příklady neutralizace hovorových výrazů:

<i>Я, например, вчера с таким познакомился, что <u>любо-дорого!</u></i>	<i>Třeba já se včera seznámil s takovým, <u>že byste se nestačila divit!</u></i>
Капитола 6.	
<i>Действительно, <u>чего доброго</u>, за сумасшедшего примут!</i>	<i>To by mě nakonec <u>opravdu</u> mohli mít za blázna!</i>
Капитола 8.	
<i>Если как следует <u>проветилировать</u> этот вопрос, выходит, что я, в сущности, даже и не знал как следует покойника.</i>	<i>Když se na tuhle záležitost <u>podíváme pěkně ze všech stran</u>, tak nám z toho vyjde, že konkrétně já jsem nebožtíka vlastně ani pořádně neznal.</i>
Капитола 11.	
<i>Как-нибудь его надо <u>изловить?</u></i>	<i>Někdo ho přece <u>dopadnout</u> musí, ne?</i>
<i>Раз вы можете выходить на балкон, то вы можете <u>удрпать</u>.</i>	<i>A že tedy <u>neutečete</u>, když se tak snadno dostanete na balkon?</i>

<i>Хороши ваши стихи, скажите сами? - <u>Чудовищны!</u></i>	<i>Řekněte vy sám: píšete dobrou poezii? – <u>Strašlivou!</u></i>
Капитола 13.	
<i>Вы думаете, я <u>бушевать</u> стану?</i>	<i>Snad si nemyslíte, že <u>dostanu</u> záchvat...?</i>
Капитола 30.	
<i>Ах, <u>дорого бы я дал</u>, чтобы проникнуть в его тайну, чтобы знать, какую такую Венеру он утратил и теперь бесплодно <u>шарит руками</u> в воздухе, ловит ее?</i>	<i>Ach, <u>co já bych za to dal</u>, kdybych dokázal odhalit jeho tajemství - abych věděl, jakou Venuši to ztratil, když teď marně <u>šermuje rukama</u> ve vzduchu a snaží se ji zachytit.</i>
Epilog	

Пříklady zachování hovorových výrazů:

<i>Где это он так <u>наловчился</u> говорить по-русски, вот что интересно!</i>	<i>Ale kde ten chlap <u>přišel k</u> tak dobrý ruštině, to by mě teda zajímalo!</i>
Капитола 1.	
<i>... он, будем говорить прямо... с нечистой силой <u>знается</u>...</i>	<i>... ale tady jde o to, že von, myslim ten poradce..., ten..., já to řeknu přímo..., <u>obcuje s</u> nečistou silou... a jen tak se chytit nedá.</i>
<i>Он его нарочно под трамвай <u>пристроил</u>.</i>	<i>Von ho pod tu tramvaj <u>dostal</u> schválně!</i>
<i>Не <u>ври</u> ты, чего не знаешь! - рассердился на Рюхина Иван, - я, а не ты был при этом!</i>	<i>„<u>Nemel</u>, když vo tom nic nevíš!“ rozzlobil se na Prasečkina Ivan. „Já u toho byl, ne ty!“</i>
Капитола 6.	
<i>С места выходила какая-то <u>безлепица</u>: как это так - пришел с покойным?</i>	<i>Sotva začal, hned mu z toho vycházel <u>naprostý nesmysl</u>. Jak to, proboha - „došel jsem se zesnulým“?</i>
<i>Пока я по квартирам буду разъезжать, он <u>улизнет</u>!</i>	<i>Zatímco já budu courat po bytech, tak nám <u>zdrhne!</u></i>
Капитола 8.	

- **Новорové nespisovné (просторечные) výrazy** jsou v překladu převážně zachovány.

Пříklady neutralizace hovorových nespisovných výrazů:

<i>Как же это я не заметил, что он успел <u>сплести</u> целый <u>рассказ</u>?..</i>	<i>Čím to, že jsem si nevšiml, jak stihl <u>dát dohromady</u> celou povídku?</i>
Капитола 3.	

... пошел я купаться на Москва-реку, ну и <u>попятели</u> мою одежду, а эту <u>дрянь</u> оставили!	Normálně jsem se šel koupat do řeky Moskvy, všechny šaty mi tam <u>ukradli</u> a na místě nechali jen tyhle <u>cáry</u> !
На то, что меня, здорового человека, схватили и силой <u>приволокли</u> в сумасшедший дом!	„Přece na to, že jste mě, úplně zdravýho chlapa, chytili jako vzteklýho psa a <u>násilím mě přivlekli do bláznice!</u> “ zalykal se hněvem Ivan.
Схватили, связали какими-то тряпками и <u>поволокли</u> в грузовике!	Prostě mě popadli, svázali nějakajma hadrama a <u>hodili na náklad'ák!</u>
Kapitola 6.	
... так вот, этот страшный тип, а он <u>врет</u> , что он консультант, обладает какою-то необыкновенной силой...	Tak tedy: ten strašnej chlap - a že je poradce, <u>to je jasná lež</u> - je vybavenej nevšední silou a schopnostma...
Kapitola 8.	

Пříklady zachování hovorových nespisovných výrazů:

Уж ты мне верь, - засипел ему в ухо поэт, - он <u>дурачком</u> <u>прикидывается</u> , чтобы выспросить кое-что.	„To mi teda věř,“ zasípал mu do ucha básník, „ <u>hraje si na blbečka</u> , aby z nás něco vytáh.
Вот <u>прицепился</u> , <u>заграничный гусь!</u>	<u>Ty se ale navotravuješ. šašku jeden cizokrajná!</u>
Капитола 1.	
Перестаньте вы <u>психовать</u> .	<u>Nechte si toho cvokaření!</u>
Капитола 3.	
Ты нарочно <u>под ногами путаешься?</u>	<u>Ty se mi snad schválně pleteš pod nohy!</u>
Капитола 4.	
<u>Здорово, други!</u>	<u>Nazdar, chlapi!</u>
Дважды хотели задержать, в скатертном и здесь, на Бронной, да я <u>махнул</u> через забор и, видите, щеку изорвал!	Však mě dvakrát chtěli chytit, jednou ve Skatěrtný a jednou přímo tady na Bronný, ale pokaždý jsem <u>hupsnul přes plot</u> - i <u>ksicht jsem si přitom odřel</u> , podívejte!
А ты <u>лезешь</u> ко мне <u>со своими глупостями!</u>	<u>A ty do mě budeš hučet ty svoje koniny?</u>
Капитола 5.	

<i>Нашелся наконец хоть один нормальный среди <u>идиотов</u>, из которых первый - <u>балбес</u> и <u>бездарность</u> Сашка!</i>	<i>Konečně jeden normální člověk v tom <u>stádu</u> idiotů, mezi kterejma je první <u>pabl</u> a <u>ignorant</u> Saška!</i>
<i>Да черт их возьми, <u>олухов</u>!</i>	<i>Ale... aby je husa kopl, <u>trulanty</u>!</i>
Капитола 6.	
<i>Целое дело <u>сшили</u>!</i>	<i>Celej spis na mě <u>upletli</u>!</i>
<i>А между тем меня силою задержали здесь, <u>тычут</u> в глаза лампой, в ванне купают, про дядю Федю чего-то расспрашивают!</i>	<i>Jenže místo toho <u>zadrželi</u> mě, <u>š'ouchaj</u> mi do očí <u>baterkou</u>, koupou mě tu jako <u>batole</u> a <u>vyptávají</u> se na <u>strejdu</u> Fed'u...!</i>
Капитола 8.	
<i>К чему вся нелепая погоня за ним в <u>подиштанниках</u> и со свечкой в руках, а затем и <u>дикая Петрушка</u> в ресторане?</i>	<i>K čemu byla celá ta <u>nesmyslná honička</u> za profesorem - v <u>podvlékačkách</u> a se <u>svíčkou</u> v ruce, a pak navíc <u>divoká kašpařice</u> v restauraci?</i>
Капитола 11.	

- **Vulgarizmy** jsou velmi zdařile přeloženy do češtiny.

<i><u>Дура!</u> - прокричал он, ища глазами крикнувшую.</i>	<i>„<u>Ty huso!</u>“ zapátral po ní očima rozkacený <u>Bezdomovec</u>.</i>
<i><u>Кретин!</u></i>	<i><u>Idiote!</u></i>
Капитола 5.	
<i>А на тебя в особенности, <u>гнида!</u></i>	<i>Obzvlášť tebe, <u>ty hajzle!</u></i>
Капитола 6.	
<i>Просто <u>дура</u> какая-то с Садовой.</i>	<i>Nejspíš nějaká <u>slepice</u> ze <u>Sadový</u>.</i>
Капитола 8.	
<i>Вчера в ресторане я одному типу <u>по морде засветил</u>.</i>	<i>Včera v hospodě jsem jednomu <u>zmaloval tlamu!</u></i>
Капитола 13.	

Пříklad posílení expresivity výrazu:

<i><u>Сволочь!</u></i>	<i><u>Vy mrchy hnusný!</u> <u>Vy bestie!</u></i>
Капитола 5.	

- **Zdrobněliny** překladatel zachovává v tom případě, mají-li vliv na celkové vyznění výpovědi.

... он <u>дурачком</u> прикидывается hraje si na <u>blbečka</u> ...
Kapitola 1.	
Типичный <u>кулачок</u> по своей психологии ...; Взял я на кухне <u>свечечку</u> ...; Ну да, <u>иконка</u> ... - Иван покраснел, - <u>иконка-то</u> больше всего и испугала ... Так вот вы какие <u>стеклышки</u> у себя завели!	Náturou a založením je to typickej <u>kulak</u> ... Vzal jsem si v kuchyni <u>svíčku</u> ... "Nojo, <u>ikonka</u> ," zrudl Ivan, „ta <u>ikonka</u> nakonec všechny vyděsila ze všeho nejvíc“ To by člověk nevěřil, jaký <u>skla</u> jste tu narafičili.
Kapitola 6.	
Я ведь слово свое сдержу, <u>стишков</u> больше писать не буду.	Věřte mi, že slovo dodržím a už nikdy žádné <u>veršičky</u> psát nebudu.
Kapitola 30.	

- **Вýразы кни́зні, zastaralé a archaismy** jsou v překladu neutralizovány, popř. je překladatel posouvá do jiné stylové roviny.

... ты что же это, <u>глумишься</u> надо мной? (Archaismus)	Tak ty by sis ze mě chtěl <u>dělat šoufky!</u>
Kapitola 4.	
<u>Заточили</u> все-таки ... (Knižní výraz)	Tak jste mě nakonec přece <u>dostali</u> ...
Kapitola 6.	
Ах, дорого бы я дал, чтобы проникнуть в его тайну, чтобы знать, какую такую Венеру он <u>утратил</u> и теперь <u>бесплодно</u> шарит руками в воздухе, ловит ее? (Knižní výraz)	Ach, co já bych za to dal, kdybych dokázal odhalit jeho tajemství - abych věděl, jakou Venuši to <u>ztratil</u> , když teď <u>marně</u> šermuje rukama ve vzduchu a snaží se ji zachytit."
Epilog	

Dobové výrazy L. Dvořák překládá prostřednictvím „současnějších“ lexémů.

... чтобы выслали пять <u>мотоциклетов</u> с пулеметами ... (Historismus)	... ať vyšlou pět <u>motorek</u> s kulometama ...
Kapitola 5.	
При чем здесь <u>кальсоны</u> ? (Historismus)	Co pořád máte s těma <u>podvlikačkama</u> ?
... прошу выдать мне бумагу и <u>перо</u> . (Historismus)	Dejte mi kus papíru a <u>pero</u> .
Kapitola 8.	

- Při překladu **frazémů** se překladatel snaží vyhýbat českým ekvivalentům se slovem „čert“, v některých příkladech používá nefrazeologických jednotek.

<i>А какого черта ему надо? Вот черт его возьми! <u>На все сто!</u></i>	<i>Co ten tak po nás může chtít? <u>Aby ho taky husa kopl, pacholka...!</u> <u>Na celistvejch a nefalšovanejch sto procent!</u></i>
Капитола 1.	
<i>Да черт их возьми, олухов! <u>Слава те господу!</u></i>	<i>Ale... <u>aby je husa kopl, trulanty!</u> <u>No tak zaplat'pánbu.</u></i>
Капитола 6.	
<i>... черт ее знает, кто она такая ...</i>	<i>... <u>čertví, co je vlastně zač.</u></i>
Капитола 8.	
<i>В конечном счете, ну его в болото!</i>	<i>... <u>ať ho veme d'as!</u></i>
Капитола 11.	
<i>Он личность незаурядная и таинственная <u>на все сто.</u> Ну, царство небесное ему!</i>	<i>- <u>No tak mu dej pámbu nebe.</u></i>
Капитола 11.	
<i>Да ведь он тут черт знает чего натворит!</i>	<i>Ten nám tady ale může <u>nadělat skopičín!</u></i>
Капитола 13.	

- **Citoslovce** jsou v překladu často nahrazovány částicemi.

<i>... <u>ишь</u>, и не жарко ему в перчатках.</i>	<i><u>Ale že</u> mu v těch rukavicích není horko...</i>
Капитола 1.	
<i><u>Э, нет!</u></i>	<i><u>Takhle ne!</u> To si musíme zjistit!</i>
Капитола 4.	
<i><u>То-то</u> фамилия!</i>	<i><u>No právě</u> - to jméno!</i>
Капитола 5.	
<i><u>Эге-ге!</u></i>	<i><u>A safra!</u></i>
Капитола 6.	
<i><u>Угу.</u></i>	<i><u>Nojo.</u></i>
Капитола 8.	
<i><u>Ай-яй-яй</u>, вот так штука!</i>	<i><u>Krucipísek</u>, to jsou mi ale věci!</i>
<i><u>Ишь ты!</u></i>	<i><u>To jsou věci!</u></i>

Капитола 13	
<i>Ах да...</i>	<i>Мáte pravdu...</i>
Капитола 30.	

Пříklady zachování citoslovcí:

<i>Гм...</i>	<i>Нм...</i>
Капитола 8.	
<i>Ах, дорого бы я дал, чтобы проникнуть в его тайну ...</i>	<i>Аch, co já bych za to dal, kdybych dokázal odhalit jeho tajemství ...</i>
Epilog	

- **Пříznakové částice L.** Dvořák překládá velmi přesně a přirozeně.

<i>Уж ты мне верь.</i>	<i>To mi <u>teda</u> věř.</i>
<i>А у вас разные, что ли, есть?</i>	<i>Вы snad máte na vybranou, <u>nebo</u> co?</i>
Капитола 1.	
<i>Уж не подстроил ли он это сам?!</i>	<i>Nenarafičil to nakonec všechno sám?!</i>
Капитола 4.	
<i>... про то, что голову <u>Берлиозу-то</u> отрежет, ведь он все-таки знал заранее?</i>	<i>... to, že Berlioz přijde o kebuli, <u>přece právě on</u> věděl předem!</i>
Капитола 11.	
<i>ведь <u>балконные-то</u> решетки на замках?</i>	<i>Mříže v oknech a ve dveřích jsou <u>přece</u> zamčené...</i>
Капитола 13.	
<i>... <u>вишь ты</u>, как у вас все хорошо вышло.</i>	<i><u>tak vida</u>, jak vám všechno krásně vyšlo</i>
Капитола 30.	

Jak v originálu, tak i v překladu v jazykovém pásmu této postavy dominují jednoduché věty. Překlad rovněž dokonale zrcadlí emocionalitu básníkovy projevu.

- **Modální věty L.** Dvořák nepřekládá doslova, a proto jeho překlad nepůsobí nepřirozeně.

<i>Нету никакого дьявола! - растерявшись от всей этой мурсы, вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание!</i>	<i>„Žádněj d'ábel neexistuje!“ řval Ivan Nikolajevič, ze všeho toho blábolu celý zpřitomělý, něco docela jiného, než by chtěl. „To je snad za trest! Nechte si toho cvokaření!“</i>
Капитола 3.	
<i>Виноват! Да ведь он же сказал, что заседание не</i>	<i>To on! On přece řekl, že zasedání se konat</i>

<i>состоится, потому что Аннушка разлила масло. И, будьте любезны, оно не состоится! Этого мало: он прямо сказал, что Берлиозу отрежет голову женищина?! Да, да, да! Ведь возжатая была женищина?! Что же это такое? А?</i>	<i>nebude, protože Annuška rozlila olej! A nedosti na tom - on přece přímo řekl, že Berliozovi odkrojí hlavu žena! No ano, jistě...! A ta tramvajačka byla přece ženská! Co má tohle znamenat? Co?!</i>
Капитола 4.	
<i>Слушайте меня все! Он появился! Ловите же его немедленно, иначе он натворит неописуемых бед!</i>	<i>Poslouchejte mě všichni! Je tu! Páste po něm a polapte ho neprodleně, nebo nám tu nadělá neuvěřitelnou paseku!</i>
Капитола 5.	

- **Пříznakový slovosled** в překladu zůstává zachován, autor často používá osobních zájmen, která ve spisovném projevu zůstávají nevyřčená.

Пříklady neutralizace příznakového slovosledu:

<i>Перестаньте вы психовать.</i>	<i>Nechte si toho cvokaření!</i>
Капитола 3.	
<i>Он развалившись сидел.</i>	<i>Určitě tam nešel. Dál se rozvaloval po lavičce.</i>
Капитола 27.	

Пříklady zachování nepravidelností:

<i>He разглядел я фамилию на визитной карточке...</i>	<i>Jenže já ho na tý vizitce nějak nemoh rozluštit...</i>
Капитола 5.	
<i>Консультанта я ловлю.</i>	<i>Já totiž chytám toho poradce</i>
Капитола 6.	
<i>А вам, что же, мои стихи не нравятся?</i>	<i>Že by se vám moje poezie nelíbila?</i>
Капитола 13.	
<i>Вы встретили его?</i>	<i>Setkal jste se s ním?</i>
<i>Это хорошо, что вы сюда залетели. Я ведь слово свое сдержу, стихов больше писать не буду. Меня другое теперь интересует ...</i>	<i>To je dobře, že jste za mnou přilétl. Věřte mi, že slovo dodržím a už nikdy žádné veršičky psát nebudu. Teď mě zajímají jiné věci ...</i>
Капитола 30.	

- **Оповакování** jsou v překladu odstraněna pouze výjimečně.

Пříklady odstranění/nahrazení оповакování:

<i>Да, да, да! Ведь возжатая была женищина?!</i>	<i>No ano, jistě...! A ta tramvajačka byla přece ženská!</i>
Капитола 4.	
<i>Понимаю, понимаю. У него буква "В" была на визитной карточке.</i>	<i>Samozřejmě, teď tomu rozumím. Viděl jsem přece to W na vizitce.</i>
<i>А, помню, помню!</i>	<i>Já už vím, už si vzpomínám!</i>
Капитола 13.	

Пříklady zachování оповакování:

<i>Аннушка... Аннушка?.. - забормотал поэт, тревожно озираясь, - позвольте, позвольте...</i>	<i>„Počkat, <u>Annuška</u>? Jaká <u>Annuška</u>...?“ zamumlal básník a poplašeně se rozhlédl. „Ale to by znamenalo...“</i>
Капитола 4.	
<i>Типичный <u>кулачок</u> по своей психологии, - заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина, - и притом <u>кулачок</u>, тщательной маскирующийся под пролетария.</i>	<i>„Náturou a založením je to typickej <u>kulak</u>,“ pokračoval Ivan Nikolajevič, protože se zřejmě nemohl zbavit potřeby Prasečkina obvinít, „navíc <u>kulak</u>, kterej si velice mazaně hraje na proletáře.</i>
<i>Ну да, <u>иконка</u>... - <u>иконка</u>-то больше всего и испугала ...</i>	<i>"Nojo, <u>ikonka</u>," zrudl Ivan, „ta <u>ikonka</u> nakonec všechny vyděsila ze všeho nejvíc ...</i>
<i><u>Пусти!</u> <u>Пусти</u>, говорю!</i>	<i><u>Pust' mě...</u> <u>Pust' mě...</u></i>
<i>Меня же сейчас более всего интересует Понтий <u>Пилат</u>... <u>Пилат</u>...</i>	<i>Protože mě osobně nejvíc zajímá <u>Pilát</u> Pontský... <u>Pilát</u>...</i>
Капитола 6.	
<i>А важно то, что он <u>заранее</u>, понимаете ли, <u>заранее</u> знал о подсолнечном масле!</i>	<i>Důležitý přece je, že to věděl <u>předem</u>, rozumíte - <u>předem</u>!</i>
<i>Нет, нет, <u>сегодня</u> же, непременно <u>сегодня</u> ...</i>	<i>Ne ne, já musím <u>dneska</u>, rozhodně ještě <u>dneska</u>!</i>
Капитола 8.	
<i>А, это вы! А я все <u>жду</u>, <u>жду</u> вас.</i>	<i>Jste to vy? Já na vás pořád <u>čekám</u> a <u>čekám</u>!</i>
Капитола 30.	
<i><u>Боги, боги!</u> - начнет шептать Иван Николаевич</i>	<i>„<u>Bohové, bohové!</u>“ šeptá si v tu chvíli pro sebe Ivan Nikolajevič</i>
<i><u>Лжет он, лжет!</u></i>	<i>Vždyť <u>lže!</u> <u>Lže</u> jako když tiskne!</i>
Epilog	

- **Вýчты а kumulace** jsou celkem vhodně převedeny do češtiny.

<i>Вы не немец и не профессор! Вы - убийца и шпион!</i>	<i>Vy nejste žádný Němec a žádný profesor. Vy jste špion a vrah!</i>
Капитола 3.	
<i>Какая же это фамилия на "Ве"? - схватившись рукою за лоб, сам у себя спросил Иван и вдруг забормотал: - Ве, ве, ве! Ва... Во... Ваинер? Вагнер? Вайнер? Вегнер? Винтер?</i>	<i>Jenže jak to bylo dál?!" praštil se bezradný básník dlaní do čela, tázaje se sebe sama, a najednou začal mumlat: „We, We, We... Nebo Wa?... Wo... Wagner? Že by Wagner? Nebo Weiner? Wegner? Winter?</i>
Капитола 5.	

Shrnutí

L. Dvořák nejen zachovává nespisovný ráz projevu mladého básníka, ale, jak si dále ukážeme, dokonce výrazně posiluje expresivitu jeho mluvy. Hovorové, hovorové nespisovné výrazy a vulgarizmy jsou v překladu převážně zachovány. Výrazy knižní, zastaralé a archaismy jsou naopak důsledně odstraňovány. Překladatel však často nahrazuje neutrální lexémy příznakovějšími jazykovými prostředky:

За что это вы его благодарите? - заморгал, осведомился Бездомный.	„Proč tu <u>proboha</u> děkujete?“ otázal se zaraženě mrkající Bezdomec.
Где это он так наловчился говорить по-русски, вот что интересно!	Ale kde <u>ten chlap</u> přišel k tak dobrý ruštině, to by mě teda zajímalo!
Kapitola 1.	
На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом!	„Přece na to, že jste mě, úplně zdravýho chlapa, <u>chytili jako vzteklýho psa</u> a násilím mě přivlekli do bláznice!“ zalykal se hněvem Ivan.
Kapitola 6.	
... так вот, этот страшный тип, а он врет, что он консультант, обладает какой-то необыкновенной силой...	Tak tedy: ten <u>strašnej chlap</u> - a že je poradce, to je jasná lež - je vybavenej nevšední silou a schopnostma...
А между тем меня силою задержали здесь, тычут в глаза лампой, в ванне купают, про дядю Федю чего-то расспрашивают!	Jenže místo toho zadrželi mě, štouchaj mi do očí baterkou, koupou mě tu <u>jako batole</u> a vyptávají se na strejdu Fedu...!
Kapitola 8.	
... про то, что голову Берлиозу-то отрежет, ведь он все-таки знал заранее?	... to, že Berlioz přijde o <u>kebuli</u> , přece právě on věděl předem!
Kapitola 11.	
- Да кто же он, наконец, такой? - в возбуждении потрясая кулаками, спросил Иван.	„A <u>co je to vlastně za ptáčka</u> ?“ zašermoval zařatými pěstmi rozčilený Ivan.

Dalším zdrojem posílení expresivity překladu je hojně využití obecněčeských prostředků. Jak jsme se již zmínili při analýze jazykového pásma Kravinkina, taková cesta je velmi vhodná pro interpretaci např. hovorových nespisovných výrazů, avšak nemusí být přijatelná pro všechny česky mluvící čtenáře. Uvedme dále příklady prvků obecné češtiny v básníkově jazykovém pásmu:

Где это он так наловчился говорить по-русски, вот что интересно!	Ale kde <u>ten chlap</u> přišel k tak dobrý ruštině, to by mě teda zajímalo!
... вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?	„Neměl jste, vážený pane, tu čest poběhvat někdy v <u>psychiatrický léčebně</u> ?“
- Вот что, Миша, - зашептал поэт, оттачив Берлиоза в сторону, - он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то уйдет...	„Něco ti řeknu, Míšo,“ zašepтал básník, když Berlioze odtáhl kousek stranou, „tohle není žádněj zahraniční turista, ale špion. Ruskej emigrant, kterej se vrátil domů. Řekni mu, ať ti ukáže doklady, jinak uteče...“
Kapitola 1.	
... я тебя самого предаю в руки милиции!	Já ale <u>vodvedu</u> na milici tebe samotnýho!
Kapitola 3.	
Не голым же мне по Москве идти? Надел что было, потому что спешил в ресторан к Грибоедову.	Přece nepudu po městě úplně nahatej. <u>Navlík</u> jsem na sebe, co bylo zrovna po ruce - a hurá do Gribojedova.

<i>Он его нарочно под трамвай пристроил.</i>	<i>Yon ho pod tu tramvaj dostal schválně!</i>
<i>Не ври ты, чего не знаешь! - рассердился на Рюхина Иван, - я, а не ты был при этом!</i>	<i>„Nemel, když vo tom nic nevíš!“ rozzlobil se na Prasečkina Ivan. „Já u toho byl, ne ty!“</i>
<i>На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом!</i>	<i>„Přece na to, že jste mě, úplně zdravýho chlapa, chytily jako vzteklýho psa a násilím mě přivlekli do bláznice!“ zalykal se hněvem Ivan.</i>
<i>Нашелся наконец хоть один нормальный среди идиотов, из которых первый - балбес и бездарность Сашка!</i>	<i>Konečně jeden normální člověk v tom stádu idiotů, mezi kterejma je první pabl a ignorant Saška!</i>
<i>Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовике!</i>	<i>Prostě mě popadli, svázali nějakejma hadrama a hodili na náklad'ák!</i>
<i>Так вот вы какие стеклышки у себя завели!</i>	<i>To by člověk nevěřil, jaký skla jste tu narafičili.</i>
Капитола 6.	
<i>А среди них, между прочим, разные попадаютя.</i>	<i>To byste koukala, jaký lidi se mezi nima najdou.</i>
<i>Мне с вами нужно поговорить, - многозначительно сказал Иван Николаевич.</i>	<i>„Potřeboval bych si s váma promluvit,“ prohlásil mnohoznačně Ivan Nikolajevič.</i>
<i>- Вот же именно его вчера при мне и зарезало трамваем на Патриарших, причем этот самый загадочный гражданин...</i>	<i>„No právě..., přímo před mýma očima ho včera u Patriarchových rybníků přejela tramvaj, a ten záhadnej chlápek...“</i>
<i>- Именно он, - подтвердил Иван, изучая Стравинского, - так вот он сказал заранее, что Аннушка разлила подсолнечное масло... А он и поскользнулся как раз на этом месте! Как вам это понравится?</i>	<i>„Přesně ten,“ potvrdil Ivan, zkoumající profesora, „protože právě yon už předem řek, že Annuška rozlije slunečnicovej olej... A Berlioz pak uklouz přesně na tom rozlitým oleji! Tak co tomu říkáte?“</i>
<i>Целое дело сишли!</i>	<i>Celěj spis na mě upletli!</i>
<i>... так вот, этот страшный тип, а он врет, что он консультант, обладает какою-то необыкновенной силой...</i>	<i>Tak tedy: ten strašnej chlap - a že je poradce, to je jasná lež - je vybaveněj nevšední silou a schopnostma...</i>
<i>А между тем меня силою задержали здесь, тычут в глаза лампой, в ванне купают, про дядю Федю чего-то расспрашивают!</i>	<i>Jenže místo toho zadrželi mě, šťouchaj mi do očí baterkou, koupou mě tu jako batole a vyptávají se na strejdu Feđu...!</i>
Капитола 8.	
<i>Как же не взволноваться?</i>	<i>Takže není divu, že jsi z toho takovej rozčileněj!”</i>
Капитола 11.	
<i>- Да, признаться, без основания, - сконфузившись, ответил Иван.</i>	<i>„Abych pravdu řek, důvod jsem neměl žádnéj,“ huhlal Ivan v nečekaných rozpacích.</i>
Капитола 13.	

V syntaktickém plánu překlad velmi zdařile odráží hlavní vlastnosti originálu. Velmi vhodný překlad modálních vět přispívá k zachování emocionality Ivanova projevu. Příznakový slovosled a častá opakování jsou v překladu zachovány.

Překlad tohoto jazykového pásma i přes výrazné posílení jeho expresivity subjektivně hodnotíme jako přijatelný. Zřetelný kontrast mezi Ivanovým a Mistrovým jazykovým pásmem u překladů zůstává. Nemůžeme však souhlasit s překladem jména zkoumané postavy.

Zdůrazňujeme, že naše hodnocení je ryze subjektivní a nepochybně se v případě tohoto jazykového pásma může stát předmětem odborné diskuze.

06. Vypravěč

Překlad řečového pásma vypravěče má pro literární dílo velký význam. Popisy, komentáře a hodnocení vypravěče nejen zaujímají největší plochu v románu, ale též dokreslují představu čtenáře o ději a postavách.

Pro jazykové pásmo vypravěče je příznačné směšování hovorových, hovorových nespisovných výrazů s výrazy knižními a archaickými pro vyjádření ironického, ba sarkastického postoje k popisované skutečnosti. Dané jazykové pásmo je nasyceno obraznými vyjádřeními a přirovnáními, jejichž správné převedení do češtiny má mimořádný význam pro předání náročného stylu Michaila Bulgakova.

V syntaktickém plánu pásma dominují složitá souvětí. Při uvedení nových skutečností se objevují celé řady pojmenování, které tvoří specifický rytmus vyprávění.

- Překladatel usiluje o zachování většiny **hovorových výrazů**.

Příklady neutralizace hovorových výrazů:

<i>Так вот, необходимо принять меры, а то получается какая-то неприятная <u>чепуха</u>.</i>	<i>A že je tudíž třeba neprodleně jednat, aby se vše náhodou nezvrtlo v nějakou nezvládnutelnou <u>nepříjemnost</u>.</i>
<i>Хорошо, хорошо, - фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроенному поэту, которому вовсе не улыбалась мысль <u>караулить сумасшедшего немца, устремился к тому выходу с Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка.</u></i>	<i>„No dobře, dobře,“ chlácholil ho s falešnou laskavostí v hlase Berlioz, mrkl na rozladěného básníka, jemuž se představa <u>hlídání šíleného Němce ani trochu nezamlouvala</u>, a rozběhl se k tomu východu z parku kolem Patriarchových rybníků, co je na rohu Bronné a Jermolajevské.</i>
<i>Капитола 3.</i>	
<i>Скромный и тихий Василий Степанович только моргал глазами, слушая <u>рассказни</u> обо всех этих чудесах ...</i>	<i>Nenápadný a tichý Vasilij Stěpanovič <u>nad výklady o všech těch zázracích</u> nestačil kulit oči...</i>
<i>Начиналась какая-то <u>чепуха</u>.</i>	<i>Začínal pěkný <u>zmatek</u>.</i>
<i>Капитола 17.</i>	
<i>Фрида протянула обе руки к Маргарите, но Коровьев и Бегемот очень ловко подхватили ее под <u>руки, и ее затерло в толпе.</u></i>	<i>Frída k ní vztáhla obě paže, ale Kravinkin s Kocomourem ji za ně s naučenou obratností <u>popadli a žena zmizela</u> v davu.</i>
<i>Капитола 23.</i>	
<i>Но факт все-таки остается фактом, и <u>отмахнуться от него без объяснений никак нельзя</u>:</i>	<i>Jenže fakt, jak se říká, <u>zůstane faktem</u> a bez bližšího vysvětlení ho <u>odmítnout nemůžeme</u>: ve městě zkrátka</i>

кто-то побывал в столице.	a dobře někdo byl.
Epilog	

Пříklady zachování hovorových výrazů:

Вот что, Миша, - зашептал поэт, <u>оттащив</u> Берлиоза в сторону ...	„Něco ti řeknu, Mišo," zašeptal básník, když Berlioze <u>odtáhl</u> kousek stranou...
Капитола 1.	
Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулок с покосившимися тротуарами, где Иван Николаевич <u>грохнулся</u> и разбил колено.	Za dalších pár okamžiků už se hnal tmavou uličkou s křivolakými chodníky, kde sebou <u>praštil</u> jak dlouhý tak široký a rozbil si koleno.
Берлиоз не стал слушать <u>попрошайку</u> и <u>ломаку</u> регента, подбежал к турникету и взялся за него <u>рукой</u> .	Berlioz už toho <u>žebravého kašpara</u> dál neposlouchal, přiskočil k turniketu a chopil se rukou kovu.
Капитола 3.	
Кругом гудела толпа, обсуждая невиданное происшествие; словом, был <u>гадкий</u> , <u>гнусный</u> , <u>соблазнительный</u> , <u>свинский</u> скандал, который кончился лишь тогда, когда грузовик унес на себе от ворот Грибоедова несчастного Ивана Николаевича, милиционера, Пантелея и Рюхина.	A kolem hlučel dav, probírající tuto nevidanou událost. Zkrátka a dobře - odehrál se tu <u>hnusný</u> , <u>odporný</u> , <u>vzrušující skandálek</u> , který skončil až ve chvíli, kdy nákladák odvezl od bran Gribojedova nešťastného Ivana Nikolajeviče, a s ním i milicionáře, Pantěleje a básníka Prasečkina.
Капитола 5.	
Произнеся всю эту <u>ахинею</u> , Бенгальский сцепил обе руки ладонь к ладони и приветственно замахал ими в прорез занавеса, от чего тот, тихо шумя, и <u>разошелся</u> в стороны.	Sotva Bengalskij dodeklamoval celý tento <u>blábol</u> , pevně semkl ruce a srdečně jimi pokynul do opony, která vzápětí tichounce zašelestila a rozestoupila se do stran.
Кот, прицелившись поаккуратнее, <u>нахлобучил</u> голову на шею, и она точно села на свое место, как <u>будто</u> никуда и не отлучалась.	Kocour pečlivě namířil, <u>narazil</u> hlavu na krk, a ta dosedla přesně na své původní místo, jako by tělo <u>bývala</u> nikdy neopustila.
Капитола 12.	
Издалека доносились всхлипывания Коровьева, вся передняя наполнилась запахом эфира, валерьянки и еще какой-то <u>мерзости</u> .	Zdáli k němu doléhaly Kravinkinovy vzlyky, celou předsíň zaplavil pach éteru, nitroglycerinu a ještě nějaké <u>ohavnosti</u> , ze které se člověku dělalo mdlo.
<u>Хамил</u> , как умел, поглядывая на профессора нагло.	<u>Tropil si</u> z profesora <u>šoufky</u> a drze po něm pokukoval.
Капитола 18.	
А те, изредка оборачиваясь с опаской, не слышит ли кто, <u>перешептывались</u> о какой-то <u>ерунде</u> .	Ti se tu a tam kradmo ohlíželi, asi v obavě, aby je někdo neslyšel, a šuškali si nějaké <u>nesmysly</u> .
Капитола 19.	
Маргарита, хоть и не <u>толковала</u> вовсе про пятое измерение, а <u>толковал</u> о нем сам Коровьев, весело рассмеялась, прослушав рассказ о похождениях <u>квартирного проныры</u> .	Přestože o páté dimenzi <u>nemudrovala</u> Markéta, nýbrž sám Kravinkin, po vyslechnutí příběhu bytového <u>šikuly</u> se vesele rozesmála.
Капитола 22.	
Третий, без бородки, с круглым бритым лицом, в толстовке, выбежал сверху через короткое время и точно так же <u>упорхнул</u> в окно.	Třetí, tentokrát bez bradky, s kulatou vyholenou tváří a v tolstovce, se přihřítíl shora za malou chvíli a stejně jako dva předchozí <u>odtřepotal</u> vyraženým

	<i>oknem ven.</i>
Капитола 24. <i>Повинуясь насилью, вынужден был подчиниться, - рассказывал Николай Иванович и закончил свои рассказы просьбой ни словом не сообщать об этом его супруге.</i>	<i>„Nezbylo mi než se podrobit tomu násilí a poslouchat," vyprávěl Nikolaj Ivanovič a své <u>zkazky</u> ukončil prosbou, aby se ani slovo z jeho výpovědi nedoneslo jeho manželce.</i>
Капитола 27.	

- **Вýразы говорové nespisovné (просторечные)** jsou rovněž ve velké většině případů zachováны.

Пříklady neutralizace hovorových nespisovných výrazů:

<i>Тут иностранец отколол такую штуку ...</i>	<i>A cizinec se zachoval naprosto nečekaně...</i>
Капитола 1. <i>Отставной <u>втируша</u>-регент сидел на том самом месте, где сидел еще недавно сам Иван Николаевич.</i>	<i><u>Vlezlý</u> regenschori ve výslužbě seděl přesně na tom místě, na kterém docela nedávno spočíval sám Ivan Nikolajevič.</i>
<i>.. этот странный кот подошел к подножке моторного вагона "А", стоящего на остановке, нагло <u>отсадил</u> взвизгнувшую женщину, <u>уцепился</u> за поручень и даже сделал попытку <u>всучить</u> кондукторше гривенник через открытое по случаю духоты окно.</i>	<i>...jak ten zvláštní kocour naskočil na stupátko prvního vozu tramvaje linky A stojící právě ve stanici, sprostě <u>odstrčil</u> nějakou paní, která jen vypískla zděšením, <u>chytil se</u> madla, a dokonce se oknem, otevřeným v tom úmorném žáru dokořán, pokusil <u>prostrčit</u> průvodčí desetník.</i>
Капитола 4. <i>Типичный кулачок по своей психологии, - заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, <u>приспичило</u> обличать Рюхина ...</i>	<i>„Náturou a založením je to typickej kulak," pokračoval Ivan Nikolajevič, protože se zřejmě <u>nemohl zbavit potřeby</u> Prasečkina obvinít...</i>
Капитола 6. <i>И сейчас же проклятый переводчик оказался в передней, <u>навертел там номер</u> и начал почему-то очень плаксиво говорить в трубку ...</i>	<i>Vzápětí se ten zatracený tlumočník přesunul do předsině, <u>vytočil nějaké číslo</u> a neznámo proč neobyčejně plačtivě spustil do sluchátka...</i>
Капитола 9. <i>И вот тут <u>прорвало начисто</u>, и со всех сторон на сцену пошли женщины.</i>	<i><u>Poslední zábrany padly</u> a ženy se najednou k jevišti tlačily ze všech stran.</i>
<i>Общее изумление вызвал мужчина, <u>затесавиившийся</u> на сцену.</i>	<i>Všeobecné překvapení způsobil jeden pán, který se na jeviště kupodivu <u>protlačil</u> také.</i>
Капитола 12.	

Пříklady zachování hovorových nespisovných výrazů:

<i>Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! - совершенно неожиданно <u>бухнул</u> Иван Николаевич.</i>	<i>„Za takovýhle důkazy bych toho vašeho Kanta pěkně sebral a strčil na tři roky na Solovky!" <u>vybuchl</u> naprosto nečekaně Ivan Nikolajevič.</i>
<i>Простите, - после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на <u>мелющего чепуху</u> иностранца, - при</i>	<i>„Promiňte, prosím," oslovil po kratší pauze Berlioz cizince, <u>blábolícího</u> takové nesmysly. „ale co s tím</i>

чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?	vším má společného slunečnicový olej..., jaká Annuška?"
Kapitola 1.	
Нету никакого дьявола! - растерявшись от всей этой <u>муры</u> , вскричал Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание! Перестаньте вы психовать.	„Žádněj ďábel neexistuje!“ řval Ivan Nikolajevič, ze všeho toho <u>blábolu</u> celý zpitomělý, něco docela jiného, než by chtěl. „To je snad za trest! Nechte si toho cvokaření!“
Kapitola 3.	
<u>Омерзительный</u> переулочек был совершенно пуст.	Ta <u>hnusná</u> ulička byla dokonale prázdná.
Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и <u>физиономия</u> , прошу заметить, <u>глумливая</u> .	Ten občan měřil dobrý sáh, ale ramena měl úzká, vyzábělý byl až hrůza, a <u>obličej</u> - ten měl, prosím pěkně, <u>vyzývavě pořouchlý</u> .
Растерявшийся Иван послушался <u>шуткаря</u> -регента и крикнул "караул!", а регент его <u>надуд</u> , ничего не крикнул.	Zmatený Ivan laciného <u>vykuka</u> regenschoriho poslechl a vyjekl: „Chyťte ho!“, jenže ten ho <u>napálil</u> a zůstal pěkně zticha.
От этого клетчатый гражданин стал еще <u>гаже</u> , чем был тогда, когда указывал Берлиозу путь на рельсы.	Kostkovaný občan se tak zdál ještě <u>slizáčtější</u> , než když Berliozovi ukazoval cestu ke kolejím.
Kapitola 4.	
Тогда Степа <u>отколол</u> такую <u>штуку</u> : стал на колени перед неизвестным курильщиком и произнес ...	A Sťopa <u>se věru vyznamenal</u> : klesl před tím neznámým kuřákem na kolena a zažadonil...
Kapitola 7.	
И эту контрамарочку переводчик левой рукой ловко <u>всучил</u> Никанору Ивановичу, а правой вложил в другую руку председателя толстую хрустнувшую пачку.	Levou rukou papír obratně <u>vtiskl do hrsti</u> Nikanoru Ivanovičovi, kdežto pravou vložil do druhé předsedovy ruky tlustý šelestivý balíček.
И маг этот <u>смылся</u> , и никто его не видел, кроме самого Степы. (Argot)	Kouzelník <u>zmizel jako pára nad hrncem</u> a kromě Sťopy samotného nikdo neví, jak vlastně vypadá.
Римский вынул часы, увидел, что они показывают уже пять минут третьего, и совершенно <u>остервенился</u> .	Rimskij vytáhl hodinky, zjistil, že ukazují dvě a pět minut, a <u>rozběsnil se</u> na nejvyšší míru.
Kapitola 10.	
Но наконец какая-то брюнетка вышла из десятого ряда партера и, улыбаясь так, что ей, <u>мол</u> , решительно все равно и в общем <u>наплевать</u> , прошла и по боковому трапу поднялась на сцену.	Nakonec se přece jen rozhoupala jistá bruneta v desáté řadě, nasadila úsměv, jímž naznačila, že <u>jí je teda</u> všechno jedno neboli <u>šumafuk</u> , došla až pod jeviště a po bočních schodech vystoupila nahoru.
Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не <u>грянул</u> , и даже не <u>хватил</u> , а именно, по <u>омерзительному</u> выражению кота, <u>урезал</u> какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш.	Položiléný dirigent už nevěděl, co dělá - mávl taktovkou, a orchestr nezahrál, nespustil, <u>ba ani nezahrímal</u> , ale přesně v duchu odporného kocourova výrazu tam <u>šoupnul</u> jakýsi neslýchané frivolní pochod.
Но кот <u>отмочил</u> <u>штуку</u> почище номера с чужими часами.	Jenže kocour <u>se vytasil s kouskem ještě onačejším</u> , než bylo číslo s hodinkami.
Kapitola 12.	

<i>Словом, темный ужас.</i>	<i>Zkrátka a dobře - hrůza a děs!</i>
<i>Делая вид, что не замечает уверток администратора и фокусов его с газетой, финдиректор рассматривал его лицо, почти уже не слушая того, что плел Варенуха.</i>	<i>Rimskij se tvářil, že provozářovy vytáčky a prostocviky s novinami nepozoruje, ve skutečnosti ho však bedlivě zkoumal a zároveň už téměř neposlouchal, co to ten Varenucha plácá.</i>
Капитола 14.	
<i>Кровь отлила от лица Никанора Ивановича, он, дрожа, крестил воздух, метался к двери и обратно, запел какую-то молитву и, наконец, понес полную <u>околесницу</u>.</i>	<i>V Nikanoru Ivanovičovi by se krve nedořezal, celý se chvěl, protínal vzduch znamením kříže, zmítal se ke dveřím a zase zpátky, pak se pustil do zpěvu jakési modlitby a nakonec začal <u>mlít úplně z cesty</u>.</i>
Капитола 15.	
<i>Я полез в кошелек, а оттуда пчела - тяп за палец! Ах ты!.. - шофер опять <u>вклеп</u> непечатные слова, - а червонца нету.</i>	<i>Já šáhnu do portmonky, a tam mi vrazí žihadlo včela! Zatracenej..., " a řidič do promluvy opět <u>vpletl</u> několik hodně <u>peprných</u> výrazů.</i>
<i>И, трах, я не успела вскрикнуть, смотрю: нету этого с кошачьей мордой и си... сидит... костюм... Геее! - <u>распялив</u> совершенно потерявший всякие очертания рот, завывла Анна Ричардовна.</i>	<i>.A bác - než jsem se stačila vzpamatovat, koukám, ten s kočičí tlamou je pryč a se... sedí tu jen... obléék... Bééé!" <u>zabečela</u> Anna Ričardovna ústy, <u> která nadobro ztratila normální tvar</u>.</i>
Капитола 17.	
<i>Воробушек же тем временем сел на подаренную чернильницу, <u>нагадил</u> в нее (я не шучу) ...</i>	<i>Vrabčáček mezitím přeletěl na kalamář získaný před léty darem, <u>nadělal</u> do něj (to prosím nežertuji!) ...</i>
Капитола 18.	
<i>Наконец Маргарите Николаевне надоело слушать эту таинственную <u>трепотню</u> про украденную из гроба голову, и она обрадовалась, что ей пора <u>выходить</u>.</i>	<i>Markétu Nikolajevnu to tajemné <u>blekotání</u> o ukradené hlavě nakonec přestalo bavit, a když zjistila, že už bude vystupovat, upřímně se zaradovala.</i>
<i>Как ни была занята своим Маргарита Николаевна, ее все же поразили странные <u>враки</u> неизвестного гражданина.</i>	<i>Jakkoli byla Markéta Nikolajevna zaujata vlastními starostmi, ty těžko srozumitelné <u>žvásty</u> neznámého ji ohromily.</i>
Капитола 19.	
<i>Совершенно неизвестно, какую темной и <u>злусной</u> <u>уголовщиной</u> ознаменовался бы этот вечер, - по возвращении из кухни Маргариты в руках у нее оказался тяжелый молоток.</i>	<i>Je věru ve hvězdách, jak <u>zběsilými</u> a <u>strašlivými jatkami</u> by byl tento večer poznamenán, kdyby Mosazkin zůstal doma - po návratu z kuchyně totiž Markéta v ruce třímala těžké kladivo.</i>
<i>И неожиданно <u>дикий разгром</u> прекратился.</i>	<i><u>Boží dopuštění</u> skončilo stejně nenadále, jako začalo.</i>
Капитола 21.	
<i>Кот вскочил живой и бодрый, ухватив примус под мышку, <u>сиганул</u> с ним обратно на камин ...</i>	<i>Kocour vyskočil dokonale živý a čiperný, strčil si primus do podpaždí, <u>hupsnul</u> s ním zpátky na krb..</i>
Капитола 27.	
<i>У меня, может быть, полный примус валюты, - запальчиво встрял в разговор и котообразный толстяк, так и <u>прущил</u> в магазин.</i>	<i>„A já bych zase klidně moh mít ten primus plnej cizích peněz," zasáhl do hovoru hašteřivě kocourovité tlouštík, který <u>se dál dral</u> do obchodu.</i>
Капитола 28.	
<i>А тем временем старушка, узнавшая от соседей, что ее кот <u>замели</u>, кинулась бежать в отделение и поспела вовремя. (Argot)</i>	<i>Stařenka se mezitím od sousedů dověděla, že jejího kocoura <u>zabásli</u>, hned se na milici rozběhla a <u>přispěchala</u> právě včas.</i>
Epilog	

- **Vulgarizmy** překladatel téměř neredukuje.

<i>Ежели он преступник, то первым делом следует кричать: "Караул!" А то он уйдет. А ну, давайте вместе! Разом! – и тут регент <u>разинул пасть</u>.</i>	<i>No tak jestli je to zločinec, tak nejdřív musíme zakřičet: Chyťte ho! Nebo nám uteče. Podťte, zkusíme to vobá. Hezky spolu!" A regenschori <u>rozevřel tlamu dokořán</u>.</i>
<i>Занявшись <u>паскудным</u> котом, Иван едва не потерял самого главного из трех – профессора.</i>	<i>Jak Ivan veškerou pozornost soustředil na toho <u>lumpu</u> kocoura, málem ztratil ze zřetele nejdůležitějšího z trojice - profesora.</i>
Kapitola 4.	
<i>Всякий посетитель, если он, конечно, был не вовсе <u>тупицей</u>...</i>	<i>Každý návštěvník, samozřejmě za předpokladu, že to nebyl <u>naprostý blb</u>...</i>
Kapitola 5.	
<i>Этот второй, будучи, очевидно, левшой <u>съездил</u> администратору по другому уху.</i>	<i>Zřejmě to musel být levák, protože další <u>ránu</u> inspicient <u>chytil</u> z druhé strany.</i>
Kapitola 10.	
<i>Любая женщина в мире, могу вас уверить, мечтала бы об этом, - <u>рожу</u> Азазелло перекосило смешком, - но я разочарую вас, этого не будет.</i>	<i>„Já vás ujišťuju, madam, že každá ženská na světě by vo něčem takovým snila," Azazello <u>se ohavně zakřenil</u>, „ale zklamu vás - nic takového se nestane."</i>
Kapitola 19.	
<i>Швейцар выпучил глаза, и было отчего: никакого kota у ног гражданина уже не оказалось, а из-за плеча его вместо этого уже высовывался и порывался в магазин толстяк в рваной кепке, действительно, немного смахивающий <u>рожей</u> на kota.</i>	<i>Vrátný vyřeštil oči - a bylo proč: u dlouhánových nohou se opravdu žádný kocour nevyskytoval, zato za jeho ramenem vykukoval <u>tlusťoch</u> v potrhané kšiltovce, který se taky cpal dovnitř.</i>
<i>Толстяк взял свой примус под мышку, овладел верхним мандарином в пирамиде и, тут же со шкуркой <u>сожравши</u> его, принялся за второй.</i>	<i>Tlusťoch si vsunul primus do podpaždí, zmocnil se nejvrchnějšího plodu v pyramidě, bleskově ho i se slupkou <u>sežral</u> a pustil se do dalšího.</i>
Kapitola 28.	

- **Zdrobněliny** zůstávají v překladu zachovány, pokud je to vhodné z hlediska kontextu.

<i><u>шуточка</u>,</i>	<i><u>vtipkování</u></i>
<i><u>книжечка</u> (Kapitola 1.);</i>	<i><u>knížečka</u></i>
<i><u>иконка</u> (Kapitola 4.);</i>	<i><u>ikonka</u></i>
<i><u>огонечек</u>;</i>	<i><u>ohýnek</u></i>
<i><u>стерлядка</u> (Kapitola 5.);</i>	<i><u>jeseter</u></i>
<i><u>тарелочка</u>;</i>	<i><u>talířek</u></i>
<i><u>графинчик</u> (Kapitola 7.);</i>	<i><u>karafka</u></i>
<i><u>шкафик</u>;</i>	<i><u>skříňka</u></i>
<i><u>уголок</u>;</i>	<i><u>kout</u></i>
<i><u>столик</u> (Kapitola 8.);</i>	<i><u>stolek</u></i>
<i>... пять <u>новеньких</u> банковских пачек ...;</i>	<i>... <u>pět balíčků úplně nových</u> bankovek...</i>

<i>шуточка;</i>	<i>fórky</i>
<i>контрамарочка;</i>	<i>volňásek</i>
<i>селедочка;</i>	<i>slaneček</i>
<i>лафитничек (Kapitola 9.);</i>	<i>štamprlátko</i>
<i>столлик (Kapitola 10.);</i>	<i>stolek</i>
<i>шажки (Kapitola 11.);</i>	<i>krůčky</i>
<i>перышки;</i>	<i>pěry</i>
<i>камушки;</i>	<i>korálky</i>
<i>шляпочка (Kapitola 12.);</i>	<i>kloboučky</i>
<i>шапочка;</i>	<i>čepička</i>
<i>особнячок;</i>	<i>malý dům</i>
<i>ночка (Kapitola 13.);</i>	<i>noc</i>
<i>кончик;</i>	<i>cípek</i>
<i>легонькая странность;</i>	<i>trochu podivná odpověď</i>
<i>желтеньким светом (Kapitola 14.);</i>	<i>žlutavé ohničky</i>
<i>подносик;</i>	<i>tácek</i>
<i>ветерок (Kapitola 15.);</i>	<i>vánek</i>
<i>чемоданчик;</i>	<i>kufřík</i>
<i>диванчик;</i>	<i>lavička</i>
<i>шажки;</i>	<i>kroky</i>
<i>помещеньице;</i>	<i>pracovníčka</i>
<i>мордочка;</i>	<i>tlamička</i>
<i>блюдечко;</i>	<i>miska</i>
<i>гвоздик;</i>	<i>hřebík</i>
<i>флигелек;</i>	<i>přístavek</i>
<i>воробушек;</i>	<i>vrabčáček</i>
<i>лапка (Kapitola 18.);</i>	<i>tlapka</i>
<i>огонечек;</i>	<i>plamínek</i>
<i>мостик;</i>	<i>lávka</i>
<i>речонка;</i>	<i>říčka</i>
<i>зданьице;</i>	<i>stavení</i>
<i>часики;</i>	<i>hodinky</i>
<i>коробочка;</i>	<i>krabička</i>
<i>мазочек;</i>	<i>kopeček</i>
<i>желтенькие тени у висков;</i>	<i>nažloutlé stíny při spáncích</i>
<i>...две чуть заметные сеточки у наружных углов</i>	<i>...a dvěma sotva patrnými vėjírky vrásek, rozbihajících</i>
<i>глаз (Kapitola 19.);</i>	<i>se od očí.</i>
<i>копыцца;</i>	<i>kopýtka</i>
<i>веселенькая музыка (Kapitola 21.);</i>	<i>rozsmarná hudba</i>
<i>усишки (Kapitola 22.);</i>	<i>knírky</i>
<i>стаканчик (Kapitola 24.);</i>	<i>sklenka</i>
<i>ландшафттик (Kapitola 29.)</i>	<i>krajinka</i>

- **Вýразы кни́зньи, застаралé а archaismy** jsou částečně neutralizovány, ale větším dílem je překladatel zachovává.

Пříklady neutralizace knižních a archaických výrazů:

<i>Нету никакого дьявола! - растерявшись от всей этой муры, <u>вскричал</u> Иван Николаевич не то, что нужно, - вот наказание! Перестаньте вы психовать. (Книžní výraz)</i>	<i>„Žádnéj d'ábel neexistuje!" řval Ivan Nikolajevič, ze všeho toho blábolu celý zpitomělý, něco docela jiného, než by chtěl. „To je snad za trest! Nechte si toho cvokaření!“</i>
<i>Хорошо, хорошо, - фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроеному поэту, которому вовсе не улыбалась мысль караулить сумасшедшего немца, <u>устремился</u> к тому выходу с Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка. (Книžní výraz)</i>	<i>„No dobře, dobře," chlácholil ho s falešnou laskavostí v hlase Berlioz, mrkl na rozladěného básníka, jemuž se představa hlídání šíleného Němce ani trochu nezamlouvala, a <u>rozběhl se</u> k tomu východu z parku kolem Patriarchových rybníků, co je na rohu Bronné a Jermolajevské</i>
Капитола 3.	
<i>Недоразумение было налицо, и <u>повинен</u> в нем был, конечно, Иван Николаевич. Но признать в этом он не <u>пожелал</u> и, воскликнув <u>укоризненно</u>: "Ах, <u>развратница!</u>..." (Книžní výразы)</i>	<i>Nebylo pochyb, že jde o nedorozumění, které samozřejmě <u>způsobil</u> Ivan Nikolajevič. Přiznat si to však <u>neměl chuť</u>, a tak jen <u>vyčítavě</u> zvolal: „Vy jste ale <u>prostopášnice!</u>“</i>
<i>Никому не известно, какая тут мысль <u>овладела</u> Иваном, но только, прежде чем выбежать на черный ход, он присвоил одну из этих свечей, а также и бумажную иконку. (Книžní výраз)</i>	<i>Nikdo neví, co se v tu chvíli <u>odehrávalo v</u> Ivanově <u>hlavě</u>, ale než выбěhl k zadnímu schodišti, jednu z těch svící si <u>přivlastnil</u> a totéž udělal i s papírovou ikonkou.</i>
<i>Погрозив в бессильной злобе кому-то вдаль кулаком, Иван <u>облачился</u> в то, что было оставлено. (Книžní archaiský výраз)</i>	<i>Ivan komusi bezmocně pohrozil do dále pěští a <u>navlékl se</u> do svršků, které mu tu byly laskavě ponechány.</i>
Капитола 4.	
<i>Степа, тараща глаза, увидел, что на маленьком столике сервирован поднос, на <u>коем</u> имеется нарезанный белый хлеб ... (Книžní spojka)</i>	<i>S'opa vytřeštil oči na malý stolek, kde již čekal podnos a <u>na něm</u> úhledně nakrájený bílý chléb ...</i>
Капитола 7.	
<i>И пришедшие немедленно <u>устремилась</u> в коридор. (Книžní výраз)</i>	<i>Пřichozí bez meškání <u>zamířili</u> zpátky do předsíně.</i>
Капитола 9.	
<i><u>Убранство</u> кабинета, помимо письменного стола, заключалось в пачке старых афиш, висевших на стене ... (Книžní výраз)</i>	<i>Kromě psacího stolu tvořilo další <u>zařízení</u> pracovny už jen pár starých plakátů zavěšených na zdi ...</i>
Капитола 10.	
<i>Голова и предсказание консультанта привели его к мысли о Понтии Пилате, и для <u>вяцей</u> убедительности Иван решил весь рассказ о прокураторе изложить полностью с того самого момента, как тот в белом плаще с кровавым подбоем вышел в колоннаду иродова дворца.</i>	<i>Hlava a poradcova předtucha ho přivedly ke vzpomínce na Piláta Pontského, a proto se v zájmu <u>větší</u> přesvědčivosti rozhodl celé povídání o prokurátorovi vyložit dopodrobna, přesně od okamžiku, kdy muž v bílém plášti s krvavě rudým lemem vstoupil na kolonádu Herodova paláce.</i>

<p>Капитола 11.</p> <p>Набрав воздуха в грудь, он улыбнулся как бы заискивающей улыбкой и тихо <u>молвил</u> ... (Knižní archaický výraz)</p>	<p><i>Zhluboka se nadechl a s úsměvem téměř podlézavým tiše <u>podotkl</u>...</i></p>
<p>Капитола 14.</p> <p>Но врач быстро успокоил всех встревоженных, <u>скорбных главою</u>, и они стали засыпать. (Archaismus)</p>	<p><i>Doktor však všechny neklidné a <u>pomatené</u> pacienty rychle uchlácholil a oni začali znovu usínat.</i></p>
<p>Капитола 15.</p> <p>Этого гражданина уже ждали, и через некоторое время <u>незабвенный</u> директор Варьете, Степан Богданович Лиходеев, <u>предстал</u> перед следствием. (Archaismus)</p>	<p><i>Už tu na něj čekali, a nedlouho nato <u>se nezapomenutelný</u> ředitel Varieté Štěpán Bogdanovič Mizerov <u>podrobil</u> vyšetřování.</i></p>
<p>В полном молчании вошедшие в гостиную <u>созерцали</u> этого кота в течение довольно долгого времени. (Knižní výraz)</p>	<p><i>Přichodí, vstoupivší do salonu, kocoura dosti dlouho <u>sledovali</u> v naprostém tichu.</i></p>
Капитола 27.	

Пříklady zachování knižních a archaických výrazů:

<p>Гражданин ростом в <u>сажень</u>, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая. (Historismus)</p>	<p><i>Ten občan měřil dobrý <u>sáh</u>, ale ramena měl úzká, vyzábělý byl až hrůza, a obličej - ten měl, prosím pěkně, vyzývavě pořouchlý.</i></p>
<p>Тут ужас до того <u>овладел</u> Берлиозом, что он закрыл глаза. (Knižní výraz)</p>	<p><i>Berlioze <u>se zmocnila</u> taková hrůza, že raději zavřel oči.</i></p>
<p>Капитола 1.</p> <p>Берлиоз упал навзничь, несильно ударившись затылком о булыжник, и успел увидеть в высоте, но справа или слева - он уже не сообразил, - <u>позлащенную</u> луну ... (Archaismus)</p>	<p><i>Berlioz ve snaze něčeho se zachytit upadl naznak, lehce se uhodil o dlažbu do týla a vysoko nad sebou ještě stačil zhlédnout <u>zlátnoucí</u> měsíc...</i></p>
<p>Капитола 3.</p> <p>Далее следовали, <u>повинуясь прихотливым изгибам</u>, подъемам и спускам Грибоедовского дома, - "Правление МАССОЛИТА", "Кассы N 2, 3, 4, 5", "Редакционная коллегия", "Председатель МАССОЛИТа", "Бильярдная", различные подсобные учреждения, наконец, тот самый зал с колоннадой, где тетка наслаждалась комедией гениального племянника. (Knižní výraz)</p>	<p><i>Dál následovaly, <u>podřizující se rozmarným zákrutům</u>, schodištím, a schodišťátkům nahoru dolů, kanceláře s nápisy Vedení Všelidolitu, Pokladny č. 2,3,4 a 5, Redakční kruh, Předseda Všelidolitu, Kulečnick, různá pomocná oddělení a nakonec ona již zmiňovaná sloupová síň, v níž se tetička rozplývala nad komedií svého geniálního synovce.</i></p>
<p>И немедленно же он <u>обращал к небу горькие укоризны</u> за то, что оно не наградило его при рождении литературным талантом, без чего, естественно, нечего было и мечтать <u>овладеть</u> членским МАССОЛИТским билетом, коричневым, пахнущим дорогой кожей, с золотой широкой</p>	<p><i>A pak neprodleně <u>vyšílal trpké výtky k nebesům</u> za to, že ta nebesa hned po narození neobdařila literárním talentem také jeho, protože bez talentu se o členské všelidově literární legitimaci z drahé hnědé kůže a se zlatou ořízkou, proslulé po celé Moskvě, nedalo ani snít.</i></p>

<i>каймай</i> , - известным всей Москве билетом. (Knižní výraz)	
<i>Сидящие за столиками стали приподниматься и всматриваться и увидели, что вместе с огонечком шествует к ресторану белое привидение.</i> (Knižní výraz)	<i>Lidé u stolků začali vstávat, třesli oči do tmy a viděli, že společně s ohýnkem k restauraci <u>kráci</u> bílá mátoha.</i>
<i>Но тут флибустьер сжалился над ним и погасил свой острый <u>взор</u>.</i> (Knižní výraz)	<i>Vtom se však flibustýr nad portýrem slitoval a <u>žhoucí pohled</u> uhasil.</i>
Капитола 5.	
- Гм... - <u>молвил</u> Иван, не зная, что делать с этим цилиндром дальше. (Knižní archaický výraz)	<i>„Hm...“ <u>pronesl</u> Ivan nejistě, jelikož nevěděl, co si s válcem počít dál.</i>
Капитола 8.	
<i>Он и по кабинету пробежался, и дважды <u>вздымал</u> руки, как распятый, и выпил целый стакан желтоватой воды из графина, и восклицал ...</i> (Knižní archaický výraz)	<i>Nejdřív se po pracovně hystericky proběhl, pak dvakrát <u>vzepjal</u> ruce k nebesům jako ukřižovaný, poté vypil plnou sklenici nažloutlé vody z karafy a teprve potom zvolal...</i>
Капитола 10.	
<i>Через минуту в зрительном зале погасли шары, вспыхнула и дала красноватый отблеск на низ занавеса рампа, и в освещенной щели занавеса <u>предстал</u> перед публикой полный, веселый как дитя человек с бритым лицом, в помятом фраке и несвежем белье.</i> (Knižní výraz)	<i>Během příští minuty světla v hledišti pohasla, vzplanula rampa, rudě šlehla po spodním lemu opony a v osvětlené otevírající se výseči <u>stanul</u> před publikem tělnatý pán s dětsky veselou, hladce vyholenou tváří, v pomačkaném fraku a seprané košili.</i>
<i>Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и <u>овладела</u> первым, что подвернулось, - шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два футляра духов.</i> (Knižní výraz)	<i>Jedna se za závěs vřítla jako vichřice, všechno ze sebe strhala, <u>zmocnila se</u> toho, co jí padlo pod ruku jako první - hedvábného županu, zdobeného obrovitými kyticemi - a k tomu stačila uchvátit ještě dvě kazety s parfěmy.</i>
Капитола 12.	
<i>Как же вы сюда попали? - <u>повинуясь</u> сухому грозящему пальцу, шепотом спросил Иван, - ведь балконные-то решетки на замках?</i> (Knižní výraz)	<i>„Kde jste se tu vzal?“ sykl Ivan, <u>respektující</u> výstražně vztyčený vyzáblý ukazovák. „Mříže v oknech a ve dveřích jsou přece zamčené...“</i>
Капитола 13.	
<i>Нарыдавшись вдоволь, Коровьев отлепился наконец от стенки и <u>вымолвил</u> ...</i> (Knižní archaický výraz)	<i>Kravinkin naštkal a nabědoval do sytosti, konečně se odlepil od zdi a <u>vypravil ze sebe</u>...</i>
<i>Подозрение <u>пало</u> на старушку с язвой желудка.</i> (Knižní výraz)	<i>Podezření nakonec <u>padlo</u> na babičku se žaludečním vředem.</i>
Капитола 18.	
<i>Свет надо тушить за собой в уборной, вот что я вам скажу, Пелагея Петровна, - говорила та женщина, перед которой была кастрюля с какой-то <u>снедью</u>, от которой валил пар, - а то мы на выселение на вас подадим!</i> (Archaismus)	<i>„Když du ze záchodu, tak za sebou zhasnu, to snad nejni tak těžký, Pelagejo Petrovno,“ řikala hospodyně nad kastrolem s kouřícím <u>pokrmem</u>, „jináč bysme si taky mohli podat žádost, ať vás <u>vocud</u> vystěhujou!“</i>
<i>В то время, как Наташа, хохоча от радости, <u>упивалась</u> перед зеркалом своєю волшебною красою,</i>	<i>Přesně ve chvíli, kdy se rozesmátá štěstím před zrcadlem <u>opájela</u> svou čarovnou krásou, otevřely se</i>

<i>дверь открылась, и перед Наташей явился Николай Иванович. (Кnižní výrazy)</i>	<i>dveře a v nich stanul Nikolaj Ivanovič.</i>
<i>Правда, внешность Коровьева <u>весьма</u> изменилась. (Кnižní výraz)</i>	<i>Pravda ale je, že <u>Kravinkinův zevnějšek se velmi proměnil.</u></i>
Капитола 21.	
<i>Услышав, что шаги стихают, Аннушка, как змея, выскользнула из-за двери, бидон поставила к стенке, <u>пала</u> животом на площадку и стала шарить. (Archaismus)</i>	<i>Jakmile kroky začaly utichat, Annuška proklouzla dveřmi jako had, bandasku postavila ke zdi, <u>padla</u> na podlahu a polopříčetně kolem sebe zašátrala.</i>
Капитола 24.	
<i>Сию секунду... сейчас... сию минуту... - пролетела обычно очень надменная супруга председателя акустической комиссии и как стрела полетела в спальню подымать Аркадия Аполлоновича с <u>ложы</u>, на котором тот лежал, испытывая адские <u>терзания</u> при воспоминании о вчерашнем сеансе и ночном скандале, сопровождавшем <u>изгнание</u> из квартиры саратовской его племянницы. (Archaismy)</i>	<i>„Oka... mžiček... hned to bude... už pro něj běžím,“ zablekotala obvykle velmi přezírává choť předsedy Akustické komise a rychlostí blesku letěla do ložnice - vytáhnout Arkadije Apollonoviče z <u>lože</u>, v němž bezmocně spočíval a zakoušel <u>muka</u> pekelná při vzpomínce na včerejší představení a následný noční skandál, který skončil až <u>vypuzením</u> jeho sаратовské neteře z bytu.</i>
Капитола 27.	

Stylový posun:

<i>Растерянно ухмыльнувшись, Никанор Иванович и сам не заметил, как оказался у письменного стола, где Коровьев с величайшей быстротой и ловкостью <u>начертил</u> в двух экземплярах контракт. (Archaismus)</i>	<i>Nikanor Ivanovic se rozpačitě zašklibil, a než si stačil cokoli uvědomit, stál najednou u nebožtíkova psacího stolu, na kterém Kravinkin s nevídanou rychlostí a zručností hned ve dvou vyhotoveních <u>načmáral</u> nájemní smlouvu.</i>
Капитола 9.	
<i>Маргариту бросили на хрустальное <u>ложе</u> и до блеска стали растирать какими-то большими зелеными листьями. (Archaismus)</i>	<i>Pak ji hodily na křišťálové <u>lehátko</u> a jaly se ji otírat velkými zelenými listy, až se celá leskla.</i>
Капитола 23.	
<i>Кот <u>возвел</u> глаза к небу и шумно вздохнул, но ничего не сказал, очевидно, помня накрученное на балу ухо. (Кnižní výraz)</i>	<i>Kocour <u>obrátil</u> oči v sloup a hlučně zafuněl, ale jinak neřekl nic - patrně proto, že si dobře pamatoval, jak mu na plese zakroutila uchem.</i>
Капитола 24.	
<i>Из стены ее вышел оборванный, выпачканный в глине мрачный человек в <u>хитоне</u>, в самодельных сандалиях, чернобородый. (Historismus)</i>	<i>Z její zdi náhle vystoupil zasmušilý otrhaný černovousý muž v <u>chitónu</u> a podomácku ušitých sandálech, celý zapařlaný od hlíny.</i>
<i>Очень хорошо, мессир, - ответили оба <u>заера</u> и скрылись где-то за круглой центральной башиной, расположенной в середине террасы. (Archaismus)</i>	<i>„To je skvělé, messire,“ odvětili oba <u>kašpaři</u> a zmizeli kdesi za kulatou věží uprostřed terasy.</i>
Капитола 29.	
<i>Откуда взялись все эти <u>яства</u> и напитки, было неизвестно и Маргарите и мастеру. Проснувшись,</i>	<i>Kde se všechny ty <u>pokrmy</u> a nápoje vzaly, nebylo jasné ani Markétě, ani Mistrovi.</i>

<i>они все это застали уже на столе. (Archaismus)</i>	
<i>Он воздел руки к небу и закричал: - Нет, это черт знает что такое, черт, черт, черт! (Knižní výraz)</i>	<i>Vztáhl ruce k nebesům a vykřikl: „V tomhle aby se opravdu čert vyznal..., jedině čert!“</i>
Капитола 30.	
<i>Именующий себя Воландом со всеми своими присными исчез и ни в Москву более не возвращался и нигде вообще не появился и ничем себя не проявил. (Archaismus)</i>	<i>Takřečený Woland i jeho spřeženci se z Moskvy vytratili, aby se tam už nikdy nevrátili, aby se nevynořili už nikde a už o sobě nedali vědět.</i>
Epilog	

Dobové výrazy překladatel ve velké míře zachovává a nahrazuje pouze v případě, pokud by byly pro současné české čtenáře nesrozumitelné: *моторный вагон* - vůz tramvaje, *гривенник* – desetník, *минсе* (Kapitola 4., 13.); *лихач* – drožkář, *козла* – kozlík (Kapitola 5.); *лафитничек* – štamprlátko (Kapitola 9.); *карема* – sanitka (Kapitola 12.); *червонцы* – bankovky (Kapitola 14.); *барышник* – spekulant, *таксомоторная стоянка* - stanoviště taxislužby (Kapitola 17.); *примус* – petrolejový vaříč (Kapitola 21.).

- **Přirovnání** L. Dvořák většinou překládá velmi blízko originálu, přesto k významovým posunům nedochází.

<i>Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: "Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть - несчастье... вечер - семь..." - и громко и радостно объявил: - Вам отрежут голову!</i>	<i>Změřil si Berlioze pohledem, jako by se chystal ušít mu oblek, a skrz zuby zabručel cosi jako „Raz dva... Merkur v druhém domě... Měsíc zašel... šest... neštěstí... večer - sedm...“ a pak jásavě a nahlas oznámil: „Přijdete o hlavu!“</i>
Капитола 1.	
<i>Поэт провел рукою по лицу, как человек, только что очнувшийся, и увидел, что на Патриарших вечер... нога неудержимо, как по льду, поехала по бульжнику ...</i>	<i>Básník si přejel dlaní po tváři, jako by právě procitl, a zjistil, že na Patriarchovy rybníky klesl večer...a noha se nezadržitelně jako po ledě rozjela po dlažbě...</i>
Капитола 3.	
<i>Но это еще не все: третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся кот, громадный, как боров, черный, как сажка или грач, и с отчаянными кавалерийскими усам.</i>	<i>Ale ani to ještě nebylo všechno: jako třetí v téhle společnosti se neznámo odkud objevil kocour - obrovský jako kanec a černý jako saze nebo jako havran - s junácky nakroucenými husar-skými kníry.</i>
Капитола 4.	
<i>... из ворот Грибоедова Пантелей, швейцар, милиционер, официант и поэт Рюхин выносили спеленатого, как куклу, молодого человека ...</i>	<i>...jak Pantělej, portýr, milicionář a básník Prasečkin vynášejí z bran Gribojedova mladého muže zavinitého jako nemluvně...</i>
Капитола 5.	
<i>Груней, отчетливо увидел какого-то странного субъекта - длинного, как жердь, и в пенсне (ах, если бы здесь был Иван Николаевич! Он узнал бы этого субъекта сразу!).</i>	<i>zřetelně spatřil jakýsi bizarní zjev - chláпка dlouhého jako bidlo, a navíc ve skřipci. (Škoda, že tu zrovna nebyl Ivan Nikolajevič! Ten by toho neřáda poznal okamžitě!)</i>
Капитола 7.	

... переводчик замахал руками, <u>как мельничными крыльями</u> .	a tlumočník zamával pažemi jako větrný mlýn
Некоторое время председатель, как баран, смотрел на ступеньки лестницы, но потом решил плюнуть на это и не мучить себя замысловатым вопросом.	Předseda chvíli jako beran tupě zíral na schody, jenže pak se usnesl, že se na to vykašle a otázkami tak zapeklými se nebude trýznit...
Проглотив слюну, Никанор Иванович заворчал, как пёс ...	Nikanor Ivanovič polkl sliny a zavrčel jako pes...
Капитола 9.	
... Варенуха отозвался, как эхо ...	Varenucha hlesl jako ozvěna...
Он и по кабинету пробежался, и дважды вздымал руки, как распятый, и выпил целый стакан желтоватой воды из графина, и восклицал ...	Nejdřív se po pracovně hystericky proběhl, pak dvakrát vzepjal ruce k nebesům jako ukřižovaný, poté vypil plnou sklenici nažloutlé vody z karafy a teprve potom zvolal...
Капитола 10.	
Атласная змея фыркнула, Фагот раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал.	Blyštivý had karet jemně sykl, Fagot otevřel ústa jako hladové ptáče a celého hada kousek po kousku spolýkal.
Затем сжался в комок и, как пантера, махнул прямо на грудь Бенгальскому, а оттуда перескочил на голову.	Pak se schoužil do klubíčka a jako panter se Bengalskému vrhl přímo na prsa, odkud se svižně přesunul na hlavu.
Одна, как буря, ворвалась за занавеску, сбросила там свой костюм и овладела первым, что подвернулось, - шелковым, в громадных букетах, халатом и, кроме того, успела подцепить два футляра духов.	Jedna se za závěs vřítily jako vichřice, všechno ze sebe strhala, zmocnila se toho, co jí padlo pod ruku jako první - hedvábného županu, zdobeného obrovitými kyticemi - a k tomu stačila uchvátit ještě dvě kazety s parfěmy.
Капитола 12.	
Тотчас же отшатнулся от нее и стал белее бумаги.	Okamžitě ucukl a tvář měl najednou bělejší než list papíru.
Ну, то, что я и говорил, - причмокнув, как будто его беспокоил больной зуб, ответил администратор, - нашли его в трактире в Пушкине.	„Přesně to, co už jsem říkal,“ pravil Varenucha a tiše přitom mlaskl, jako by ho bolel zub. „našli ho v jedný hospodě v Puškinu.“
Рука ее стала удлиняться, как резиновая, и покрылась трупной зеленью.	Její paže se začala natahovat jako gumová a pokryla se mrtvolnou zelenavostí.
Римский слабо вскрикнул, прислонился к стене и портфель выставил вперед, как щит.	Rimskij slabě vykřikl, přitiskl se zády ke zdi a jako štítem se chránil svou aktovkou.
И вслед за нею, подпрыгнув и вытянувшись горизонтально в воздухе, напоминая летящего купидона, выплыл медленно в окно через письменный стол Варенуха.	Hned po ní poskočil Varenucha, protáhl se do vodorovné polohy a - podoben vznášejícímu se andílkovi - pomalu proplul přes psací stůl také oknem ven.
Седой как снег, без единого черного волоса старик, который недавно еще был Римским, подбежал к двери, отстегнул пуговку, открыл дверь и кинулся бежать по темному коридору.	Stařec se sněhobílou hlavou bez jediného černého vlásku - jinak před chvílkou ještě Rimskij - přiskočil ke dveřím, odemkl je a nazdařbůh se rozběhl setmělou chodbou.
Через несколько мгновений дребезжащая машина, как вихрь, летела по кольцу Садовой.	Vzápětí už se drkotavá rachotina jako vítr hnala po Sadové.
Капитола 14.	

<i>Тело его облегчилось, а голову обдувала <u>теплым</u> <u>ветерком</u> дрема.</i>	<i>Lék zaplavil celé jeho tělo a klid se dostavil <u>jako vlna</u>, která se přes něj náhle převalila.</i>
Капитола 15.	
<i>Нет, не могу видеть этого, нет, не могу! - закричала Анна Ричардовна и выбежала в секретарскую, а за нею <u>как пуля</u> вылетел и бухгалтер.</i>	<i>„Já se na to nemůžu dívat, to po mně nemůže nikdo chtít!“ zaskučela Anna Ričardovna a vyběhla do předpokoje, následována <u>střelhitě</u> ustupujícím účetním.</i>
<i>В голове у него был какой-то сквозняк, гудело, <u>как в трубе</u>, и в этом гудении слышались клочки капельдинерских рассказов о вчерашнем коте, который принимал участие в сеансе.</i>	<i>V hlavě cítil cosi jako průvan, hučelo mu v ní <u>jako v komíně</u> a skrze ten hukot pronikaly k vědomí útržky biletářských povídanek o kocourovi ze včerejška, který se také podílel na onom představení.</i>
Капитола 17.	
<i>Однако в то же время неприятное облачко набежало на его душу, и тут же мелькнула <u>змеёйкой</u> мысль о том, что не прописался ли этот сердечный человек уже в квартире покойного, ибо и такие примеры в жизни бывали.</i>	<i>Zároveň se mu však do duše vkradl nepříjemný mráček a hlavou se <u>jako had</u> prosmekla obava, zda se tenhle citlivý člověk už náhodou v nebožtíkově bytě policejně nepřihlásil - protože i takové případy se v životě přiházívají.</i>
<i>Буфетчик протиснулся в дверь, пискнул "до свиданья" и пошел, <u>как пьяный</u>.</i>	<i>Bufetář se protáhl dveřmi, vypískl „má úcta“ a <u>jako opilý</u> se potácel po schodech dolů.</i>
<i>Буфетчик вынул тридцать рублей и выложил их наверх стол, а затем неожиданно мягко, <u>как будто бы кошачьей лапкой</u> оперируя, положил червонцев звякнувший столбик в газетной бумажке.</i>	<i>Bufetář vyjmul třicet rublů, položil bankovky na stůl a pak nečekaně měkce, <u>jako by</u> manipuloval <u>kočičí tlapkou</u>, položil na desetirublovky cinkavý sloupeček, zabalený v novinovém papíře.</i>
<i>Паскудный воробушек припадал на левую лапку, явно кривлялся, волоча ее, работал синкопами, одним словом, - приплясывал фокстрот под звуки патефона, <u>как пьяный у стойки</u>.</i>	<i>Ten mizera mírně pajdal na levou nožku, zjevně se pitvořil a nožku za sebou vláčel přesně v rytmu synkop - zkrátka a dobře za zvuků gramofonu plesal foxtrot <u>jako nějaký mazavka</u> u barového pultu.</i>
<i>Воробушек же тем временем сел на подаренную чернильницу, нагадил в нее (я не шучу), затем взлетел вверх, повис в воздухе, потом с размаху <u>будто стальным</u> клювом ткнул в стекло фотографии, изображающей полный университетский выпуск 94-го года, разбил стекло <u>вдребезги</u> и затем уже улетел в окно.</i>	<i>Vrabčáček mezitím přeletěl na kalamář získaný před léty darem, nadělal do něj (to prosím nežertuji!), pak vzlétl vzhůru, chvilku zůstal viset ve vzduchu, nabral rychlost a klovl zobanem <u>tvrdým jako ocel</u> do skla fotografie, zobrazující kompletní univerzitní ročník absolventů z roku 1894, sklo rozbil napadř' a pak teprve vylétl ven.</i>
Капитола 18.	
<i>Но они двигались, хотя и очень медленно, <u>как будто прилипая</u>, и наконец <длинная стрелка упала на двадцать девятую минуту десятого>.</i>	<i>Ty se ovšem pohybovaly, i když jen velmi zvolna, <u>jako by se k ciferníku lepily</u>, až se větší z nich konečně dopracovala minutu před půl desátou.</i>
<i>Николай Иванович, видный в луне до последней пуговицы на серой жилетке, до последнего волоска в светлой бороде клинышком, вдруг усмехнулся дикой усмешкой, поднялся со скамейки и, очевидно, не помня себя от смущения, вместо того, чтобы снять шляпу, махнул портфелем в сторону и ноги</i>	<i>Nikolaj Ivanovič, ozářený měsíčním světlem do posledního knoflíčku na šedivé vestě a do posledního vousu ve světlé špičaté bradce, se najednou nepřičetně zazubil, vstal z lavičky a -zřejmě sužovaný těžkými rozpaky - místo aby smekl klobouk, mávl aktovkou daleko do strany a přidřepł, <u>jako by se</u></i>

<i>согнул, как будто собирался пуститься вприсядку.</i>	<i>chystal zatančit kozáčka.</i>
Капитола 19.	
<i>Со звуком револьверного выстрела лопнула под ударом молотка верхняя полированная дека.</i>	<i>Jako rána z revolveru práskla rozlomená leštěná vrchní deska.</i>
<i>И это скольжение, как на воздушных салазках, вниз принесло ей наибольшее наслаждение.</i>	<i>A právě tohle klouzání na vzdušných sáňkách přinášelo největší slast.</i>
<i>Под Маргаритой хором пели лягушки, а где-то вдали, почему-то очень волнует сердце, шумел поезд. Маргарита вскоре увидела его. Он полз медленно, как гусеница, сыпя в воздух искры.</i>	<i>Dole pod ní pěl sbor žab a někde v dáli duněl vlak, kdoví proč velice jitřící duši. Za okamžik už ho zahlédla. Sunul se pomalu jako housenka a chrлил do vzduchu jiskry.</i>
<i>Постепенно к этому шуму чего-то летящего, как снаряд, присоединился слышимый на много верст женский хохот.</i>	<i>Postupně se k tomu zvuku letícího dělostřeleckého náboje připojil i bezuzdný ženský smích, slyšitelný na mnoho verst.</i>
Капитола 21.	
<i>Ничего не было видно, как в подземелье, и Маргарита невольно уцепилась за плащ Аззелло, опасаясь споткнуться.</i>	<i>Tma jako v podzemí, takže se mimovolně chytila Azazelova pláště, aby neklopýtla.</i>
<i>Воланд положил свою тяжелую, как будто каменную, и в то же время горячую, как огонь, руку на плечо Маргариты, дернул ее к себе и посадил на кровать рядом с собою.</i>	<i>Woland položil kamenně těžkou, zároveň však jako oheň planoucí dlaň na její rameno, strhl Markétu k sobě a posadil na postel vedle sebe.</i>
<i>И кот от обиды так раздулся, что казалось, еще секунда, и он лопнет.</i>	<i>Uražený kocour se nafoukl tak, až se zdálo, že musí každým okamžikem prasknout.</i>
<i>Он умолк и стал поворачивать перед собою свой глобус, сделанный столь искусно, что синие океаны на нем шевелились, а шапка на полюсе лежала, как настоящая, ледяная и снежная.</i>	<i>Umlkl a začal otáčet globusem udělaným tak dokonale, že modré oceány na jeho povrchu se jemně čerily a čepice na pólu ležela taky jako ta skutečná - ledová a zasněžená.</i>
<i>Горячая, как лава, жижа обжигала руки, но Маргарита, не морщась, стараясь не причинять боли, втирала ее в колено.</i>	<i>Břečka horká jako láva páčila do rukou, ale Markéta to na sobě nedala znát a vtírala ji do Wolandova kolene tak, aby mu nepůsobila sebemenší bolest.</i>
<i>Домик, который был размером в горошину, разросся и стал как спичечная коробка.</i>	<i>Domek, původně velký jako zrno hrachu, vypučel do rozměrů krabičky od sirek.</i>
Капитола 22.	
<i>Он уселся на корточки у ног Маргариты и стал натирать ей ступни с таким видом, как будто чистил сапоги на улице.</i>	<i>Přidřepł v nohách křišťálového lože a s rutinou pouličního čističe bot jí masíroval chodidla.</i>
<i>Острая боль, как от иглы, вдруг пронзила правую руку Маргариты, и, стиснув зубы, она положила локоть на тумбу.</i>	<i>Pravičkou jí náhle projela ostrá, bodavá bolest; zařala zuby a loktem se opřela o sloupek.</i>
<i>Какой-то шорох, как бы крыльев по стенам, доносился теперь сзади из залы ...</i>	<i>Ze síně za jejími zády sem dolétal podivný šelest, jako by do stěn bušila křídla...</i>
Капитола 23.	
<i>Оставалось предположить, что сонная и странная личность улетела из дому, как птица, не оставив по себе никакого следа.</i>	<i>Nezbývalo tedy než předpokládat, že to zvláště náměsíčné individuum odletělo z domu jako pták a nenechalo po sobě ani stopy.</i>
<i>Услышав, что шаги стихают, Аннушка, как змея,</i>	<i>Jakmile kroky začaly utíchat, Annuška proklouzla</i>

выскользнула из-за двери, бидон поставила к стенке, пала животом на площадку и стала шарить	dveřmi <u>jako had</u> , bandasku postavila ke zdi, padla na podlahu a polopříčetně kolem sebe zašátrala.
Белогрудый твердыми, как поручни автобуса, и столь же холодными пальцами, ничего более не говоря, сжал Аннушкино горло так, что совершенно прекратил всякий доступ воздуха в ее грудь.	Běloprsý mužik bez dlouhých okolků prsty tvrdými a studenými <u>jako chromované tyče</u> v autobuse stiskl Annuščin krk tak, že nadobro přerušil přísun vzduchu do plic.
Она гладила рукопись ласково, как гладят любимую кошку, и поворачивала ее в руках ...	Láskyplně hladila rukopis, <u>asi jako se hladívá milovaná kočka</u> , obracela ho v rukou
Капитола 24.	
Двенадцать человек осуществляли следствие, собирая, как на спицу, окаянные петли этого сложного дела, разбросавшиеся по всей Москве.	Tady pátralo rovných dvanáct lidí, kteří sbírali <u>jako na pletací jehlici</u> zpropadena oka tohoto složitého případu, puštěná po celé Moskvě.
Кот прицелился и, летая, как маятник, над головами пришедших, открыл по ним стрельбу.	Kocour zamířil a <u>ve výkyvech</u> nad hlavami policistů zahájil palbu.
Капитола 27.	
Горько мне! Горько! Горько! - завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе.	Je mi z toho zle, přímo šeredně!" úpěl Kravinkin <u>jako družba</u> na starosvětské svatbě.
Немедленно исчезла со стола старая скатерть в желтых пятнах, в воздухе, хрустя крахмалом, взметнулась белейшая, как бедуинский бурнус, другая, а Арчибальд Арчибальдович уже шептал тихо, но очень выразительно, склоняясь к самому уху Коровьева ...	Ze stolku okamžitě zmizel špinavý ubrus se zažloutlými skvrnami, do vzduchu vzlétl nový, škrobeně popraskávající a bělostný <u>jako beduinský burnus</u> , a Arčibald Arčibaldovič už tiše, ale velmi srozumitelně šeptal, skloněn přímo ke Kravinkinovu uchu...
Как бы зияющая пасть с черными краями появилась в тенге и стала расползаться во все стороны.	Vzniklá díra s černými okraji vypadala <u>jako zející tlama</u> a neustále se rozrůstala na všechny strany.
Заблаговременно вышедший через боковой ход, никуда не убегая и никуда не спеша, как капитан, который обязан покинуть горящий бриг последним, стоял спокойный Арчибальд Арчибальдович в летнем пальто на шелковой подкладке, с двумя балыковыми бревнами под мышкой.	Arčibald Arčibaldovič, který zavčasu odešel postranním vchodem, nikam neutíkal a nespěchal - <u>jako kapitán, který je povinen opustit hořící brigantinu jako poslední</u> , stál naprosto klidně v letním převlečnicku s hedvábnou podšívkou a se dvěma rybími hřbety v podpaždí.
Капитола 28.	
Глаз Воланда горел так же, как одно из таких окон, хотя Воланд был спиной к закату.	Wolandovo oko planulo naprosto stejně <u>jako jedno z těch oken</u> , přestože mág seděl k západu zády.
Капитола 29.	
Азazelло повернул ее как куклу, лицом к себе и взгляделся в нее.	Azazello ji železnýma rukama převrátil <u>jako panenku</u> tváři k sobě a zahleděl se do ní.
Мастер и Маргарита соскочили с седел и полетели, мелькая, как водяные тени, через клинический сад.	Mistr s Markétkou sklouzli ze sedel a <u>jako</u> mihotavé vodní stíny proběhli nemocniční zahradou.
Капитола 30.	
Ах нет, нет, мессир, - отозвалась Маргарита, сидящая в седле, как амазонка, подбоченившись и свесив до земли острый шлейф, - разрешите ему, пусть он свистнет.	„Ale ne, ne, messire!“ ozvala se ihned Markétka, která s rukama v bok seděla v sedle <u>jako Amazonka</u> a dlouhý závoj jí z koňského hřbetu splýval až na zem, „jen mu to dovolte -, ať klidně zahvízdá.
Капитола 31.	

- **Frazémy** jsou přeloženy velmi vhodně, navíc většina frazémů se slovem „čert“ se nahradila nefrazeologickými ekvivalenty.

<i>Регент как сквозь землю провалился.</i> (Kapitola 4.);	<i>Regenschori jako by se do země propadl.</i>
<i>... откуда ни возьмись ...</i> (Kapitola 5.);	<i>... kde se vzal tu se vzal...</i>
<i>... как сквозь землю провалился.</i> (Kapitola 7.);	<i>... jako by se do země propadl...</i>
<i>Ум финдиректора заходил за разум.</i>	<i>Tohle finančnímu řediteli nešlo na rozum.</i>
<i>... пить горькую чашу ответственности ...</i> (Kapitola 14.);	<i>... vypít hořký pohár vlastní odpovědnosti...</i>
<i>... по гроб жизни ...</i>	<i>... až za hrob...</i>
<i>Под счастливой звездой родился критик Латунский.</i>	<i>Kritik Mosazkin se zkrátka narodil pod šťastnou hvězdou.</i>
<i>... во весь мах Маргарита понеслась вниз ...</i> (Kapitola 21.);	<i>Markéta se tedy horem pádem řítila dolů...</i>
<i>... черт знает что ...;</i>	<i>V tomhle aby se opravdu čert vyznal ...</i>
<i>... бог знает какое ...;</i>	<i>...bůhvíkolik set...</i>
<i>... ко всем чертям ...;</i>	<i>...kamsi ke všem čertům...</i>
<i>... в чем мать родила ...;</i> (Kapitola 27.)	<i>...jak je pámbu stvořil...</i>

Nahrazení nefrazeologickou jednotkou:

<i>... ни к селу ни к городу ...</i> (Kapitola 1.);	<i>...bez zřejmé souvislosti...</i>
<i>... черт знает почему ...</i> (Kapitola 3.);	<i>...kdoviproč...</i>
<i>... черт его знает ...</i> (Kapitola 5.);	<i>...kdoví...</i>
<i>... отбившись от тех, что следовали за ним по пятам ...</i> (Kapitola 9.);	<i>Když s nejvyšším vypětím odrazil skupinku, která ho pronásledovala...</i>
<i>Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица ...</i> (Kapitola 12.);	<i>Kdovíodkud se před vitrinami vynořila zrzka...</i>
<i>... а не молоть черт знает что ...</i> (Kapitola 19.);	<i>.. а не mlít nesmysly...</i>
<i>... черт его знает кто на самом деле</i> (Kapitola 21.);	<i>...nebo co to vlastně byl zač...</i>
<i>... ни свет ни заря ...</i> (Kapitola 24.);	<i>... krátce po půlnoci ...</i>
<i>... черт знает почему ...</i> (Kapitola 27.)	<i>...z neznámých důvodů...</i>

- **Citoslovce** se většinou redukují, v případě zachování se nápadně často používá citoslovce „ach“.

Пříklady odstranění/nahrazení citoslovcí:

<i>Но, <u>увы</u>, и то и другое было непродолжительно.</i>	<i>Jenže jak ten, tak onen pocit jí dlouho nevydržel.</i>
<i>... <u>ах</u>, если бы здесь был Иван Николаевич!</i> (Kapitola 7.);	<i>... Škoda, že tu zrovna nebyl Ivan Nikolajevič!</i>
<i>Нагая ведьма, та самая Гелла, что так смущала почтенного буфетчика Варьете, и, <u>увы</u>, та самая,</i>	<i>Nahá čarodějka, jež tolik popudila ctného bufetáře z Variété - а <u>žel</u> rovněž таž, již během oné slavné</i>

<i>которую, к великому счастью, вспугнул петух ...</i> (Kapitola 22.);	<i>podívané v divadle tak šťastně zaplašil kohout...;</i>
<i>Но, увы, Иванушка совершенно изменился за то время, что прошло с момента гибели Берлиоза.</i> (Kapitola 27.);	<i>Leč třikrát běda - z Ivanušky se za dobu, která uběhla od Berliozovy smrti</i>
<i>Ах, умен был Арчибальд Арчибальдович!</i> (Kapitola 28.);	<i>Protože Arčibald Arčibaldovič byl hlavinka otevřená!</i>
<i>О, нет!</i> (Epilog)	<i>Ale ano!</i>

Пříklady zachování citoslovcí:

<i>Ах, кричали они напрасно ...;</i> <i>О боги, боги мои, яду мне, яду!..</i> (Kapitola 5.);	<i>Ach ano, pokřikovali, ale marně...;</i> <i>Ó bohové, mí bohové, teď tak mít krůpěj jedu...</i>
<i>Ах, как ловко и отчетливо Воланд подчеркнул, повторяя слова самой Маргариты - "одной вещи"!</i> (Kapitola 24.);	<i>Ach, jak obratně a zřetelně Woland zopakoval slova samotné Markétky - „jednu věc“!</i>
<i>О, как торжествовал бы Иван, если бы следователь явился к нему пораньше ...;</i> (Kapitola 27.);	<i>Ach bože, jak by asi Ivan triumfoval, kdyby k němu tenhle vyšetřovatel přišel dřív...;</i>

- **Образная выјádření** překladaatel převádí velmi blízko k originálu, modifikuje jen některé výpovědi:

<i>... тупая игла выскочила из сердца ...;</i> <i>... но в глазах его еще прыгала тревога ...;</i> <i>... ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесцумно чертили черные птицы ...;</i> <i>Подсолнечное масло здесь вот при чем, - вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незванному собеседнику войну ...</i> (Kapitola 1.);	<i>... a pryč je i tupá jehla, uvízlá před okamžikem v srdci ...;</i> <i>...ale v jeho pohledu stále ještě poskakoval děs...;</i> <i>...a snivě se zadíval do nebe, po němž v předtuše večerního chladu nezvučně čárali černí ptáci ...;</i>
<i>... в лицо ему брызнул красный и белый свет ...; Еще раз, и в последний раз, мелькнула луна, но уже разваливаясь на куски, и затем стало темно.</i> (Kapitola 3.);	<i>„S tím slunečnicovým olejem se to má následovně,“ ozval se zničehonic Bezdomovec, který se patrně rozhodl vyhlásit neznámému válku.</i> <i>..mu přímo do očí vytrysklo rudé a bílé světlo...;</i> <i>...ještě jednou, naposledy, se mu před očima mihl měsíc, jenže tentokrát se už rozpadal na kusy, a pak se nadobro setmělo.</i>
<i>... в расстроенный мозг Ивана Николаевича вцепилось одно слово: "Аннушка"...;</i> <i>Иван Николаевич начал плавать в пахнущей нефтью черной воде меж изломанных зигзагов береговых фонарей.</i> <i>Город уже жил вечерней жизнью.</i> (Kapitola 4.); <i>Дело в том, что в этом вчерашнем дне зияла</i>	<i>... v rozvráceném mozku Ivana Nikolajeviče jediné slovo - Annuška...;</i> <i>...plavat v černé vodě páchnoucí naftou, mezi dvěma lomenými řadami nábrežních lamp.</i> <i>Město už žilo večerním životem.</i> <i>Bylo to tím, že ve včerejšku zela obrovitá černá díra.</i>

<u>преогромная черная дыра.</u> (Kapitola 7.);	
<u>Администратор протер глаза и увидел, что над Москвой низко ползет желтобрюхая грозовая туча.</u> (Kapitola 10.);	<i>Provozář si protřel oči a zjistil, že <u>nizoučko nad Moskvou se sune žlutobřiché bouřkové mračno.</u></i>
<u>В небе то и дело вспыхивали нити, небо допалось,</u> комнату больного заливало трепетным пугающим светом.	<i>V nebi se co chvíli <u>zažehovaly ohnivé nitě, nebesa pukala</u> a pacientův pokoj zaplavovalo zneklidňující děšivé světlo.</i>
<u>К тому времени, как появилась издалека пугающая туча с дымящимися краями и накрыла бор и дунул ветер ...;</u>	<i>V okamžiku, kdy se objevil <u>mрак s dýmajícími okraji, který vypadal hrozivě už z dálky, zhroutil se na bor</u> a hned nato zavanul vítr...;</i>
<u>... и он даже не заметил, как радуга растаяла и как загрустило и полиняло небо, как почернел бор.</u> (Kapitola 11.);	<i>... a Ivan ani nepostřehl, jak se <u>mlha rozplynula, nebe posmutnělo a pohaslo a bor zčernal.</u></i>
<u>С галерки плеснуло смешком, а Бенгальский вздрогнул и выпучил глаза.</u>	<i>Z galerie <u>šplíchl dolů tlumený smích, až se z toho Bengalskij celý roztrásl</u> a vytřeštil oči.</i>
<u>Атласная змея фыркнула, Фагот раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал.</u> (Kapitola 12.);	<i><u>Blyštivý had karet jemně sykl, Fagot otevřel ústa jako hladové ptáče</u> a celého hada kousek po kousku spolykal.</i>
<u>В глазах его плавал и метался страх и ярость.</u> (Kapitola 13.);	<i>V jeho očích <u>nepokojně kvasil vztek a hrůza.</u></i>
<u>Милиционер устремлялся к несчастной, буравя воздух свистом ...;</u>	<i>K nešťastnici už <u>spěchal milicionář, roztínající vzduch hvizdem pišťalky...</u>;</i>
<u>Высунулся хоть один кончик в этом запутанном деле.</u>	<i>...<u>odhaloval přece alespoň jeden cípek celé téhle zamotané záležitosti.</u></i>
<u>Колючие глаза Римского через стол врезались в лицо администратора ...;</u>	<i><u>Pichlavé Rinského oči se přes stůl zabodly do Varenuchovy tváře...</u>;</i>
<u>Римского окатило ледяной волной ...</u> (Kapitola 14.);	<i><u>Bylo to jako ledová sprcha...</u>;</i>
<u>Ниточка то и дело рвалась в руках.</u> (Kapitola 17.);	<i><u>Nitka pátrání se co chvíli trhala.</u></i>
<u>Липы и акации разрисовали землю в саду сложным узором пятен.</u>	<i><u>Lípy a akáty pomalovaly trávu v zahradě složitým ornamentem skvrn.</u></i>
<u>Лунный свет лизнул ее с правого бока.</u> (Kapitola 19.)	<i><u>Z pravé strany ji zkropil měsíční svit.</u></i>
<u>Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов, автобусов и легковых машин, а по тротуарам, как казалось сверху Маргарите, плыли реки кепок. От этих рек отделялись ручейки и вливались в огненные пасти ночных магазинов.</u>	<i>Pod ní <u>proplouvaly střechy trolejbusů, autobusů i osobních aut, kdežto po chodnicích - alespoň tak to Markétě připadalo - se valily řeky placatých čepic. Z řek vytékaly malé potůčky</u> a mizely v <u>ohnivých tlamách večerních obchodů.</u></i>
<u>По прошествии нескольких секунд далеко внизу, в земной черноте, вспыхнуло новое озеро электрического света и подвалилось под ноги летящей, но тут же завертелось винтом и провалилось в землю. Душенька! - будя своими воплями заснувший сосновый лес, отвечала Наташа, - королева моя французская, ведь я и ему</u>	<i>Po několika dalších vteřinách <u>hluboko dole v zemské černi vzplanula další hladina elektrického světla, hned nato se ocitla pod jejíma nohama, ale vzápětí se spirálovitě propadla do země. „Dušinko moje!“ budila Nataša svými skřeky borový les. „Královno moje francouzská, dyť já namazala i jemu pleš, i jemu!“</u></i>

<p>намазала лысину, и ему! (Kapitola 21.);</p> <p><u>Бал упал на нее сразу в виде света, вместе с ним - звука и запаха.</u></p> <p><u>С последним ударом неизвестно откуда слышавшихся часов молчание упало на толпы гостей.</u> (Kapitola 23.);</p>	<p><u>Bál se na ni zřítíl ze všech stran naráz - všemi světlý, hlasy, třesky a vůněmi.</u></p> <p><u>S posledním úderem neznámo odkud zaznívajícího zvonu se na davy hostí sneslo naprosté ticho.</u></p>
<p><u>Слышно было, как во двореке в ветвях ветлы и липы вели веселый, возбужденный утренний разговор воробьи.</u> (Kapitola 27.);</p>	<p><u>Bylo slyšet, jak ve větvích vrby a lípy na dvorku vedli veselý a čiperný ranní dialog vrabčáci.</u></p>
<p><u>Воланд, Коровьев и Бегемот сидели на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни девичьего монастыря.</u></p> <p><u>Воланд указал рукою в черной перчатке с раструбом туда, где бесчисленные солнца плавили стекло за рекою, где над этими солнцами стоял туман, дым, пар раскаленного за день города.</u> (Kapitola 31.);</p>	<p><u>Woland, Kravinkin a Kocomour seděli v sedlech černých koní a zírali na obří shluk budov za řekou, osvětlovaný tisíci slunečních záblesků v oknech obrácených k západu i na báních perníkově bílých věží Novoděvičího kláštera.</u></p> <p><u>Woland pokynul rukou navlečenou v černé rukavici se širokou manžetou směrem za řeku, kde tavila okenní sklo nesčíslná slunce, nad nimiž se vznášel dým a mlžný opar města, rozpáleného horkým dnem.</u></p>
<p><u>Ночь начала закрывать черным платком леса и дуга, ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, чужие огоньки.</u></p> <p><u>Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в загрузившем небе белые пятнышки звезд.</u></p> <p><u>Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек.</u> (Kapitola 32.);</p>	<p><u>Noc počala halit lesy i louky černým šálem, noc kdesi hluboko pod nimi rozsvěcela smutná světélka, cizí světélka, která už pro Markétku i pro Mistra byla nepotřebná a nezajímavá.</u></p> <p><u>Noc kavalkádu předháněla, padala na ni shůry a tu i onde rozhazovala po zasmušilém nebi bílé skvrnky hvězd.</u></p> <p><u>Smutné lesy zmizely v tmách a odnesly s sebou i matné čepele řek.</u></p>
<p><u>Тогда лунный путь вскипает, из него начинается хлестать лунная река и разливается во все стороны.</u></p> <p><u>Луна властвует и играет, луна танцует и шалит.</u> (Epilog)</p>	<p><u>V tu chvíli stříbřitá cesta zabublá, začne z ní tryskat měsíční reka a rozlévá se do všech stran.</u></p> <p><u>Měsíc kraluje a hraje si, měsíc tančí a dovádí.</u></p>

V syntaktickém plánu překladu se odráží všechny relevantní rysy originálu. Elipsy, neúplné a modální věty překladatel zdařile převedl češtinou. Příznakový slovosled L. Dvořák dodržuje i v překladu, aniž by docházelo k výraznější mezijazykové interferenci.

Пříklady redukce nepravidelností slovosledu:

<i>Первый был не кто иной, как Михаил Александрович</i>	<i>Prvně popsany nebyl nikdo jiný než Michail</i>
---	---

<i>Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его - поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный.</i>	<i>Alexandrovič Berlioz, šéfredaktor tlustého literárního časopisu a předseda výboru jedné z největších moskevských literárních asociací, zvané zkráceně Všelidolit, kdežto mladík, který mu dělal společnost, byl básník Ivan Nikolajevič Ponyrjov, tvořící pod pseudonymem Bezdomovec.</i>
Капитола 1.	
<i>Красавица, улыбнувшись, сверкнула зубами, и мохнатые ее ресницы дрогнули.</i>	<i>Krasavice vrhla do publika oslnivý úsměv a její husté řasy se drobně zachvěly.</i>
Капитола 15.	
<i>Оборван он, не разберешь, во что он одет.</i>	<i>Je celý otrhaný, takže není jasné, co má na sobě.</i>
Капитола 19.	

Пříklady zachování nepravidelností slovosledu:

<i>В громадной, до крайности запущенной передней, слабо освещенной малюсенькой угольной лампочкой под высоким, черным от грязи потолком, на стене висел велосипед без шин, стоял громадный ларь, обитый железом, а на полке над вешалкой лежала зимняя шапка, и длинные ее уши свешивались вниз.</i>	<i>V obrovské, neuvěřitelně zanedbané předsíni, již z kouta vysoko pod hnusně špinavým stropem z posledních sil osvětlovala maličká slabá žárovka, viselo na stěně kolo bez pneumatik, stála tu obrovská kovaná truhla a na polici pod věšákem ležela kožehřbinová ušanka, jejíž dlouhé klapky splyvaly volně dolů.</i>
Капитола 4.	
<i>За квартирным вопросом открывался роскошный плакат, на котором изображена была скала, а по гребню ее ехал всадник в бурке и с винтовкой за плечами.</i>	<i>Za bytovou politikou se zraku návštěvníka otevřel pohled na luxusní plakát, na němž byla vyvedena skála, po které ujížděl jezdec v kavkazském plášti zvaném burka a s puškou na rameni.</i>
<i>И было в полночь видение в аду.</i>	<i>O půlnoci se v pekle zjevila vidina.</i>
Капитола 5.	
<i>Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица в вечернем черном туалете, всем хорошая девица, кабы не портил ее причудливый шрам на шее, заулыбалась у витрин хозяйской улыбкой.</i>	<i>Kdovíodkud se před vitrinami vynořila zrzka v černé večerní toaletě (a byla by to moc krásná zrzka, kdyby ji nehyzdila křivolaká jizva na šíji), která k publiku vyslala samozřejmý úsměv majitelky salonu.</i>
Капитола 12.	
<i>Сев на каминную полку рядом с часами, птица оказалась совой.</i>	<i>Když se posadil na krbovou římsu hned vedle hodin, ukázalo se, že je to sova.</i>
Капитола 18.	
<i>Взор ее притягивала постель, на которой сидел тот, кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших прудах убеждал в том, что дьявола не существует.</i>	<i>Její pohled však nejvíc upoutávala postel a na ní ten, jehož ještě docela nedávno nešťastník Ivan u Patriarchových rybníků přesvědčoval, že ďábel neexistuje</i>
Капитола 22.	
<i>Маргарита смутно видела что-нибудь.</i>	<i>Markéta dění kolem sebe vnímala jen matně.</i>
Капитола 23.	
<i>Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как</i>	<i>Takto k Mistrovi hovořila Markétka, když spolu kráčeli ke svému věčnému domovu. Mistrovi připadalo, že její slova zurčí, stejně jako zurčel</i>

<i>струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать.</i>	<i>potůček, který nechali za zády, a jeho paměť, nepokojná, nesčetnými injekčními jehlami proklátá paměť pomalu hasla.</i>
Kapitola 32.	

- **Opakování** se v překladu dílem zachovávají, dílem redukují, ale na řečové pásmo vypravěče jako celek to žádný větší vliv nemá.

Příklady odstranění/nahrazení opakování:

<i>Говорили, говорили мистики, что было время, когда красавец не носил фрака ...</i>	<i>Mystici říkali, že svého času krasavec nechodil ve fraku...</i>
<i>Да, погиб, погиб...</i>	<i>Ano, on opravdu zemřel.</i>
Капитола 5.	
<i>Помещенье было старинное, но очень, очень уютное.</i>	<i>Profesorova pracovnička byla starodávná, ale neuvěřitelně útulná.</i>
Капитола 18.	

Příklady zachování opakování:

<i>О боги, боги мои, яду мне, яду!..</i>	<i>Ó bohové, mí bohové, teď tak mít krůpěj jedu...</i>
Капитола 5.	
<i>Но все-таки то, что рассказывал администратор про него, даже и для Степы было <u>чересчур</u>. Да, <u>чересчур</u>. Даже очень <u>чересчур</u>...</i>	<i>Jenže to, co teď finálnímu řediteli líčil Varenucha, bylo i na Stopy poměry <u>příliš</u>. Ano, <u>příliš</u>. Možná dokonce víc než <u>příliš</u>...</i>
Капитола 14.	

- **Вýčты a kumulace** jsou zdařile převedeny do češtiny, rozsáhlá souvětí však překladatel většinou neparceluje. Uveďme zde alespoň jeden příklad.

<i>Заплясал Глухарев с поэтессой Тамарой Полумесяц, заплясал Квант, заплясал Жуков-романист с какой-то киноактрисой в желтом платье. Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман Джоржем, плясала красавица архитектор Семейкина-Галл, крепко схваченная неизвестным в белых рогожных брюках. Плясали свои и приглашенные гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта, какой-то Витя Куфтик из Ростова, кажется, режиссер, с лиловым лишаем во всю щеку, плясали виднейшие представители поэтического подразделения МАССОЛИТа, то есть</i>	<i>Roztančil se Hlucharev s básničkou Tamarou Pololunovou, roztančil se Kvant, roztančil se romanopisec Zukopov s jakousi filmovou herečkou ve žlutých šatech. Tančil také Dragunskij, Půdičkadze, drobný Děnskin s gigantickou Kormidelnikem Žoržem i svůdná architektka Rodinkinová-Hallová, již v náručí pevně svíral neznámý muž v hrubých bílých kalhotách. Tančili štampasti i pozvaní hosté, Moskvané i přespolní, třeba spisovatel Johann z Kronštadt, pak nějaký Viťa Kufdik z Rostova, snad režisér či co, s nafialovělým lišejem přes celou tvář, tančili všichni nejvýznamnější členové poetické sekce Všelidolitu, tedy Paviánov, Bohofujskij, Sladkov,</i>
---	--

<p>Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Буздяк, плясали неизвестной профессии молодые люди в стрижке боксом, с побитыми ватой плечами, плясал какой-то очень пожилой с бородой, в которой застряло перышко зеленого лука, плясала с ним пожилая, доедаемая малокровием девушка в оранжевом шелковом измятом платье.</p>	<p>Spičkin i Adelfína Mejdanová, plesali tu mladí muži nejasné profese, ostříhaní na ježka a oblečení v sakách s vycpávkami, plesal tu i jakýsi velmi důstojný kmet s plnovousem, v němž uvízla snítka zelené cibulky, a s ním tančila neduživá, chudokrevností pronásledovaná dívenka v potačkaných hedvábných oranžových šatečkách.</p>
<p>Kapitola 5.</p>	

Shrnutí

V překladu zkoumaného jazykového pásma se zachovávají specifika celého spektra výrazů příznačných pro mluvu vypravěče. Nedochází k neutralizaci ani hovorových a nespisovných výrazů, ani výrazů knižních a archaických. Dobové výrazy překladatel nahrazuje modernějšími ekvivalenty v těch případech, kde by byly pro současné české čtenáře nesrozumitelné. Zdrobněliny jsou zachovány pouze se zřetelem ke kontextu. Citoslovce překladatel redukuje, ale nadměrně často používá pro češtinu netypické „ach“.

Četná obrazná vyjádření, přirovnání a frazémy L. Dvořák překládá velmi vhodně, jejich význam se zachovává, ale forma se přizpůsobuje češtině.

K významovým posunům v překladu téměř nedochází, zaznamenali jsme jen několik případů ne zcela správné interpretace výrazů, např.:

<p>А еще через час неизвестный гражданин явился в квартиру номер одиннадцать, как раз в то время, когда Тимофей Кондратьевич рассказывал другим жильцам, захлебываясь от удовольствия, о том, как <u>замели</u> председателя, пальцем выманил из кухни Тимофея Кондратьевича в переднюю, что-то ему сказал и вместе с ним пропал. (Argot)</p>	<p>O další hodinu později se právě v okamžiku, kdy Timofej Kondratjevič zalykaje se blahem ostatním nájemníkům líčil, jak <u>s předsedou zameti</u>, v bytě č. 11 zjevil neznámý muž, kývl na Kvascova prstem, aby šel do předsíně, cosi mu řekl a poté oba dva beze stopy zmizeli. Významový posun: v ruštině slovo „замели“ je argotickým synonymem neutrálního „арестовали“, tedy „zatkli“.</p>
<p>Kapitola 9.</p>	
<p>За странно одетой дамочкой следовала совершенно голая дамочка с чемоданчиком в руке, а возле чемоданчика <u>мыкался</u> черный громадный кот.</p>	<p>Za podivně vymóděnou paničkou následovala naprosto nahá ženština s kufříkem v ruce, a vedle toho kufříku se <u>trhaně sunul</u> obrovský černý kocour. Významový posun, v češtině výraz navíc v češtině působí nepřírozně, šroubovaně</p>
<p>Kapitola 24.</p>	

Všechny příznakové syntaktické jevy jsou vhodně převedeny do češtiny. Zdařilý překlad rozsáhlých výřků typických pro dané jazykové pásmo zaručuje odpovídající zprostředkování dynamiky vyprávění.

Hodnotíme překlad tohoto jazykového pásma jako mimořádně zdařilý. Typické rysy originálu zůstávají zcela zachovány. Překladatel se téměř nedopouští kalkování a ani sémantických odchylek ve výkladu. Výsledný text je velmi poutavý a nepůsobí „překladovým“ dojmem.

Výsledky analýzy

Jazyková analýza řečových pásem vybraných postav ukázala, že L. Dvořák pouze málokdy volí cestu doslovného překladu a především se snaží přizpůsobit překládaný text češtině. Uvedená metoda se velmi pozitivně odráží na kvalitě překladu: jednak téměř nedochází ke kalkování jednotlivých slov a konstrukcí, jednak překlad nepůsobí odvozeně.

Součástí překladatelské metody je zřejmě i modernizace jazyku originálu a zároveň posílení jeho expresivity. U některých jazykových pásem autor překladu dodržuje hlavní rysy originálu, a proto vnášení hovorovosti a znásobení expresivity jazykových prostředků se tolik neodráží na výsledném textu. Máme na mysli především jazykové pásmo Mistra a vypravěče. Poněkud problematičtější je výskyt zmíněných výrazů v řečovém pásmu Piláta Pontského. Jako chybný tento postup hodnotíme v rámci jazykového pásma Wolandova, kde dochází k zesílení hovorovosti zároveň s neutralizací knižních a archaických prostředků. Wolandův projev tak nabývá zcela jiného vyznění než v originálu románu.

V jazykových pásmech Kravinkina a Ivana Bezdomovce překladatel široce uplatňuje možnosti obecné češtiny. Tento postup je velmi diskutabilní, protože obecněčeské prostředky nemusí být přijatelné pro všechny česky mluvící čtenáře. Subjektivně hodnotíme využití obecné češtiny jako přípustné řešení, protože dle našeho názoru je nejvhodnějším nástrojem k převedení rysů nedbalého projevu do češtiny.

K přednostem překladu Libora Dvořáka řadíme velmi kreativní přeložení přirovnání a obrazných vyjádření, která mají významnou úlohu především v pásmu Mistra a vypravěče. Frazémy jsou v celém textu přeloženy velmi vhodně, výrazy obsahující slovo „čert“ překladatel většinou nahradil nefrazeologickými ekvivalenty.

Jisté nedostatky spatřujeme v překladu citoslovcí, zejm. příliš časté užívání citoslovce „ach“ v překladu mluvy vypravěče a Mistra a citoslovce „inu“ v mluvě Wolandově.

Syntaktický plán překladu je přeložen zcela vyhovujícím způsobem. L. Dvořákovi se místy podařilo dokonce zachovat nepravidelný slovosled příznačný pro několik zkoumaných

postav. Ke kalkování ruských konstrukcí dochází velmi málokdy. Ocenili jsme rovněž do češtiny vhodné převedení rozsáhlých výřků, které autor začlenil do komentářů vypravěče.

Překladařem zvolenou cestu volnějšího překladu subjektivně hodnotíme jako vhodnější než metodu doslovného překladu, protože umožňuje zprostředkování nejen syžetu románu jako takového, ale i velmi přirozené převedení jazykových zvláštností originálu do překladu.

2.4 Srovnání překladů

Překladařelé románu *Mistr a Markétka* volí zcela odlišné metody překládání, což se odráží na kvalitách výsledných textů. Alena Morávková usiluje o téměř doslovný překlad, Libor Dvořák se snaží spíše o přirozené převedení předlohy do češtiny. V důsledku toho se v překladu A. Morávkové setkáváme s četnými rusismy a kalkováním ruských syntaktických konstrukcí. V překladu L. Dvořáka jsou zmíněné nežádoucí jevy podstatně méně frekventované.

Všeobecně platnou tendencí překladu A. Morávkové je neutralizace hovorových, nespisovných a expresivních prostředků. S tím souvisí celá řada posunů jak na lexikální, tak i syntaktické rovině textu. Neutralizaci jako součást individuální interpretace postav připouštíme u postavy Mistra a vypravěče, ale hodnotíme jako chybu v jazykovém pásmu Ivana Bezdomného a Korovjeva. Jazykový projev těchto postav se vyznačuje vysokou mírou expresivity a její neutralizace vede ke ztrátě identity postav.

Libor Dvořák se v rozporu se svou předchůdkyní snaží o modernizaci jazyka originálu a vystupňování jeho expresivity. Nespisovné a příliš moderní výrazy nejsou na místě v jazykovém pásmu Piláta Pontského, ale jejich frekvence je nízká. Přexponování hovorovosti zároveň s neutralizací knižních a archaických prostředků v d'áblově projevu rovněž vede k deformaci postavy a zásahu do sémantiky díla.

Individuální překladařský postup se projevuje i při překladu jmen jednotlivých postav (viz Příloha na CD). Kámenem úrazu v rámci našeho rozboru byl překlad jména mladého básníka, následně Mistrova žáka Ивана Николаевича Поньрева (Бездомного). V překladu A. Morávkové tato postava vystupuje pod jménem Ivan Nikolajevič Potápka (Bezprizorný), v novém překladu Ivan Nikolajevič Ponyrjov (Bezdomovec). Překlad A. Morávkové v tomto případě je mnohem vhodnější: přizpůsobuje běžné ruské jméno českému prostředí a respektuje jazyk doby, ve které probíhá děj románu.

V některých jazykových pásmech L. Dvořák uplatňuje větší množství obecněčeských prostředků. To, že tento postup není akceptovatelný pro všechny česky mluvící čtenáře, dokazuje

mj. příspěvek citovaný již v oddíle 2.1 ve fóru <http://www.iliteratura.cz>: „/.../ přenosem do "pražského žargonu" taky dílu neprospěl /.../“. V porovnání s překladem A. Morávkové, překlad jazykových pásem Коробьева a Ивана Бездомного v podání L. Dvořáka působí mnohem přirozeněji a zachovává typické vlastnosti originálu.

Jako další výhodu překladu L. Dvořáka hodnotíme velmi obratné převedení obrazných vyjádření a přirovnání. V překladu A. Morávkové jsou často přeloženy doslova a v kontextu působí poněkud rušivě.

Frazémy se slovem „čert“ L. Dvořák většinou nahrazuje nefrazeologickými výrazy, kdežto překladatelka je spíše překládá doslova. Citoslovce jsou v Dvořákově překladu zdařile nahrazovány částicemi. V obou překladech se však příliš často objevuje pro češtinu nepřilíš typické citoslovce „ach“.

V syntaktickém plánu obou překladů nedochází k tak závažným posunům jako na rovině lexikální. Ve starším překladu se však příliš často setkáváme s přenášením ruské větné stavby do češtiny, čímž vznikají poněkud „šroubované“ a rozvleklé věty.

Až na několik výše vyjmenovaných výjimek povaha zkoumaných postav v obou překladech zůstává zachována. Domníváme se, že na rozdíl od prvního překladu, nový překlad *Mistra a Markétky* ve větší míře respektuje individuální způsob vyjadřování každé postavy a zachovává kontrast mezi mluvou jednotlivých postav.

Která překladatelská metoda je tedy vhodnější? V této věci souhlasíme s úvahou autora studie *Literární překlad a komunikace* M. Hrdličkou (2003, 12): „Zaměření cílového textu na receptora je objektivně nutné, v přeloženém díle dochází nevyhnutelně k řadě posunů. Překročí-li však posuny jistou mez, dochází k adaptaci předlohy, nejedná se již o adekvátní umělecký překlad. Překladatel by měl usilovat o optimální sladění zřetele k originálu i ke čtenáři. Mistrovství překladatele spočívá mimo jiné právě v umění najít vhodný kompromis.“ Na základě předchozí analýzy usuzujeme, že se k popisovanému kompromisu, i přes některé své nedostatky, přibližuje spíše nový překlad románu pořízený L. Dvořákem.

Závěr

V předložené práci jsme podrobili důkladné lingvostylistické analýze dva české překlady románu *Mistr a Markétka* (překlad A. Morávkové z r. 1969 a překlad L. Dvořáka z r. 2005). Na

základě výsledků rozboru jednotlivých vlastností lexikálního a syntaktického plánu jsme podali hodnocení obou překladů.

Při práci s materiálem výzkumu jsme užívali metod korpusové lingvistiky. Text originálu a dvou překladů jsme převedli do elektronické podoby a pomocí programu HunAlign jsme vytvořili paralelní korpus, který jsme následně zarovnali po odstavcích.

V první fázi jsme analyzovali originál románu na rovině jazykových pásem následujících postav:

- Воланд (v č. překladech: Woland – A. Morávková, L. Dvořák);
- Коровьев/Фагот (v č. překladech: Korovjev/Fagot – A. Morávková, Kravinkin/Fagot – L. Dvořák);
- Понтий Пилат (v č. překladech: Pilát Pontský – A. Morávková, L. Dvořák);
- Мастер (v č. překladech: Mistr – A. Morávková, L. Dvořák);
- Иван Николаевич Поньрев/Бездомный (v č. překladech: Ivan Nikolajevič Potápka/Bezprizorný – A. Morávková, Ivan Nikolajevič Ponyrjov/Bezdomovec - L. Dvořák);
- Vypravěč.

Pozornost jsme soustředili především na frekvenci hovorových a nespisovných (просторечных) výrazů, vulgarizmů, výrazů knižních, zastaralých, archaismů a historismů, zdvořnělin, citoslovcí, frazémů, obrazných vyjádření a přirovnání. V syntaktické rovině jsme sledovali výskyt modálních a neúplných vět, elips, vět s příznakovým slovosledem, opakování a výčtů. Na podkladě získaných dat jsme vytvořili obraz způsobu vyjadřování každé ze zkoumaných postav.

V následující fázi jsme srovnávali český překlad s originálem z hlediska dodržení vlastností relevantních pro každé jazykové pásmo. Potom jsme definovali individuální přístup překladatelů a navrhli své vlastní hodnocení kvality překladu.

Dospěli jsme k názoru, že překladatelská metoda A. Morávkové spočívá v překladu co nejbližším originálu, který zároveň tíhne k neutralizaci expresivity jazykových prostředků. V důsledku toho překlad obsahuje větší množství chybných interpretací a významových posunů. L. Dvořák se vyhýbá doslovnému překladu, usiluje o přizpůsobení textu češtině. Počet významových odchylek je v jeho překladu nesrovnatelně nižší. Všeobecnou tendencí jeho překladu je však modernizace a expresivizace mluvy jednotlivých postav, a tak dochází k vnesení nevhodných příznakových prostředků do některých jazykových pásem.

Oba překlady více či méně zachovávají kvality jednotlivých postav, ale novější překlad románu dle našeho názoru respektuje individuální způsob vyjadřování každé postavy

poněkud více než překlad starší. Domníváme se, že i přes několik problematických řešení, překlad L. Dvořáka ve větší míře realizuje potenciál originálu románu, a proto ho můžeme českým čtenářům doporučit.

SEZNAM POUŽITÝCH ZDROJŮ

Bulgakov, M. *Mastěj i Margarita: Roman. Rasskazy*. Moskva: Eksmo-press, 2000. 672 s. Russkaja klasika. XX věk. ISBN 5-04-001952-1.

Bulgakov, M. *Mistr a Markétka: Mastěr i Margarita*. Přeložil Libor Dvořák. Praha: Euromedia Group k. s., 2005. 400 s. ISBN 80-86938-08-05. Edice deníku Lidové noviny.

Červenka, M. *Styl a význam*. Studie o básnicích. Praha: Československý spisovatel, 1991. 274 s. ISBN 80-202-0267-6.

Čudakova, M. O. *Žizneopisanije Michaila Bulgakova*. Moskva: Kniga, 1988. 492 s. Pisateli o pisateljach.

Doležel, L. *Narativní způsoby v české literatuře*. Praha: Český spisovatel, 1993. 144 s. ISBN 80-202-0418-0.

Galinskaja, I. L. *Zagadki izvestnych knig*. Moskva: Nauka, 1986. 124 s. Iz istorii mirovoj kul'tury.

Gasparov, B. M. Iz nabljudenij nad motivnoj strukturoj romana M. A. Bulgakova Mastěr i Margarita. In *Literaturnyje lejtmotivy: očerki ruskaj literatury XX veka*. Moskva: Nauka, 1994. 304 s.

Hrdlička, M. *Literární překlad a komunikace*. Praha: ISV, 2003. 149 s. ISBN 80-86642-13-5.

Chimič, V. V. „Strannyj realizm“ M. Bulgakova. Jekaterinburg: Ural'skij universitět, 1995. 233 s. ISBN 5-7525-0514-3.

Janovskaja, L. M. *Tvorčeskij put' Michaila Bulgakova*. Moskva: Sovětskij pisatel', 1983. 317 s.

Kazarkin, A. P. *Istolkovanije literaturnogo proizvedenija. Vokrug „Mastěra i Margarity“ M. Bulgakova*. Kemerovo: KGU, 1988. 82 s.

Kreps, M. *Bulgakov i Pasternak kak romanisty*. Ann Arbor: Ermitaž, 1984. 136 s.

Lakšin V. J. Roman M. Bulgakova Mastěr i Margarita. In *Novyj mir*. 1968, č. 6., s. 284-311.

Lakšin, V. J. *Bulgakiada*. Kyjev: Radjanska Ukrajina, 1991. 63 s.

Makarovskaja, G.; Žuk, A. O romaně M. Bulgakova „Mastěr i Margarita“. In *Volga*, 1968, č. 6, s. 161-180.

Metčenko, A. Sovremennoje i večnoje. In:

Estetika segodnja. Aktual'nyje problemy. Ed.. Astachov, I. B. Díl. 2. Moskva: Iskusstvo, 1971. 392 s.

Milulášek, M. Myšlenkové a tvaroslovné enigma románu M. Bulgakova *Mistr a Markétka*. In *Sbornik prací filozofické fakulty brněnské univerzity. D 40, Řada literárněvědná*. Brno. Roč. 42, 1993, s. 69-81.

Mjagkov, B. S. *Bulgakovskaja Moskva*. Moskva: Moskovskij rabočij, 1993. 222 s. ISBN 5-239-01439-6.

Morávková A. *Křížová cesta Michaila Bulgakova*. Praha - Litomyšl: Paseka, 1996. 181 s. ISBN 80-7185-051-9.

Němcev V. I. *Michail Bulgakov: Stanovlenije romanista*. Samara: Samarskij universitet, 1991. 162 s. ISBN 5-292-01165-7.

Novikov, V. V. *Michail Bulgakov – chudožnik*. Moskva: Moskovskij rabočij, 1996. 357 s. ISBN 5-239-01741-7.

Pjetělin, V. V. *Michail Bulgakov. Žizň. Ličnosť. Tvorčestvo*. Moskva: Moskovskij rabočij, 1989. 493 s. ISBN 5-239-00644-X.

Popovič, A. Poznávanie originálu ako východisko prekladateľského procesu. In: AUC, *Slavica Pragensia XXIII*, Praha, 1983, s. 37-41.

Simonov, K. O trjoch romanah Michaila Bulgakova. In: Bulgakov, M. *Romany*. Moskva: Sovremennik, 1987. 748 s.

Skorino L. T. Lica bez karnavalnych masok. Otvět opponentu. In *Voprosy literatury*, Moskva, 1968. č. 6. s. 25-42, 76-81

Sokolov, B. V. *Roman M. Bulgakova „Master i Margarita“*. Očerki tvorčeskoj istorii. Moskva: Nauka, 1991. 173 s.

Vachitova, T. M. Problema vlasti v romaně „Mastěr i Margarita“. In *Tvorčestvo Michaila Bulgakova. Issledovanija. Materialy. Bibliografija*. Kn. 2. Eds. Groznova, N. A.; Pavlovskij, A. I. Leningrad: Nauka, 1991. 445 s.

Vilikovský J. *Překlad jako tvorba*. Přeložil Emil Charous. Praha: Ivo Železný, 2002. 246 s. ISBN 80-237-3670-1.

Vulis, A. Z. *Litěraturnyje zerkala*. Moskvy: Sovětskij pisatel', 1991. 478 s. ISBN 5-265-01496-9.

Vulis, A. Z. *Roman M. Bulgakova Mastěr i Margarita*. Moskva: Chudožestvennaja litěratūra, 1991. 224 s. ISBN 5-280-01453-2:1.

Slovníky a encyklopedie

Slovar' sovremennogo ruskogo literaturnogo jazyka. Vyd. Moskva: Akademija nauk SSSR Institut Jazykoznanija, 1954

Malý slovník rusko-českých literárních vztahů: osobnosti ruské literatury v českém kontextu. Ed. Zahrádka, M. aj. Praha: Lidové nakladatelství, 1986. 161 s.

Ožegov, S. I. *Slovar ruskogo jazyka*. Ed. Švedova, N. J. 12. vyd. Moskva: Russkij jazyk, 1978. 846 s.

Slovar ruskogo jazyka. 4 díly. Ed. Jevgenjeva, A. P. 2. vyd. Moskva: Russkij jazyk, 1981-1984.

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. S Dodatkem Ministerstva školství, mládeže a tělovýchovy České republiky. Eds. Filipец, J.; Daneš, F. aj. Praha: Academia, 2006. 648 s. ISBN 80-200-1446-2.

Slovník spisovného jazyka českého. Ed. Havránek, B. 2., nezměněné vyd. Praha: Academia, 1989. sv. I-VIII.

Internetové zdroje

Bulgakov, M. *Mistr a Markétka: Mastěr i Margarita*. Přeložila Alena Morávková. [online]. Praha: Atheneum [cit. 2005]. Dostupná z WWW: <<http://atheneum.zde.cz>>.

Bulgakov, Michail: Mistr a Markétka, ukázka z nového překladu I.; II. Fórum. [online]. Praha, Občanské sdružení pro iliteraturu. [cit. 2007]. Dostupný z WWW:

<<http://www.iliteratura.cz/clanek.asp?polozkaID=16755>>; <<http://www.iliteratura.cz/clanek.asp?polozkaID=16757>>

Databáze českého uměleckého překladu po roce 1945. Ruská jazyková oblast. Překlady. [online]. Praha: Obec překladatelů. [cit. 2007]. Dostupný z WWW: <<http://www.obecprekladatelu.cz/ZZPREKLADY/totalrustina.htm>>.

Libor Dvořák: I sedmnáctý Havran má smysl. Titulní rozhovor. [online]. Týdeník rozhlas, č. 19, 2.5.2005. [cit. 2007]. Dostupný z WWW: <http://www.radioservis-as.cz/archiv05/1905/19_titul.htm>

Sokolov, B. *Bulgakovskja encyklopědija.* [online]. Moskva: FutureSite. [cit. 2007]. Dostupná z WWW: <www.bulgakov.ru >.

Resumé

Předkládaná diplomová práce je zaměřena na vyhodnocení kvality českých překladů románu Michaila Bulgakova *Mistr a Markétka*. Základní materiál analýzy je upraven do podoby paralelního korpusu zarovnaného po odstavcích. Práce podává základní představu o románu, charakterizuje román z jazykového hlediska na rovině řečových pásem šesti vybraných postav a poskytuje detailní srovnání překladů s předlohou. V závěru nabízí hodnocení překladů a individuálního přístupu překladatelů.

Summary

This diploma thesis concentrates on the evaluation of the quality of Czech translations of the novel *The Master and Margarita* by Mikhail Bulgakov. The basic material for the analysis has been transformed into the form of parallel corpus and aligned by paragraphs. The diploma thesis presents basic concept of the novel, from the language point of view characterizes the novel on the basis of speech area levels of six selected figures and provides detailed comparison of the translations with the original. In conclusion the thesis offers the evaluation of the quality of the translations and their authors' individual approach.